Къ № 9 Москов. Телегр. 1833.

Пис. А. Дюпоръ. Гр. Афанасьевъ.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть пятьдесятъ первая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.
1833.

Digitized by Google

Ст 9801/51а ... №9-12

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюня 27 дня, 1833 года.

Цензоръ, Заслуженный Профессоръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.

Digitized by Google

№ IX. МАЙ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ДРЕВНѢЙШАЯ

Великокняжеская гробница въ Кремлѣ Московскомъ.

(Посвящено Его Превосходительству Алексѣю Ѳедоровичу Малиновскому, глубоко уважаемому Сочинителемъ Археографу Русскому).

Одинъ изъ священныхъ памятниковъ древности, въ Московскомъ Кремлѣ, составляютъ гробницы Царей и Великихъ Князей, находящіяся въ Архангельскомъ соборѣ. Если каждое простое кладбище — *нива Божія*, засѣваемая костями и прахомъ человѣка — возбуждаетъ въ душѣ посѣтителя, живущаго сердцемъ и мыслящаго, чувство невольнаго благоговѣнія, заставляетъ его погружаться въ думу, то какъ сильны подобныя думы и чувства на *царственномъ кладбищѣ* Кремлевскомъ! Какъ глубо-

Digitized by Google

ко поражаетъ притомъ душу самое сближеніе сего кладбища съ шѣмъ древнимъ храмомъ, гдѣ Цари и Князья Русскіе, гробницы коихъ простираются передъ нами въ обширномъ пространеніи, были возводимы на царство, среди блеска и великолѣпія, среди кликовъ народныхъ, среди надеждъ на счастіе и славу! Посмотрите еще: вотъ и древніе терема и дворцы, гдѣ они обитали, являлись своимъ подданнымъ, торжествовали побѣды, *судили судъ и правду*, принимали пословъ отъ чужеземныхъ владыкъ и народовъ. Ряды гробницъ Архангельскаго собора — эта развитая передъ взорами лѣтопись вѣковъ—краснорѣчиво, хотя и безъ словъ, говорятъ воображенію, и заставляютъ его оживлять передъ наблюдателемъ все, что въ теченіе *шести столѣтій* пролетѣло надъ Россіею, надъ Москвою, надъ сими гробами. Какой рядъ воспоминаній, отъ Іоанна Калиты до Петра II-го, отъ бѣднаго начала Московскаго Княжества до величія Россійской Имперіи! Какіе поучительные уроки, какія великія событія! Здѣсь вся Русская Исторія съ XIV-го столѣтія. Вотъ *Калита* и *восемь* поколѣній отъ него происшедшихъ; вотъ *Царь Михаилъ*, и *четыре* его поколѣнія! Сколько страстей умолкнувшихъ, сколько дѣлъ, свѣтлыхъ и темныхъ, покрыто здѣсь прахомъ и забвеніемъ! Видите-ли: вотъ, на помостѣ храма, по одну

Digitized by Google

сторону *Василій Темный*, по другую бѣдная жертва его безчеловѣчной политики — *Василій Боровскій* (*): оба рядомъ передъ судомъ Божественнымъ, рядомъ и передъ судомъ человѣческимъ! Здѣсь *Димитрій Донской*, и подлѣ него *Владиміръ Храбрый* — первые изъ Князей

(*) Василій, сынъ Ярослава, внукъ Владиміра Храбраго; ему досталось по смерти отца и дядей все наслѣдство дѣда; Василій Васильевичъ Темный женился на сестрѣ его, Маріи, и во всѣхъ несчастіяхъ и бѣдствіяхъ шуринъ оставался вѣренъ Темному. Онъ бѣжалъ въ Литву, когда Шемяка завладѣлъ Великимъ Княжествомъ — хотѣлъ лучше лишиться всего, нежели измѣнить. Въ Литвѣ, онъ неусыпно думалъ о помощи шурину, и первый явился къ нему съ вѣрными друзьями, немилосердо гналъ потомъ Шемяку, и рабски служилъ Темному. Безъ всякой причины, Василій былъ схваченъ, обвиненъ въ измѣнѣ, лишенъ Княженія, и за 23-хъ лѣтнюю службу и вѣрность — осужденъ на вѣки въ темницу! Юный сынъ его бѣжалъ въ Литву, и умеръ тамъ въ изгнаніи. Вѣрные бояре и слуги хотѣли было освободить Князя Боровскаго; но заговоръ открылся, и ихъ терзали страшными казнями на льду Москвы рѣки, въ 1462 г. — Въ этотъ-же годъ *умеръ* и самъ несчастный Князь Василій, *шесть лѣтъ* томившись въ тяжкой неволѣ. Гробницы его и Темнаго стоятъ въ одномъ ряду, одна подлѣ сѣверныхъ, другая подлѣ южныхъ дверей собора!

Digitized by Google

Русскихъ, огласившіе побѣдною пѣснію тогдашнее печальное бытіе Русской земли. Благоговѣйте и преклоните колѣна: вотъ гробница *Іоанна Великаго*, которому не было равнаго изъ всѣхъ Владыкъ Русской земли, и выше котораго—*только одинъ Петръ!* Какую тяжелую думу наводятъ на васъ гробницы *Іоанна Грознаго* и *Василія Шуйскаго* — утѣшитесь-же близъ гробницъ *Михаила* и *Алексія!* Видите-ли, что здѣсь погребали предки наши надежду и слезы, радость и скорбь, славу и бѣдствія отчизны? Немного есть священныхъ обрядовъ, поражающихъ величіемъ въ такой степени, какъ тотъ обрядъ, по которому издревле, послѣ торжественнаго коронованія въ Успенскомъ соборѣ, властители Русскіе приходили и приходятъ въ Архангельскій соборъ, *поклониться гробамъ предковъ*, какъ будто желая поучаться неумолимой истинѣ среди блеска и славы, и слышать голосъ могилы среди льстиваго голоса царедворцевъ и торжественныхъ кликовъ народа! Такъ, за 335-ть лѣтъ, Великій Іоаннъ говорилъ въ Успенскомъ соборѣ внуку своему, возлагая на него вѣнецъ: «Внукъ Дмитрій! пожаловалъ я тебя, и благословилъ Великимъ Княжествомъ. И ты имѣй страхъ въ сердцѣ, люби правду и милость, и судъ праведенъ; имѣй попеченіе отъ всего сердца о всемъ Православномъ Христіанствѣ!» И «потомъ Ми-

Digitized by Google

« трополитъ и Великіе Князья сошли съ мѣстъ;
« и Митрополитъ совершилъ отпустъ молебну,
« и начали литургію; и по совершеніи литур-
« гіи пошелъ Князь Великій Иванъ къ себѣ, а
« Князь Великій Димитрій, въ шапкѣ и въ бар-
« махъ, пошелъ изъ церкви Пречистыя къ Ар-
« хангелу. И какъ шелъ онъ изъ дверей, и
« шутъ его осыпалъ деньгами златыми и сере-
« бряными, прижды, Великаго Князя сынъ Князь
« Юрій; всѣ дѣти Великаго Князя шли съ нимъ,
« и бояре всѣ; такжe осыпалъ его Юрій предъ
« Архангеломъ прижды, деньгами златыми и
« серебряными (*).» Сколько великихъ, сколько

(*) *Соф. Врем.* т. II, стр. 257. — Повѣсть о юномъ Димитріи, внукѣ Іоанна III-го, есть одно изъ событій самыхъ трогательныхъ въ Русской Исторіи, раздирающихъ сердце. Онъ былъ сынъ старшаго сына Іоаннова, рожденнаго отъ Тверской Княжны Маріи. Софія, Греческая Царевна, вторая супруга Іоанна, мать Василія, не терпѣла невѣстки, матери Димитріевой, Елены, дочери Молдавскаго Господаря. Іоаннъ, напротивъ, любилъ Елену и внука. Софія и Василій составили наконецъ заговоръ, намѣреваясь свергнуть Іоанна съ престола. Іоаннъ узналъ о заговорѣ, казнилъ сообщниковъ Софіи (въ томъ числѣ знаменитаго Русскаго юриста Владиміра Гусева), удалилъ ее отъ себя, лишилъ Василія наслѣдства, и короновалъ внука Димитрія на царство. Но черезъ годъ, Софія снова овладѣла волею супруга, и приверженцы Елены погибли на

Digitized by Google

обрекаемыхъ подобной чести и славѣ, ходили потомъ по слѣдамъ несчастнаго Димитрія, по сему самому пути, ведущему отъ престола къ могилѣ! *Іоаннъ* Грозный, *Ѳеодоръ* кроткій, *Годуновъ*, царедворецъ смѣлый, но Царь несчастный, *Самозванецъ* и *Шуйскій*, *Михаилъ*, надежда отечества, *Алексій* мудрый, *Ѳеодоръ* благочестивый, *Петръ* единственный, и кроткій братъ его *Іоаннъ*. . . Наконецъ отцы наши видѣли на семъ пути *Екатерину*, *Павла*, *Александра*. Мы, новое поколѣніе, видѣли Александра тогда только, когда онъ прибылъ въ Москву, въ роковое время 1812 года; за нимъ,

---

плахѣ и въ ссылкѣ. Димитрій еще около трехъ лѣтъ считался наслѣдникомъ; но за три года до кончины дѣда, его и Елену заключили въ тюрьму, въ 1502 г. — Елена не перенесла горя, и умерла въ 1505 г. — Герберштеинъ увѣряетъ (Rerum. Moscov. стр. 7), что дѣдъ призвалъ Димитрія, передъ самою своею кончиною, и просилъ у него прощенія (Chare, nepos, peccavi in Deum et te, quod carceribus mancipatum te afflixi, teq; iusta haereditate spoliavi: iuiuriam igitur à me tibi illatam, obsecro mihi remitte: liber abi, iuteque tuo utere). Но Іоаннъ скончался, и Василій снова заключилъ племянника въ темницу, даже заковалъ его въ цѣпи; промысь такимъ образомъ ужасныхъ *семь лѣтъ* въ сырой, мрачной тюрьмѣ, Димитрій умеръ на 25-мъ году; его похоронили великолѣпно, какъ Великаго Князя...

Digitized by Google

пришекъ сюда геніемъ-истребителемъ Наполеонъ, и мрачно смотрѣлъ на путь, ведущій отъ престола ко гробу, и на ряды древнихъ гробницъ Архангельскаго Собора. И вскорѣ явился Александръ побѣдителемъ въ обновленный Кремль. Прошло немного лѣтъ—мы увидѣли въ Архангельскомъ соборѣ гробъ его, везомый отъ Юга къ Балтійскимъ берегамъ. И звѣздою утѣшенія видѣли мы потомъ, грядущаго по слѣдамъ предковъ, по слѣдамъ *Іоанна* и *Петра Великихъ* — Николая....

Такой-ли предметъ, съ которымъ соединяются столь многія воспоминанія, который возбуждаетъ столько думъ великихъ и различныхъ, не обратитъ на себя всего возможнаго вниманія нашего? На гробницы-ли Князей и Царей нашихъ будемъ мы взирать съ безпечнымъ равнодушіемъ и холодною невнимательностію? Нѣтъ! Да, не будетъ на насъ сего оскорбительнаго подозрѣнія!

Созерцая сіи безмолвныя царственныя гробницы, гдѣ покоятся вѣчнымъ сномъ избранные Богомъ властители земли Русской, мы, съ благоговѣйнымъ любопытствомъ, хотимъ видѣть каждую изъ гробницъ, разсмотрѣть ея надпись, узнать, кто въ ней покоится. Удовлетворивъ сему любопытству, усладясь думою на гроб-

Digitized by Google

ницахъ царственныхъ, мы невольно обращаемся къ лѣтописямъ и преданіямъ, и вопрошаемъ: всѣ-ли тутъ властители Русской земли? Кого *недостаетъ* въ рядахъ ихъ?

Недостаетъ тебя, Царь *Борисъ*, честолюбивый, мудрый и злополучный! Имя твое сохранено Михаиломъ на громадѣ Ивана Великаго; но прахъ твой былъ исторгнутъ современниками изъ послѣдняго убѣжища, и отброшенъ далеко отъ гробницъ Царскихъ (*)! *Кромѣ Бориса*, всѣхъ властителей Русскихъ, отъ XIV-го

(*) Колокольня Ивана Великаго, начатая при Борисѣ Годуновѣ, окончана была при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Михаилъ не приказалъ уничтожать надписи подъ главою башни: «Изволеніемъ Святыя Троицы, повелѣніемъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича, всея Руссіи Самодержца, и сына его, Благовѣрнаго, Великаго Государя Царевича, Князя Ѳеодора Борисовича всея Руссіи, храмъ совершенъ и позлащенъ во второе лѣто государства ихъ, въ 108 году.» — Не отъ того-ли общее повѣрье въ народѣ, что Михаилъ велѣлъ за убіеніе Димитрія Царевича возглашать Годунову *анаѳему*, а за построеніе Ивана Великаго пѣть *вѣчную память*? — Останки Годунова великолѣпно погребены были въ Архангельскомъ соборѣ, въ *Апрѣлѣ* 1605 года (въ придѣлѣ Покрова, подлѣ Царя и друга его Ѳеодора Іоанновича) Въ *Іюнѣ* того-же года нарушили спокойствіе мертвеца: ругаясь надъ

Digitized by Google

вѣка до самаго Петра, изъ сего мѣста воззоветъ на судъ труба Архангела—они *всѣ здѣсь*: Іоаннъ Калита, Симеонъ Гордый, Іоаннъ II-й, Димитрій Донской, Василій Димитріевичъ, Юрій Димитріевичъ, Василій Темный, Іоаннъ III-й, Василій Іоанновичъ, Іоаннъ Грозный,

---

прахомъ его, проломали стѣну, вырыли тѣло, бросили его въ деревянную колоду, протащили въ нарочно сдѣланный проломъ, почитая Бориса достойнымъ не изнесенія, но *изверженія* изъ среды Царей, и отвезли его въ Варсонофьевскій монастырь, который находился между Срѣтенкою и Рождественкою, и обращенъ былъ потомъ въ приходскую церковь. При Шуйскомъ перевезли гробы Бориса, супруги и сына его, изъ Варсонофьевской въ Троицкую обитель, и зарыли тамъ въ оградѣ, подлѣ Собора. Подлѣ нихъ похоронили потомъ Ксенію Годунову, и склали глухую палатку надъ гробами несчастнаго семейства Годуновыхъ. Недавно разломали въ бывшемъ Варсонофьевскомъ монастырѣ старинную колокольню, замѣчательную тѣмъ, что она была складена криво, и казалась падающею. Вѣроятно, тутъ хотятъ воздвигнуть что нибудь въ *Итальянскомъ* вкусѣ. Да и на что беречь старье? Если не льзя сломать, такъ надобно хоть колонны придѣлывать, или, уже по крайней мѣрѣ, выбѣлить! — Карамзинъ несправедливо называетъ Варсонофьевскій монастырь *родовымъ кладбищемъ всѣхъ Годуновыхъ* (Ист. Г. Р. т. XI, прим. 351). Могло-ли тогда похороненіе Бориса въ семъ монастырѣ означать поруганіе? Могъ-ли и родъ,

Digitized by Google

Ѳеодоръ Іоанновичъ, Михаилъ, Алексій, Ѳеодоръ Алексіевичъ, Іоаннъ Алексіевичъ. Здѣсь покоится прахъ и не исполнившейся надежды отечества—Петра II-го.

Кромѣ сихъ властителей Руси, въ Архангельскомъ соборѣ покоятся останки сына Калиты, *Андрея*; дѣтей Донскаго: *Андрея* и *Петра*; сына Василія Димитріевича, *Іоанна*; дѣтей Юрія Димитріевича: *Василія Косаго* и *Димитрія Краснаго* (*); братьевъ Іоанна III-го: *Юрія*, *Андрея*, *Бориса*, другаго *Андрея*; дѣтей его: *Іоанна*, *Юрія*, *Димитрія*, *Симеона*; внучатъ его: *Димитрія* и *Юрія*; дѣтей Грознаго: *Димитрія* и *Іоанна*; дѣтей Михаила:

столь знаменитый, избрать кладбищемъ своимъ монастырь *убогій* (какъ говорятъ Лѣтописи)? При томъ извѣстно, что Годуновыхъ хоронили въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, основанномъ предкомъ ихъ, Мурзою Четомъ. Тамъ три *усыпальницы* наполнены ихъ гробами (см. *Описаніе Костр. Ипат. монастыря* (М. 1832 г.), соч. Преосвящ. Архіепископа Павла.

(*) Средній сынъ его, *Димитрій Шемяка*, погребенъ въ Новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ. Вѣсть о кончинѣ его получилъ Василій Темный, слушая вечерню, въ церкви Бориса и Глѣба на Арбатѣ. Въ Москвѣ шагу не ступивше безъ историческаго воспоминанія.

Digitized by Google

Іоанна и *Василія*; дѣтей Алексія: *Димитрія*, *Алексія*, *Симеона*, *Іоанна*; сына Ѳеодора Алексіевича, *Иліи*; сына Петра Великаго, *Александра*. Здѣсь *Владиміръ Храбрый*, и три сына его: *Іоаннъ*, *Ярославъ*, *Василій*; внукъ его *Василій Ярославичъ*. Наконецъ, здѣсь гробы двухъ потомковъ Чингисъ-Хана: Казанскихъ Царевичей *Петра* и *Александра*; ихъ пріяла Христіанская вѣра; они погребены близъ Царей Русскихъ. Здѣсь и гробъ героя *Сконина-Шуйскаго*. Забудемъ-ли святыя мощи страдальцевъ: *Михаила Черниговскаго*, Болярина его *Ѳеодора*, и святаго отрока *Димитрія*?

«И только?» вопрошаетъ послѣ сего внимательное любопытство наше. «Только!» отвѣчаетъ ему хладнокровный блюститель гробницъ.

Увы! бури и громы пролетали надъ памятниками Архангельскаго собора; невнимательно, безъ замѣчаній оставляли и современники. достопамятныя Княжескія гробницы. Отъ западной стѣны къ сѣверной, вамъ указываютъ на три гробницы, стоящія рядомъ, и говорятъ: «*Три неизвѣстныя, безъ надписей.*»— Неизвѣстныя? Здѣсь? Въ соборѣ первопрестольной Столицы? Суета суетствій и всяческая суета!

Digitized by Google

Такъ безъ вниманія, донынѣ, остается *древнѣйшая* изъ извѣстныхъ намъ гробницъ Великокняжескихъ въ Кремлѣ: гробница старшаго внука Невскаго, сына Даніилова, брата Калиты — *Георгія Даніиловича*, Князя достопамятнаго, съ 1303-го года владѣвшаго Москвою, а съ 1318-го года бывшаго Великимъ Княземъ, погибшаго въ 1325-мъ году, и передавшаго свои предпріятія и укрѣпленіе силы и могущества Москвы Калитѣ. Его гробница, повторяемъ, есть *древнѣйшая* изъ находящихся въ Кремлѣ Московскомъ.

Имя *Москвы* извѣстно намъ съ половины XII-го вѣка. Здѣсь угощалъ бѣдствующаго сына Олегова, *Святослава*, сынъ Мономаха *Георгій Долгорукій*, въ 1147-мъ году. Потомъ ничтожный городокъ Московскій (иначе называемый *Кучково*) принадлежалъ Владимірскимъ, или Суздальскимъ Великимъ Князьямъ, и былъ удѣломъ дѣтей ихъ. Такъ при нашествіи Батыя, въ немъ жилъ сынъ Георгія Всеволодовича *Владиміръ*, уведенный въ плѣнъ Монголами, и погубленный ими, послѣ раззоренія Владиміра. Святославъ Всеволодовичъ отдалъ потомъ Москву младшему брату Невскаго, *Михаилу*, погибшему въ набѣгѣ Литовцевъ, и похороненному во Владимірѣ. Наконецъ, Александръ

Digitized by Google

Невскій отдалъ Москву въ удѣлъ младшему сыну своему *Даніилу*. Отселѣ настоящая Исторія Москвы.

Даніилъ, первый укрѣпитель Москвы, воспользовался тѣмъ временемъ, когда духъ Русскій началъ оживать, послѣ гибельнаго, страшнаго нашествія и порабощенія Монгольскаго. Сіе оживленіе не было еще, ни стремленіемъ свергнуть иго поганыхъ, ни желаніемъ сразиться съ ними. Нѣтъ! Русскіе Князья воскресили жизнь Руси возобновленіемъ крамолъ междоусобія и споровъ за Великое Княжество. При Ярославѣ Всеволодовичѣ (1237—1247 г.) и трехъ сынахъ его: Александрѣ (1247—1263), Ярославѣ (1263—1272), Василіи Ярославичахъ (1272—1276) — даже и объ этомъ ни кто не смѣлъ думать! *Сорокъ лѣтъ* рабство было мертвое, безмолвное, неподвижное, удушающее всякую мысль, всякое чувство—кромѣ чувства покорности и униженія. Прешло поколѣніе. Отцовъ смѣнили дѣти: Димитрій, сынъ Невскаго, сѣлъ на Великокняжескій престолъ (1276 г.); умы ожили; мечи взмахнулись; братья возстали на Димитрія: *Андрей Городецкій*, *Даніилъ Московскій* соединились, выпросили себѣ помощь Монголовъ, и съ тѣхъ поръ началась не умолкавшая, кровавая крамола. Она продолжалась болѣе 50-ти лѣтъ; Димитрій, Андрей и

Digitized by Google

Даніилъ скончались; но Даніилъ передалъ свои замыслы дѣтямъ; ихъ было у него пятеро: *Георгій*, *Александръ*, *Борисъ*, *Іоаннъ* Калита, *Аванасій*. Послѣ смерти сыновей Невскаго, Великое Княжество слѣдовало дядѣ Даніиловыхъ дѣтей, Михаилу Ярославичу Тверскому. *Георгій* съ братьями, *Михаилъ* съ дѣтьми — *Москва* и *Тверь*, начали споръ тяжкій, кровавый. Въ этомъ спорѣ погибли: *Михаилъ*, дѣти его—*Дмитрій* и *Александръ*, внукъ *Ѳеодоръ*; погибъ и *Георгій*. Но Москва перемогла. Въ крѣпкихъ рукахъ Калиты осталось Великокняжество, и не выходило уже изъ Москвы, и изъ его рода (исключая краткое, скоро минувшее княженіе Дмитрія Константиновича Суздальскаго). Съ *Калиты* рѣшеніе первенства Москвы; но съ *Даніила* мысль о ея первенствѣ, а съ *Георгія* утвержденіе сей мысли.—*Даніилъ*, *Георгій* и *Калита* возвысили Москву *надъ Русью*, *и воскресили Русь* (*).

(*) Жизнь Георгія была безпокойная, бурная, вся пожертвованная честолюбію и крамолѣ. Не покорясь Михаилу Тверскому, онъ тѣснилъ потомъ Рязань, захватилъ Коломну, завоевалъ Можайскъ и умертвилъ Рязанскаго Князя, желая завладѣть его Княжествомъ. Ханъ не велѣлъ ему трогать Рязани. Но Георгій не укротился. Въ отсутствіе Михаила, Новгородцы

Digitized by Google

Гдѣ-же останки сихъ Князей достопамятныхъ? Гробъ Калиты извѣстенъ. Надобно-ли сказывать, что Даніилъ покоится въ Даниловскомъ монастырѣ, имъ самимъ основанномъ. Умирая въ схимѣ, которую принялъ передъ кончиною, онъ велѣлъ похоронить себя въ любимой своей обители. Тамъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ найдены были мощи Даніила, въ оградѣ, и перенесены въ монастырскую церковь Седми Вселенскихъ Соборовъ.

передались ему, и дрались съ Михаиломъ, пока Георгій кланялся и раболѣпствовалъ въ Ордѣ. Онъ женился тамъ на родственницѣ Хана Узбека, Татаркѣ Кончакѣ, и съ Монголами пришелъ уничтожить Михаила. Разбитый подъ Бортновымъ, въ 40 верстахъ отъ Твери (1318 г.), Георгій бѣжалъ въ Новгородъ; Кончака, и Кавгадый, воевода Монгольскій, съ нимъ бывшій, были полонены. Къ несчастію Михаила, Кончака умерла въ плѣну — *отравлена*, какъ говорятъ нѣкоторыя Лѣтописи. Георгій и Кавгадый обвинили Михаила передъ Ханомъ, и Михаилъ былъ растерзанъ въ Золотой Ордѣ, кочевавшей тогда близъ Дербента. Георгій торжествовалъ, но недолго. Пока онъ съ Новгородцами ходилъ въ Финляндію, осаждалъ Выборгъ и дрался противъ Шведовъ, сынъ Михаила, *Димитрій врозныя очи*, выпросилъ себѣ Великое Княжество. Георгій бѣжалъ въ Псковъ; потомъ опять жилъ въ Новгородѣ, предводилъ дружинами вольнаго города, заложилъ Орѣховъ (нынѣшній Шлиссель-

Digitized by Google

Карамзину вздумалось утверждать, что Даніилъ былъ первоначально положенъ *въ Архангельскомъ соборѣ, въ Кремлѣ.* Онъ ссылается на сгорѣвшую *Троицкую* Лѣтопись (Исш. Г. Р. ш. IV, прим. 189), и на *Никоновскую*, гдѣ именно сказано: «положенъ бысть въ церкви Св. Михаила Архангела, на Москвѣ, въ его отчинѣ (Т. III, стр. 100).

Возражаемъ: Архангельскій Соборъ *не существовалъ* шогда. Онъ воздвигнушъ былъ Калишою, въ 1333-мъ году.

«*Каменный*,» отвѣчаешъ Карамзинъ, «но *деревянная* церковь Св. Михаила, гдѣ, по сказанію Лѣтописца, былъ погребенъ Князь Московскій Даніилъ, стояла на шомъ-же мѣсшѣ, на коемъ послѣ воздвигнушъ былъ нынѣшній каменный соборъ Архангельскій (ш. IV, прим. 189).»

бургъ), воевалъ Устюгъ, и поплылъ наконецъ въ Орду по рѣкѣ Камѣ, спасаясь отъ преслѣдованій Димишрія. Соперникъ спѣшилъ за нимъ; оба Князя шребовали суда Ханскаго. Но едва Димишрій увидѣлъ Георгія лицомъ къ лицу — онъ забылъ самого себя, обнажилъ мечъ, и убилъ его въ присушсшвіи Хана. Разгнѣванный Узбекъ казнилъ Димишрія.

Digitized by Google

Доказашельсшво важно; но гдѣ извѣсшія лѣшописцевъ о деревянной церкви Михаила Архангела, сущесшвовавшей прежде каменной? Для чего не привелъ ихъ Исшоріографъ? Гдѣ шакже извѣсшія о *перенесеніи* осшанковъ Даніила изъ Архангельскаго собора въ Даниловъ монасшырь?

Если-же Даніилъ былъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, шо слѣдовало-бы и дѣшямъ его быть положеннымъ подлѣ оща. Борисъ умеръ въ 1320 г., во Владимірѣ, и положенъ въ шамошней церкви Богородицы; Аѳанасій умеръ въ Новгородѣ, въ 1322 г., бывъ шамъ Намѣсшникомъ сшаршаго бращa (*). Осшаюшся: Александръ, умершій въ 1308 г., Георгій, погибшій въ 1325 г., и Іоаннъ Калиша, умершій въ 1340 году.

О *Георгіи* Карамзинъ опящь ушвердишельно говоришъ, чшо онъ похороненъ въ Архангельскомъ Соборѣ, снова ссылаясь на *Троицкую* Лѣшопись (Исш. Г. Р. ш. IV, сшр. 200, прим. 257). Онъ прибавляешъ впослѣдсшвіи: « Ошецъ

(*) Исш. Гос. Росс. ш. IV, прим. 280; Новг. Лѣш. (М. 1781 г.) сшр. 175. Аѳанасій похороненъ въ Новгородѣ, у Спаса на Городищѣ.

Digitized by Google

и братъ Іоанновъ, Георгій, по сказанію *Лѣтописцевъ* (?), были погребены въ храмѣ Св. Михаила, но въ деревянномъ,» (ш. IV, прим. 322).

Не *Лѣтописцевъ*—надобно-бы сказать, но *Лѣтописца*, ибо только *Троицкій* утверждаетъ, что Георгій и Даніилъ похоронены въ Архангельскомъ соборѣ.

Здѣсь мы, рѣшительно напротивъ, можемъ сказать, что это несправедливо. Не зная Архангельскаго деревяннаго собора, мы утверждаемъ, что Георгій былъ похороненъ въ *Успенскомъ Соборѣ*.

Современные Лѣтописцы (кромѣ *Троицкаго*) не говорятъ: *гдѣ* именно погребенъ Георгій. Въ *Новгородскомъ* есть любопытное извѣстіе о похоронахъ его: избранный въ Новгородскіе Архіепископы, Моисей, пріѣхалъ тогда въ Москву къ Митрополиту, для поставленія. «И «привезоша при немъ Князя Великаго Юрія изъ «Орды, сына Даніилова, внука Александрова, «и погребоша и Митрополитъ Петръ, и Ар«хіепископъ Моисей, и Тверской Епископъ «Варсонофій, и Ростовскій Епископъ Прохоръ, «Рязанскій Епископъ Григорій, въ субботу 1-я «недѣли поста; и плакася его Князь Иванъ, и «весь народъ плачемъ великимъ, отъ мала до «велика, убилъ бо и бяше въ Ордѣ Князь Дми-

Digitized by Google

«шрій Михайловичъ, безъ Царева слова. Не «добро-же бысшь и самому: еже-бо сѣешъ че- «ловѣкъ, тоже и пожнешъ.» (*Новг. лѣт.* нап. въ М. 1781 г., годъ 6833-й). Но гдѣ было погребеніе, Лѣтописецъ не сказываетъ.

Въ *Успенскомъ соборѣ*, повторяемъ мы, и вотъ доказательства:

1-е. Когда Архангельскій соборъ, построенный Калитою, сдѣлался ветхъ, то при Іоаннѣ III-мъ разобрали его, и гробы Княжескіе были вынесены изъ него, въ Маѣ 1505 года (*); церковь заложили новую. Іоаннъ скончался въ Октябрѣ; его погребли въ новозаложенной церкви, хотя она не была еще достроена. Черезъ три года (въ 1508 г.), гробы Князей были торжественно перенесены въ новый Архангельскій соборъ. Здѣсь Лѣтописецъ сказываетъ подробно, кто именно и гдѣ былъ положенъ (**).

«*Возлѣ южную стѣну, отъ Семена Святаго* «(подлѣ придѣла Покрова Богоматери, на по- «мостѣ, на право отъ южныхъ дверей Собора) «положиша Великаго Князя *Василія Васильевича* «да съ нимъ сына его, Великаго Князя *Ивана*

(*) Соф. Врем т. II, стр. 273.

(**) Тамъ-же, стр. 280.

Digitized by Google

« *Васильевича* всея Руси. » Здѣсь положены были потомъ: *Василій Іоанновичъ*, и *Димитрій*, малолѣтный сынъ Грознаго (ум. 1553 г.).

« А на другой сторонѣ дверей (т. е. на « лѣво, вдоль южной стѣны) положиша мощи « (*мощи*, значитъ здѣсь тѣло, бренные остан- « ки вообще) В. К. *Ивана Даниловича*; да съ « *нимъ* (т. е. рядомъ) сына его большаго, В. « К. *Симеона Ивановича*; а *за тѣми* (т. е. да- « лѣе къ западу) положиша В. К. *Ивана Ива-* « *новича*, другаго сына В. К. Ивана Даниловича; да съ нимъ сына его, В. К. *Димитрія* « *Ивановича*; а за тѣми положиша В. К. *Васи-* « *лія Димитріевича*; да съ нимъ положиша пра- « внука его, В. К. *Іоанна Іоанновича* (сына « Іоанна III-го, ум. 1490 г.). » Здѣсь положены были потомъ два внука Іоанна III-го: несчастный *Димитрій* (1509 г.) и *Юрій Васильевичъ* (1563 г.), да сынъ, *Димитрій Углицкій* (1521 г.).

« А Удѣльныхъ Князей мощи положиша возлѣ « западную стѣну, въ углѣ (т. е. начали но- « вый рядъ подлѣ западной стѣны), Князя *Андрея* « *Ивановича*, третьяго сына В. К. Ивана Да- « ниловича; да съ нимъ положиша сына его « Князя *Володимира Андреевича*; а опшолѣ по- « ложиша Князя *Георгія Димитріевича*, да съ

Digitized by Google

«нимъ два сына его: *Василья Юрьевича* (Ко-
«саго), да Князя *Димитрія Юрьевича* меньшаго
«(Краснаго); а оттолѣ положиша Князя
«*Андрея Димитріевича*, да браша его Князя
«*Петра Димитріевича* (дѣши Донскаго); а от-
«толѣ положиша Князя *Ивана Васильевича*,
«большаго сына В. К. Василія Димитріевича
«(ум. 1417 г.); а оттолѣ положиша Князя
«*Георгія Васильевича*, да братію его: Князя
«*Бориса Васильевича*, да Князя *Андрея Василье-*
«*вича* меньшаго (дѣши Темнаго); а оттолѣ
«положиша Князя *Ивана Владиміровича*, да Кня-
«зя *Ярослава Владиміровича*» (дѣши Влади-
міра Храбраго). Здѣсь положенъ былъ потомъ
Симеонъ Іоанновичъ сынъ Іоанна III-го (ум.
въ 1518 г.).

«А у сѣверной страны, входя въ церковь
«на правѣ (*), положиша Князя *Андрея Василье-*
«*вича* большаго (браша Іоанна III-го), да

(*) *Ник. Лѣт.* повторяетъ все сіе описаніе, но въ этомъ мѣстѣ немного измѣняетъ слова, говоря: «*А у сѣверныхъ дверей*, входя въ церковь,» и проч. — Еще яснѣе. — Имена дѣтей Димитрія Донскаго: *Андрея* и *Петра*, пропущены въ Соф. Врем., но они находятся въ *Ник. Лѣт.*

Digitized by Google

«Князя *Василія Володимировича* (*); а на дру-«гой странѣ отъ алтаря (т. е. на лѣво отъ «сѣверныхъ дверей, на помостѣ, къ придѣлу «Іоанна Предтечи) положиша Князя *Василія* «*Ярославича.*»

Слѣдовательно: *въ Архангельскомъ соборѣ не было тогда гробницы Георгія Даніиловича.* Иначе, какъ можно было, при такомъ подробномъ описаніи, пропустишь гробницу старшаго изъ всѣхъ Князей?

Но, скажутъ намъ: въ Архангельскомъ соборѣ находятся три гробницы безъ надписей, неизвѣстныя (какъ мы выше упомянули); можетъ быть, одна изъ нихъ есть *Георгіева?* Нѣтъ, отвѣчаемъ мы—сіи гробницы позднѣйшія, ибо въ лѣтописяхъ отмѣчено нѣсколько Князей, погребенныхъ въ Архангельскомъ Соборѣ послѣ

(**) А не *Андрея* Владиміровича, какъ сказано въ новѣйшей надписи на металлической дощечкѣ, вопреки древней надписи, находящейся на самой гробницѣ. Сверхъ того, въ лѣтописяхъ говорится именно, подъ годами кончины сихъ Князей, что Андрей, владѣтель Радонежа, похороненъ въ Троицко-Сергіевой обители, а Василій, Князь Перемышльскій, положенъ въ Архангельскомъ Соборѣ (См. Ист. Г. Р. т. V, прим. 258).

Digitized by Google

1508 года, коимъ могутъ принадлежать сіи гробницы (*). И если-бы одна изъ нихъ была Георгіева, то, при перенесеніи гробницъ въ 1508 г., объ этомъ упомянули-бы; и при томъ не тутъ-бы ее поставили, а *подлѣ Калиты*, ибо при поставленіи гробницъ соблюденъ былъ тогда строгій хронологическій и родовой порядокъ.

(*) Наприм. дядя Грознаго, Андрей Іоанновичъ, погибшій въ тюрьмѣ, во время правительницы Елены, въ 1537 г., и сынъ Грознаго Василій, умершій младенцемъ въ 1563 г. — О томъ и другомъ сказано въ лѣтописяхъ, что они *погребены въ Архангельскомъ соборѣ*, хотя гробницъ ихъ нѣтъ слѣда. — Впрочемъ, изъ трехъ неизвѣстныхъ гробницъ, по нашему мнѣнію, двѣ должны быть *братьевъ Шуйскаго*, умершихъ въ Польшѣ; тѣла ихъ привезены были вмѣстѣ съ тѣломъ Василія Шуйскаго въ Москву (1635 г.); третья гробница не *Князя-ли Василія Голицына*, сотоварища Филаретова, умершаго въ Польской неволѣ? Разсматривая на мѣстѣ устройство сихъ трехъ неизвѣстныхъ гробницъ, видимъ, что онѣ были складены въ одно время съ гробницею Шуйскаго, и соединены съ нею при кладкѣ. Большая каменная доска съ надписью, находящаяся на гробницѣ Царя Василія, должна относиться и къ нимъ, хотя ничего не говорится въ надписи о томъ, кто положенъ въ сихъ трехъ гробахъ.

Digitized by Google

2-е. Положительное доказательство словъ нашихъ приводимъ изъ лѣтописей, гдѣ о гробницѣ Георгія говорится утвердительно:

Въ 1472 г., по причинѣ ветхости Успенскаго собора, построеннаго Калитою, положили построить его вновь. Митрополитъ Филиппъ подрядилъ мастеровъ. Ветхій соборъ разломали; начали строить новый. Филиппъ скончался; но работа производилась дѣятельно. Уже начали класть своды, когда вдругъ, въ 1474 г., все зданіе разрушилось, ночью на 21-е Мая. Іоаннъ III-й вызвалъ послѣ того знаменитаго *Фіоравенти*, прозваннаго за искусство его *Аристотелемъ*. Церковь заложили снова, въ Маѣ 1476 г., и въ Августѣ 1479 г. она была кончена и освящена Митрополитомъ Геронтіемъ. Чрезвычайно любопытныя подробности: о началѣ Собора, паденіи, работѣ Фіоравенти, выносѣ и обратномъ внесѣ гробовъ Митрополичьихъ, можно видѣть въ лѣтописяхъ (*).

Для нашего изслѣдованія важно то, что при семъ случаѣ былъ въ 1472 г. вынятъ и опять внесенъ *гробъ Георгія Даніиловича*.

(*) Соф. Врем., Лѣт. Львова, Никоновская, и другія, а также прим. къ VI-му тому Ист. Г. Р.

Digitized by Google

«И егда разбираша церковь, выняша изъ стѣны церкви Св. Димитрія мощи *Княжи Юріевы Даніиловича, Великаго Князя*, и вложше въ раку древяну, поставиша ихъ на гробѣ Ѳеогноста Митрополита, идѣ-же была церковь Поклоненіе веригъ, и егда-же, зиждуще церковь, уготоваша мѣсто въ той-же церкви въ Великомъ Димитріи, въ стѣнѣ, на той-же сторонѣ, и принесше ихъ на уготованное мѣсто, положиша тамо.»

О выносѣ гроба Георгіева при новой постройкѣ храма Фіоравентіемъ, нѣтъ извѣстія; Лѣтописцы не говорятъ ничего и о выносѣ Митрополичьихъ гробовъ. Вѣроятно, они почитали уже не нужнымъ повторять прежде сказанное. Но они подробно описываютъ вторичное внесеніе гробовъ. О Георгіевомъ сказано такъ:

«Потомъ-же Князя Юрья Даніиловича мощи, въ древянѣ гробѣ, пренесоша, и положиша въ церкви Св. Димитрія, въ заспѣніе, въ землю, съ мостомъ равно, и надгробницу учиниша надъ нимъ.»

Церковь Св. Димитрія значитъ: придѣлъ во имя сего великаго мученика, на лѣвой сторонѣ отъ алтаря главной церкви.

Digitized by Google

Удивительно, какъ не замѣтилъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ Карамзинъ, хотя слова Лѣтописей о перенесеніи гроба Георгіева выписываетъ онъ въ VI-мъ т. Ист. Г. Р. (прим. 101, 103), и тѣмъ явно противорѣчитъ 200-й стр. и 257-му прим. IV-го тома. Но — ошибки есть участь всякаго...

Кажется, что послѣ всего изложеннаго нами, нѣтъ болѣе сомнѣнія въ томъ, что

1-е, Въ Архангельскомъ соборѣ никогда не бывало гробовъ, ни Даніилова, ни Георгіева, ибо сей храмъ *построенъ черезъ 30-ть лѣтъ послѣ смерти Даніила, и черезъ 8-мь послѣ смерти Георгія*, а прежде существовавшій, деревянный будто-бы соборъ Архангельскій, принадлежитъ — къ остроумнымъ выдумкамъ, какими люди изъясняютъ иногда предметы не совсѣмъ ясные. Даніилъ погребенъ былъ въ *Даниловѣ монастырѣ*, и — вотъ *древнѣйшая изъ извѣстныхъ намъ Княжескихъ гробницъ въ Москвѣ.*

2-е, Георгій Даніиловичъ погребенъ въ Успенскомъ соборѣ. Сей храмъ заложенъ былъ 4-го Августа 1326 г. — Георгій убитъ въ Ордѣ въ Ноябрѣ 1325 г.—Петръ Митрополитъ, отпѣвавшій тѣло Георгія, скончался въ Декаб-

Digitized by Google

рѣ 1326 года. Георгія могли положить въ церкви недостроенной, ибо и Петръ Митрополитъ былъ положенъ въ неоконченномъ храмѣ; такъ Іоанна III-го положили въ неоконченномъ Архангельскомъ соборѣ.

Но, почему въ *Троицкой Лѣтописи* говорится о погребеніи Даніила и Георгія, именно въ Архангельскомъ соборѣ? — Это можетъ быть своевольною вставкою писца. О мѣстѣ погребенія Георгіева ничего не было въ спискѣ, съ котораго писалъ Троицкую Лѣтопись писецъ ея. «Всѣ Великіе Князья Московскіе погребаются въ Архангельскомъ соборѣ,» думалъ онъ — «слѣдовательно, и Георгій долженъ быть тамъ—» думалъ и написалъ. Сія прибавка безъ разсмотрѣнія повторена *Никоновскою* Лѣтописью; но въ этой-же компиляціи найдемъ и противоположныя свидѣтельства.

Почему-же — скажутъ намъ еще — *ни одинъ описатель Кремля не говорилъ донынѣ о гробницѣ Георгія въ Успенскомъ Соборѣ?*

Потому, что всѣ эти описанія составлены были въ новѣйшее время, кое-какъ, безъ всякой критики. Описатели списывали другъ у друга, не повѣряли сами, и впадали въ самыя непростительныя ошибки. *Кремль еще ждетъ*

Digitized by Google

своего Историка (*) и описателя древнихъ памятниковъ, такъ, какъ ждутъ ихъ вообще Москва, Кіевъ, Новгородъ, Владиміръ. И въ этомъ отношеніи, безпечность и невнимательность наши непостижимы и неизвинительны.

(*) Описаніе царственныхъ гробницъ, находящихся въ Архангельскомъ соборѣ, составлено было первоначально какимъ-то *Бригадиромъ Сумароковымъ*, и помѣщено Миллеромъ въ *Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* (Ноябрь 1757 г.). Оно перепечатано послѣ того въ *Вивліовикѣ* (т. X, М. 1787 г.) и въ *Путеводителѣ къ древн. и достопамятностямъ Московскимъ* (М. 1792 г. ч. I). *Путеводитель* этотъ, заключающій въ себѣ много любопытнаго, былъ источникомъ почти всего, что писали впослѣдствіи о Кремлѣ и Москвѣ. Но ошибки въ немъ несперпимыя. Скажемъ для примѣра, что *Фіоравенти*, зодчій Успенскаго собора, названъ въ немъ: *Аморомъ* (стр. 13); что придѣлъ Успенскаго Собора, во имя *Димитрія Селунскаго*, названъ придѣломъ во имя *Іоанна Лѣствичника* (стр. 17). Іоаннъ, сынъ Іоанна Калиты, названъ *Іоанномъ Даніиловичемъ*; годы кончины и погребенія въ Архангельскомъ соборѣ Князей означены на половину ошибочно — напримѣръ: *Ка-*

Digitized by Google

Что дѣлать! Мы еще такъ юны въ умственномъ и ученомъ нашемъ образованіи.

Присовокупимъ здѣсь, что по тщательномъ обозрѣніи на мѣстѣ, мы не нашли никакихъ слѣдовъ гробницы, или *надгробницы* Георгія, и что въ Успенскомъ соборѣ нѣтъ никакого свѣдѣнія о томъ, что гробъ его находится въ семъ достопамятномъ храмѣ. Но что̀ такое значитъ: *надгробница?* Если каменная доска, съ надписью, вдѣланная въ стѣну, то ее легко могли впослѣдствіи зашпукатурить, обновляя стѣнное писаніе собора, въ 1642 и въ 1773 годахъ. Сіе предположеніе правдоподобно, и можно-бы пожелать, что-бы низъ штукатурки въ придѣлѣ Димитрія Селунскаго былъ обитъ, для отысканія драгоцѣнной древности. Работа не трудная, расходъ ничтожный.

Если замѣчанія наши могутъ возбудить вниманіе почтенныхъ знатоковъ и любителей Отечественныхъ Древностей, то, мы, кстати,

---

литы 1232 года (вмѣсто 1340 г.), *Симеона* Гордаго 1253 г. (вмѣсто 1353 г.), братьевъ его, *Іоанна* 1258-го (вмѣсто, 1358-го) *Андрея* 1253-го (вмѣсто 1353); Василія Димитріевича 1393-го (вмѣсто 1425 г.), и проч.

Digitized by Google

осмѣлились-бы просить также ихъ немедленнаго вниманія къ другой археологической драгоцѣнности, находящейся въ Архангельскомъ соборѣ, ибо сія драгоцѣнность можетъ въ скоромъ времени рѣшительно погибнуть, отъ нашего невниманія и сырости мѣста: это *портреты, во весь ростъ, Царей Михаила* и *Алексія*, вѣроятно, относящіеся къ окончанію XVII-го вѣка, т. е. кончинѣ Царя Алексія. Стараніямъ почтеннаго И. М. Снегирева мы одолжены тѣмъ, что портреты Царя Ѳеодора Іоанновича и героя Скопина-Шуйскаго, въ Архангельскомъ соборѣ находящіеся, срисованы, и гравированные рисунки съ нихъ приложены къ *Трудамъ Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ* (откуда взялъ портретъ Скопина В. Н. Берхъ, приложившій его при книгѣ своей: *Царствованіе Михаила Ѳеодоровича*? Не знаемъ, почему объ этомъ не сказалъ ничего почтенный Г-нъ Берхъ). Но портреты Царей Михаила и Алексія гораздо драгоцѣннѣе для Исторіи Художествъ въ Россіи, тѣмъ, что составляютъ уже переходъ отъ иконной къ истинной портретной Живописи. Оба Царя изображены на одной огромной доскѣ, стоящіе, съ обнаженными головами; вѣнцы ихъ лежатъ подлѣ нихъ; вверху изображеніе Нерукотвореннаго Спаса. Сія драгоцѣнная доска находится *на заднемъ лѣвомъ столпѣ* Архангельскаго собора

Digitized by Google

(одномъ изъ четырехъ, на коихъ держится куполъ) и поставлена прямо противъ гробницъ Михаила и Алексія. Едва можно теперь разсмотрѣть изображенія—такъ потускнѣла и запылилась доска. Можетъ быть по этому, невнимательно проходятъ зрители мимо сей безцѣнной рѣдкости. Еще минетъ нѣсколько лѣтъ, и вся живопись ошелушится и погибнетъ. А между тѣмъ, мы такъ тщательно изыскиваемъ портреты Михаила и Алексія у Олеаріевъ и Майербергъ! Съ малымъ пособіемъ, доведеннаго нынѣ до совершенства, искусства чистить и возобновлять картины, мы сохранили-бы нашу драгоцѣнность отъ гибели, и память нашу отъ упрека потомковъ въ невнимательности къ отечественнымъ сокровищамъ.

Н. П.

Digitized by Google

ЛИТТЕРАТУРНЫЯ ПРИЗНАНІЯ

Юлія Жанена.

Со мною было то-же, что было со всѣми литтераторами настоящаго и прошедшаго времени: безъ всякаго желанія сдѣлаться литтераторомъ, и самъ этого не зная, я началъ свою литтературную жизнь, началъ писать, безъ сознанія, по необходимости, какъ и всѣ другіе. Ни что столько не походитъ на мои литтературныя начала, какъ начало Прокоповой кофейной въ XVIII-мъ вѣкѣ; только я не ходилъ въ Прокопову кофейную, и имѣлъ на это важныя причины.

Всю жизнь буду воспоминать тотъ день, въ который сказалъ я послѣднее: *прости* — моей матери. Я не видалъ уже ея послѣ того. — Въ этотъ день, мы встали рано, потому что мнѣ надобно было проѣхать четыре льё до назначеннаго мѣста, гдѣ долженъ я былъ пересѣсть въ дрянную почтовую карету; въ этой каретѣ поѣхалъ я на другой берегъ Роны. Комната матери моей выходила прямо на

Digitized by Google

прибрежье сей рѣки. Тутъ ревѣли и шумѣли волны рѣчныя, и сквозь занавѣски окна сверкали, будто пламя; мой родительскій домикъ весь отзывался шумомъ Роны, стоя на берегу ея; онъ былъ ея владѣніемъ, ея добромъ. Лѣтомъ Рона рвала плоды и овощи въ нашемъ садикѣ; зимою она шалила въ нижнемъ этажѣ— плясала въ залѣ, садилась на столъ въ кухнѣ; мы были всегда готовы къ посѣщеніямъ нашего незванаго гостя, какъ будто во время нашествія непріятельскаго; разница та, что Рона дѣлала свои нашествія на насъ ежегодно.

Въ этотъ день моего отъѣзда Рона была весьма шумлива: она била въ домикъ, стучала въ двери и громко просила позволенія войдти. Готовый ѣхать, я бросился въ объятія матери. Она уже страдала иногда болѣзнію, прекратившею впослѣдствіи дни ея. Бѣдная мать моя! Она протянула ко мнѣ руки со слѣзами, рыдая. Бѣдная мать! Нѣкогда бывала она прекрасна; и въ Кондрьё, гдѣ она родилась, когда Кондрьё былъ еще живымъ, веселымъ городкомъ, предававшимся двойному празднику плаванія по рѣкѣ и сбиранія винограда, мать моя славилась за свои свѣжія щеки, бѣлизну и прелесть рукъ. Кромѣ этого дня, я не видывалъ, что-бы она когда нибудь плакала: это была женщина по природѣ счастливая,

Digitized by Google

сильнаго, возвышеннаго характера, почти не думавшая о маленькихъ несчастіяхъ, тревожащихъ каждое семейство. Ея слезы, безмолвно и неожиданно омочившія лицо мое, заставили меня сильно плакать, когда я удалился онъ нея; пока былъ я подлѣ ея постели, я удерживался— я боялся заставить ее заплакать сильнѣе, если заплачу самъ.

И такъ, не говоря ни слова, я сидѣлъ на ея кровати. Она ничего мнѣ не говорила; только брала мою руку, обнимала меня, утирала слезы свои, и плакала опять. До сего дня мы не разлучались другъ съ другомъ далѣе нѣсколькихъ льё и нѣсколькихъ мѣсяцевъ; и она бывало безпрерывно, при каждомъ отъѣздѣ моемъ, даетъ мнѣ наставленія, доказывавшія материнскую ея заботливость. Теперь, когда я ѣхалъ въ Парижъ, теперь, когда меня отнимали у нея совершенно — бѣдная мать! она не могла сказать ни одного слова: я уже былъ не для нея; она была уже не для меня — у нея были только слезы, но не совѣты. И нынѣ еще, когда только вспоминаю объ этой минутѣ безмолвной скорби, мнѣ кажется никогда, ни прежде, ни послѣ, я не чувствовалъ такого горя.

Мать моя не была единственною отрадою, которую надобно было мнѣ оставить, оставляя нашъ городокъ: другая нѣжная мать, столько-

Digitized by Google

же милая мнѣ, разставалась со мною—это была тетка моей матери. Она любила меня еще болѣе матери, или, по крайней мѣрѣ, любила иначе, нежели добрая мать моя. Она слѣпо исполняла всѣ мои требованія, всѣ мои прихоти; она была моя невольница, внимательная, терпѣливая, покорная, всегда готовая страдать и радоваться за меня. Нынѣ, когда ей исполнилось уже 96-ть лѣтъ, она еще со мною, подлѣ моего кабинета, машинально вслушивается въ мои прерывистыя восклицанія, и въ скрыпъ пера, бѣгущаго по моей бумагѣ, напередъ восхищаясь прекрасными вещами, которыя я напишу.

Я не прощался съ моею бабушкою, потому что за недѣлю прежде она уѣхала — куда? никто не зналъ. Она не хотѣла со мною прощаться.

Увы! какъ хорошо дѣтство! Какъ его любятъ, покровительствуютъ, уважаютъ, почитаютъ! Сколько различныхъ существованій толпится подлѣ ребенка, и сколько сердецъ занимаются имъ! Ребенокъ сдѣлалъ шагъ — все семейство шагаетъ съ нимъ; падаетъ онъ — его поднимаютъ; колеблется онъ — его ободряютъ; спорятъ, кто дастъ ему что нибудь получше; кто раздѣнетъ себя, что-бы одѣть его. А онъ между тѣмъ — беззаботенъ и насмѣшливъ — идетъ, какъ будто все это должны для него дѣлать! Бѣдное дитя!

Digitized by Google

И вотъ — я на Парижской дорогѣ, заключенный въ плохую карету, съ удивленіемъ смотрю на все, что происходитъ вокругъ меня, жадничаю все увидѣть, прислушиваюсь ко всему, что говорятъ, удивляюсь всему, что слышу. Да, высокій предметъ соревнованія для пятнадцати-лѣтняго мальчика — разговоръ какого-то странствующаго прикащика, военный разсказъ офицера, ласковая улыбка немолодой красавицы, ржаніе лошадей, брань почтальона!

Это происходило въ самый разгаръ возстановленія Бурбоновъ. Дилижансъ, взявшій меня въ Ліонѣ, при выходѣ изъ Віеннской *паташи*, отзывался въ общеспивѣ путешественниковъ, находившихся въ немъ, странными стихіями этой чудной эпохи. Со мною сидѣли: Парижанка, еще довольно красивая, совершенно временъ Наполеоновскихъ, съ восторгомъ вспоминавшая о праздникахъ при коронованіи Императора, и наизусть знавшая всѣ подробности о рожденіи Короля Римскаго; еще, провинціяльный просишель, блѣдный, худощавый бѣгатель почтовыхъ и лошперейныхъ конторъ, человѣкъ глубокомысленный, съ значкомъ Лиліи; еще, благородный человѣкъ, Маркизъ какой-то — Богъ знаетъ; до бѣла напудренный, съ маленькою косёнкою и гордымъ, презирающимъ взглядомъ; еще, Итальянскій пѣвунъ: онъ глоталъ сырыя яйца за каждымъ обѣдомъ, чтобы сберечь свой голосъ.

Digitized by Google

Этотъ человѣкъ, первый театральный артистъ, видѣнный мною вблизи, первый артистъ, съ которымъ удалось мнѣ говорить, сдѣлалъ на меня глубокое впечатлѣніе. И теперь еще вижу я огромную бородавку на лѣвой щекѣ его, слышу его ужасный голосъ, казавшійся мнѣ прекраснымъ, голосъ, которымъ плашилъ онъ намъ за всѣ сырыя яйца, проглоченныя имъ за обѣдомъ! Этотъ человѣкъ, этотъ Итальянскій пѣвецъ, мое первое удивленіе, или, когда вамъ угодно, мое первое драматическое ослѣпленіе— былъ Профети, тотъ самый, что игралъ потомъ, въ теченіе девяти лѣтъ, роль статуи Коммандора въ *Донъ Джіованни*, на театрѣ Фаваръ.

Дополняя это любопытное собраніе, надобно-бы показать вамъ, на головахъ нашихъ, сверху карешы, двухъ военныхъ, людей, различныхъ лицомъ и видомъ. Одинъ изъ нихъ былъ въ черномъ фракѣ, съ черными усами, безъ орденовъ, печальный, бѣдный, недовольный, скрытный, несчастливый по наружности; сапоги его не были еще хорошо вычищены, и на нихъ можно было замѣтить немного Луарскаго песку; другой — истинный атлетъ безъ пропорцій, колоссъ, готовый идти впереди воинской процессіи, или быть шамбуръ-мажоромъ — великорослая роскошь солдатъ, которую возобновили тогда для карауловъ въ переднихъ! Сло-

Digitized by Google

вомъ: онъ былъ таковъ, что его товарищъ не принималъ на себя труда—даже презирать его.

Мы ѣхали такимъ образомъ, среди разноцвѣтныхъ разговоровъ. Говорили много, о предметахъ весьма различныхъ, и я, бѣдное дитя, все это перемѣшивалъ въ моей головѣ. Говорили всего болѣе о двухъ великихъ людяхъ — вы удивитесь столкновенію ихъ въ этомъ случаѣ — Наполеонѣ и Скрибѣ. Кто могъ предсказать мнѣ тогда, что я самъ много буду говорить о Скрибѣ!

Пріѣхали въ Парижъ. Всякій отправился по своему назначенію: великорослый воинъ въ Тюльери; товарищъ его въ развалины de l'Hôtel des Braves; проситель не знаю куда; Профети — сдѣлаться превосходнѣйшею статуею, какую только видали мы на сценѣ театральной.

Всѣ эти люди были такъ заняты самими собою, что никто изъ нихъ не взялъ на себя труда заняться мною, когда я прощался съ ними, и почти готовъ былъ плакать: такъ казались они мнѣ милы и остроумны. Только немолодая дама, сопутница наша, поцѣловала меня и посовѣтовала убѣгать въ Парижѣ этъ дурныхъ обществъ. Всѣ исчезли. Я остался одинъ, съ рекомендательнымъ письмомъ, по которому слѣдовало мнѣ вступить въ Королевскій Коллегіумъ Великаго Людовика.

Digitized by Google

Какъ я уже сказалъ вамъ, мнѣ было тогда 15-ть лѣтъ. Отецъ мой, дядья и вся семья почитали меня чудомъ. Дамы моего родимаго мѣста, которымъ подносилъ я стихи свои, говаривали, что поучась еще немного, я далеко пойду. И такъ отправленіе меня въ Парижъ было семейною спекуляціею. Что-бы спекуляція была вѣрнѣе, моя родня, страстные охотники до Журналовъ, выбрали самое знаменитое училище этого года, имѣвшее почетную награду. Мнѣ непремѣнно надобна была почетная награда; до истеченія года, мнѣ непремѣнно надобно было получить ее!—« И при томъ »— говорилъ дядя мой Карлъ — « ты ничего уже не заплатишь послѣ сего, вступая въ Училище Правовѣденія — не попадешь въ конскрипцію»— и не знаю, что еще говорили; но напередъ всѣ радовались этой почетной наградѣ; и съ моей стороны, я твердо надѣялся получить почетную награду.

И вотъ, я вынулъ письмо изъ моего кармана: « въ Королевскомъ Коллегіумѣ Великаго Людовика, Въ улицѣ Св. Іакова, N° 167-й »—и я спросилъ улицу Св. Іакова. Мнѣ легко было найдти ее, какъ находятъ всѣ улицы Парижа, идучи все прямо, прямо и прямо. Въ улицѣ Св. Іакова я нашелъ Коллегіумъ, вошелъ въ него, и дѣло было кончено. Только, не смотря на

Digitized by Google

дядюшку Карла, мнѣ не досталась почетная награда.

Со мною случилось въ Коллегіумѣ то-же, что бываетъ со всѣми знаменитыми Латинистами провинціяльными: открылось, что я почти ничего не знаю. Три года воспитанія моего стоили очень дорого, и дѣло кончилось почти ничѣмъ. Система ученія въ Парижскомъ Университетѣ самая несчастная. Профессоры и ученики думаютъ только о почетной наградѣ курса, и если изъ всѣхъ ребятъ, запертыхъ въ училище, одинъ достигаетъ желанной цѣли, напередъ означенной, все дѣло кончено. Моему Профессору стоило только разъ взглянуть на меня пристальнѣе, и онъ легко могъ понять, что я не стоилъ его вниманія. Этотъ Профессоръ былъ маленькій человѣчекъ, весьма ученый; въ цѣломъ училищѣ только онъ одинъ зналъ по-Гречески, и страхъ какъ гордился онъ Граммашикою, которую сшилъ изъ Граммашики Портъ-Рояльской. Послѣ перваго взгляда, онъ оттолкнулъ меня на ту лавку, гдѣ сидѣло уже десятка три учениковъ, подобно мнѣ безполезныхъ для его предпріятій и его уроковъ. Съ этого дня положено было между учителемъ и мною, что я ничего не буду спрашивать у него, моего учителя; а за то онъ не потребуетъ отъ меня, своего ученика, ничего, кромѣ молчанія. Я сдер-

Digitized by Google

жалъ свое условіе, и держу его еще и теперь, когда мое молчаніе, въ качествѣ критика, имѣющаго нѣкоторый вѣсъ, можетъ быть, безпокоитъ немного моего бывшаго учителя.

Управленіе Коллегіумовъ было такъ-же хорошо, какъ составъ нашего дилижанса—произведеніе тогдашняго переворота. Въ это бѣдное время нашей Исторіи, вы повсюду найдете этотъ переворотъ, съ его основными дѣйствователями — Аристократами, которые спасли его, Іезуитами, которые его погубили. Аристократія защищала собственность; Іезуитизмъ спрашалъ вольнодумцевъ. И все это было такъ всеобще, что въ дилижансѣ на большой дорогѣ, въ стѣнахъ Коллегіума, въ церкви, при Дворѣ, въ городѣ, вы находили двѣ главныя, основныя стихіи переворота. Въ Коллегіумѣ Людовика Великаго всего болѣе.

Главнымъ былъ въ немъ человѣкъ ума грубаго, повелительнаго, ничтожнаго, который могъ-бы испортить юношей гораздо лучшихъ, нежели каковы были мы, его невольники. Насъ спасали безпечность понятій, беззаботность характеровъ, излишекъ веселости и взаимнаго счастія. Этотъ человѣкъ, вдругъ пробужденный, мечталъ, такъ, какъ и Опера тогда мечтала, вдругъ пробужденная, будто онъ человѣкъ нравственный и добрый Христіанинъ. Этотъ нрав-

Digitized by Google

ственный человѣкъ и добрый Христіанинъ думалъ при томъ объ одномъ только, начальствуя надъ шестью стами юношей, душою и тѣломъ отданныхъ его заботливости — думалъ — только о почетной наградѣ; послѣ этого, онъ думалъ еще о порядкѣ и подчиненности. Если въ Коллегіумѣ было тихо, и если Коллегіумъ отличили при общемъ конкурсѣ — довольно! Онъ не желалъ ничего болѣе—ничего болѣе, но и ничего менѣе! И вотъ онъ лукаво и насильно бѣжалъ къ этой цѣли, подстерегая малѣйшій знакъ неповиновенія, какъ полиція тогдашняя подстерегала малѣйшій признакъ Бонапартизма; онъ стоялъ за почетную награду, какъ министръ Виллель стоялъ за свой бюджетъ. Впрочемъ, онъ былъ грубъ, высокомѣренъ, неумолимъ, ненавистенъ, ничтоженъ. Онъ сажалъ насъ на недѣлю въ старыя кладовыя, которыя нашелъ въ Коллегіумѣ, настоящія Венеціянскія темницы, холодныя зимою, душныя лѣтомъ. Это называлось у него: *воспитывать*.

Мы, я и друзья мои, собирались въ рекреаціонные часы во дворѣ Коллегіума; и тамъ, подъ окнами Провизора, мы составляли по своему оппозицію противъ деспотизма нашего начальника, деспотизма нелѣпаго и жестокаго. Сколько было у насъ насмѣшекъ на нашего тирана! Сколько забавнаго находили мы въ немъ! Какъ уничтожали мы этотъ деспотизмъ, пришвор-

Digitized by Google

ный и лицемѣрный! Мы всѣ не любили тогдашняго положенія дѣлъ — и какъ-же иначе, великій Боже?—Насъ, дѣтей временъ Наполеона, шалуновъ, вѣтрениковъ, насильно заставляли быть тихими, скромными, смиренными! У Коллегіумовъ отняли тогда ружья и барабаны, и замѣнили ихъ колоколами и четками. Какъ стыдились мы, прежде пробуждаемые барабаномъ, теперь засыпавшіе подъ звонъ колокола! Всего отвратительнѣе было для насъ то, что мы видѣли истину: правила перемѣнились, люди остались тѣ-же. Эти люди, нынѣ столь благочестивые, обожали Вольтера при Наполеонѣ; эти учители, изъяснявшіе Греческій языкъ, были тѣ-же, которые—давно-ли еще?—не знали Греческой Азбуки! Благочестіе и корни Греческіе вдругъ захватили ихъ на старой дорогѣ; они повернули съ этой дороги, и начали проповѣдывать Катихизисъ и Портъ-Рояльскую Грамматику, не понимая въ нихъ ни одного слова. Насъ бросили въ эту несчастную эпоху перехода, и наше воспитаніе ознаменовалось этимъ переходомъ, сколько было возможно.

Но мы—говорю о себѣ и друзьяхъ моихъ, т. е. объ ученикахъ безполезныхъ и вредныхъ, такихъ, которыхъ Профессоръ осуждалъ на молчаніе, отъ которыхъ Провизоръ ничего не ожи-

Digitized by Google

далъ на общемъ конкурсѣ — мы понимали все. Мы смѣялись надъ благочестивымъ этимъ народомъ; мы преслѣдовали его, сколько могли, нашими насмѣшками. Мы шли кучею и по-розницѣ: я всегда въ головѣ, начиная уже съ того времени тягостную профессію ежедневнаго, политическаго и литтературнаго критика, на которую судьбѣ угодно было потомъ осудить меня. Отъ трехъ лѣтъ жизни, проведенной мною въ Коллегіумѣ, у меня осталось только грустное воспоминаніе, обо всемъ, что касается самаго Коллегіума. Но за то, если говорить о дружбѣ, какая была между нами, о братствѣ, возвышавшемъ насъ до небесъ, о семействѣ, какое мы составляли между собою, мы, бѣдные сироты.... Да, это были наслажденія, награждавшія насъ за всю бѣдность нашего бытія, заставлявшія насъ забывать всякое лицемѣрство. Все это воспоминанія, для меня навсегда очаровательныя. Три года ученья моего въ Коллегіумѣ не вразумили меня многому въ наукахъ; но они научили многому въ дружбѣ, этой великой наукѣ жизни. Оставляя училище, правда, я не зналъ ни Исторіи, ни Математики, ни языковъ, никакой Литтературы; но я зналъ, какъ пріобрѣтаютъ, какъ сохраняютъ друзей. Я зналъ притомъ еще, и не сомнѣвался въ этомъ — зналъ, съ какимъ малымъ достоинствомъ, какими малыми заслугами, малымъ пру-

Digitized by Google

домъ, люди дѣлаются нѣчто въ свѣтѣ. Знать это, значило многому научиться.

Однакожь — увы! — когда я выходилъ изъ этого жилища, гдѣ почиталъ себя несчастливымъ, жалѣя о моей прекрасной Ронѣ, о моихъ прекрасныхъ, покрытыхъ виноградниками горахъ—на одну минуту почувствовалъ я неизъяснимую робость, которой высказать не въ силахъ. Я остановился на минуту на порогѣ этого ненавистнаго жилища, и бросилъ робкій взоръ на свѣтъ, въ который готовъ былъ вступить. Что будетъ со мною, бѣднымъ мальчикомъ, стоящимъ теперь въ дверяхъ убѣжища, навсегда мною оставляемаго, что будетъ со мною въ зіяющей безднѣ свѣта! Когда стоялъ я тутъ, и прислушивался къ отдаленному, но ужасающему шуму свѣта, я видѣлъ моихъ товарищей, оставляющихъ училище, и болѣе меня счастливыхъ. За ними пріѣхали, пришли; ихъ ожидали; это были матери: онѣ радовались, что дѣтей встрѣчаютъ уже людьми; это были отцы, счастливые тѣмъ, что найдутъ въ дѣтяхъ предметъ своего славолюбія; это были слуги въ ливреяхъ, съ надеждою на юность своихъ господъ, источникъ счастія для слугъ, такъ-же, какъ и для придворныхъ. Мои товарищи бросались въ свою счастливую будущность, и не глядѣли на меня. Я разсматривалъ ихъ въ за-

Digitized by Google

мѣшательствѣ, безотчетно. Въ числѣ ихъ были уже надѣвшіе на себя прекрасные мундиры; между прочимъ Гильемино, сынъ Генерала, отправлявшійся въ Испанію, на войну, высокій, прекрасный юноша... Онъ умеръ въ Царьградѣ, во время посольства тамъ его отца — умеръ, столь-же юный и столь-же счастливый, какъ другой прекрасный молодой человѣкъ, Карлъ Монталиве, нашъ соученикъ, умершій въ Царьградѣ, и оплаканный всѣми, столь добрый, милый, любимый! Это были счастливцы моего времени, Князья, богачи. Бѣднякъ — я видѣлъ съ порога Коллегіума, какъ они бросались въ свѣтъ, и не зналъ о себѣ самомъ, куда я приклоню голову свою на слѣдующую ночь!

Сколько видѣлъ я умиравшихъ такимъ образомъ, болѣе меня счастливыхъ, болѣе меня веселыхъ! Одни умерли на морѣ, въ битвѣ; другіе нечаянно погибли въ Греціи; многихъ потеряли мы въ Булонскомъ лѣсу, отъ удара шпаги, въ уголку, за деревомъ; о другихъ нѣтъ никакого воспоминанія; многіе сдѣлались самоубійцами иначе — отъ водевилей, куплетовъ, эпическихъ поэмъ, игры, любви! На порогѣ Коллегіума, я видѣлъ ихъ прекрасныхъ, смѣющихся, веселыхъ, безразсудныхъ.... Помолимся за нихъ!

Когда я стоялъ тамъ, печальный и задумчивый, готовый снова идти въ Коллегіумъ, если

Digitized by Google

только согласится приняшь меня; когда я смотрѣлъ, и видѣлъ всѣхъ этихъ веселыхъ дѣтей, сдѣлавшихся людьми, видѣлъ, какъ они спѣшили, на лошадяхъ, въ каретахъ, пѣшкомъ, спѣшили въ домы, совсѣмъ готовые для принятія ихъ— и былъ одинокъ... о счастіе! въ концѣ улицы, я увидѣлъ, идущую шагами столь скорыми, сколько старость ей позволяла — увидѣлъ мою старую, добрую бабушку, мою подпору, мою надежду, слабый посохъ моей юности—бабушку мою — всегда ее! Добрая старушка! этому скоро будешъ десять лѣтъ; ей было тогда болѣе восьмидесяти; но это была женщина старыхъ временъ, всю жизнь свою прекрасная, и крѣпкая, и живущая сердцемъ. Она провела часшь жизни своей на морѣ, на кораблѣ, и въ Корсиканской цитадели; ее обнималъ Паоли; она знавала П. д. Б. молодымъ человѣкомъ; она знала наизусшь всю исторію Генуи и Корсики. Возвращясь ошшуда одинокою вдовою, она полюбила меня, полюбила говоришь со мною о своей прежней, дѣяшельной жизни. Я полюбилъ ее, и мы сдѣлались товарищами, шакъ рано, и на всю жизнь. Въ нашъ союзъ, она принесла свою старосшь, я свою молодосшь. И изъ этихъ двухъ соединенныхъ слабосшей, двухъ соединенныхъ беззащишносшей, мы сосшавили силу, которая только намъ самимъ принадлежала, была изумишельна, сущесшвуешъ донынѣ, и

Digitized by Google

продолжится всегда: не правда-ли моя старая подруга? И она пришла въ этотъ день, вѣрная нашему безмолвному уговору—не разставаться никогда; она пришла въ Парижъ, взять меня, жить со мною, безвѣстнымъ и бѣднымъ, безвѣстная и бѣдная, подобно мнѣ!

Какая женщина! Въ такое время жизни, когда люди собираются умирать, въ лѣтахъ спокойствія и задумчивыхъ размышленій, она все бросила, и пришла въ толпу искать меня! Оставила свой хорошо устроенный домикъ, свой камелекъ, всегда горѣвшій, свой маленькій садикъ, своихъ старыхъ друзей, свою власть въ маленькомъ городкѣ — оставила все! Она пришла ко мнѣ въ этотъ день, только наканунѣ пріѣхавши въ Парижъ, пришла безъ отдыха, послѣ ста льё дороги. Я тотчасъ узналъ ее, тамъ, среди каретъ, когда она пробиралась около стѣнки, опираясь на свой костыль, еще живая, ищущая взоромъ одного меня.... такъ твердо говорило ей сердце, что я долженъ быть тутъ! Я стоялъ неподвижно; я допускалъ ее идти до меня — не хотѣлъ отнять ни одного шага отъ ея прекраснаго дѣла, хотѣлъ, что-бы она вполнѣ совершила путь для соединенія со мною. Добрая мать — она наконецъ со мною соединилась!

Тогда, тогда я чувствовалъ, что я живу.

Digitized by Google

У меня было покровительство, была жизнь, было кому любить меня, было кого любить мнѣ; у меня была добрая, старая мать — плакать со мною, радоваться со мною, страдать со мною. Мое честолюбіе было удовольствовано, мои мечты осуществлялись. Однакожь, надобно было упасть довольно съ высока. Мечтать все время о великомъ состояніи, о знатныхъ дамахъ, знаменитыхъ страстяхъ, успѣхахъ славы, и—вдругъ упасть на улицу, въ руки восьмидесятилѣтней старушки; выйдти изъ очарованныхъ чертоговъ воображенія, и идти въ темную улицу стараго Парижа, перечитывать объявленія на домахъ, что-бы сыскать комнатку въ пятомъ этажѣ, ибо первый шагъ мой въ свѣтъ сдѣланъ былъ для сысканія себѣ какого нибудь убѣжища. Ахъ! это не было ободрительно для бѣднаго молодаго человѣка, который только что выскочилъ изъ Одъ Горація и поэмъ Виргилія, изъ роскоши древняго Рима, мраморныхъ дворцовъ, великолѣпныхъ виллъ приморскихъ, и — долженъ теперь пѣшкомъ ходить по закоулкамъ Парижа, искать жалкаго гнѣзда для своей бѣдности! Я вошелъ однакожь въ свѣтъ такимъ образомъ... Сколько чердаковъ пересмотрѣлъ я въ этотъ первый день, сколько бѣдныхъ пристанищъ—Боже великій! Для начала жизни, человѣчество явилось мнѣ въ образахъ довольно печальныхъ: цѣлыя семейства, сбитыя въ про-

Digitized by Google

странство 12-ти футовъ; нечистыя лѣстницы подъ вонючею крышею; бѣдная молодая дѣвушка, дрожащая отъ холода; печальный, мрачный мужчина въ темномъ чердакѣ — это были подробности бѣднаго хозяйства Парижскаго, наблюдаемыя нечаяннымъ посѣтителемъ, иностранцемъ, передъ которымъ не заботятся показать себя лучше того, что есть въ самомъ дѣлѣ. — Увы! при каждомъ домѣ, посѣщенномъ нами, мы не осмѣливались, ни я, ни бабушка, посовѣтоваться между собою — даже взорами. Какъ? Жить здѣсь—она такъ стара, я такъ молодъ! Неужели? Жить въ этомъ воздухѣ, въ этомъ шумѣ, въ этомъ мракѣ, съ этимъ сосѣдствомъ, среди этого порока, этой бѣдности, подъ властію этого дворника — ей, такой старой, мнѣ, такому молодому? Вотъ мысли, раждавшіяся въ нашихъ душахъ, которыхъ не смѣли мы сказать, ни я, ни она — она для меня, я для нея!—Я такъ уже стара—думала она—что-же мнѣ? Но онъ! — А я, съ своей стороны, грустилъ объ ея старости. Мы искали такимъ образомъ, по три дня, какого нибудь жилища на вершинѣ старыхъ улицъ Парижа; и по три вечера, возвращаясь ночевать въ нашу гостинницу, мы пересчитывали всѣ видѣнныя нами въ теченіе дня кварширы; и всякій разъ перечетъ нашъ оканчивался однообразнымъ заключеніемъ: «Эта очень гадка, —

Digitized by Google

эта слишкомъ высока» — или заключеніе наше было не менѣе печально: «Эта дорога для насъ....»

Наконецъ, оружейникъ, землякъ, урожденецъ нашего городка, честный, добрый человѣкъ, жившій въ Драгунской улицѣ, указалъ намъ убѣжище, открытое имъ неподалеку отъ него. Оно приходилось намъ подъ стать во всѣхъ отношеніяхъ: высоко, однакожь въ четвертомъ этажѣ; скучно, но опрятно; темный входъ, но свѣтлыя комнатки; нанимаемое приказнымъ, но цѣна умѣренная. Мы кивнули головами, бабушка и я—квартира была все еще немножко дорога, но мы довѣрились—она Провидѣнію, я случаю — и въ то-же утро оставили мы квартиру за собою. Въ тотъ-же день я пошелъ въ контору транспортовъ, забрать мебели, привезенныя бабушкою. Я увидѣлъ мою орѣховую кровать, мой орѣховый столикъ, мои орѣховыя кресла. Въ тотъ-же вечеръ мы были у себя, плательщики пошлины съ оконъ и дверей, счастливы, какъ Король; словомъ—мы были *у себя*.

Въ этомъ первомъ моемъ убѣжищѣ прожилъ я четыре года, пролетѣвшіе, какъ одинъ день —четыре прекрасные года безотчетныхъ наслажденій и безразсудной радости. Сколько

Digitized by Google

любви, улетѣвшей на вѣшеръ, сколько поэзіи по пустякамъ, сколько вздоховъ на луну, сколько работы поддержать жизнь мою, какъ могъ! Выигралъ-ли я что нибудь въ эти годы—не знаю; тяжело, когда думаю, весело, когда не помышляю объ этомъ. Прежде всего, я занялся единственнымъ ремесломъ, которымъ можно заняться, вышедши изъ Коллегіума: началъ давать уроки по билетамъ, дѣтямъ хорошихъ фамилій, которыя слишкомъ нѣжны для житья въ Коллегіумѣ. Я училъ тысячѣ предметовъ, которыхъ почти самъ не зналъ — Латини, Греческому языку, Исторіи, Географіи—Богъ знаетъ чему не училъ я! Недѣлю приготовленія, и я безъ замѣшательства сталъ-бы учить Еврейскому, Сирійскому языку. Только одного не льзя преподавать не зная—*Математики.* Вотъ почему я считаю ее за великое дѣло, не умѣвъ никогда выучить порядочно даже первыхъ четырехъ правилъ — даже для преподаванія другимъ.

Такимъ образомъ, у меня нашлось средство жить; учениковъ было немного, за то они не были избранные. Не могу понять: какъ одному человѣку удалось встрѣтить на пути жизни столько глупцовъ! Я, хладнокровно, приходилъ въ положенный часъ, садился подлѣ моего ученика, и полчаса полто-

Digitized by Google

ра, по крайней мѣрѣ, исполнялъ свою обязанность. Въ эти длинные часы, пожертвованные пустымъ головамъ, мало по малу, я привыкъ обращать въ свою пользу занятія, никому не полезныя. Не умѣя вразумить учениковъ моихъ въ идеи великихъ писателей, я вразумлялъ сіи идеи самому себѣ. Такимъ образомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, я давалъ самъ себѣ превосходные уроки въ Риторикѣ и Философіи, тщательно проходилъ всю Греческую и Латинскую Древность, выучился Исторіи, и переучилъ снова Граммматику. Сколь снисходителенъ былъ я къ моимъ ученикамъ, столь строгъ къ самому себѣ—не пропускалъ себѣ ни одной ошибки, ни одной непонятной фразы. Исторія Жилблазова дяди повторялась со мною: я училъ самого себя, и училъ всему, чему только можно научиться. Вотъ для чего были мнѣ полезны три года моего учительства; я прожилъ ихъ, какъ одинъ день, ничего не желая, ничего не боясь, ничему не завидуя; прожилъ съ друзьями, раздѣляя ихъ веселыя, незатѣйливыя пирушки, и, счастливый счастіемъ моей бабушки, приклеивалъ къ стѣнамъ кварширы синія и красныя картинки, которыя казались мнѣ, право, очень хороши. На нихъ изображали тогда Грековъ, какъ прежде изображали Наполеона, а теперь изображаютъ совсѣмъ другое.

Digitized by Google

Да, шумъ была жизнь! Хорошо, молодо и счастливо! Всѣ друзья мои этого времени вспоминаютъ о немъ. У насъ сохранились удивительные разсказы объ этомъ времени. И какія очаровательныя героини! Что за милыя имена! Лизета, Роза, Лилла! Нѣмка, Испанка, Француженка, знатная дама, или *гризетка* —намъ не было надобности разбирать. Въ Парижѣ надобно только быть молодымъ и беззаботнымъ —у васъ будетъ все, такъ-же какъ у знатнаго и богатаго человѣка. Что-же? У однихъ Тюльери —у васъ Люксанбургъ и le Jardin des Plantes; у однихъ красавицы въ бархатныхъ платьяхъ—у васъ въ ситцевыхъ платьицахъ; пусть другіе ѣдутъ въ Итальянскую Оперу — вы идете въ l'Ambigu. Нѣтъ, нѣтъ! Парижскія *гризетки* не мечта: это единственное очарованіе поэтической жизни; оно еще милѣе, еще живѣе, еще добродушнѣе, еще истиннѣе, еще увлекательнѣе, менѣе чиновно, болѣе философъ въ свѣтѣ, нежели на сценѣ театральной! И все это расцвѣчали для насъ Поэзія и юность! Мы жили со дня на день, на удачу, безъ честолюбія, безъ лишеній и безъ усилій...

Говорю: *безъ честолюбія*, и имѣю причины говорить. Въ четыре счастливые мои года, я ни одной минуты не думалъ объ этомъ словѣ, столь пустомъ и ничтожномъ: *слава*, или объ

Digitized by Google

этомъ, еще болѣе пустомъ: *извѣстность*. Нѣтъ, не думалъ я ни минуты! Если я говорю: *безъ лишеній*—справедливо! Правда, что я отказывалъ себѣ во многомъ; но это было мнѣ такъ легко, что я часто вспоминаю о моихъ лишеніяхъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Знаете-ли, чего мнѣ всего болѣе недоставало?... Собаки!— Съ тѣхъ поръ, какъ понимаю себя, мнѣ всегда хотѣлось имѣть собаку. Я желалъ имѣть собаку, какъ двое любящихъ другъ друга, и уже не молодыхъ супруговъ, хотящихъ имѣть сына, наслѣдника ихъ имени и ихъ состоянія. Въ то время, какъ ни былъ я счастливъ, высочайшею степенью счастья казалось мнѣ одно, только одно: имѣть свою собаку, воспитывать ее, учить ее ходить и понимать, видѣть, какъ она растетъ передъ моими глазами, помогать ея первымъ прыжкамъ, слышать первый лай ея, радоваться первымъ ея ласкамъ! Какая радость! Цѣлая семья въ одной собакѣ! Для бѣдняка—это лошадь, которая всякое утро даетъ средство прогуляться въ Булонскомъ лѣсу; это красавица, которую ведете вы въ Оперу вечеромъ; это другъ вашъ, усатый Полковникъ, неизмѣнный свидѣтель вашихъ дуэлей; это вашъ льстецъ, преданный, предупредительный — все еще мало: это цѣлое семейство—дитя, которое привѣтствуетъ съ добрымъ днемъ по утру; жена, которая ожидаетъ вечеромъ, при возвра-

Digitized by Google

щеніи домой. Собака!... Она прыгаетъ, плачетъ, смѣется, играетъ съ вами, и такъ какъ вы; это ваша тѣнь, внимательная и вѣрная, услужливая и преданная... Словомъ: я желалъ имѣть собаку, желалъ такъ страстно, какъ не желалъ потомъ ничего.

Но пока эта мечта приняла опредѣленную форму въ умѣ моемъ, пока эта мечта сдѣлалась для меня возможна къ осуществленію, сколько борьбы надобно было выдержать мнѣ съ самимъ съ собою, сколько вычетовъ дѣлалъ я о самомъ себѣ и о хозяйствѣ нашемъ! Мы часто говаривали, бабушка и я, о новомъ товарищѣ, котораго желалъ я имѣть такъ страстно; мы взвѣшивали неудобства и выгоды его для нашего маленькаго хозяйства, съ такою важностью, съ такою предусмотрительностью, какъ будто дѣло шло о барышахъ и потеряхъ богатой купеческой компаніи.— «Но, милый другъ мой, что скажутъ «сосѣди? Что скажетъ хозяинъ нашъ, милое «дитя мое? У тебя прибавится много горя, «и при томъ, вѣдь это стоитъ расходовъ!»— Такъ говорила моя бабушка; споры наши по сему случаю были безконечны. Сколько могъ лучше, я опровергалъ всѣ возраженія бабушки. Между тѣмъ она была совершенно права: едва собака явилась у насъ, мы получили формаль-

Digitized by Google

ный отказъ нашего хозяина, приказнаго человѣка по природѣ. Съ сей поры я почувствовалъ непреодолимое отвращеніе отъ всѣхъ приказныхъ....

Помните-ли вы первую вашу собаку? Я помню моего Азора, больше помню, нежели какую нибудь Юлію—говорю для примѣра. Собаку мою звали просто: *Азоръ* — такъ назвала ее моя бабушка. Азоръ былъ ублюдокъ пуделя и эпаньольки, такъ, что соединялъ въ себѣ прелесть эпаньольки, и вѣрность и понятливость пуделя. Сосѣдъ нашъ, мѣлочной торгашъ, подарилъ мнѣ Азора щенкомъ; мы воспитали его, съ безконечными заботами, и онъ воспользовался нашею заботливостью удивительно. Онъ былъ силенъ, понятливъ, скроменъ; всякій, кто былъ слабѣе, могъ притѣснять, бить его, такъ, что онъ никогда не скалилъ при томъ своихъ крѣпкихъ зубовъ, не возвышалъ голоса, весьма звонкаго. При томъ, онъ былъ счастливъ, игривъ, не честолюбецъ, охотникъ гулять, валялся по травѣ съ истиннымъ наслажденіемъ, всегда хорошо спалъ и хорошо ѣлъ. Бабушка говаривала, смѣясь, что Азоръ и я были братья. Онъ умеръ— увы! онъ умеръ, бѣдный мой братишка, отравленный по повелѣнію новаго нашего хозяина.... Я сказалъ-бы здѣсь имя этого

Digitized by Google

человѣка.... Но смерть избавила его отъ мщенія Азорова.... Бѣдный мой Азоръ!

Если-бы кто сказалъ мнѣ въ то время, что этого ублюдка-собаченку, рожденнаго въ задней отгородкѣ лавки мѣлочнаго торгаша, подареннаго мнѣ этимъ торгашемъ потому, что нѣкуда было дѣвать его, замѣнитъ въ любви моей собака Ламартина, прелестное дитя матери Гречанки, рожденное въ Сенъ-Пуанѣ, въ комнатахъ поэта, подаренное мнѣ самимъ Поэтомъ, воспѣтое имъ при отъѣздѣ его на Востокъ.... кто сказалъ-бы мнѣ все это тогда, тотъ опечалилъ-бы тебя, мой бѣдный Азоръ, и удивилъ-бы меня, дитя мое!

Кромѣ друга моего Азора, въ то-же время было у меня еще знакомство, весьма пріятное и усладительное. Это было знакомство съ маленькою, хорошенькою лошадкою, жеребенкомъ 18-ти мѣсяцевъ, но такимъ живымъ, такимъ рѣзвымъ, проспымъ, добродушнымъ—если можно такъ сказать—словомъ: такимъ милымъ, что я посѣщалъ его почти каждый день. Эта лошадка, прелестная, какъ мнѣ казалось, принадлежала старому лекарю, бранчивому, брюзгливому, несносному даже съ своими больными; онъ развлекался и улыбался только въ своей конюшнѣ, смотря на своего жеребенка. Тутъ проводилъ онъ большую часть времени, наблюдая, какъ

Digitized by Google

подрастаетъ его жеребенокъ. Жеребенокъ росъ быстро, хорошо, и росъ-бы еще быстрѣе и лучше безъ скупости его хозяина. Но лекарь былъ скупъ, даже и къ своему любимцу. Онъ назначалъ своей лошадкѣ и своей женѣ опредѣленную порцію ѣды. Лошадка никогда не видала овса, и мало видѣла сѣна; но за то ей шло много капусты, моркови, шелухи, остатковъ овощей всякаго рода, и, если угодно, соломы. Всѣ кухарки въ окрестностяхъ жилища лекаря любили милую лошадку, и приносили ей остатки зелени и овощей. Въ дынное время у лекаря была настоящая складка испорченныхъ дынь, а это заставляло бѣдняжку лошадку ржать отъ радости. Я увѣренъ, что не одна гнилая дыня была часто нарочно покупаема, что-бы какой нибудь Машѣ, Лизѣ, Розѣ, добрымъ кухаркамъ, имѣть случай отложить большую часть ея для своей любимицы, лошадки сосѣда, потому что господа ихъ не могли ѣсть испорченныхъ дынь.

Ну, что-же эта лошадка, красивая, любимая, эта милая лошадка, *прекрасная скотина*, какъ называлъ ее лекарь, это дитя Торнтона, помнится, по словамъ лекаря, который весьма хорошо зналъ ея генеалогію, зналъ ея отца и мать — что-же она? — Что? Лекарь скончался, не успѣвъ поѣздить на своей лошадкѣ. Онъ

Digitized by Google

умеръ, почтенный человѣкъ, въ то самое время, когда рѣшался уже давать своей воспитанницѣ по немногу овса. Долго послѣ того ничего не слыхалъ я о хорошенькой лошадкѣ. Случайно наконецъ, попалась она мнѣ въ объявленіяхъ о продажѣ лошадей. Это должна быть она—думалъ я—ея годы, ея примѣты, ея жилище—это она! О счастье! Бѣгу, лечу, вижу ее, вновь говорю съ нею, узнаю ее, хотя она не была уже такъ хороша, какъ прежде, такъ гибка, легка, проворна, воздушна, дитя Торнтона; но она всегда была моя старая знакомка, моя милая лошадка. Едва увидѣлъ я ее, какъ и назвалъ по имени, къ великому изумленію дворника. Въ тотъ-же день лошадка принадлежала мнѣ; она оставила свою конюшню, мѣстопребываніе своей юности, и пошла за мною, своимъ старымъ сосѣдомъ. Теперь она дѣлаетъ, что ей угодно; выходитъ изъ конюшни когда ей хочется; никогда не остается на дворѣ въ дурную погоду, подъ дождемъ; ѣстъ овесъ по прежды въ день, и соломы въ ея стойлѣ всегда вдоволь. Когда изъ какой нибудь кофейной Парижской видятъ меня случайно, влекомаго моею лошадкою, жители кофейной подымаютъ плеча и смѣются надъ лошадью и господиномъ. Но я не промѣняю моей лошадки изъ Драгунской улицы на лучшую Англійскую лошадь посѣтителей кофейной.

Digitized by Google

Эта исторія о собакѣ и лошади можетъ подтвердить всѣмъ молодымъ людямъ, которыхъ судьба, случай, несчастіе, и даже, можетъ быть, дарованіе (и это случается) заставятъ приняться за Литературу, слѣдующее нравоученіе: съ ревностью и трудомъ, при порядочномъ поведеніи и настойчивости, съ совершеннымъ самоотреченіемъ, и съ работою днемъ и ночью, и съ почетнымъ знакомствомъ, и съ жизнью, отданною на всѣ случайности, на всѣ скорби, на всѣ непріятности литературныя, счастливому писателю будетъ наконецъ возможность, послѣ шести лѣтъ постояннаго заняті — имѣть красивую собаку и плохую лошадь!

Рѣшась говорить о моей литературной жизни, надобно-же мнѣ говорить объ ней, и прежде всего о томъ, чѣмъ началась моя литературная жизнь. Какъ ни обширно буду я распространяться, пока дойду до этой части моей Исторіи, всѣ эти шаловливые извороты моей юности мнѣ не помогутъ. Надобно приступить къ настоящему дѣлу — литературной жизни. Но это значитъ писать огромную Исторію. Для этой Исторіи собралъ я множество матеріяловъ, и когда нибудь употреблю ихъ въ дѣло. Здѣсь хочу разсказывать только о моей собственной Исторіи литературной.

Digitized by Google

Она не велика ; однакожъ, она дастъ довольно вѣрную идею о литтературной жизни нашего времени.

И такъ—о чемъ уже говорилъ я—меня занимало житье со дня на день; у меня были маленькія прихоти; я былъ беззаботный и безпечный, добрый, веселый малой — ничего больше, ничего меньше; впрочемъ, я не сомнѣвался въ своемъ достоинствѣ, если были у меня какія нибудь достоинства. Думаю, что нѣтъ человѣка пишущаго, который-бы такъ мало испытывалъ себя предварительно въ писаньѣ. Могу сказать, со всею возможною скромностію, что до моей первой журнальной статьи, едва-ли писалъ я одну строчку литтературную. Я много читалъ великихъ прозаиковъ и великихъ поэтовъ; много переводилъ изъ великихъ писателей, особливо изъ Горація. Но мысль: писать самому, хоть-бы романъ какой нибудь, хоть-бы и гораздо менѣе — напримѣръ, трагедію въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ — никогда не приходила мнѣ въ голову. Еще болѣе: не думаю, что-бы до моего вступленія въ міръ литтературный, я прочиталъ двадцать листочковъ журнальныхъ. Все, что зналъ я изъ Журналовъ, были листочки Жоффруа и статьи Дюссо, собранные въ книги. У меня оставалось даже отъ привы-

Digitized by Google

чекъ родительскаго дома, не знаю какое-то неопредѣленное, почтительное удивленіе къ Жоффруа и Дюссо, и къ Журналу, въ которомъ они работали, такъ, что я всегда отбросилъ-бы, какъ дѣло невѣроятное, самую легкую мысль написать хотя три строки въ Журналѣ, гдѣ писали они. Это продолженіе исторіи о собакѣ Ламартина и лошадкѣ Драгунской улицы — только въ большемъ объемѣ.

Вотъ какъ вступилъ я на литературное поприще. Однажды, прогуливаюсь передъ Театромъ, существующимъ нынѣ только отчасти, и который казался мнѣ совершенствомъ Искусства (этого не понимаю теперь даже и я самъ — такъ измѣняется нашъ вкусъ, съ годами и нравами!) — сказать-ли вамъ, передъ какимъ Театромъ? Вы будете смѣяться: это была *Комическая Опера*, любимый Театръ охотниковъ до Комедіи, потому, что тамъ пѣли немного, и охотниковъ до Музыки, потому, что тамъ мало играли Комедій. Я любилъ его, кажется потому, что тамъ были соединены Комедія и Музыка. Какъ часто, по Воскресеньямъ, въ прекрасное время вторичной и послѣдней славы Мартена, прихаживалъ я въ тѣсный, нечистый проулокъ Фейдо, ждать мо-

Digitized by Google

его билета въ партеръ, пять часовъ стоя на ногахъ, на тощакъ, горячо споря о Г-жѣ Прадеръ и Г-жѣ Риго, о Мартенѣ и Поншардѣ! Сколько восхитительныхъ наслажденій испытывалъ я въ этомъ партерѣ, когда, жадными ушами и съ жадною душею, внимательно вслушивался въ эти прекрасныя Драмы, эти прекрасныя Комедіи, эту божественную музыку, этихъ великихъ пѣвцовъ! Не думаю, что-бы когда нибудь еще, столь полное собраніе посредственностей всякаго рода, музыки и стиховъ, актёровъ и пѣвцовъ, возбуждало болѣе восторга и чувства въ сердцѣ молодаго человѣка: я былъ пьянъ удивленіемъ, пьянъ блаженствомъ — сердце мое подымало на себѣ задавленную мою грудь. Куда дѣваться? Что начать? Счастливыя восхищенія! гдѣ-же вы? Театръ, гдѣ кипѣлъ весь этотъ невинный и смѣшной восторгъ былъ еще менѣе долговѣченъ, нежели мое удивленіе. Онъ сокрушенъ рукою каменьщика, этотъ прелестный Театръ. Нынѣ, проходя улицею Фейдо, вы можете еще видѣть его безмолвную внутренность, его ободранныя ложи, его повѣсившее голову эхо. Бѣдный старый Театръ! Напрасно старается онъ закрыть свою печальную наготу! Никто не спѣшитъ къ нему на помощь; однѣ развалины спасаютъ его отъ по-

Digitized by Google

слѣдняго разрушенія.... Миръ праху твоему! Вошъ и я, еще столь юный, я сижу на развалинахъ этого Театра, гдѣ волновало меня столько различныхъ страстей, сижу, какъ Марій на развалинахъ Карѳагена! Но въ наше время, когда мы перевидали столько развалинъ, великихъ и малыхъ, столько побѣдителей вчера, побѣжденныхъ сегодня, кто изъ насъ, въ самой тѣсной сферѣ бытія, не былъ, не есть Марій, сидящій на Карѳагенскихъ развалинахъ!

И такъ, въ тотъ день бродилъ я вокругъ Комической Оперы, какъ страждущая, грѣшная душа, совѣтуясь съ самимъ собою, и разсчитывая: могу-ли я на сей разъ сдѣлать огромный расходъ — 44 су, чего стоило мѣсто въ Комической Оперѣ, въ то время? Когда я разсуждалъ такимъ образомъ, вдругъ встрѣтился со мною любезный молодой человѣкъ, котораго часто видалъ я въ Люксанбургѣ. Наши собаки сдѣлались друзьями, хотя его собака была отличной Датской породы, и подлѣ нея мой бѣдный Азоръ представлялъ жалкую ролю. Послѣ дружбы нашихъ собакъ, познакомились и мы. Мой знакомецъ велъ подъ руку прелестную, щегольски одѣтую женщину. Они шли вмѣстѣ въ Комическую Оперу, и—въ случаѣ на-

Digitized by Google

добности, я могу даже отыскать день, когда это случилось. Въ этотъ день дебютировалъ Лафейльадъ, и снова явился Гаводанъ въ пьесѣ: *le Délire*. Судите о моемъ блаженствѣ, о моей радости, когда молодой щеголь, знакомецъ мой, имѣвшій отдѣльную ложу въ Театрѣ, предложилъ мнѣ мѣсто подлѣ своей красивой подруги! Я поспѣшно согласился, и проворчалъ какую-то благодарность. Но что было со мною, когда мой знакомецъ разсказалъ мнѣ тихонько, что прелестная дама, съ которою обходился онъ такъ запросто, была Оперная пѣвица—да, пѣвица, и одна изъ лучшихъ! Тогда я уже не былъ въ здѣшнемъ мірѣ, и въ головѣ моей шумѣло такъ, какъ будто я купался, и мнѣ въ уши попала вода. Я не зналъ: отъ чего больше приходить въ восторгъ? Отъ того-ли, что я сижу подлѣ знаменитой Оперной пѣвицы; отъ того-ли, что я лицомъ къ лицу сижу противъ Гаводана, самого Гаводана? Видѣть, чувствовать, наблюдать, какъ она, разсѣянная, скучная, вертитъ лорнетомъ на другихъ мужчинъ (я сердился за моего пріятеля), слушаетъ не слыша мои глупости, мои робкія, трепещущія вѣжливости, беретъ не принимая мой букетъ фіалокъ...И кѣмъ-же тутъ заниматься? Ею-ли? Пѣвцомъ-ли? — Словомъ: вечеръ былъ упоительный. Въ то время, жен-

Digitized by Google

щины, если онѣ были молоды и хороши, казались мнѣ окруженными не знаю какимъ-то сіяніемъ, пламеннымъ, горящимъ, фосфорическою частію души, чѣмъ-то такимъ, чего изъяснить я не могу, за недостаткомъ выраженій. Сколько тогда бывало у меня страстей! Ахъ! отдайте мнѣ страсти, хоть одного этого вечера! Отдайте мнѣ это поэтическое жужжанье въ моемъ рухломъ черепѣ; отдайте мнѣ это горящее, пламенное сіяніе, какимъ окружалась для меня каждая женщина; отдайте обожательный стукъ моего бѣднаго сердца; отдайте особенно мое глупое, легкое изумленіе, любовь мою ко всѣмъ, совершенное незнаніе всѣхъ таинствъ Искусства, всѣхъ требованій Искусства; перенесите меня въ мой двадцатый годъ, цвѣтущій и краснощекій, невинный и безпечный, и вы увидите, вы увидите— въ самомъ-ли дѣлѣ душа моя такъ жестка, сердце сухо и холодно, умъ брюзгливъ и презирающъ, у меня, непримиримаго критика! Но, увы, увы! Гдѣ мои двадцать лѣтъ? Гдѣ они, увы! Гдѣ также и ты, моя очаровательная пѣвица? Чѣмъ ты сдѣлалась, или, лучше сказать, чѣмъ ты не сдѣлалась? Скажите мнѣ объ этой пѣвицѣ, или, я самъ разскажу вамъ о ней новости, самыя послѣднія.

Digitized by Google

Три года шому, проѣзжая черезъ Неверъ, дилижансъ остановился. Мы хотѣли обѣдать. Случайно взглянулъ я на аффишку о концертѣ, какой давали въ этотъ вечеръ. О изумленіе! имя моей пѣвицы, имя, котораго я никогда не забывалъ, та самая красавица — она, невнимательнымъ взоромъ бросившая меня въ литературную жизнь! Въ этотъ вечеръ, въ Неверѣ, она обѣщала аффишкою пѣть, Богъ знаетъ что̀, изъ Россини и Пансерона. Она всегда была такая добрая, всегда жила для настоящаго часа, любила крайности, и любовалась всѣми излишествами. Имя женщины, которую обожалъ я три часа самымъ страстнымъ обожаніемъ, упало на меня вдругъ, такъ нежданно, на большой дорогѣ, въ провинціяльномъ городишкѣ! Впечатлѣніе было сильно. Я рѣшился еще разъ видѣть ее, прежде моей смерти, или прежде ея смерти. Я хотѣлъ узнать: какова она въ самомъ дѣлѣ, эта женщина? Вотъ, дилижансъ уѣхалъ безъ меня, а я нетерпѣливо дожидался концерта. Часъ концерта наступилъ. Первый я вошелъ въ залу, худо освѣщенную, гдѣ въ мертвомъ, глупомъ молчаніи стояло дрянное фортепіано, занятое у какой нибудь, недавно вышедшей за-мужъ, жены писаря Префектова, или Секретаря Мерова. Музыкальное орудіе это стояло тутъ, разинувъ ротъ, и, отъ нечего

Digitized by Google

дѣлать, я сталъ разсматривать его со всѣхъ сторонъ. Безмолвное, ужасное созерцаніе! Въ самомъ дѣлѣ: какое великое зло каждое провинціяльное форшепіано! Какой неистощимый источникъ фальшивыхъ, крикливыхъ звуковъ, гадкой, мѣщанской музыки! Сколько проклятыхъ романсовъ заключено въ этихъ четырехъ кускахъ дерева, сколько нескончаемыхъ сонатъ! Провинціяльное форшепіано заставляетъ меня трепетать при одной мысли о томъ, какъ легко можетъ быть перенесена повсюду его несносная гармонія, о томъ, какъ легко и нежданно можетъ оно загремѣть! Мое мечтаніе въ пустой залѣ концерта было продолжительно. Мало по малу, зала наполнилась. Отъ форшепіано я обратился къ провинціяльнымъ любителямъ Музыки, отъ нихъ къ самой артисткѣ. Она явилась наконецъ; она появилась передо мною; громко возвѣстили приходъ ея: это была она! Но точно-ли это была она? Я увидѣлъ бѣдную женщину, худощавую, красноорожую, въ пестромъ платьѣ, въ цвѣтныхъ перчаткахъ, съ волосами, всчесанными на лобъ, со взоромъ, въ одно время безпокойнымъ и горделивымъ. Какое паденіе! Между тѣмъ, этимъ взоромъ, сама того не зная, она бросила меня въ литературную жизнь! Что пѣла она, эта бѣдная женщина, право, не умѣю вамъ

Digitized by Google

сказать. Она пѣла такъ гадко, что ей до безумія хлопало все, что было въ собраніи значительнаго. Она кончила свое бытіе, кончила невозвратно, сдѣлалась бродягою, она, образованная Цыганка! Она упала въ кочевую, жалкую жизнь, бродящее состояніе, опозоренное униженіемъ и бѣдностью, каррикатуру на извѣстность — страсть, отъ которой никогда не избавится душа художника! Я былъ въ этомъ концертѣ, какъ Мильтонъ младенецъ. Онъ спалъ однажды. Двѣ красавицы остановились передъ нимъ, и положили ему за пазуху два страстные стиха. Мильтонъ пробудился; нашелъ стихи; красавицъ уже не было. Я былъ пробужденный Мильтонъ; я вновь узрѣлъ мое поэтическое видѣніе, только оно явилось въ лоскутьяхъ. Прости-же, мое видѣніе!

Печально было наше прощанье; но у кого изъ насъ преждевременно не раскрывались глаза? Кто изъ нынѣшнихъ молодыхъ людей — говорю о самыхъ благоразумныхъ — не сошелъ тяжело и тяжко съ своего восторга 18-милѣтней юности, достигнувъ туда однимъ прыжкомъ? Я зналъ человѣка—онъ былъ послѣ того дважды осужденъ на смерть: человѣкъ сильный, безстрашный — зналъ человѣка, и что-же? Этотъ человѣкъ, послѣ трехъ лѣтъ ожи-

Digitized by Google

данія и удивленія, шакже въ Комической Опе-рѣ, почиталъ себя счастливымъ, когда могъ поцѣловать изношенную перчатку дѣвчонки. И эту дѣвчонку не возьметъ онъ теперь въ няньки своему сыну! Да—если обо всемъ этомъ подумаешь—позволено быть грустнымъ и печальнымъ каждый разъ, когда какое нибудь изъ обольщеній юности удаляется отъ насъ, тяжелымъ шагомъ, робко придерживая свое запачканное платье, какъ негодяйка, которую полицейскій коммисаръ гонитъ домой, заставши въ непозволенный часъ бродящею по улицѣ!

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Digitized by Google

ЖИВОПИСЕЦЪ.

Ты любишь тяжело и трудно,
А сердце женское шутя . . .

Пушкинъ.

. . . . И такъ я рѣшился самъ ѣхать въ Петербургъ. Уже все было готово для моей поѣздки, когда пришелъ ко мнѣ бывшій Уѣздный Казначей нашего города, добрый, почтенный старикъ. Прослуживъ безпорочно лѣтъ сорокъ, онъ жилъ на покоѣ, съ небольшою пенсіею и большимъ семействомъ, довольный тихимъ своимъ жребіемъ. Изъ дѣтей его, два сына служили въ нашемъ городѣ, и считались дѣловыми и честными чиновниками; одинъ изъ нихъ былъ уже самъ отецъ семейства. Въ губернскихъ городахъ, обыкновенно, всѣ знакомы между собою, и почти никто не друженъ. Я уважалъ нашего стараго Казначея; въ праздники мы платили другъ другу визиты; иногда и въ будни бывалъ я у него, а онъ у меня. Тѣмъ ограничивались всѣ наши отношенія. Мы обыкновенно и всего чаще говаривали о погодѣ, о новостяхъ. Старикъ любилъ читать Газеты, пить

Digitized by Google

чай въ дружескомъ кругу, любилъ выкурить трубку табаку, и потолковать о перемѣнахъ Министровъ и государственныхъ чиновниковъ. Онъ служилъ нѣкогда при Графѣ Безбородко; это было безконечнымъ предметомъ для его разсказовъ. Въ теченіе 30-ти лѣтней жизни и службы въ провинціи, старикъ не могъ отвыкнуть отъ всегдашней поговорки своей: «*У насъ въ Петербургѣ—у нашего Графа Александра Андреевича...*» *Мы Петербургскіе* прибавлялъ онъ, съ особеннымъ удовольствіемъ.

«Я зашелъ къ вамъ на минутку» — сказалъ онъ мнѣ — «и ни мало не задержу васъ.»

— Всегда радъ вамъ сердечно.

«Рады, я увѣренъ, но при отъѣздѣ бываетъ много хлопотъ — не буду мѣшать, и разскажу коротко въ чемъ дѣло: сдѣлайте мнѣ большое одолженіе, если только это не отяготитъ васъ.

— Прошу васъ только сказать мнѣ.

«Все дѣло, изволите видѣть, въ томъ, что вотъ письмо къ младшему сыну моему, живущему въ С. Петербургѣ.

— Я и не зналъ, что у васъ сынъ служитъ въ Петербургѣ.

Digitized by Google

« Ахъ! если-бы *служилъ*, я и не утруждалъ-бы васъ. А то, Богъ знаетъ, какъ вамъ и сказать. . . .

— Развѣ вы имъ недовольны. . . если только этотъ вопросъ не нескромность съ моей стороны. —

« Помилуйте! Любя и уважая васъ, какъ человѣка *солиднаго* и *степеннаго*, я именно *васъ* хотѣлъ просить, чтобы вы узнали въ Петербургѣ поподробнѣе о моемъ сынѣ. Въ прошлый годъ я просилъ было объ этомъ нашего почтеннаго Г-на Прокурора, когда онъ ѣздилъ въ Петербургъ; но ему было нѣкогда. Онъ послалъ письмо мое съ своимъ человѣкомъ, и велѣлъ сынишку моему придти къ себѣ, а тотъ не пришелъ. Нынѣ ѣздилъ въ Петербургъ почтеннѣйшій Г-нъ Почтмейстеръ; но забылъ письмо мое дома, не зналъ адреса, и не видалъ моего сына. Впрочемъ, всякій ѣдетъ въ Петербургъ съ своими хлопотами. Вѣдь у насъ въ Петербургѣ бездѣльниковъ нѣтъ. Если уже кому нибудь и въ самомъ дѣлѣ нечего дѣлать— ну, такъ, по крайней мѣрѣ, показываетъ, что будто дѣлаетъ что нибудь. А съ этимъ соображается всякій, кто пріѣзжаетъ въ Петербургъ.

Признаюсь, какъ ни уважалъ я стараго Казначея, но, порученіе его было мнѣ непріят-

Digitized by Google

но. Я думалъ, что онъ заставитъ меня искать по Петербургу какого нибудь молодаго повѣсу, отставнаго Корнета, или Коллежскаго Секретаря, шалуна; препоручитъ мнѣ усовѣщивать его, приводить на путь правый....

Можетъ быть, старикъ замѣтилъ непріятное выраженіе на лицѣ моемъ. Онъ было опустилъ уже руку въ карманъ свой, что-бы вынять письмо, и вдругъ остановился.

— Впрочемъ, если вамъ нѣкогда будетъ заняться моею просьбою — сказалъ онъ — то, будьте только откровенны, я не обременю васъ...

« О, нѣтъ, нѣтъ! » отвѣчалъ я. « Пожалуйте мнѣ ваше письмо. Вы знаете, что я долженъ прожить въ Петербургѣ долго, и времени свободнаго будетъ у меня немало.

— Ахъ, сударь! не будучи сами отцомъ, вы не можете судить о чувствѣ родительскаго сердца, когда отецъ ничего не знаетъ объ участи своего сына! — Слезы навернулись на глазахъ старика.—Двое дѣтей со мною, и, нечего сказать, ушѣха моя на старости, кормильцы моей дряхлости; а вѣдь я самъ чувствую, что люблю моего вѣтреника Петербургскаго болѣе ихъ.... — Старикъ вынулъ изъ кармана клѣтчатый бумажный платокъ и утеръ глаза.— Вотъ уже болѣе года отъ него нѣтъ даже писемъ!

Digitized by Google

Мнѣ стало совѣстно. Мгновенный порывъ эгоизма разсѣялся, когда я увидѣлъ отца, плачущаго о миломъ, можетъ быть погибшемъ сынѣ. « Пожалуйте мнѣ ваше письмо »—сказалъ я съ жаромъ—« и вѣрьте, что вы получите отъ меня вѣрныя свѣдѣнія о сынѣ вашемъ. Если я могу чѣмъ нибудь быть ему полезнымъ, то готовъ употребить всѣ силы. »

— Благодарю васъ. Вы утѣшаете меня словами вашими. Но я прошу только одного: откровенности вашей. Повидайтесь съ сыномъ моимъ, поговорите съ нимъ, наблюдите за нимъ, и потомъ скажите мнѣ безъ закрышки и добро и худо. Но помощи вашей никакой не надобно. Я знаю моего вѣтреника: онъ будетъ умирать съ голода, а пособія не приметъ ни отъ кого; при всемъ добромъ сердцѣ своемъ, онъ не послушается ни чьихъ совѣтовъ. Если-бы только зналъ я, что ему есть нужда, то послѣднее послалъ-бы къ нему. Но это будетъ безполезно: онъ отошлетъ назадъ. Да, я-же и не вѣдаю, гдѣ онъ, и что онъ!

« Вы изумляете меня! Если онъ такъ благороденъ и гордъ, то почему-же вы безпокоитесь о немъ? Изъ первыхъ словъ вашихъ можно-бъ было заключить, что сынъ вашъ какой нибудь шалунъ. . . »

Digitized by Google

—О, нѣтъ, сударь, но.... Старикъ вздохнулъ.— Боюсь, что ему худо жить на бѣломъ свѣтѣ! У насъ въ Петербургѣ не житье людямъ, подобнымъ Аркадію моему....

« Но для чего-же вы отправили его въ Петербургъ ? »

— Его вырвали у меня, онъ самъ вырвался у меня! Богъ судья покойнику, Его Превосходительству Григорью Григорьевичу : сбилъ съ толку моего сынишка и меня!

« Стало быть, сынъ вашъ уже давно находится въ Петербургѣ? Григорій Григорьевичъ былъ у насъ Губернаторомъ лѣтъ десять тому.»

— Нѣтъ! пятнадцать минетъ о Петровѣ дни, какъ онъ уѣхалъ, и вотъ уже пять лѣтъ, какъ онъ изволилъ скончаться. Можно-ли было не послушаться! Мы съ Его Превосходительствомъ были, изволите видѣть, сослуживцы, и вмѣстѣ служили у нашего Графа. Ему повезло—уменъ былъ—я не пошелъ въ гору, уѣхалъ сюда, женился. Но когда потомъ Его Превосходительство изволилъ пріѣхать къ намъ Губернаторомъ—вѣдь не забылъ, сударь, онъ стараго сослуживца! Бывало всегда, такъ ко мнѣ милостивъ—всегда изволитъ говорить со мною, когда пріѣдемъ бывало къ нему въ большой праздникъ. Да, сударь, дай Богъ ему царство

Digitized by Google

небесное! не гордился онъ со мною! И Г-нъ Вице-Губернаторъ стоитъ, да щиплетъ плюмажикъ; и Г-нъ Прокуроръ руки по швамъ; а меня за руку, и начнетъ: «Что, братъ Иванъ Перфильевичъ? Какъ поживаешь? Ну, что у тебя въ Казначействѣ? Не развелось-ли много крысъ?» Зависти-то сколько было, когда онъ взялъ къ себѣ моего Аркадія! А вотъ, люди не знаютъ чему завидуютъ!

«Но, вѣроятно, Григорій Григорьевичъ видѣлъ необыкновенныя способности вашего сына, и хотѣлъ доставить ему хорошее мѣсто?»

— Да, вѣдь онъ и не думалъ опредѣлить его въ службу.

«Какъ? Что это значитъ? Для чего-же онъ взялъ его съ собою?

— И самъ растолковать вамъ хорошенько не умѣю! У моего Аркадія совсѣмъ не было отличныхъ способностей; грамотѣ учился онъ плохо; нрава съ малолѣтства былъ пречуднаго: нелюдимъ и вѣтреникъ, шалунъ и плакса.... Одно только и было его любимое занятіе: писать картинки. Славно писалъ онъ ихъ, ни гдѣ не учась: самъ, сударь, выучился! Богъ открылъ ему дарованіе. Его Превосходительство полюбилъ Аркадія; сначала только призывалъ его къ себѣ; потомъ онъ по недѣлѣ проживалъ

Digitized by Google

у него иногда на дачѣ; а наконецъ всегда бывалъ съ нимъ; прогуливаются, бывало, вмѣстѣ, по лѣсамъ, по полямъ. Я не узнавалъ моего Аркадія: онъ сдѣлался тихій, смирный такой. Наконецъ, Его Превосходительство потребовалъ у меня Аркадія съ собою, когда изволилъ быть переведеннымъ въ Петербургъ. Я было сначала не соглашался. Какъ теперь помню: призвалъ меня къ себѣ Его Превосходительство; Аркадій стоитъ печальный у окна, а Его Превосходительство, въ первый разъ, началъ со мною говорить не шутя, и такъ, какъ никогда еще не говаривалъ. Я ничего изъ словъ его не понималъ. «Можетъ быть, сынъ твой переживетъ тебя, и меня, и весь твой городъ, и вѣкъ нашъ!» говорилъ онъ. «Ты хочешь сдѣлать изъ него подьячаго, и не понимаешь божественной силы, какая заключена въ душѣ его!» Ну, и прочее, и прочее, что я со страха едва разслушалъ. Глаза Его Превосходительства были страшны. Я видѣлъ, что онъ разсерженъ—нечего сказать—испугался! Аркадій уѣхалъ съ нимъ, и поселился въ Петербургѣ. Право, ужь не умѣю сказать: чему онъ все это время учился. Да вотъ, сударь, что̀ значатъ людскія намѣренія! Его Превосходительство сказалъ мнѣ, что обезпечитъ будущую судьбу моего сына, а это были только пустыя слова! Его Превосходительство скоропостижно скончался.

Digitized by Google

Я знаю, что Аркадій былъ его другомъ и любимцемъ до самой смерши; что Григорій Григорьевичъ опредѣлилъ его въ Главное Училище Живописи (*). Но какъ-бы это ни было, а Его Превосходительство ничего не оставилъ моему сыну. Я писалъ къ Аркадію объ этомъ, и—позвольте, вотъ со мною отвѣтъ Аркадія. Посудите, что̀ мнѣ съ нимъ дѣлать?

Слова старика возбуждали во мнѣ сильное любопытство. Я взялъ письмо. Оно было написано связнымъ, но смѣлымъ, округлымъ почеркомъ, и прямо на-бѣло, ибо нѣсколько помарокъ показывали, что его не приготовляли на досугѣ, что оно вылилось на бумагу прямо изъ сердца. Вотъ оно, слово въ слово; я выпросилъ его̀ у старика:

« Послѣднее письмо ваше, любезный родитель, опечалило меня, а приписка братьевъ еще болѣе. Простите, если буду съ вами откровененъ. Вы изволите спрашивать, почему увѣдом-

---

(*) Надобно-ли сказывать здѣсь читателямъ, что поелику вся сія повѣсть есть сказка, выдумка, то и все, что говоритъ въ ней Сочинитель, Г-нъ Мамаевъ, объ ученіи и училищахъ, есть выдумка, или сущій вздоръ. Слѣдовательно, его словъ ни къ какому Петербургскому училищу относить не должно. *Примѣчаніе, для людей, любящихъ примѣненія.*

Digitized by Google

ляя васъ о моемъ несчастіи, кончинѣ моего благодѣтеля, я ничего не сказалъ о томъ: исполнилъ-ли онъ свое слово, и наградилъ-ли меня чѣмъ нибудь въ своей духовной? Къ этому присовокупляете вы сожалѣнія, и поставляете Бога судьею, если благодѣтель мой не исполнилъ даннаго вамъ слова. Слова ваши растерзали мое сердце. Если-бы вы не были моимъ отцомъ, отцомъ всегда для меня незабвеннымъ, обожаемымъ мною, я ничего не отвѣчалъ-бы вамъ, и—клянусь Богомъ — не только никогда не писалъ-бы я къ вамъ болѣе, но никогда и не встрѣтился-бы съ человѣкомъ, написавшимъ мнѣ письмо, подобное вашему! На колѣняхъ прошу прощенія вашего, если слова мои покажутся вамъ дерзки. Но я со слезами молю Бога простить несправедливый ропотъ вашъ, и то оскорбленіе, какое нанесли вы ропотомъ вашимъ священной для меня тѣни моего благодѣтеля! Правда, онъ мнѣ не оставилъ ничего по духовной—если это угодно вамъ знать—ничего, потому что не думалъ о своей духовной. Кончина его была неожиданная. Но неужели тогда только былъ-бы онъ моимъ истиннымъ благодѣтелемъ, когда далъ-бы мнѣ кусокъ *насущнаго хлѣба?* Неужели только деньгами могъ онъ оказать мнѣ благодѣяніе? Не знаю, чѣмъ не обязанъ я ему; не знаю, что былъ-бы я, если-бы Провидѣніе не привело меня при началѣ жиз-

Digitized by Google

ни моей къ этому спасителю, ангелу хранителю моему! Если я еще живу, если я чувствую бытіе мое, всѣмъ этимъ ему одному я обязанъ—ему и никому болѣе! Еще разъ простите мнѣ, любезный родитель! Пишу, что сказываетъ мнѣ сердце мое; не смѣю перечитать написаннаго, но не въ силахъ писать къ вамъ иначе. Можетъ быть, мы не поймемъ другъ друга; но я знаю добродѣтельную душу вашу, знаю ваше чистое, святое сердце, и къ нимъ отношусь я. Прошу васъ обо мнѣ не безпокоиться. Руки и голова у меня здоровы, и я не умру съ голода. И въ этомъ случаѣ, невольно обращаюсь я къ припискѣ братьевъ моихъ. Имъ угодно пенять, что я не пишу къ нимъ ничего о своихъ обстоятельствахъ, что я дѣлаю, и гдѣ я нахожусь. Имъ угодно осуждать меня въ какой-то безпечности, въ какой-то вѣтренности. Желаю имъ счастья, и только одно напомню: просилъ-ли я у нихъ хотя какого нибудь пособія, съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ ними? Смѣю увѣрить ихъ, что никогда и впередъ въ тягость имъ не буду. Горекъ хлѣбъ чужой; но отъ роднаго, который напоминаетъ намъ, что насъ кормитъ—это не полынь, а ядъ! Правда, что донынѣ я еще не могъ быть полезнымъ вамъ, любезный родитель—это сокрушаетъ меня, и одно изъ пламенныхъ желаній моихъ есть то, чтобы Богъ привелъ меня нѣ-

Digitized by Google

когда успокоишь старость вашу. Братья мои обладаютъ уже этимъ счастіемъ, и неужели не понимаютъ они цѣны его? Осмѣливаюсь думать и надѣяться, что Богъ пособитъ мнѣ нѣкогда быть вамъ полезнымъ — можетъ быть, болѣе ихъ. До тѣхъ поръ, желаю, чтобы другія дѣти ваши превзошли меня въ горячей молитвѣ, какую возсылаю я къ Богу за вашу драгоцѣнную жизнь, въ любви и почтеніи, какими преисполнена къ вамъ душа моя.»

— Ну вотъ, сударь, такія-то письма присылалъ всегда ко мнѣ мой Аркадій! Что прикажете мнѣ думать о немъ, и что съ нимъ дѣлать?

«Ничего, почтенный человѣкъ, ничего! Можете быть увѣрены, что вашъ Аркадій есть чистая, свѣтлая душа....»

— О душѣ-то я и не спорю; да голова-то у него...— Старикъ провелъ указательнымъ пальцемъ по головѣ своей. — И вотъ уже прошло съ годъ, какъ я вамъ докладывалъ, онъ вовсе ко мнѣ не пишетъ. При томъ, чистая душа не помѣшаетъ быть вѣтреникомъ и умереть съ голода, если мы будемъ только, знаете, летать поподнебесью и забывать о землѣ. Боюсь, сударь, я: не скрываютъ-ли чего нибудь отъ меня? Живъ-ли онъ? Не знаю и того, что

Digitized by Google

шеперь дѣлаетъ онъ въ Пешербургѣ? Въ послѣднемъ письмѣ писалъ онъ, что хочетъ ѣхать за границу, и поѣдетъ на счетъ Главнаго Училища Живописи.... Объ этакихъ людяхъ говаривалъ нашъ Графъ Александръ Андреевичъ....

«Успокойтесь; вѣрьте, что я увижусь съ сыномъ вашимъ, и обо всемъ васъ увѣдомлю— возразилъ я, съ невольнымъ чувствомъ. «Но на письмѣ вашемъ нѣтъ адреса?»

Старикъ опустилъ голову, помолчалъ, и сказалъ потомъ печально:—Я не знаю, гдѣ теперь живетъ мой Аркадій! Съ тѣхъ поръ, какъ его выключили изъ Главнаго Училища Живописи...

«*Выключили!* Давно-ли?

—Да, будетъ съ полгода, сударь, какъ говорилъ мнѣ объ этомъ одинъ проѣзжавшій здѣсь чиновникъ, который знаетъ всѣхъ главныхъ учителей въ Училищѣ Живописи—выключили за ссоры, за безпокойный характеръ! Вотъ, видите, что все это должно тревожить меня, какъ отца, нѣжно любящаго! Ахъ, ради Бога, сударь! Вы не сдѣлаете такъ, какъ Г-нъ Прокуроръ и Г-нъ Почтмейстеръ нашъ! Узнать объ Аркадіи всего вѣрнѣе можно въ домѣ Г-на N. N., человѣка почтеннаго, Коллежскаго Совѣтника и Кавалера, моего стараго сослуживца, къ которому всегда ходитъ Аркадій.

Digitized by Google

Мы разстались. Разговоръ съ старымъ Казначеемъ растрогалъ меня. Мнѣ нетерпѣливо захотѣлось узнать его страннаго сына, въ которомъ я не могъ дать самъ себѣ отчета. Признаюсь: молодой человѣкъ, бывшій любимцемъ умнаго и добродѣтельнаго чудака, нѣсколько времени находившагося Губернаторомъ въ нашемъ городѣ, и писавшій послѣ смерти его письмо, читанное мною, не могъ быть ничтожнымъ вѣтреникомъ, или шалуномъ, не отличеннымъ какимъ нибудь высокимъ дарованіемъ. Но, если, по Русскому обычаю, онъ, какъ художникъ, подвергался какой нибудь несчастной слабости, или дарованія его зашмѣвались примѣсью чего либо недостойнаго высокихъ дарованій? Если онъ былъ нѣчто *недоконченное*, съ душею великою, но лишенною средствъ достигнуть своего назначенія—созданіе малодушное, робкое, безразсудное? Словомъ: мнѣ, по крайней мѣрѣ, весьма любопытно было узнать Аркадія. «Только *любопытно?*» скажете вы. — Что-жь дѣлать! Въ мои годы перестаютъ уже *любить* психологическія странности, любить только за то одно, что онѣ странны. Это чувство проходитъ съ годами. Невольно дѣлаешься эгоистомъ въ сорокъ лѣтъ, отдружившись, отлюбивши на свой участокъ. Притомъ, жизнь въ провинціи бываетъ такая положительная, и приводитъ въ такое оцѣпенѣніе чувства ду-

Digitized by Google

ши.... Общее повѣрье, что въ сорокъ лѣтъ надобно быть *степеннымъ* и *солиднымъ*, какъ называлъ меня старый Казначей, и какимъ я почиталъ себя — все это холодило мое участіе, и превращало его—признаюсь—только въ простое любопытство, но сильное и живое.

Дня черезъ два по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, я увидѣлъ, что мнѣ придется долго, годъ или болѣе, прожить въ сѣверной Пальмирѣ, (такъ называютъ Петербургъ, хотя не понимаю почему, ибо пески Сиріи столько-же не походятъ на болота Ингерманландіи, сколько развалины Пальмиры на великолѣпный Петербургъ). Мысль объ Аркадіи мелькнула въ головѣ моей. Воспоминаніе о разговорѣ съ его отцомъ, и письмѣ, читанномъ мною, во всю дорогу не оставляло меня. Прежде всего отправился я къ Г-ну N. N. — На порогѣ небольшаго, опрятнаго дома, въ Грязной Колокольной улицѣ, встрѣтился со мною человѣкъ, сухощавый, въ вицъ-мундирѣ, съ Аннинскимъ крестомъ на шеѣ, съ Владимірскимъ въ петлицѣ. Спрашиваю у него о Г-нѣ N. N. — «Это я самъ»—отвѣчалъ мнѣ незнакомецъ. «Что вамъ угодно?»—Я желалъ-бы узнать, М. Г., гдѣ живетъ нѣкто Аркадій.....—Лицо Г-на N. N. покосилось— «Этого я не могу сказать, М. Г.»—

Digitized by Google

угрюмо проворчалъ Г-нъ N. N. — Но мнѣ говорилъ отецъ его, что вы съ нимъ хорошо знакомы. — «Отецъ его говорилъ вамъ несправедливо, М. Г. — Я точно позволялъ этому молодому человѣку посѣщать домъ мой, и Аркадій точно бывалъ у меня прежде, но уже болѣе года я съ нимъ не вижусь.» Г-нъ N. N. приподнялъ шляпу, и хотѣлъ идти. «По крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ узнать объ этомъ молодомъ человѣкѣ. — «Извините, я спѣшу къ должности, и мнѣ нѣкогда. Спросите о немъ въ Главномъ Училищѣ Живописи.» Г-нъ N. N. сухо поклонился и ушелъ. — Начало плохое—подумалъ я. Отзывъ его объ Аркадіи не рекомендуетъ молодаго человѣка. Мы такъ привыкли къ *рекомендаціи*, этому адресному билету общества, что прежде всего по ней начинаемъ судить о человѣкѣ, не думая, кто подписалъ его адресный билетъ. И такъ, Аркадій, вѣрно, какой нибудь вѣтреникъ и шалунъ? «Но этой-ли сухой рожѣ повѣрю я, хотя она принадлежитъ Коллежскому Совѣтнику и Кавалеру! Знаю я васъ, господа!» — сказалъ я, съ досадою стуча въ камни мостовой моею палкой. Странное дѣло: свиданіе съ Г-мъ N. N., напротивъ, усилило желаніе мое узнать Аркадія! Но гдѣ искать его? подумалъ я, и послалъ служителя спрашивать въ Главномъ Училищѣ Живописи. Онъ не добился толку. Старый

Digitized by Google

учитель тамошній качалъ головою, слыша вопросы объ Аркадіи. Онъ началъ разспрашивать служителя обо мнѣ; узналъ, что я пріѣзжій помѣщикъ, и проч. и проч. «На что-же твоему барину этого молодца?» спросилъ онъ наконецъ. «Если заказать портретъ, такъ вотъ тебѣ, братецъ, лучше, адресъ моего отличнаго ученика Чистомазова.»— Нѣтъ, сударь, не портретъ заказать, а есть у барина къ Г-ну Аркадію письма отъ отца его.— Отъ отца? Ну, не порадуется твой баринъ новому знакомству! Не знаю, братецъ, не знаю, гдѣ онъ живетъ. Да и никто этого у насъ не знаетъ. Онъ перемѣняетъ по три квартиры въ годъ, а иногда и болѣе.

По обыкновенію Русскихъ слугъ, мой служитель передалъ мнѣ разговоръ слово въ слово, съ прибавленіемъ: *дескать* и *молъ*.— «Плохо!» подумалъ я — «и тутъ его не любятъ!» Въ тотъ-же день отправился я въ Эрмитажъ. Вдругъ мнѣ пришло тамъ въ голову: спросить объ Аркадіи у одного старика живописца, который, смотря въ большія очки, съ помощію молодаго ученика своего списывалъ одну изъ огромныхъ картинъ Каналетти.

«Вотъ, сударь, въ десятый разъ списываю эту картину» — сказалъ мнѣ старикъ, когда

Digitized by Google

я началъ съ нимъ разговоръ объ его работѣ — «въ десятый!»

— Можетъ быть, вы находите въ ней какое нибудь высокое достоинство, судите о ней какъ опытный художникъ, и стараетесь особенно изучить ее.

«О нѣтъ!» въ замѣшательствѣ отвѣчалъ старикъ.— «Я, конечно, сударь, старый художникъ; понимаю красоты этой картины, и двѣ или три копіи сдѣлалъ съ нея, въ самомъ дѣлѣ, совершенныя. Но эту копію дѣлаю я, какъ простой мазилка.

— Какъ это?

«А вотъ видите — не прикажете-ли табачку?» — Онъ открылъ свою золотую табакерку. — «Славный художникъ, извѣстный нашъ декораторъ Бестіаго, говаривалъ: *слава славой, а деньга деньгой!* Просто, дѣлаю, сударь, я эту копію наскоро, для любителя одного, которому все равно, худо-ли, хорошо-ли сдѣлано. Въ недѣлю, и то, вотъ этотъ молодой человѣкъ перемажетъ, а я поправлю, и возьму добрыя деньги. Видите: я прославился копіями съ Каналетти, и мнѣ ихъ всегда заказываютъ. А между тѣмъ, этотъ молодецъ учится, привыкаетъ, а со временемъ самъ станетъ копи-

Digitized by Google

ровать не хуже моего!» Молодой ученикъ покраснѣлъ и отворотился. Старикъ не замѣчалъ этого, и продолжалъ: «Я, сударь, вѣрю тому, что было напечатано нѣкогда въ *Пантеонѣ Иностранной Словесности*, именно словамъ великаго Бюффона: Геній есть терпѣніе въ высочайшей степени. Истинно такъ! И это спараюсь я внушить ученикамъ своимъ. Про меня самого говаривали смолода, что будто у меня вовсе нѣтъ дарованія. Но я, сударь, дарованіе свое высидѣлъ, какъ курица цыпленка.»

— Вы, конечно, членъ Главнаго Училища Живописи?

«Къ вашимъ услугамъ: я тамъ старшій учитель по Пейзажной Живописи. У насъ вѣдь все раздѣлено на разряды, и кому что опредѣлено, тотъ тѣмъ и занимается, а въ другую часть не забѣгаетъ.»

— Не былъ-ли у васъ ученикомъ Аркадій.....?

«Воспитанникъ покойнаго Генерала * * *? Какъ-же, сударь, былъ!»

— Скажите, гдѣ онъ теперь? Мнѣ любопытно знать о немъ.

«Вотъ ужь этого порядкомъ сказать вамъ не могу. Онъ, лѣтъ съ пять, думаю, какъ во-

Digitized by Google

все пересталъ учиться у насъ. При сильномъ покровительствѣ своего Генерала, и прежде, почти всегда, находился онъ въ отпуску, и только числился при Училищѣ.»

— Я слышалъ, что недавно его совсѣмъ выключили?

«Нѣтъ! онъ самовольно вышелъ, а потому аттестата и званія онъ насъ не получилъ. Вы его знали?»

— Нѣтъ!

«О, сударь, залетная голова! мальчикъ не дуракъ! То есть, я вамъ скажу, если-бы этотъ человѣкъ былъ поумнѣе, такъ изъ него вышелъ-бы второй Лосенко въ Русской Живописи. Но онъ сбился съ толку, и мы, признаться, чтобы его опасный примѣръ не испортилъ другихъ, старались по немногу выживать его.»

— А не потому, чтобы у него дарованія не было?

«Нѣтъ! Дарованіе у него было-бы, потому, что дарованіе развивается, М. Г., наукою, и собственно наука, у нашей братьи художниковъ, есть истинное дарованіе. Живописца тогда узнаете, будетъ-ли онъ хорошій живописецъ, когда онъ кончилъ курсъ Живописи.

Digitized by Google

Вотъ, напримѣръ, и въ Стихотворствѣ: какъ узнать дарованіе, если стихотворецъ не выучился стихи писать, и хоть чего нибудь не написалъ—Поэмы что-ли, ну, или тамъ Трагедіи какой, или Комедіи.»

— Изъ словъ вашихъ можно замѣтить, что Аркадій, если и имѣетъ дарованія, то характеръ у него дурной.

«Престранный, сударь, у него характеръ — ни добрый, ни худой. Онъ скроменъ, но упрямецъ, тихій, но пребѣшеный! Никогда, бывало, ссоры не заводитъ, а участникъ во всякой ссорѣ. Молчаливъ, а заговоритъ, такъ заслушаешься. То вдругъ учится прилежно—первый, и досадуетъ; то совсѣмъ не учится—послѣдній, и радехонекъ! Главное, я полагаю, онъ былъ въ дурныхъ рукахъ, у этого Генерала ***, который избаловалъ, испортилъ молодаго человѣка. Этотъ Генералъ *** былъ, сударь, умница, но чудакъ великій.....»

Тутъ, какая-то толстая фигура перервала нашъ разговоръ. Старикъ пошелъ съ нею по залѣ, и началъ разговаривать заботливо. Ученикъ его бросилъ кисть, оборотился ко мнѣ, и сказалъ: «Ахъ, сударь! Если вы не знаете Аркадія, не слушайте, что говорятъ о немъ! Аркадій примѣръ доброты, ума и дарованія!

Digitized by Google

Могъ-ли онъ ужиться съ людьми, которыхъ образчикъ вы сей часъ видѣли!

Глаза ученика сверкали. Боясь ободрить этого молодаго человѣка въ негодованіи, которое столь неосторожно изъявлялъ онъ противъ учителей, человѣку неизвѣстному, я сказалъ ему хладнокровно: «Хвалю, что вы заступаетесь за Аркадія; но не совѣтую никогда соединять съ этимъ нескромности на счетъ вашихъ учителей и наставниковъ.»

Бѣдный молодой человѣкъ испугался. «Ахъ, сударь,» сказалъ онъ робко — «не подумайте, чтобы я хотѣлъ осуждать моего почтеннаго наставника; но зачѣмъ-же онъ самъ несправедливъ къ такому человѣку, каковъ Аркадій? Это самая высокая добродѣтель, это божественное дарованіе....»

— Вы знакомы съ нимъ?

«Нѣтъ!.... Не смотря на ласковость Аркадія, я не смѣю ходить къ нему, боясь разсердить моего учителя. Онъ мнѣ строго запрещаетъ; но я знаю, гдѣ живетъ онъ.

— Скажите-же мнѣ. — Я поспѣшно записалъ адресъ Аркадія; старикъ-учитель подходилъ къ намъ; ученикъ схватилъ кисть, и началъ работать прилежно. Старикъ казался разсер-

Digitized by Google

женнымъ. « Вотъ, братъ, Ваня! Мы съ тобою и въ дуракахъ,»—сказалъ онъ, какъ будто забывши, что я тутъ находился— « въ чистыхъ дуракахъ! Этого проклятаго Каналетти мы съ тобою мажемъ, а вѣдь Палитринъ-то схватилъ получше заказецъ; вѣдь ему отдали скопировать для Графа Капуцинскій монастырь Гранета!» Съ досадой ударилъ старикъ по своей табакеркѣ. Я ушелъ. Къ Аркадію влекло меня теперь не одно любопытство — эгоизмъ мой уступилъ мѣсто участію.

На другой день явился я въ квартирѣ Аркадія. Онъ жилъ тогда на Мойкѣ, въ третьемъ этажѣ огромнаго дома. Звоню; мнѣ отворяетъ двери старикъ слуга.

— У себя-ли Аркадій Ивановичъ?— спросилъ я старика.

« Нѣтъ; онъ ушелъ со двора,» отвѣчалъ мнѣ старикъ.

— Очень жалѣю. Когда могу я застать его дома?

«Богъ знаетъ, сударь. Иногда онъ по цѣлымъ недѣлямъ бываетъ дома, но никого не принимаетъ, а иногда по цѣлымъ недѣлямъ его нѣтъ дома съ утра до вечера. Если вамъ угодно сказать ваше имя, такъ я доложу ему, когда вы изволите пожаловать.»

Digitized by Google

— Скажи ему, любезный другъ, что приходилъ Мамаевъ, пріѣзжій изъ города N. N., и приносилъ къ нему письмо отъ его батюшки.

«Какъ, сударь?» вскричалъ съ радостію старикъ — «Вы пріѣхали изъ N. N.? Какъ-же обрадуется Аркадій Ивановичъ! Онъ такъ давно не получалъ писемъ отъ своего батюшки! Ахъ, сударь! пожалуйте завтра! Я ему скажу, и онъ вѣрно будетъ ждать васъ. Или не прикажете-ли записать, гдѣ вы остановились? Онъ тотчасъ явится къ вамъ.

— Не нужно. Вотъ письмо; ты можешь отдать его своему барину, а я завтра приду самъ непремѣнно.

«Ахъ, сударь! какъ вы его обрадуете.» — продолжалъ словоохотный старикъ.—«Здоровъли Иванъ Перфильевичъ?»

Я видѣлъ, что старикъ нарочно заводитъ рѣчи, желая разговориться со мною. Я не люблю разговоровъ со слугами, и особливо вывѣдываній у слугъ. Но теперь, я не боялся узнать что нибудь худое объ Аркадіи, и поддерживалъ рѣчь со старикомъ. Старикъ смотрѣлъ такимъ честнымъ, добрымъ; онъ съ такимъ восторгомъ упоминалъ о своемъ господинѣ. «Скажи, любезный, что я крайне сожалѣю, не

Digitized by Google

заставши Аркадія Ивановича, и очень желаю съ нимъ короче познакомиться.

— Это не такъ-бы легко было сдѣлать — сказалъ старикъ, улыбаясь—если-бы вы не пріѣхали изъ N. N., и не привезли письма отъ батюшки его. Баринъ мой небольшой охотникъ до гостей, если только они не заказываютъ ему работы.

«Вѣроятно, онъ очень занятъ.»

— Да — сказалъ старикъ—онъ, сударь, теперь безпрестанно портреты списываетъ, а каршинами не занимается, хотя прежде былъ большой охотникъ, и только ихъ и писалъ.» Тутъ, какъ будто нечаянная мысль мелькнула въ головѣ его. «Пожалуйте сюда, сударь, посмотрите: вотъ его рабочая комната. Не угодно-ли вамъ взглянуть, какъ славно пишетъ Аркадій Ивановичъ?» сказалъ старикъ.

Мнѣ уже такъ хотѣлось поближе узнать Аркадія, что я рѣшился взглянуть на занятія его.

Изъ передней мы вошли въ комнату, гдѣ стоялъ длинный Турецкій диванъ, покрытый старымъ ситцемъ; дорогой столъ краснаго дерева придвинутъ былъ къ этому дивану; полдюжины дрянныхъ стульевъ, въ углу бога-

Digitized by Google

шія, старинныя Вольтеровскія кресла, и этотъ столъ составляли странныя противоположности. Въ другомъ углу находилось еще дорогое старинное бюро. Я оглядывался кругомъ. «Это, сударь, у насъ гостиная» — сказалъ старикъ горделиво. «Это бюро, эти кресла и этотъ столъ выпросилъ себѣ Аркадій Ивановичъ отъ наслѣдниковъ покойнаго моего барина, Его Высокопревосходительства Григорія Григорьевича. Въ этихъ креслахъ, старый баринъ всегда изволилъ кушать кофе послѣ обѣда, а на этомъ бюро онъ писывалъ.» Слезы навернулись на глазахъ старика. «Да, сударь, много добрыхъ дѣлъ было придумано за этимъ бюро..... Аркадій Ивановичъ говоритъ мнѣ всегда: «Семенъ Иванычъ — онъ, сударь, такъ меня называетъ — кто напишетъ на этомъ бюро хоть одну строчку, и не сдѣлается добръ, того Богъ накажетъ!» А въ этихъ креслахъ Аркадій Ивановичъ сидитъ, когда ему грустно.

— Развѣ ему бываетъ и грустно иногда?

«Случается, сударь: человѣкъ-бо есть.»

— Ты доволенъ-ли имъ?

Старикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, какъ будто говоря: можно-ли объ этомъ спрашивать?

Digitized by Google

«Онъ выросъ на моихъ глазахъ, у стараго моего барина, сударь» — отвѣчалъ старикъ — «и я не хотѣлъ съ нимъ разстаться, хоть я и вольный человѣкъ. Вотъ, пожалуйте сюда» — сказалъ онъ, отворяя дверь на право.

Я вошелъ въ большую комнату. Тутъ, на стѣнахъ висѣло множество эстамповъ, безъ рамъ, запыленныхъ, измаранныхъ; на полу разбросаны были свертки, бумаги, палитры, книги; на большомъ столѣ лежало нѣсколько дорогихъ собраній эстамповъ. На окошкахъ стояло нѣсколько прелестныхъ горшковъ съ цвѣтами. Окно, подлѣ котораго работалъ Аркадій, было закрыто дорогимъ транспарантомъ. На пюпитрѣ его лежалъ портретъ не молодой женщины, глупаго вида, почти отдѣланный; сначала я не разсмотрѣлъ ея головнаго убора, и удивился вгладѣвшись: это были ослиныя уши!

—Вотъ, сударь, портретъ Генеральши А. А.— сказалъ мнѣ старикъ. — Говорятъ, что онъ очень похожъ, и Генеральша отъ него въ восторгѣ.

«Я не вижу другихъ работъ вашего господина,» сказалъ я старику.

— А вотъ ихъ цѣлая куча — отвѣчалъ онъ, указывая въ уголъ, на множество холстинъ,

Digitized by Google

натянутыхъ на рамы, большія и маленькія, сбросанныя безпорядочно одна на другую. «Онъ многое началъ, и ничего еще не успѣваетъ окончить. Вотъ еще нѣсколько поршретовъ; вотъ его эскизы и картоны.» — Старикъ указалъ на нѣсколько огромныхъ картоновъ.

Я мимоходомъ взглянулъ на все, и обратилъ вниманіе на большую картину, тщательно закрытую бѣлымъ полотномъ. «Что это?» спросилъ я старика. — Картина, которую Аркадій Ивановичъ не велитъ мнѣ трогать. Я не смѣю показать ее вамъ. А вотъ, сударь, взгляните, какая жалость! — Старикъ указалъ на другую большую картину. Это была огромная холстина, въ золотыхъ рамахъ, изрѣзанная ножемъ и закрашенная красками, такъ, что не льзя было разсмотрѣть, что̀ было на ней прежде изображено. «Аркадій Ивановичъ года два писалъ ее, кончилъ, цѣлую недѣлю любовался ею, и вдругъ задумался, взялъ кисть, замаралъ, и потомъ самъ изрѣзалъ ее ножемъ.

Что̀ сказать мнѣ вообще о мастерской Аркадія? Я видѣлъ какое-то странное смѣшеніе высокаго искуства, шалости художника, роскоши, безпорядка. Тутъ стояло нѣсколько золотыхъ богатыхъ рамъ, безъ картинъ; здѣсь было брошено нѣсколько книгъ, одна на дру-

Digitized by Google

гую, полузакрытыхъ, въ пыли; загнутые листы и замѣтки показывали, что ихъ читали внимательно, и потомъ бросили, не окончивъ чтенія. Колоссальное изображеніе Кельнскаго Собора (извѣстный его эстампъ) висѣло на стѣнѣ. Подлѣ него былъ портретъ Дюрера; потомъ Мюллеровъ эстампъ Рафаэлевой Мадоны, перечеркнутый краснымъ карандашемъ. Внизу было подписано рукою Аркадія: «Ты былъ достоинъ сумасшествія, бѣдный пачкунъ! Одинакое вдохновеніе не является въ мірѣ дважды. Твори свое!» Стѣны всѣ были исписаны углемъ и мѣломъ. Въ этихъ очеркахъ видно было фантастическое своеволіе. Это были изображенія Готическихъ зданій, Жоаннотовскихъ уродовъ, Гогартовскихъ каррикатуръ. Но меня поразило милое женское личико, которое только что было начато, въ небольшомъ размѣрѣ. И вотъ что было странно: это личико повторялось нѣсколько разъ, въ разныхъ размѣрахъ, и вездѣ только что очеркнутое! Оно было начерчено углемъ на стѣнѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; нарисовано карандашемъ на картонахъ; даже нацарапано ножемъ на столѣ. Видно было, что это личико невольно являлось подъ рукою Аркадія, что оно преслѣдовало его — и вездѣ было оно очеркнуто такъ отчетисто, вѣрно, истинно, что я узналъ-бы это личико изъ тысячи.

Digitized by Google

Я не смѣлъ ничего разсматривать подробно. Мнѣ казалось святотатствомъ перебирать картины, поднимать съ нихъ занавѣски, или пересматривать картоны и эскизы художника, когда онъ самъ не далъ мнѣ на это права. Мнѣ даже стало совѣстно, что пользуясь слабостью и усердіемъ старика, слуги, я вошелъ въ мастерскую Аркадія. Поспѣшно вышелъ я изъ этой комнаты, и торопился уйдти, говоря только: *да, да*, когда слуга шелъ за мною, и повторялъ просьбы *пожаловать завтра*, и увѣренія, что *Аркадій Ивановичъ будетъ мнѣ очень радъ*.

Кто изъ насъ не бывалъ молодъ; слѣдовательно: кто не читывалъ романовъ, кто самъ не бывалъ героемъ романа! Всякому свое: иной бываетъ героемъ романа Поль-де-Кокова, иной Лафонтеновскаго, иной Дюканжевскаго, иной Бальзаковскаго, иной Жаненовскаго— а все такіе какого нибудь романа! Идя отъ Аркадія, и соображая все видѣнное и слышанное мною, мнѣ казалось, что я началъ читать Гоффманова *Кота Мура*. Воображеніе живо представило мнѣ въ неизвѣстномъ Аркадіи образъ художника, Провидѣніемъ къ тому назначеннаго. Мнѣ подумалось даже, что безъ знакомства съ Аркадіемъ, въ романѣ жизни моей не доставало бы весьма любопытной главы, подъ названіемъ:

Digitized by Google

Идеалъ Художника. Не знаю съ чего, мнѣ казалось, что въ Аркадіѣ увижу я дополненіе къ Человѣку, которое мы называемъ — *Художникъ*, дополненіе, созданное самимъ человѣкомъ, странное, очаровательное, своенравное, блестящее, недовольное собою, нетерпимое, или обожаемое другими, рожденное отъ соединенія необыкновенныхъ случайностей. То, что̀ узналъ я объ Аркадіи отъ отца его, отъ слуги, отъ учителей Главнаго Училища Живописи, отъ ученика, отъ Г. N. N., все это, непріязнь и ненависть однихъ, любовь и восторгъ другихъ, дѣлало для меня знакомство съ Аркадіемъ однимъ изъ необыкновенныхъ событій въ моей жизни. Мнѣ хотѣлось теперь, къ опытамъ и наблюденіямъ моимъ прибавить любопытные опыты надъ душею истиннаго художника. Не всякій изъ насъ согласится размѣняться мѣстами съ тѣмъ, чему удивляются, что изучаютъ люди; но всѣ мы любимъ посмотрѣть на необыкновенное, странное въ мірѣ и въ обществѣ. Такъ никто не пойдетъ жить на краю Швейцарскаго ледника, или на скалахъ Нордъ-Капа; но кто-же отречется взглянуть на сіи дивныя явленія природы и разсмотрѣть ихъ внимательно? Отказавшись отъ практической дѣятельности жизни, въ провинціяльномъ уединеніи моемъ, я привыкъ къ теоретическимъ наблюденіямъ. Въ Аркадіѣ, думалъ я увидѣть

Digitized by Google

аналитическую повѣрку моихъ теорій Изящнаго. Я создалъ его предварительно въ моемъ воображеніи. Я вообразилъ себѣ Аркадія съ Греческимъ лицомъ Гёте, или Германскимъ профилемъ Шиллера, страждущаго, гонимаго, потерявшаго въ Генералѣ *** друга, который развилъ его высокую, пламенную душу. И теперь, этотъ человѣкъ съ неба дружбы упалъ въ существенность, богатую идеальными отблесками, но бѣдную во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Въ безпорядкѣ убранства Аркадіевыхъ комнатъ, въ смѣшеніи излишествъ и недостатковъ жизни, во всемъ, даже въ картинахъ, сброшенныхъ въ кучу и покрытыхъ пылью, и въ этой картинѣ, которою недѣлю любовался онъ, и которую потомъ самъ онъ изрѣзалъ — во всемъ, казалось мнѣ, слышалъ я вопль души, отвергаемой міромъ и людьми, недовольной собою. Мнѣ досадно даже было, что Аркадіевъ идеалъ женщины не походилъ на Мальвинъ и Миньонъ, ибо въ изображеніи хорошенькаго личика, которое писалъ и чертилъ вездѣ Аркадій, уже навѣрное думалъ я видѣть изображеніе идеальной его красавицы. Это изображеніе казалось мнѣ слишкомъ *мило*, и очень *красиво* для идеала художника! Аркадій заставлялъ меня забывать о моей *степенности*, моихъ сорока годахъ: мнѣ казалось, что я самъ молодѣю, разогрѣваясь его юною, горячею

Digitized by Google

головою.... Какой несносной эгоистъ *человѣкъ*: онъ всегда видитъ *только себя*, глядясь въ другихъ... Что̀ дѣлать!...

Но какъ-же досадно разочаровался я на другой день, увидѣвъ Аркадія! Совсѣмъ это не былъ молодой человѣкъ съ Греческимъ профилемъ Гёте, Германскимъ профилемъ Шиллера, потухшими въ борьбѣ сильныхъ страстей глазами, или невыносимою, Наполеоновскою безцвѣтностью глазъ. Въ одеждѣ его не было Байроновской изысканности, ничего Восточнаго; не было у него ни Шиллеровскихъ локоновъ, ни Гоффмановской дикости. Увидѣвъ меня, старый слуга спѣшилъ сказать обо мнѣ Аркадію, и пока я ставилъ въ уголъ свою палку, въ переднюю вышелъ молодой человѣкъ, въ модномъ сюртучкѣ, съ дѣланымъ галстухомъ на шеѣ, съ русыми, опрятно причесанными волосами; лицо его было благородно, правильно, но ничего особеннаго не выражало. Глаза его были—какъ говорится—*голубые*, т. е. просто сѣрые. Впрочемъ, глазами Аркадія я остался потомъ доволенъ: сѣрый цвѣтъ ихъ сбивался въ лазуревый, и они оживлялись въ разговорѣ. Аркадій былъ высокъ ростомъ, строенъ; только въ движеніяхъ его не было ни простоты изящной природы, ни увлекательной изысканности свѣтской, могущей замѣнять природу,

Digitized by Google

какъ ассигнація замѣняетъ звонкую монету. Отличительнымъ признакомъ осанки и обхожденія Аркадія была чрезвычайная неровность выраженія въ лицѣ и въ движеніяхъ: Аркадій, то слишкомъ казался веселымъ, то вдругъ слишкомъ задумывался; мнѣ не понравилось еще, что онъ то и дѣло всчесывалъ рукою густые, длинные волосы на головѣ своей. Словомъ: Аркадій, при первомъ появленіи, не сдѣлалъ на меня никакого сильнаго впечатлѣнія: я видѣлъ передъ собою обыкновеннаго молодаго человѣка, обыкновенно одѣтаго, и если-бы кто нибудь не сказалъ мнѣ: *вотъ Художникъ*—*я* ничего не подозрѣвалъ-бы въ этомъ правильномъ, пріятномъ лицѣ, въ этой простой улыбкѣ, этомъ обыкновенномъ нарядѣ. Ничего особеннаго не выражалъ мнѣ и голосъ Аркадія, пріятный, но не заставлявшій душу ни трепетать, ни радоваться. Особливо занятіе, въ какомъ засталъ я Аркадія, мнѣ особенно не понравилось.

Онъ съ улыбкою взялъ меня за руку, и сказалъ: «Конечно я имѣю честь видѣть Г-на Мамасва?» Къ чему такой пошлый вопросъ? подумалъ я, готовъ былъ грубо отвѣчать, и немедленно разстаться съ Аркадіемъ. Онъ спросилъ меня послѣ сего объ отцѣ своемъ, но безъ всякаго особеннаго чувства; наконецъ просилъ

Digitized by Google

полюбишь его, и пожаловашь въ его гостиную. Тутъ нашелъ я толстую, богато одѣтую даму, ту самую, къ чепчику которой Аркадій приставилъ ослиныя уши. Дама сидѣла надувшись, стараясь придашь миловидное выраженіе своему толстому, брюзглому лицу. Портретъ ея находился передъ Аркадіемъ, и онъ дополнялъ въ немъ нѣкоторыя черты, пристально разглядывая даму. Онъ просилъ меня извинишь, что долженъ докончишь при мнѣ свою работу. Мужчина, худой и сухой, сидѣлъ и дремалъ въ углу. Я просилъ Аркадія не безпокоишься, продолжашь работу, и сѣлъ въ другой уголъ, пристально разсматривая своего новаго знакомца. Онъ весело работалъ; отрывисто, но вѣжливо разговаривалъ съ дамою; улыбался на ея глупые отвѣты. Портретъ этой дамы былъ превосходенъ. Ушей ослиныхъ уже не было на немъ; Аркадій закрылъ ихъ большими букетами и банпами. Лицо, изображенное Аркадіемъ, выражало всю глупость, все безобразіе подлинника; но онъ придалъ ему что-то доброе, веселое, и дама была въ восторгѣ—портретъ походилъ на нее чрезвычайно, и не походилъ ни сколько. «Насмѣшникъ и льстецъ, обыкновенный, ничтожный художникъ!» думалъ я. «Если ты по неволѣ принялъ на себя заказъ написашь эту глупую рожу, можешь-ли ты быть такъ спокоенъ, такъ веселъ, услужливъ?

Digitized by Google

Вижу, что ты изрѣзалъ свою картину изъ жалкой робости, а не по сознанію не достигнутаго идеала! « Не льзя было не отдать однакожь справедливости искуству Аркадія. Судя по портрету, кисть его была смѣлая, рѣзкая, удивительно правильная. Занятіе продолжалось съ полчаса. Аркадій всталъ наконецъ, и сказалъ, что портретъ готовъ, и завтра онъ пришлетъ его къ Ея Превосходительству. « Ахъ! покорно васъ благодарю!» вскричала дама. «Только помните: соблюдите мой секретъ; вѣдь это будетъ сюрпризъ моей сестрицѣ! А теперь, позвольте-же мнѣ расплатиться. Эй, Яковъ Потапычъ! опять, батюшка, задремалъ! проснись! Отдайте, сударь, деньги! « Сухой человѣкъ зѣвнулъ во весь ротъ, отщиталъ не знаю сколько ассигнацій, и подалъ Аркадію. » Покорно васъ благодарю, « начала опять дама.—Ваше Превосходительство обѣщали рекомендовать меня вашему дядюшкѣ — почтительно сказалъ ей Аркадій. « О, непремѣнно, и охотно!» вскричала дама. Она и спутникъ ея пошли. Аркадій вѣжливо провожалъ ихъ. « Это Генералъ и Генеральша W.» сказалъ онъ ворошясь. « Простые, но добрые люди! Генеральша готовитъ сюрпризъ сестрѣ, и тихонько приходитъ ко мнѣ съ своимъ мужемъ, хотя взбираться въ третій этажъ ей очень тяжело.» — За что-же ты приставилъ ей ослиныя уши, безсовѣстный!

Digitized by Google

если они точно добрые люди?—думалъ я про себя, и рѣшительно разсердился на Аркадія. Уже все теперь бѣсило меня: я досадовалъ, что онъ осторожно спряталъ деньги въ бюро, а не скомкалъ и не бросилъ ихъ; что послѣ того онъ учтиво сѣлъ подлѣ меня, и завелъ самый вздорный разговоръ. Какъ житель Петербурга, онъ вздумалъ мнѣ, пріѣзжему провинціялу, говорить о новостяхъ столицы, о новыхъ зданіяхъ. Не долго просидѣлъ я, и съ досадою ушелъ домой, повторяя: « Онъ не художникъ—онъ обыкновенный молодой человѣкъ, и живописецъ просто — искусный, но не поэтъ! »

Я былъ несправедливъ къ Аркадію. Въ нашъ вѣкъ воины сняли желѣзныя брони свои, философы не ходятъ уже въ изодранныхъ лоскутьяхъ какого нибудь Цинническаго плаща, Короли не надѣваютъ на головы коронъ, и не держатъ безпрестанно въ рукахъ скипетровъ и державъ, какъ дѣлали это Рудольфы Габсбургскіе и Цари Іоанны. Съ чего-же вздумалось мнѣ искать наружнаго Байронизма и Гоффманизма въ Аркадіи? Неужели художникъ и поэтъ должны отличаться отъ людей полу-сумасшедшимъ видомъ, или странностью одежды? Нашъ вѣкъ кажется вѣкомъ безъсильныхъ страстей внутри, безъ рѣзкихъ отличій извнѣ. Онъ весь одѣтъ однообразно, причесанъ, подвязанъ, ходитъ и говоритъ однообразно. Всѣ воины наши въ мундирахъ, чинов-

Digitized by Google

ники въ вицъ-мундирахъ, не-чиновники въ темныхъ фракахъ. Но шѣмъ глубже и пестрѣе внутреннее образованіе нашего вѣка. Никогда не являлся человѣкъ столь знающимъ, столь страстнымъ, столь высокимъ, какъ является онъ нынѣ. Все тихо, все однообразно въ нынѣшнемъ обществѣ; но откуда-же неслыханныя, уродливыя событія, горячки умовъ, разрушительныя страсти, какія сверкали и сверкаютъ въ мірѣ, въ наше время? Мы отличны отъ стариковъ нашихъ шѣмъ, что душа нынѣшняго человѣка потеряла самодовольствіе: онъ недоволенъ людьми, недоволенъ собою. Разочарованный въ томъ, что совершенно увлекало его отцовъ, не долженъ ли нынѣшній человѣкъ укрываться въ мнимую бездѣйственность и внѣшнюю однообразность, и отъ того впадать въ ужасную неровность характера, то бросаемый страстью внѣ круга обыкновенной его жизни, то снова упадающій въ нее? Наше поколѣніе, какъ Наполеонъ, стоитъ сложивъ руки или нюхаетъ табакъ, пока страшная битва, Ваграмское, Бородинское, Ватерлооское сраженіе, гремитъ въ душѣ его. Онъ задумчиво смотритъ въ землю, какъ будто ищетъ чего-то потерянnаго праотцомъ, Адамомъ. Найдетъ-ли онъ? Незнаю; но — это глубокое озеро безъ истока; на днѣ его бездны, а поверхность тиха, и едва легкій вѣтерокъ пробѣжитъ по ней, всколышетъ ее легкими

Digitized by Google

кругами—они расходятся, и снова озеро зеркально, свѣтло и неподвижно. Нынѣшняя жизнь—романъ, *первую* часть котораго написалъ Августъ Лафонтенъ, а вторую еще дописываетъ Викторъ Гюго.

Аркадій явился ко мнѣ на другой день. Не смотря на мою угрюмость, на предубѣжденіе противъ него, я не могъ въ этотъ разъ не отдать справедливости ему въ той нѣжности, съ какою говорилъ онъ объ отцѣ своемъ, въ той заботливости, съ какою разспрашивалъ онъ обо всѣхъ подробностяхъ житья его. Съ какимъ чувствомъ говорилъ этотъ добрый сынъ о томъ, что онъ вскорѣ надѣется сдѣлать для отца своего что нибудь полезное! Онъ молчалъ о брашьяхъ, или отзывался почтительно. Онъ скрываетъся отъ меня—думалъ я—не открою-же и я ему, что знаю его гораздо лучше, нежели онъ полагаетъ! — Аркадій мелькомъ говорилъ о своихъ занятіяхъ. Я также ничего не говорилъ ему о томъ, что видѣлъ въ немъ мой разрушенный идеалъ художника. Онъ явно притворяется — думалъ я — или въ самомъ дѣлѣ отказываетъся отъ своего назначенія, и хочетъ улечься на Прокрустово ложе свѣта, хотя-бы привелось для этого отрубить ноги! Что-же? Онъ думаетъ, что я не стою признаній души его? Хорошо, и я не покажу ему своей души—я эгоистъ!

Digitized by Google

Мы видѣлись потомъ еще нѣсколько разъ, и каждый разъ невольно становились искреннѣе другъ съ другомъ. Разговоры наши перестали оканчиваться ничтожными пустяками. Наконецъ, я имѣлъ случай оказать Аркадію маленькую услугу. Однажды захожу къ нему, застаю его въ страшномъ безпокойствѣ, и требую объясненія. Аркадій долго колебался, и краснѣя сказалъ, что ему недостаетъ нѣсколько денегъ, для одного весьма важнаго дѣла. «Вотъ тысяча рублей» — сказалъ онъ, а мнѣ надобно двѣ. »—Вотъ *другая* — отвѣчалъ я, вынявъ бумажникъ и отсчитывая деньги.—Аркадій крѣпко пожалъ мою руку, и съ минуту ходилъ молча, въ сильномъ движеніи. Черезъ три дня, онъ принесъ мнѣ деньги и не благодарилъ меня— это мнѣ понравилось, ибо я видѣлъ, что сказавъ мнѣ пошлую благодарность, онъ отдѣлался-бы ею; теперь, напротивъ, Аркадій сбросилъ съ себя личину вѣжливаго равнодушія, и въ первый разъ онъ понималъ меня, а я его. Въ первый разъ тогда между нами завязался разговоръ отъ души. Я обратилъ его на Изящныя Искуства, и Аркадій не скрывался болѣе. Съ жаромъ началъ онъ говорить объ упадкѣ Изящнаго въ наше время, о средствахъ свести Изящныя Художества съ ложной дороги школьныхъ условій, по которой нынѣ идутъ они. О многомъ спорилъ я; со многимъ соглашался, удив-

Digitized by Google

лялсь необыкновеннымъ познаніямъ Аркадія. Вдругъ, онъ схватилъ меня за руку, и сказалъ: «Простите меня, Г-нъ Мамаевъ: я не зналъ васъ. Я думалъ, что вижу въ васъ просто умнаго, добраго человѣка; теперь вижу въ васъ горячую душу, человѣка глубоко чувствующаго, просвѣщеннаго. Вамъ доступно все прекрасное. Зачѣмъ вы скрывались отъ меня?»

Слова эти были сказаны такъ добродушно, такъ просто, что я невольно улыбнулся.—Зачѣмъ сами вы, любезный Аркадій, хотѣли спрятаться отъ меня, подъ маскою ничтожнаго живописца и молодаго Петербургскаго щеголя.»

«Я щеголь? Если-бы вы прежде знали меня, то могли-бы назвать немного сумасшедшимъ по наружности; съ нѣкотораго времени, этотъ недостатокъ пересталъ быть моимъ недостаткомъ. Я сдѣлался благоразуменъ, остороженъ, опрятенъ. Мой старый Семенъ Иванычъ не можетъ теперь нахвалиться мною. Но, право, я со всѣмъ не щеголь, ни одеждою, ни обращеніемъ, ни душою.

— Аркадій! я не того хотѣлъ отъ васъ, чѣмъ вы хотите казаться.

«Чего-же вы отъ меня требуете?

— Я хотѣлъ видѣть въ васъ истиннаго художника, а видѣлъ только молодаго портретиста,

Digitized by Google

который такъ одѣтъ, такъ работаетъ и говоритъ, что отъ него ничего ожидать не смѣешь. Вы скрывались отъ меня? *Да*, или *нѣтъ*? Если нѣтъ, то вы упали духомъ—вы пережили даже недовольство своего паденія: вы уже спокойны, и это спокойство есть тишина смерти!

Аркадій задумался. Лицо его измѣнилось. «Что-жь мнѣ дѣлать, когда этого хотятъ отъ меня судьба и люди,»—сказалъ онъ тихо—«когда безъ этого счастье мое бѣжитъ отъ меня! Хочу удержаться хоть за него—со всѣмъ другимъ я простился: одно недостижимо, другое пусто. Зачѣмъ гоняешься мнѣ? За призракомъ ничтожной славы? Но и его могу-ли достигнуть? Кто увѣритъ меня, что мнѣ можно надѣяться на силы свои... О мой почтенный другъ! зачѣмъ тревожите вы тщеславныя мечты, которыя задушилъ—*усыпилъ* я, по крайней мѣрѣ!» Аркадій схватилъ мою руку, и сжалъ ее крѣпко обѣими своими руками. Онъ былъ очарователенъ въ это время. Такимъ желалъ и надѣялся я видѣть его.

— Что заставляетъ васъ принимать во мнѣ столь сильное участіе?—спросилъ онъ, расторганный до глубины души.

«Долго разсказывать, какъ родилось и усилилось мое къ вамъ участіе. Можетъ быть, для

Digitized by Google

этого надобно-бъ было разсказать вамъ прежде всего собственную жизнь мою. . . Но, я клянусь вамъ, Аркадій, что во мнѣ видите вы человѣка, который на себѣ испыталъ, какъ тяжко душѣ, какъ душно сердцу, если призваніе наше въ мірѣ не исполняется! Годы безвозвратно погасили для меня всѣ мои мечты, всѣ мои надежды; но смотря на васъ, полнаго жизнью и надеждами, могу-ли не думать о томъ, какъ грустно, какъ страшно кончить ихъ ничтожнымъ физическимъ бытіемъ!

— И люди говорятъ о ничтожности и безчувствіи міра, если въ немъ жилъ ты, святая душа, второй отецъ мой! если судьба столкнула меня теперь на дорогѣ жизни съ новымъ другомъ, и если міръ украшенъ бытіемъ созданія, которое можетъ замѣнить мнѣ всѣ вдохновенія исчезнувшаго вѣка Художествъ.... Аркадій вдругъ остановился. Насмѣшливая улыбка появилась на лицѣ его.

— Вы мечтатель, Господинъ Мамаевъ, опасный мечтатель! Съ чего вы вздумали наводить на меня волшебное стекло вашего воображенія? Вы обманываете себя, обманываете меня, и—клянусь Богомъ, это безсовѣстно, стыдно! Зачѣмъ искать во мнѣ того, чѣмъ не велятъ мнѣ быть ни судьба, ни міръ, ни люди? Кто я? Сынъ бѣднаго чиновника, ничтожный *разночинецъ*; братья мои подъячіе; мнѣ надобно было сдѣлаться также

Digitized by Google

подъячимъ. Пришелъ ко мнѣ такой-же мечтатель, какъ вы, наговорилъ мнѣ Богъ знаетъ чего; я заслушался его, и поссорился съ міромъ и съ судьбою. Чего не вытерпѣлъ я за то, что отказывался идти въ гусиной вереницѣ, которая тянется цѣлыми поколѣніями отъ колыбели до гроба! Чего не вытерпѣлъ я отъ самого себя, еще болѣе нежели отъ другихъ! *Художникъ, идеалъ* — вздоръ, вздоръ! Говорите: *маляръ и счастіе*, да, *счастіе на землѣ, безъ неба и идеаловъ!* Вотъ что я—и прекрасно, чудно хорошо! На что искать идеаловъ, если они не превзойдутъ существенности, милой, очаровательной, живой, дышащей жизнію? Я скованъ и счастливъ! Что̀ мнѣ въ волѣ, если она только губитъ и терзаетъ меня! Вы изумитесь, мечтатели, какъ тихо и спокойно можно быть счастливымъ? Зачѣмъ нравится вамъ только бѣшеный водопадъ Ніагарскій? Не лучше-ли любоваться милымъ ручейкомъ, который вьется и журчитъ между цвѣтами? Вы презираете его? Но въ вашемъ водопадѣ видна только мутная пѣна страстей, а въ ручейкѣ отражаются—и солнце, и небо, а тихія небесныя звѣзды, и цѣлый міръ! Любезный, почтенный другъ мой! Я изодралъ мои глупые рисунки, надъ которыми просиживалъ ночи и безполезно пралилъ жизнь мою; на другихъ нелѣпыхъ мечтахъ моихъ мирно плететъ свои сѣти паукъ, и никогда не

Digitized by Google

смету я съ нихъ паутины.... Не надобно картинъ—не хочу писать ихъ; пишу портреты, рожи людскія, и пишу какъ ремесленникъ! Увѣряю васъ, что теперь только нашелъ я истинное счастье — мнѣ такъ весело, спокойно — я такъ доволенъ.».. Онъ судорожно сжалъ мою руку, и слезы сверкнули на его глазахъ.

— Счастье ваше похоже на куклу, которою играетъ ребенокъ. Но, вы насильно дѣлаете себя ребенкомъ, добровольно позволяете своему счастію пеленать васъ, какъ дитя, и—я спрашусь за васъ, Аркадій! Не знаю, какой волшебный сонъ лелѣетъ васъ; но, другъ мой— это мгновенный сонъ, а не жизнь: пробужденіе ваше будетъ опасно; лучше борошься съ судьбою, нежели позволишь ей безъ сопротивленія сковать себя....

— Нѣтъ! мой сонъ прекрасенъ, какъ жизнь, и не прервется—сказалъ Аркадій, съ радостнымъ самодовольствомъ, закрывая глаза рукою. Его самъ Богъ создалъ для меня!

«Аркадій!» сказалъ я съ досадою. «Понимаю: вы влюблены? Угадалъ-ли я?

Онъ затрепеталъ. Вы любите?

— И неужели я не любимъ? — спросилъ Аркадій съ трепетомъ. — Почему-же вы знаете, что я *не любимъ?* Нѣтъ, нѣтъ! За мою бѣше-

Digitized by Google

ную, безумную страсть, за то, что для нея отказался я отъ всего, отъ самого себя, ужасно было-бы не платить хотя участіемъ, хотя снисхожденіемъ! А смѣю-ли требовать болѣе? За это снисхожденіе . . . мало жизни моей!

«Несносныя женщины! онѣ вездѣ вмѣшиваются, и все портятъ! Такъ, вотъ разгадка его безчувствія! Онъ любитъ... женщина *уничтожила* его.... И дивится-ли послѣ того чему нибудь, если на жизнь онъ смотритъ глазами женщины, а ей жизнь кажется заняшіемъ въ родѣ хозяйства; она вяжетъ ее, какъ чулокъ, плететъ ее, какъ кружева, вышиваетъ ее по канвѣ, въ размѣренныхъ квадратцахъ....

— О нѣтъ! вы не знаете моей Вѣриньки — сказалъ Аркадій—она не женщина: это чудное существо, залогъ мира между небомъ и землею! Она умѣла сдѣлать изъ меня то, чего не сдѣлали люди, съ ихъ гордостью, ихъ силою—чего не сдѣлала дружба человѣка единственнаго! Она доказала мнѣ невозможность неба на землѣ, но доказала, что и земля есть небо, если мы забудемъ для созданія плѣнительнаго все—все, и самихъ себя, передаваясь ему! Ей пожертвовалъ я всѣми мечтами... какая мечта сравнится съ нею! Я бросилъ всѣ свои ничтожные идеалы — какой идеалъ не блѣденъ передъ моею Вѣринькою! Она помирила меня съ самимъ со-

Digitized by Google

бою, она поведетъ меня тихо, нѣжно по остальному пути жизни. Такъ, я чувствую, что напрасно старается человѣкъ создавать, и ищетъ на землѣ несбыточныхъ образовъ—они уже созданы Богомъ, и живутъ на землѣ въ душѣ женщины. Душа женщины—вотъ наше небо на землѣ—и въ немъ соединено все! Бѣденъ, кто не нашелъ его — блаженъ, кто его отыскалъ! Но тогда — во прахъ передъ нимъ всѣ страсти, всѣ идеалы, или, какъ отверженнаго Ангела, тебя изгонятъ изъ этого неба, гдѣ ни что не должно существовать, кромѣ душевной невинности!

Аркадій замолчалъ, и началъ ходить по комнатѣ. Я прервалъ молчаніе, продолжавшееся нѣсколько минутъ. «Аркадій»—сказалъ я—«сердца наши сказались другъ другу. Отнынѣ мы съ тобою друзья. Вотъ тебѣ рука моя, и кому я самъ подаю ее, тотъ не спрашивай меня ни о чемъ болѣе! Заключенная въ минуту душевнаго бытія, отнынѣ дружба моя къ тебѣ неизмѣнна. Другъ мой! мнѣ сорокъ лѣтъ; жизнь моя была бурная, мятежная; я испытывалъ страсти; зналъ и любовь.... Она знакома мнѣ... Когда нибудь я разскажу тебѣ всѣ страданія, какія перенесъ я отъ этого яда жизни.... Я трепещу за тебя: ты отравляешь себя медленною отравою! Я угадываю твою Вѣриньку: это

Digitized by Google

какое нибудь простое, доброе, милое созданіе, которое обольстило тебя колыбельною пѣсенкою, и усыпило твою пылкую душу тихимъ напѣвомъ ея! Не для тебя такое счастье: берегись! Душа женщины не рай, но раёкъ. Ты на нее хочешь опереться; но эта опора ломка, какъ стекло, и какъ стекло изрѣжетъ тебя....

Аркадій быстро взглянулъ на меня. «Да, я усыпленъ колыбельною пѣсенкою; но эту пѣсенку напѣлъ мнѣ не человѣкъ, а что-то божественное. Узнайте Вѣриньку... я боюсь показать ее вамъ—вы можете погибнуть, узнавъ, какъ близко отъ васъ было счастье въ жизни, а вы не знали его....

Я невольно улыбнулся. Аркадій, какъ будто опомнился, и поспѣшно взялся за шляпу. «Ахъ! что я говорю!» сказалъ онъ. «Простите! Голова моя такъ разстроена отъ нашего разговора.... Какая глупость! стараться ощупать руками свое счастіе, какъ будто оно что нибудь вещественное! Вы ощупаете однѣ вещественныя его формы, и никогда не узнаете его вполнѣ.... Вы подали мнѣ вашу руку, благородный человѣкъ! позвольте мнѣ пожать ее.»...

— Я тебя понимаю, юноша—думалъ я, оставшись одинъ — понимаю и сожалѣю о тебѣ: ты

Digitized by Google

испугался бури, какая волнуетъ океанъ души человѣка, и ты думаешь, что лучше причалишь свой челнокъ близъ тихаго берега семейственной жизни и задремлешь подъ шумъ бѣшеныхъ волнъ, нежели пускаться по кипящимъ ихъ безднамъ! Горе тебѣ, если ты будешь счастливъ, какъ счастливы всѣ люди! Бѣдное счастье ихъ есть дремота, произведенная маковымъ питьемъ; но твоя душа создана не для этой сладкой дремоты, а для жизни, и — горе, если ты пробудишься, когда будешь уже поздно воротиться! Страсть художника не начинается усыпленіемъ души и не кончится семейственнымъ безчувствіемъ, чѣмъ такъ дорожатъ люди для мѣлкихъ уступокъ счастія, покупая его, какъ покупаютъ они себѣ пищу и одежду. Допускаю страсти—даже любовь—но не такая любовь, не такая страсть бываетъ вдохновеніемъ высокаго. А кто зналъ, кто хотя предчувствовалъ это вдохновеніе, тому пробужденіе хуже смерти!

Увы! Аркадій вскорѣ свѣдалъ на опытѣ истину, которую я предугадывалъ и предвѣщалъ ему. Страшно пробудилась душа его, безжалостно оттолкнуло его отъ себя обольстительное, тихое упоеніе.—Послѣ нашего разговора прошло дней шесть. Аркадій не являлся ко мнѣ. Недосуги мѣшали самому мнѣ идти къ

Digitized by Google

нему. Воспользовавшись первымъ свободнымъ вечеромъ, я спѣшилъ къ Аркадію. Семенъ Иванычь отворилъ мнѣ двери. Онъ былъ печаленъ.—Гдѣ дѣвался твой баринъ? Не боленъ-ли онъ? — спросилъ я поспѣшно.» Нѣтъ, сударь, но Богъ знаетъ, что̀ съ нимъ сдѣлалось! Дня три тому, онъ пошелъ со двора такой веселый, такой милый; ворошился поздно, и я его не узналъ—такъ былъ онъ блѣденъ, разстроенъ. Съ тѣхъ поръ, онъ сидитъ запершись, никого не велитъ пускать къ себѣ, почти ничего не дѣлаетъ, и даже ничего не кушаетъ.» — И мнѣ не льзя его видѣть?—« О, нѣтъ! Васъ онъ однажды навсегда приказалъ принимать, во всякое время!»

Вхожу̀ въ гостиную. Бюро отпкрыто; бумаги, книги разбросаны вездѣ; все въ страшномъ безпорядкѣ. Аркадій былъ въ своей мастерской. Тихонько отворилъ я дверь. Аркадій стоялъ посреди комнаты. Огромный, прекрасный портретъ откупщика, которымъ въ послѣднее время занимался Аркадій, былъ брошенъ на полъ, недокончанный. Кисти, палитры были раскиданы повсюду. Большая, вновь начатая картина поставлена была подлѣ окна. Небритый, со всклоченными волосами, въ старомъ шлафрокѣ, стоялъ Аркадій, сложивъ руки и устремивъ неподвижные взоры на холстъ, гдѣ еще ничего

Digitized by Google

не льзя было разобрать хорошенько. День вечерѣлъ; послѣдніе лучи солнца освѣщали комнату. — Что̀ съ вами сдѣлалось, Аркадій? — сказалъ я.

« Ничего ! » отвѣчалъ онъ мрачно. » Это надобно было предвидѣть прежде. Вы предугадали, вы предрекли мнѣ то, чего не понималъ, не предвидѣлъ я! Какая глупость! Мнѣ надѣяться быть счастливымъ? Думать, что я буду такъ-же искусно выть, какъ воетъ эта стая волковъ, называемыхъ *людьми!* Но чего-же хотятъ они отъ меня? — говорилъ Аркадій, съ увеличивающимся жаромъ.—Они терзали меня, когда я хотѣлъ спать между ними самобытно; они терзаютъ и теперь, когда я отказываюсь отъ самого себя! Они разрушали міръ, какой создавалъ я самъ себѣ. Они не даютъ мнѣ мѣстечка и въ *своемъ* мірѣ! Виноватъ-ли я, что Богъ создалъ меня иначе, нежели ихъ? Должно-ли за это наказывать меня такъ безчеловѣчно? Но я добровольно становился въ ряды ихъ, отрекался отъ всего, давалъ клятву быть ихъ товарищемъ, такимъ-же, какъ они—чѣмъ они хотятъ—глупцомъ, ремесленникомъ, шутомъ, послѣднимъ изъ нихъ. . . .

— Аркадій! что все это значитъ ?

« Ничего ! » сказалъ онъ, горько улыбаясь. «Они уничтожили высокій міръ художника, раз-

Digitized by Google

били истуканъ Изящнаго, которому молился онъ въ Греціи, отняли у Искусства религіозную святость Среднихъ Вѣковъ, и хохочутъ надъ тѣмъ, кто стремится въ эти погибшіе міры Искусствъ! Онъ врагъ имъ, нынѣшнимъ ремесленникамъ, и они всѣ за одно противъ него; мстятъ ему, какъ человѣку; отказываютъ ему, если онъ соглашается на бѣдное счастье людское — боятся его, клеймятъ его позоромъ и насмѣшкою.....

— Но давно-ли, Аркадій, давно-ли вы были такъ счастливы?

«Былъ — да! *хотѣлъ быть*, хотѣлъ обмануть себя, если не льзя *быть* въ самомъ дѣлѣ. Мой обманъ открылся — счастье мое погибло.... Не мнѣ то счастье, котораго я надѣялся отъ людей! Они отказываютъ мнѣ въ этомъ счастьѣ — отказываютъ, не хотятъ его мнѣ отдать! А чего не дѣлалъ я, чѣмъ не угождалъ имъ? Боже великій! Сколько времени былъ я болваномъ, куклой ихъ — и за что-же другому это счастье? Если онъ глупецъ безъ притворства, почему я не могу притвориться глупцомъ? Во всю жизнь мою, они не замѣтили-бы между нами никакой разницы, не услышали-бы ни одной жалобы, ни одного вздоха.....

— Успокойшесь, Аркадій. Что такое сдѣлалось? Что за отчаяніе? И какъ-же не поспѣ-

Digitized by Google

шитъ вамъ ко мнѣ.... Сердце друга согрѣетъ, оживитъ васъ....

«Виноватъ,» сказалъ Аркадій тихо, «виноватъ; но — и она съ ними за одно — и она! Вѣринька, Вѣринька! зачѣмъ-же обольщала ты меня прежде? Зачѣмъ вдохнула въ меня жизнь, когда я умиралъ... Тогда мнѣ легче было-бы погибнуть; но теперь, тебѣ безъ меня, мнѣ безъ тебя нѣтъ смерти—ты *моя, моя* — ты не вырвешься изъ объятій души моей; я умерщвлю тебя моимъ послѣднимъ, смертнымъ дыханіемъ...

— Успокойтесь, Аркадій. Сядемъ; будемъ говорить благоразумно; разберемъ дѣло наше основательно. — Я посадилъ Аркадія. Въ изнеможеніи, онъ опустилъ голову на грудь; руки его упали на колѣна. Блѣдный, измученный, онъ казался умирающимъ.

— Аркадій! стыдись: неужели своенравіе, даже презрѣніе ничтожной какой нибудь дѣвочки, должно доводить до отчаянія мужа, человѣка....

«Кто сказалъ вамъ, что Вѣринька ничтожна?» вскричалъ съ сердцемъ Аркадій. «Знаете-ли вы ее, узнали-ль вы ея свѣтлую, прекрасную душу? Проникнули-ль вы въ ея чудное, святое сердце? И она меня любитъ, знаю, что она живетъ, дышитъ только мною — она

Digitized by Google

моя, моя—люди не отымутъ ея у меня—я принужу ихъ — я вырву у нихъ Вѣриньку мою! Они должны будутъ уступить ее мнѣ, моей славѣ, моему имени! У насъ нѣтъ Капитолія— нѣтъ тріумфа для художника; но когда общій восторгъ поставитъ меня выше всѣхъ.... Посмотрите, что напишу я теперь.... Вотъ, что̀ готовилъ я.... какъ это было глупо, какъ это было пошло, ничтожно! Это Грёзъ, пачкунъ семейственныхъ сценъ, копѣечнаго отчаянія, грошеваго счастія — ха, ха, ха!» Онъ сорвалъ покрывало съ картины, которая стояла въ сторонѣ: я увидѣлъ превосходное изображеніе семейственной сцены. Въ старинной Готической комнатѣ, въ Германскихъ одеждахъ, семейство занимается чтеніемъ: старикъ изображенъ дремлющимъ въ старинныхъ креслахъ; молодая дѣвушка опускаетъ занавѣску, чтобы солнце не обезпокоило его; молодая женщина останавливаетъ дѣтей, которыя вбѣгаютъ въ комнату. Она указываетъ имъ на старика; взглядъ на него превращаетъ ихъ шумную радость въ благоговѣйное молчаніе; молодой человѣкъ, держитъ въ рукѣ книгу, опускаетъ ее, вглядывается, прислушивается: точно-ли спитъ старикъ, и надобно-ли продолжать чтеніе, или перестать?

Молча любовался я этою картиною — она была прелестна; выраженіе лицъ, темный ко-

Digitized by Google

лоритъ, Рембрантовское освѣщеніе ея были превосходны. Она переносила зрителя въ патріархальныя времена Дюреровъ и Гольбеиновъ.

«Вотъ, что готовилъ я,» продолжалъ Аркадій — «но это глупо въ природѣ, глупо и въ картинѣ. Теперь я ихъ ужасну моею кистію!... Вотъ здѣсь, посмотрите, вотъ здѣсь я напишу имъ моего бѣшенаго Прометея. Онъ изобразитъ имъ душу мою, прикованную, не къ Кавказу, а къ этому неблагодарному, безчувственному міру; не воронъ будетъ клевать и терзать его, а несчастное, губительное чувство страсти безнадежной! О Боже, Боже! они не люди будутъ, если не увидятъ слѣда крови моей и слезъ моихъ въ краскахъ, какими изображу я имъ моего Прометея — если не отдадутъ мнѣ послѣ того Вѣриньки!

Аркадій заплакалъ, сѣлъ, и закрылъ лицо руками.

— Аркадій — сказалъ я—грустно смотрѣть на слезы мужчины: мужчина не долженъ плакать. Умри, но не плачь!

«Ахъ! мнѣ еще хочется пожить на свѣтѣ; въ немъ еще такъ много хорошаго, такъ много прекраснаго—въ немъ еще существуетъ Вѣринька—она *не моя*, но и никому не принадлежитъ она. Дайте мнѣ слезъ; позвольте мнѣ плакать,

Digitized by Google

другъ неумолимый! И если-бы вы знали, о чемъ я плачу! Не Вѣриньку — я теряю жизнь! Любовь къ ней, любовь ея было все, что привязывало меня къ жизни. Съ потерею Вѣриньки, всѣ связи мои съ міромъ будутъ разорваны. Неужели хотите вы, безжалостный человѣкъ! чтобы и послѣ этого я еще скитался по землѣ тѣнью безжизненною? Неужели думаете, что въ моихъ созданіяхъ будетъ жизнь, когда не будетъ ея во мнѣ самомъ? Хорошо! сдѣлайте изъ меня привидѣніе, машину, творящую великое и прекрасное; но каково-же будетъ мнѣ, привидѣнію, созданному вами? Вѣдь я человѣкъ— пощадите меня—позвольте мнѣ лучше умереть!

«Какъ странна участь моя! Зачѣмъ надобно было юной душѣ моей соединиться съ душею человѣка единственнаго, добродѣтельнаго, но оскорбленнаго міромъ, и людьми, и жизнію! Зачѣмъ этотъ человѣкъ исторгъ меня изъ ничтожества, въ которое судьба поставила меня при рожденіи! Зачѣмъ онъ оставилъ меня послѣ того въ жертву оскорбленному мною міру! Зачѣмъ послѣ него воскресило меня это милое созданіе, эта Вѣринька? Да, она поддержала во мнѣ жизнь, готовую погаснуть; за то, я хотѣлъ ей посвятить мое бытіе—ничѣмъ болѣе не могъ я подарить ее — да я и не могъ уже располагать собою; она воскресила меня, но

Digitized by Google

потребовала себѣ душу мою—я отдавалъ ей—и этого не льзя мнѣ сдѣлать? Бѣдный человѣкъ! Люди становятся, какъ разбойники, между мною и Вѣринькою; она сама пугается, презираетъ меня, бѣжитъ отъ меня! Чего боятся они во мнѣ? Развѣ не принималъ я всѣхъ ихъ условій—всѣхъ—но только съ Вѣринькою — съ нею; а безъ нея—что мнѣ въ мірѣ, въ людяхъ? на что я самъ безъ Вѣриньки! —

Я радовался, видя, что слезы и жалобы облегчаютъ Аркадія, и не препятствовалъ ему плакать и жаловаться. Упрямое, молчаливое, одинокое отчаяніе, три дня терзавшее его, теперь прошло. Онъ сталъ спокойнѣе. Тогда тихими, сердечными словами дружбы началъ я врачевать его растерзанное сердце.

— Аркадій, другъ мой! Ты еще такъ молодъ—сказалъ я — и уже думаешь, что жизнь совершенно разсчиталась съ тобою. Мой другъ! передъ тобою она лежитъ еще необозримымъ полемъ горести и радости — да, мой другъ, и радости! Знаю и увѣренъ, что юность твоя была уже испытана скорбію, но радостей ты зналъ еще мало донынѣ. Благодари лучше Провидѣніе, что при началѣ жизни оно искусило тебя, и приготовило къ будущимъ подвигамъ. Чувство любви въ твои годы всесильно, всепоглощающе; но не одно оно объемлетъ жизнь

Digitized by Google

и міръ для человѣка, который чувствуетъ въ душѣ своей призваніе къ чему либо высокому...

«Нѣтъ!» сказалъ Аркадій. «Для меня все погибло, если погибла любовь моя. Судьба вѣситъ въ эти минуты жребій мой на вѣсахъ своихъ, и если не броситъ она любви въ мою чашку вѣсовъ — разсчетъ конченъ — Аркадію не существовать болѣе! Тотъ вѣкъ, когда художникъ могъ быть художникомъ, потому что не могъ быть ничѣмъ другимъ; когда онъ могъ совершенно, всѣмъ бытіемъ своимъ погрузиться въ океанъ Изящнаго — золотой вѣкъ Дюреровъ и Кранаховъ, Рафаэлей и Микель-Анджело прошелъ, и не возвратится. Міръ забылъ уже объ этомъ вѣкѣ, и художникъ можетъ существовать нынѣ только вдохновеніемъ страстей: если мнѣ не льзя существовать любовью—художникъ во мнѣ исчезнетъ. Другихъ страстей я не знаю: любовь только, одна любовь могла-бы вознести меня къ высокому моему идеалу, на зло вѣку нашему и людямъ! Выслушайте, добрый, почтенный другъ мой!... вы должны узнать повѣсть моей души. Вамъ все я открою, и потомъ судите обо мнѣ, судите меня.....

(До слѣд. книжки.)

Digitized by Google

КРИТИКА.

Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора Французовъ. Сочиненіе Сира Вальтеръ-Скотта. Перевелъ съ Англійскаго С. де Шаплетъ. СПб. 1831 и 1832 гг. 14 ш. in-12.

(Окончаніе.)

Походъ Наполеона въ Россію принадлежитъ къ важнѣйшимъ событіямъ не только въ его Исторіи, но и въ Исторіи міра. Пусть просвѣщенные глядятъ на оный какъ на обыкновенную, хотя и большую войну, которая окончилась паденіемъ начинателя; мы видимъ въ немъ эру новой жизни народовъ. Паденіе Наполеона было границею, далѣе которой не пойдутъ прежнія идеи о всесвѣтномъ владычествѣ, долго мучившія земныхъ властителей и дорого стоившія человѣчеству. Провидѣніе, какъ-бы желая торжественно заключить прежній порядокъ дѣлъ, освѣтило 1812-й годъ огнемъ пожаровъ, означило его движеніями всѣхъ народовъ, и оглушило изумленный міръ громомъ неслыханныхъ битвъ. Не удивительно, что впечатлѣніе, произведенное внѣшностью этой дивной войны, было

Digitized by Google

велико, заставило забыть внутреннія причины оной, и упустить изъ виду отдаленныя слѣдствія, которыя пойдутъ въ глубь вѣковъ.

Но Историкъ долженъ былъ стать выше обыкновенныхъ наблюдателей, и проникнуть далѣе безотчетнаго списывателя реляцій.

В. Скоттъ находитъ, что слѣдующія причины произвели войну Франціи съ Россіею въ 1812 году: 1-я, онасеніе, что-бы Наполеонъ не возстановилъ Польскаго Королевства; 2-я, континенціальная система, останавливавшая сбытъ *помѣщичьихъ* товаровъ лѣсу, смолы, поташу, пеньки, и проч.; 3-я, первенство Франціи въ дипломатическихъ сношеніяхъ; 4-я, союзъ Наполеона съ Австріею; 5-я, вмѣшательство его въ политику Россіи, что В. Скоттъ признаетъ главною причиною разрыва дружественныхъ ея сношеній съ повелителемъ Франціи (Русск. перев. ш. IX-й, гл. 6-я).

Но кто не согласится, что причины сіи не могли быть главными? Онѣ были побочными послѣ Тильзитскаго мира, когда Наполеонъ пріобрѣлъ рѣшительное первенство въ дѣлахъ Европы. Сила искони была первымъ закономъ въ отношеніяхъ одного Государства къ другому, и потому, если Наполеонъ имѣлъ *силу* сдѣлать все несправедливое, на что жаловались Европейскіе Государи, то кто могъ требовать отъ него отчета послѣ 1807 года? Въ томъ-то и состоитъ великій урокъ его примѣра, что онъ показываетъ, какъ Провидѣніе полагаетъ предѣлъ силѣ, мечтавшей не знать себѣ границъ.

Digitized by Google

Императоръ Александръ защищалъ независимость и честь своего Государства въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ, но могъ-ли онъ дипломатически остановить честолюбивые замыслы его? Наполеону было очень легко уничтожить всѣ спорныя статьи, служившія поводомъ къ войнѣ 1812 года, но онъ *не хотѣлъ* этого, и слѣдственно въ его волѣ, въ немъ самомъ заключалась единственная причина войны. Онъ и не думалъ отвѣчать на вопросы Россійскаго Посланника, требовавшаго объясненій касательно упомянутыхъ статей; онъ самъ выставлялъ вдвое болѣе жалобъ на Россію, и не переставалъ запутывать дѣла до тѣхъ поръ, когда наступилъ часъ *разрубить* ихъ, а не развязать. Идея насилія должна была сразиться съ идеею независимости государственной.

Однакожь В. Скоттъ, вѣрный системѣ своей: унижаетъ Наполеона и видѣтъ въ немъ безумца, почитаетъ прихотью человѣческою кровавую распрю 1812 года. Упомянувъ о послѣднемъ предложеніи Князя Куракина, онъ говоритъ, что Наполеонъ сказалъ: «Требованіе нагло. Я не привыкъ къ такому тону разговора, и не умѣю двигать своихъ армій по волѣ чужеземнаго Государя.» Къ этому онъ прибавляетъ: «Такимъ образомъ, *безразсудная прихоть Наполеона*, который принялъ мирное приглашеніе за обиду потому только, что требовали у него положенія войскъ, не столь грознаго, была причиною смерти болѣе нежели милліона людей, и паденія самой необычайной Имперіи, какая существовала когда нибудь въ мірѣ.» Нужно-ли доказывать неосновательность сего мнѣнія? Нѣтъ, не въ

Digitized by Google

прихоши Наполеона заключалась причина войны 1812 года, и слѣдственно паденія его могущества, а въ необходимости его положенія. Онъ, дитя Революціи, побѣдами и завоеваніями проложившій себѣ путь къ Трону, долженъ былъ и поддерживать себя побѣдами. Онъ не могъ стоять на ряду съ потомками древнихъ царскихъ Домовъ, потому что насильственно вторгся въ среду ихъ, и также не могъ быть мирнымъ властителемъ своего народа, потому что насильственно заставилъ его попрать купленныя кровію обольщенія. Онъ былъ плебей, и этого не могли забыть ни союзники его, ни подданные. Ненависть и оскорбленіе таились подъ изъявленіями дружбы и покорности. Столь проницательный геній могъ-ли не видѣть этого, и не знать, что лишь властвуя надъ Европою можетъ онъ удержаться на своемъ мѣстѣ? Присовокупите къ тому личное убѣжденіе его, что дѣйствуя такимъ образомъ онъ стремится ко благу народовъ, и вы поймете слова его къ Фуше: «Судьба моя еще не свершилась. Мое настоящее положеніе есть только очеркъ картины, которую долженъ я кончить. Одинъ, общій Европейскій Уставъ, и одно судилище: вотъ что должно быть! Для всей Европы должны быть одни и тѣже вѣса, мѣры, монета, законы. Изъ всѣхъ Европейскихъ Государствъ я сдѣлаю одинъ народъ, и Парижъ будетъ столицею міра.» — Другимъ говорилъ онъ: «Могущество мое не можетъ оставаться неподвижнымъ. Оно основано на общественномъ мнѣніи, и если перестанетъ двигаться впередъ, то необходимо пойдетъ назадъ.»

Digitized by Google

И все это приводитъ самъ В. Скоттъ, самъ пишетъ объ этомъ, но не видитъ согласія словъ Наполеона съ поступками, и только подсмѣивается надъ его несбыточными планами. Разумѣется, что Наполеонъ могъ рѣдко говорить отъ искренняго сердца, но въ приведенныхъ нами словахъ заключена разгадка всей его жизни, и подтвержденіемъ сему служитъ вся его Исторія. Умѣть отличать истину отъ вздора и выставлять событія въ истинномъ свѣтѣ: вотъ въ чемъ заключается мудрость Историка. В. Скоттъ не имѣлъ этого дара.

Не будемъ замѣчать частныхъ ошибокъ Историка въ описаніи нашей отечественной войны. Всего приличнѣе было-бы отмѣтить ихъ Русскому Переводчику, тѣмъ болѣе, что средствъ для этого очень много. Цѣлая Литтература—если можно такъ выразиться—представляющая сотни описаній, Записокъ и замѣтокъ, объясняющихъ нашу достопамятную войну, могла-бы служить руководствомъ для доброй воли. Намъ невозможно сдѣлать этого: мы были-бы увлечены въ несоразмѣрныя съ нашею статьею изслѣдованія, если-бы стали критиковать В. Скоттa въ подробностяхъ. Сверхъ того, ему, какъ иностранцу, и еще болѣе какъ Англичанину, простительно многое. Мы обратимся къ нѣкоторымъ изъ главнѣйшихъ событій сей кампаніи. Ихъ было нѣсколько, и они знаменуютъ собою весь ходъ дѣлъ; это, кромѣ военныхъ дѣйствій: состояніе народнаго духа въ Россіи, сожженіе Москвы, и бѣдственное разстройство всѣхъ частей силы Наполеоновой.

Digitized by Google

В. Скошшъ представляетъ насъ истинными варварами, безпрестанно чествшъ именемъ Скиѳовъ, съ которыми у насъ нѣтъ никакого родства, ни кровнаго, ни духовнаго, и ни сколько не раскрываетъ причинъ одушевленія нашего въ 1812 году. Не льзя не сказать кстати, что какой-бы ни отмежевали мы участокъ простительному незнанію иностранца, но въ семъ случаѣ Историкъ Наполеона совершенно несносенъ. Какъ не знать ему, что въ Россіи живутъ не варвары, похожіе на Скиѳовъ, а люди, во многихъ отношеніяхъ столько-же образованные, какъ и соотечественники Историка? Онъ самъ видалъ Рускихъ, былъ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ дружественныхъ сношеніяхъ; онъ могъ судить по нимъ, и еще болѣе по вліянію Россіи на дѣла Европы и по внѣшнимъ сношеніямъ ея, что мы давно вышли изъ варварскаго состоянія. Обыкновенно въ этомъ случаѣ иностранцы указываютъ на крестьянъ нашихъ, которые, правду сказать, находятся еще въ грубой корѣ; но развѣ Шотландскіе или Французскіе мужики лучше нашихъ? Они такъ-же не знаютъ ни грамоты, ни закона, такъ-же дико, не по-человѣчески живутъ, и ломаютъ свой языкъ не хуже подмосковнаго мужика. Массы народныя есть вездѣ. За исключеніемъ религіознаго чувства и нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ, онѣ повсюду одинаковы, и служатъ въ кораблѣ государственномъ вмѣсто балласта, который, по волѣ управляющихъ движущимся тѣломъ этого корабля, переносится въ трюмъ, составляетъ иногда товаръ, иногда запасъ военный или общежительный, и въ случаѣ нужды выкидывается

Digitized by Google

за боршъ. Онъ существенная принадлежность корабля; но кто рѣшится судить по немъ объ искусствѣ и образованности корабельныхъ начальниковъ? В. Скоттъ однакожь судилъ о насъ такимъ образомъ. Онъ только видѣлъ въ насъ варваровъ, и не сказалъ почти ничего о состояніи духа народнаго въ Россіи 1812 года. А какой важный предметъ для разсмотрѣнія представлялся ему! Онъ увидѣлъ-бы необычайное явленіе совершеннаго спокойствія, увѣренности, можно сказать неподвижности нашей при великихъ событіяхъ. Никогда и ни въ какомъ Государствѣ, при чужеземномъ нашествіи, народъ не оказывалъ такой довѣренности къ властямъ. Французы были уже въ сердцѣ Россіи, а мы даже не знали, что дѣлается въ нашихъ арміяхъ. Французы были уже въ Москвѣ, а мы и не безпокоились объ этомъ. Конечно, разстройство вещественное было велико; многія дѣла и сношенія прекратились; но никто не почиталъ потери столицы гибельною для Государства; всѣ, напротивъ, были въ какой-то увѣренности, что нашествіе Наполеона есть мимоидущая буря, послѣ которой все примешь прежній видъ. Говорятъ объ ожесточеніи крестьянъ, о народной войнѣ: но ничего этого не было. Можетъ быть, на всемъ пространствѣ пути Французовъ, и съ окрестностями Москвы, гдѣ прожили они довольно долго, нѣсколько *десятковъ*, и едва-ли *сотенъ* мужичковъ, оказали сопротивленіе фуражирамъ и мародёрамъ; но развѣ это значитъ народная война? Русскіе Дворяне и Купцы сдѣлали великія пожертвованія, но не прежде какъ при воззваніи своего Монарха. Изъ

Digitized by Google

Москвы бѣжали, въ Петербургѣ готовились къ бѣгству, но сопротивленія народнаго не было нигдѣ. Какъ-же было не замѣтишь такого необычайнаго явленія, и не отдашь всей справедливости безсмертнымъ мужамъ, спасителямъ Россіи: Александру, мужественному, непоколебимому противнику Западнаго исполина, и мудрому, великому полководцу Барклаю де Толли? Кто могъ остановить державную волю Александра, если-бы онъ рѣшился уступить Наполеону при началѣ кампаніи, или въ первые мѣсяцы оной, при видѣ страшной грозы, готовой упасть и потомъ упавшей на его Имперію? Но какъ при объявленіи войны, такъ и въ минуты величайшихъ опасностей, Александръ былъ и остался героемъ, достойнымъ сыномъ и царемъ Россіи. Барклай де Толли, который умѣлъ спасти армію, и затруднилъ, изумилъ Наполеона своею системою медленія вслѣдствіе глубокаго разсчета, Барклай де Толли былъ другимъ хранителемъ Россіи. Къ сожалѣнію, обстоятельства не позволили ему самому довершить своего великаго подвига, который отъ того и оцѣнивается многими не такъ какъ-бы надлежало. Но Исторія будетъ справедливѣе современниковъ: она отдастъ каждому законный участокъ славы.

Сожженіе Москвы представлено В. Скоттомъ такъ, что не поймете, кто былъ виною онаго? Правительство, народъ, или Французы? Онъ не знаетъ даже того акта, который былъ напечатанъ въ Москвѣ, на Французскомъ и Русскомъ языкахъ, по приказанію Наполеона, и въ кото-

Digitized by Google

ромъ, означены имена поджигателей. Этотъ важный историческій актъ былъ повторенъ во всѣхъ иностранныхъ газетахъ того времени, и послѣ него не льзя сомнѣваться, что пожаръ Москвы былъ дѣломъ самихъ Русскихъ (*). Остается рѣшить: дѣйствительно-ли необходимо было сжечь столицу для пораженія непріятеля? В. Скоттъ, по примѣру многихъ, разсуждавшихъ объ этомъ безпримѣрномъ событіи, находитъ, что пожаръ Московскій былъ губителенъ для Наполеона. Какъ Русскій, любящій славу своего отечества, я готовъ согласиться, что подвигъ былъ изумителенъ своимъ величіемъ, но признаюсь, не вижу никакой опредѣленной цѣли для него.

Но какія слѣдствія вообще имѣлъ Наполеоновъ походъ въ Россію? Вотъ главный вопросъ, который долженъ былъ разрѣшить Историкъ, описавъ сію бѣдственную для поелителя Франціи кампанію. Онъ даже и не упоминаетъ о нравственномъ ея дѣйствіи. Повторяя то-же, что говорилъ онъ при началѣ описанія оной, В. Скоттъ осуждаетъ Наполеона за несправедливость, за высокомѣріе, за ошибки противъ разсчетливости политической и противъ Военнаго Искусства. Онъ не видитъ рѣзкой грани, которою Провидѣніе озна-

(*) Русскій переводъ напечатанъ въ Телеграфѣ 1829 года, въ № 24-мъ, стр. 392—409-я.

Digitized by Google

чило сей періодъ въ Исторіи Наполеона — и, прибавимъ, цѣлаго міра.

Слѣдствія похода въ Россію были безчисленны. Гибель арміи Наполеона еще не была гибелью его самого. Потерявъ полмилліона войскъ, всю артиллерію и безчисленное множество всякихъ запасовъ, онъ мановеніемъ своей воли, какъ-бы чародѣйствомъ, вновь воздвигъ армію въ три-ста тысячь человѣкъ, снабженную всѣмъ не хуже его Большой арміи, исчезнувшей въ Россіи. Но уже мысль объ освобожденіи сверкнула въ умахъ народовъ. Пруссія, можетъ быть обольщенная неслыханною гибелью арміи Наполеоновой, немедленно соединилась съ Россіею, и сдѣлавъ этотъ смѣлый шагъ, должна была употребить противъ врага всѣ свои силы, ибо возвратиться къ прежнему было невозможно: гибель ожидала ее при новомъ успѣхѣ Наполеона. Примѣръ столь значительной Державы былъ чрезвычайно важенъ. Онъ увлекъ многихъ, робкихъ и слабыхъ, благоразумныхъ и осторожныхъ, которые также, возставъ противъ Наполеона, уже не могли положить оружія, вслѣдствіе самаго простаго разсчета. Таково было отношеніе Правительствъ Европейскихъ къ Наполеону послѣ 1812 года. Отношенія народовъ были еще рѣшительнѣе. При мысли о свободѣ отечества, каждый житель Германіи былъ готовъ принести на жертву все: жизнь, спокойствіе, достояніе. Въ такой борьбѣ, успѣхъ не могъ быть на сторонѣ Наполеона, и его блистательные успѣхи, которыми ознаменовалось начало кампаніи 1813 года, не вели ни къ

Digitized by Google

чему. Въ самомъ дѣлѣ, побѣда бываетъ важна только тогда, когда за нею можетъ послѣдовать миръ, всегда выгодный для побѣдителя. Но когда нѣтъ мира, когда народы не склоняются ни предъ какою побѣдою, и когда многочисленность на ихъ сторонѣ, то паденіе противника ихъ неизбѣжно. Слѣдственно, всего важнѣе была нравственная сила, пробужденная истребленіемъ 1812 года. Она одушевила народы, показавъ, что непреклонное упорство уничтожаетъ величайшее могущество, и что побѣда надъ исполиномъ не невозможна, если противъ него возстанетъ смертная война. Чѣмъ Александръ побѣдилъ Наполеона? Непреклонностью. Благородный примѣръ его былъ волшебнымъ словомъ для народовъ Германіи, и гибелью для Наполеона. Не забудемъ однакожь, что преимущество сіе не существовало-бы, если-бы самъ Наполеонъ не былъ ушеснителемъ свободы народовъ, если-бы онъ самъ не возбудилъ къ себѣ непримиримой ненависти. Чудовищная мысль его о всемірномъ обладаніи грозила гибелью не только личной независимости каждаго человѣка, но и свободѣ всѣхъ народовъ. Онъ шелъ противъ нравственной идеи своего вѣка, и погибъ въ борьбѣ съ нею. Коварствомъ и силою своего генія онъ могъ уничтожить волю милліоновъ, но не могъ побѣдить цѣлаго міра, который былъ противъ него, и ждалъ первой благопріятной минуты для своего освобожденія. Минута сія настала въ Россіи. Она была неизбѣжна, и Наполеонъ могъ встрѣтить ее подъ Москвою, такъ-же какъ и подъ Ватерлоо. Яркими чертами означитъ долженъ былъ В. Скоттъ сію торжественную ми-

Digitized by Google

нуту, какъ вѣчно-памятную для народовъ, коихъ Исторія приняла новый видъ послѣ страшнаго урока, даннаго Провидѣніемъ величайшему генію, какого видѣлъ когда-либо міръ.

Такъ! міръ не увидитъ другаго Наполеона. Это былъ послѣдній выводъ Исторіи, въ которомъ народы ясно увидѣли свое предназначеніе, и уже не могутъ поддаться никакому обольстительному генію, никакой силѣ, никакому очарованію могущаго человѣка. Силы, сосредоточенныя въ Наполеонѣ, распредѣлились въ правильной системѣ государственной, и теперь народамъ остается разрабатывать великое поле истинъ, скрытыхъ въ наукахъ, трудиться въ подвигахъ государственнаго добра, и соединяться не въ чудовищной власти всесвѣтнаго завоевателя, но въ союзѣ, которымъ соединило ихъ Провидѣніе, и котораго значеніе только въ наше время выразилось въ словѣ: человѣчество.

Исторія была-бы непонятнымъ сборомъ сказаній, если-бы мы не разсматривали ея въ идеяхъ, столько-же какъ въ событіяхъ. Всякому событію должна предшествовать идея; это неоспоримо, истинно въ самыхъ мѣлкихъ дѣлахъ человѣческихъ, и потому какого осужденія достоинъ Историкъ, не видавшій идеи величайшихъ событій міра, произведенныхъ Наполеономъ? Какъ назвать ослѣпленіе того, кто видѣлъ только самовольство и безразсудность въ человѣкѣ, перевернувшемъ всѣ дѣла, всѣ отношенія Европы, этого сердца міра?

Digitized by Google

Не понимаемъ также равнодушія, съ какимъ В. Скоттъ смотрѣлъ на послѣдніе годы жизни Наполеона. Падшее могущество всегда умилительно. Поэзія давно овладѣла Аннибаломъ, лишеннымъ львиной силы своей и размышляющимъ на развалинахъ Карѳагена; она давно схватила поэтическую мысль смерти Цезаря, могущаго Цезаря, упадшаго подъ ударами кинжаловъ, и склонившаго передъ мраморнымъ изваяніемъ Помпея голову, которая не умѣла склоняться ни передъ кѣмъ въ мірѣ!.. Какой врагъ природы своей, какой человѣкъ не преклонитъ колѣнъ передъ смертною плахою изнуреннаго скорбью, падшаго повелителя Французскаго Королевства, или передъ могуществомъ другаго рода, передъ исчезающимъ могуществомъ дарованія, когда оно страдало и несло жизнь свою на эшафодъ въ лицѣ Шенье и Цицероновъ? Но что внушаетъ въ насъ это благоговѣйное чувство? Конечно не личность всѣхъ этихъ людей, извѣстныхъ намъ только по преданію, и чуждыхъ по всѣмъ отношеніямъ кромѣ одного — достоинства человѣческой природы, идеи могущества, заключавшейся въ такомъ-же слабомъ человѣкѣ какъ и всѣ мы, братья по человѣчеству. Возвышенный надъ толпою, обладающій умами и волею другихъ, герой, повелитель, поэтъ, уже перестаетъ быть обыкновеннымъ, всегда слабымъ и жалкимъ человѣкомъ. Эта нравственная іерархія была и будетъ вѣчно. Даже близкій къ первымъ ступенямъ ея принимаетъ, хотя часто и обманчивый, характеръ возвышенности. А человѣкъ, стоявшій дѣйствительно выше всѣхъ другихъ, предписывавшій законы полуміру, и едва

Digitized by Google

не осуществившій мечты своей о всемірномъ обладаніи?... Кто не жилъ во время Наполеона, тотъ не можетъ вообразить себѣ степени его нравственнаго могущества, которое отражалось въ умахъ современниковъ. Имя Наполеона было не только извѣстно каждому, но и приносило съ собою въ умъ каждаго необъятную, безотчетную идею силы безъ всякихъ границъ. Самое властвованіе и жизнь его казались безконечными... Не называйте суевѣрнымъ этого истиннаго чувства: оно имѣло основаніе свое въ дѣйствительности. Надобно было природѣ возстать за угнетенный родъ человѣческій; надобно было всѣмъ народамъ Европы идти въ борьбу съ этимъ не баснословнымъ исполиномъ; надобно было на тысячахъ верстъ, долго, упорно, отчаянно сражаться съ нимъ, чтобы наконецъ заставить могучую волю его отказаться отъ власти, которой не умѣлъ онъ употребить ко благу народовъ. Событіе свершилось. Исполинъ сошелъ съ поприща своихъ подвиговъ; но остался міръ, который свидѣтельствуетъ о его существованіи. Наполеонъ былъ уже на отдаленной скалѣ Океана, а его идеи, его дѣла, его подвиги еще волновались и кипѣли въ Европѣ. И теперь, когда уже двѣнадцать лѣтъ покоится въ землѣ прахъ его, тревожимый только шумомъ отдаленныхъ волнъ и окликомъ бдящаго надъ его могилой часоваго, и теперь, развѣ не существуетъ Наполеонъ? Еще многое въ мірѣ живетъ его прешедшимъ могуществомъ, еще много остается памятниковъ его генія, и скрижали Исторіи навсегда сохранятъ память о дѣлахъ человѣка, ознаменовавшаго собою цѣлую эпо-

Digitized by Google

ху, наполнившаго громомъ и блескомъ своей славы цѣлый міръ, и давшаго новое направленіе роду человѣческому.

Паденіе, уединенная жизнь и мучительное томленіе такого человѣка, должны-бъ были, кажется, расшевелить душу самую холодную и безстрастную. Однакожь В. Скоттъ умѣлъ явиться и при этомъ съ какимъ-то безчувствіемъ. Несперпимо читать послѣдніе томы его Исторіи, гдѣ онъ опять подъ вдохновеніемъ своего Британскаго юмора. Съ какимъ-то безчеловѣчнымъ самодовольствомъ разсказываетъ онъ о негодованіи Наполеона противъ Губернатора острова Святыя Елены, и жалобахъ его на худой столъ, на дурныя вина, и на стѣсненіе его въ прогулкахъ. Не понимаю, какимъ чувствомъ послѣ этого одушевлялся В. Скоттъ, писавши о своихъ Стюартахъ, и размягчая сожалѣніемъ изгнаническія ихъ похожденія! Падшее могущество, какъ показали мы выше, невольно приводитъ человѣка въ умиленіе, и если Стюарты были достойны трогательныхъ изображеній, то я не знаю, есть-ли въ мірѣ краски, которыми можно было-бы оттѣнить картину, представляющую изгнанника міра! Но таково дѣйствіе духа партій и народнаго эгоизма: человѣкъ, умѣвшій одушевлять себя трогательнымъ чувствомъ при взглядѣ на изгнанныхъ своихъ Королей, остается неумолимымъ Тори при описаніи несчастій болѣе значительныхъ и величественныхъ. Извлечемъ и изъ этого примѣра наставительный урокъ, что писатель, приверженный къ запоздалой партіи и взросшій подъ обаяніемъ народнаго эгоизма, не можетъ быть

Digitized by Google

хорошимъ Историкомъ, сколько-бы ни было блестящее его дарованіе.

Можетъ быть никогда Наполеонъ не былъ такъ великъ, какъ во время своего изгнанія. Обыкновенные люди, современники его, полагали что онъ не долженъ былъ пережить своего величія, что ему надобно было пасть въ послѣдней данной имъ битвѣ. Кажется, ни кто не подумаетъ упрекнуть его въ *устрашимости*, не говоримъ уже въ трусости. Онъ, ни въ одномъ рѣшительномъ сраженіи, не прятался себя въ отдаленіе отъ дождя пуль и гранатъ; но судьба не послала ему смерти, ни отъ Австрійскаго, ни отъ Русскаго, ни отъ Англійскаго стрѣлка. Она какъ-бы хотѣла испытать силу его духа и въ томъ бѣдствіи, которое было равно только неслыханному его счастію. Въ самомъ дѣлѣ, это испытаніе едва-ли не было выше силъ человѣческихъ; но къ чести рода людей, оно выпало такому человѣку, который могъ перенести его — и перенесъ. Нравственныя силы его сохранили до конца свое могущество, и перестав одерживать побѣды надъ многочисленными арміями, онъ одержалъ величайшую побѣду надъ собою. Онъ пережилъ свое несчастіе. Въ кругу немногихъ, вѣрныхъ друзей, раздѣлявшихъ съ нимъ изгнаніе, онъ углубилъ свой орлиный взоръ въ прошедшее, онъ бросилъ огненный взглядъ на прошекшія событія, и оставилъ намъ въ наслѣдіе нѣсколько глубокомысленныхъ, единственныхъ, образцовыхъ описаній битвъ, и картинъ политическихъ, гдѣ самъ онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Такимъ об-

Digitized by Google

разомъ онъ остался вѣренъ характеру силы, которымъ была ознаменована вся его Исторія. Одно и то-же могущество одушевляло его передъ огнемъ великихъ битвъ, и въ сонмѣ искусныхъ юриспруденшовъ, при сочиненіи Кодекса, которому онъ далъ свое имя; одна и та-же сила ума присутствовала въ немъ при завоеваніи отдаленныхъ странъ, и въ побѣдахъ надъ природою, которыхъ памятниками остались Симплонъ и Сенъ-Бернардъ; одна и таже мысль, гигантская, превосходящая условія міра, и потому несообразная съ силами человѣческими, заставляла его переноситься изъ Египта на поля Маренго, изъ благословеннаго климата Испаніи въ хладныя страны Россіи, и долго мѣшала ему понять усилія возставшей Европы, которая требовала, что-бы онъ дѣйствовалъ по-человѣчески.—Мы старались показать, что Наполеонъ шелъ не прямымъ путемъ ко благу человѣчества; старались представить, какъ ложно понималъ онъ идею своего времени, думая покорить міръ волѣ одного человѣка, и какъ ошибался, думая что можно противиться непобѣдимой силѣ всего человѣчества; но въ то-же время старались мы представить и возвышенность генія, который не только лелѣялъ въ душѣ своей ужасную мечту о всесвѣтномъ обладаніи, но и умѣлъ нѣсколько времени осуществлять ее. Гибель его была неизбѣжна, и въ немъ, въ немъ самомъ заключалась она; но геній его остается несокрушимымъ предметомъ удивленія для вѣковъ. Въ Наполеонѣ всегда будетъ человѣкъ изучать силы своего духа, степень могущества, къ которому онъ способенъ, и въ спокойномъ созер-

Digitized by Google

ціи Исторіи научаться великому искусству: дѣйствовать сообразно идеямъ и направленію своего времени, слѣдовательно быть участникомъ въ общемъ благѣ, къ которому на всѣхъ путяхъ стремится человѣчество. Наполеонъ хотѣлъ остановить свободное развитіе обществъ и каждаго человѣка отдѣльно. Провидѣніе смирило его за эту безчеловѣчную мысль, и въ то-же время дало намъ примѣръ, какъ ничтожна величайшая сила передъ всемогуществомъ вѣчныхъ законовъ. Будемъ разсматривать въ Наполеонѣ великаго человѣка, и безропотно повиноваться Провидѣнію, ведущему насъ *своими* путями къ предназначенной цѣли. Таковъ долженъ быть выводъ всей Исторіи Наполеона — но не В. Скотту было предназначено вписать его въ свою книгу.

Мы ни мало не сомнѣваемся, что Г. де Шаплетъ думалъ оказать услугу нашей публикѣ переводомъ *Жизни Наполеона Бонапарте*, написанной В. Скоттомъ. Книга, имѣвшая самый великолѣпный успѣхъ при появленіи своемъ, конечно была достойна любопытства Русскихъ читателей, и перевести ее было должно. Но не такъ надлежало сдѣлать это, какъ сдѣлалъ Г. де Шаплетъ. Съ нѣкотораго времени онъ ставитъ на своихъ переводахъ сочиненій В. Скотта: *перевель съ Англійскаго*; но едвали эта фирма введетъ въ заблужденіе опытныхъ людей. Явно Французская постройка фразъ заставитъ призадуматься самаго искренняго почитателя Гна Переводчика, и, при малѣйшемъ вниманіи, онъ увидитъ, что съ Англійскаго переводитъ не

Digitized by Google

Г. де Шаплетъ, а Французскій переводчикъ. Впрочемъ, это не главный недостатокъ новаго труда Гна де Шаплета. Всего хуже то, что слогъ въ *Жизни Наполеона* не хорошъ: часто непонятенъ, и вообще отзывается излишнею поспѣшностью. Мы почти увѣрены, что *Жизнь Наполеона* переведена въ нѣсколько рукъ, ибо многія мѣста въ ней напоминаютъ хорошее время Гна де Шаплета, другія, напротивъ, показываютъ ученическое незнаніе языка. Вотъ нѣсколько примѣровъ: « *Разсматривая* нынѣ документъ сей, *онъ кажется* ознаменованнымъ всею умѣренностью, и даже уважительностью, какихъ только можно было ожидать отъ Главы великой Имперіи « (Т. IX, стр. 286-я). Не по-Русски, потому что слишкомъ буквально съ Французскаго: En examinant cette pièce, elle semble empreinte d'un caractère de modération et même de déférence aussi prononcé, qu'on pouvait l'attendre du chef d'un grand empire. — « Если-бъ въ Москвѣ осталось *обыкновенное народонаселеніе*, то онъ нашелъ-бы *въ полной дѣятельности всегдашнее снабженіе рынковъ*. Способы сіи (какіе?) были безъ сомнѣнія не весьма легки, ибо съѣстные припасы доставляются въ сію столицу *не такъ, какъ обыкновенно изъ плодоносныхъ окрестностей* оной, *но изъ отдаленныхъ областей* — лѣтомъ водою, а зимою на саняхъ, *возомыхъ по льду и по снѣгу*. » (Т. IX, стр. 427-я). Объясненія этому надобно искать во Французскомъ переводѣ. — « Наполеонъ однакожъ не до такой степени былъ увѣренъ въ мирѣ, *чтобы одобрить* странный родъ перемирія, заключеннаго съ Русскими Мюратомъ (стр. 446-я). » — « Число Каза-

Digitized by Google

ковъ до такой степени увеличилось, *что они походили на орды древнихъ Скиѳовъ.*» (стр. 449-я). Странное заключеніе! — подумаешь читатель; но онъ не обвинишь Автора, если узнаешь, что въ подлинникѣ сказано совсѣмъ другое: « Число Казаковъ возрасло до того, что походило на одно изъ древнихъ переселеній (эмиграцій) Скиѳскихъ. »

Довольно для оцѣнки перевода.

Мы забыли сдѣлашь важное замѣчаніе. У В. Скотта находится передъ Исторіею Наполеона картина Французской Революціи, занимающая два большіе тома, изъ которыхъ вышло-бы четыре въ Русскомъ изданіи. Г. де Шаплешъ оставилъ ихъ безъ перевода, надѣясь, какъ мы слышали, издашь сію картину Революціи впослѣдствіи. Его переводъ начинаешся прямо Исторіею Наполеона.

К. П.

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Король Лиръ*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Шекспира. Перевелъ съ Англійскаго Василій Якимовъ. СПб. 1833. Въ т. Х. Гинце. VI и 253 стр. in-8.

— *Венеціянскій Купецъ*, драма въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Шекспира. Перевелъ съ Англійскаго Василій Якимовъ. СПб. 1833. Въ т. Х. Гинце. 175 стр. in-8.

При появленіи двухъ драмъ Шекспировыхъ въ Русскомъ переводѣ, мы почитаемъ излишнимъ говорить о достоинствѣ и величіи Шекспира вообще, и даже не войдемъ въ разборъ значенія ни *Лира*, ни *Венеціянскаго Купца*. Мы займемся Русскимъ переводомъ оныхъ; займемся съ нѣкоторою подробностью, потому еще болѣе, что о самомъ Шекспирѣ было много писано въ Журналѣ нашемъ; даже незнакомые съ симъ безсмертнымъ писателемъ могли составить себѣ о немъ вѣрное понятіе изъ статей Экштейна, изъ разбора Отелло, и многихъ другихъ, подобныхъ.

Digitized by Google

Въ Предисловіи, Г-нъ Переводчикъ увѣдомляетъ, что онъ намѣренъ перевести всѣ драмы Шекспировы, *всѣ 37 созданій Шекспировыхъ*, какъ говоритъ онъ. Предпріятіе огромное, требующее великой силы духа, и дарованія гибкаго, разнообразнаго!... Послѣ этого насъ изумила странная оговорка Г-на Переводчика о самомъ себѣ, что онъ «чуждъ *всякихъ притязаній на талантъ* и литтерапурную «славу.» Какъ? Не признавая въ себѣ ни какого дарованія, вы берешесь переводить Шекспира? Безъ крыльевъ хотите парить съ орломъ въ небѣ? Безъ силъ хотите бороться съ первымъ силачемъ въ мірѣ? Подумайте только, что этимъ признаніемъ вы подписываете смертный приговоръ своему труду?... Но читатели, такъ-же какъ и мы, давно догадались, что это лишь особенный способъ сказать о себѣ что-то похвальное. Это провинціализмъ литтерапурный, старинное правило учтивости и вѣжливости, по которому отрекались отъ ума, отъ знаній, отъ чувствъ, отъ всего въ мірѣ, впрочемъ безъ всякихъ побужденій. Какъ образчикъ этой готической вѣжливости, сохранились въ нашихъ письмахъ выраженія, столь много заключающія въ себѣ смысла: *Милостивый Государь мой! Я есмь вашъ покорнѣйшій слуга! Я съ чувствомъ наиглубочайшаго уваженія готовъ къ услугамъ вашимъ! Я за счастіе почту называться всегда вашимъ покорнѣйшимъ слугою.* И этотъ-же покорнѣйшій слуга, въ томъ-же письмѣ, въ которомъ обѣщается онъ вамъ такъ вѣрно служить — часто снимаетъ съ васъ голову, или грозитъ вамъ тюрьмою! Но, что хорошо, или по крайней мѣрѣ сносно

Digitized by Google

въ общественномъ кругу, потому что всѣми принято и никѣмъ не исполняется, то слишкомъ неумѣстно въ Литтературномъ Предисловіи. Тутъ надобно быть искреннимъ и высказывать всю свою мысль, не оставляя у себя ключа къ ней. И Г. Переводчикъ, при всей своей скромности, поясняетъ намъ, что онъ «убѣжденъ въ пользѣ предпринятаго «имъ труда, онъ ласкаетъ себя надеждою, что бла«гонамѣренная критика пособитъ ему пройдти «далекій путь, на коемъ каждый шагъ должно по«купать *болѣе терпѣніемъ, нежели чѣмъ либо дру«гимъ*. Перевести, хотя-бы и посредственно, 37 «созданій Шекспировыхъ,' не смотря на то, что не «всѣ они одинаковой трудности — это не легко на «однѣ руки.» Подумаешь, право, что дѣло идетъ о томъ, какъ трудно перемолоть 37 возовъ ржи, или перепилить 37 саженъ дровъ. Терпѣніе! Да что вы сдѣлаете съ самымъ чудовищнымъ терпѣніемъ безъ дарованія? Дарованіе, только дарованіе нужно вамъ: въ немъ найдется и терпѣніе, и критика, и польза, и все для вашего труда. Что можетъ сдѣлать для васъ чужая критика? Ничего, потому что она судитъ о трудахъ уже оконченныхъ, и если переводъ вашъ принадлежитъ къ посредственнымъ, то она скажетъ только, что вы напрасно трудились. Большое одолженіе!

Совсѣмъ иначе глядимъ мы на предпріятіе Г-на Якимова. Онъ «покорнѣйше проситъ всякаго, «кому угодно и кто можетъ, при появленіи каж«дой пьесы высказывать ему свое мнѣніе, дѣлать «замѣчанія, указывать на промахи и ошибки.» Мы

Digitized by Google

исполнимъ это по обязанности, и съ большимъ удовольствіемъ. Не вдаваясь въ подробности, не цѣпляясь за мѣлочи, мы скажемъ сначала все, что можно сказать въ похвалу его труда, и потомъ уже замѣтимъ недостатки, неизбѣжные въ каждомъ трудѣ человѣческомъ; а Г. Якимовъ въ этомъ отношеніи *весьма человѣкъ*.

Передать Шекспира на Русскомъ языкѣ, дѣйствительно предпріятіе полезное и достойное уваженія. Какъ-бы ни былъ плохъ переводъ, но незнакомые съ иностранными языками узнаютъ изъ него то, что иначе осталось-бы для нихъ недоступнымъ. Они увидятъ, хотя окруженнаго густою тѣнью — Шекспира. Не повѣримъ тому, кто станетъ утверждать, что плохой переводъ убиваетъ писателя, что онъ не познакомитъ, а раззнакомитъ съ нимъ публику. Это мнѣніе слишкомъ односторонне. Самый плохой переводъ не убьетъ писателя великаго. Въ примѣръ возьмемъ того-же Шекспира, очень дурно переведеннаго Летурнёромъ на Французскій языкъ. Критики находятъ Летурнёровъ переводъ не вездѣ вѣрнымъ, дурнымъ по языку, и во многихъ мѣстахъ совершенно безсмысленнымъ. Однакожъ, кто познакомилъ Французовъ съ Шекспиромъ, какъ не Летурнёръ? Кто познакомилъ съ нимъ и нашихъ ораторовъ, читающихъ молитвы Шекспиру? Тотъ-же Летурнёръ. Сообразите-же теперь всю пользу его подвига. Сколько новыхъ идей, сколько живыхъ, свѣжихъ впечатлѣній внесло въ души дурное его переложеніе! Какой переворотъ въ понятіяхъ объ Искусствѣ сдѣлалъ именно

Digitized by Google

онъ, своимъ дурнымъ переложеніемъ, ибо только новое поколѣніе Французовъ узнало Шекспира въ подлинникѣ, а у насъ и до сихъ поръ довольствуются Летурнёромъ. И такъ польза подобнаго предпріятія неоспорима. «Но,» скажутъ намъ, «плохой переводъ представляетъ въ обезображенномъ видѣ самыя великія красоты, и отбиваетъ охоту заниматься лучшимъ переводомъ послѣ дурнаго дѣлателя.» Въ этомъ мнѣніи также много несправедливаго. Переводъ можетъ помрачить нѣкоторыя красоты, но не всѣ, и то для кого? Конечно не для тѣхъ, кто незнакомъ съ подлинникомъ! Художники почитаютъ убійствомъ эстампы съ картинъ Рафаэля, Корреджіо, Доминикино; однакожь образованные люди имѣютъ сіи эстампы, восхищаются въ нихъ идеями художника, и конечно не согласятся уничтожить ихъ и остаться безъ всякаго понятія о великихъ произведеніяхъ Живописи, для того что эстампъ не вполнѣ выражаетъ картину. Несправедливо также мнѣніе, что плохой переводъ можетъ отбить охоту заняться новымъ, лучшимъ переводомъ того-же произведенія. Развѣ рѣчь идетъ о какомъ нибудь модномъ романѣ, мимолетной повѣсти, или красивомъ стихотвореніи? Шекспиръ будетъ вѣчнымъ и вѣчно не достижимымъ предметомъ труда для многихъ. У Нѣмцевъ есть уже нѣсколько, и хорошихъ и дурныхъ, переводовъ всего Шекспира, а они не устаютъ вновь переводить его. У Французовъ, послѣ Летурнёра, былъ Брюгьеръ де Сорсумъ, болѣе счастливый перелагатель Шекспира, и только смерть не допустила его окончить свое предпріятіе. Альфредъ

Digitized by Google

де Виньи сдѣлалъ опытъ, еще болѣе счастливый. Даже у насъ, когда мы, желая показать уваженіе наше къ труду Г-на Якимова, напечатали очень несовершенный его переводъ 1-го дѣйствія *Лира*, даже у насъ на Руси тотчасъ нашелся другой перелагатель, котораго именно Г-нъ Якимовъ побудилъ—представить публикѣ въ лучшемъ видѣ переводъ того-же дѣйствія *Лира*. Такимъ образомъ, какъ ни разсматривайте предпріятіе Г-на Якимова, оно полезно, и достойно ободренія.

Есть однакожь точка, съ которой оно подлежитъ строгой Критикѣ. Какъ переводы, для коихъ есть достижимая степень совершенства, какъ произведенія Искусства, безъ всякихъ отношеній къ отдаленной пользѣ, *Лиръ* и *Венеціянскій Купецъ* Г-на Якимова могутъ подвергнуться жестокой критикѣ. Это переводы буквальные, но ни сколько не поэтическіе. Г. Якимовъ старался передавать слова, и мало думалъ о выраженіи идей, которыя иногда облекаются у него такою несладною смѣсью словъ, что трудно дознаться, о чемъ говоритъ дѣйствующее лицо. Ясность и опрятливость въ словахъ необходимы для всякаго сочиненія. Но въ переводѣ произведенія поэтическаго, надобно еще и одушевляться одними чувствами съ авторомъ, надобно такъ выражать мысли его, что-бы онѣ, хотя не тѣми-же словами и не тѣми-же оборотами, производили на читателя то-же самое впечатлѣніе, какое производитъ подлинникъ. Сверхъ того, надобно что-бы стихъ или прозаическій періодъ были сказаны правильно и прилично

Digitized by Google

шону переводимаго сочиненія. Вотъ сколько требованій долженъ былъ исполнить Г. Якимовъ, и худо исполнивъ ихъ, онъ можетъ побудить къ справедливому осужденію его труда. Не точный и не ясный языкъ отнимаютъ силу и даже значеніе мыслей въ его переводѣ. Стихи его не образуютъ того поэтическаго языка, коимъ Шекспиръ такъ часто отдѣляется отъ прозы. Не говоримъ, что-бы это было вездѣ; но часто, очень часто встрѣчаются мѣста, подобныя слѣдующему:

«Шейлокъ, намъ нужны деньги» — говорите
Мнѣ это вы, вы, *бороду который*
Оплевывалъ мою, *и какъ чужую*
Толкалъ меня собаку за порогъ;
Теперь, вотъ видите, вамъ нужны деньги.
Что мнѣ сказать? Не долженъ-ли сказать *я*:
« Да развѣ песъ имѣетъ деньги? Развѣ
Песъ можетъ дать три тысячи червонцевъ? »

Здѣсь слова и переносы изъ стиха въ стихъ такъ перемѣшаны, что легко можно принять *бороду* за *Жида* и *Жида* за *собаку*. Надобно подумать надъ этими стихами, что-бы понять ихъ. Вообще, главный недостатокъ въ переводѣ Г-на Якимова — большое несовершенство языка, особенно въ стихахъ. Стихи его неправильны, не благозвучны, не хороши. Лучшій, наиболѣе обрабошанный отрывокъ изъ *Лира*, напечатанный въ Телеграфѣ (1832 г. въ N° 5-мъ), можетъ подтвердить все это.

Можетъ быть, найдутся люди, которые захо-

Digitized by Google

нящъ найдши противорѣчіе въ нашихъ словахъ. «Вы сами не хвалите этого перевода, и сами напечатали изъ него отрывокъ; вы находите переводъ Г-на Якимова посредственнымъ, и стараетесь оправдать его предпріятіе.» Да, именно такова наша мысль! Мы отнюдь не почитаемъ перевода Г-на Якимова прекраснымъ, но привѣтствуемъ Русскую публику и съ этимъ переводомъ. Не только не подумаемъ мы просить Г-на Якимова оставить начатое имъ предпріятіе, но и повторяемъ вновь просьбу: довершить начатое. Безъ него, долго Русская публика не будетъ имѣть Шекспира вполнѣ; а это потеря не малая. Скажемъ наконецъ и то, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ, переводъ Г-на Якимова ничѣмъ не хуже Нѣмецкаго перевода Бенды, явившагося не очень давно въ богатой Нѣмецкой Литтературѣ, и принятаго съ признательностью. Даже недостатки въ переводѣ Бенды одинаковы съ недостатками перевода Г-на Якимова. Стихи его также не хороши, и *буквальность* переложенія составляетъ главный его недостатокъ. Лучшій изъ всѣхъ переводовъ Шекспира есть Нѣмецкій А. Шлегеля: трудъ поэта-философа, столь-же глубоко понимающаго Шекспира, сколь превосходно передающаго высокія созданія его! Но Бенда былъ недоволенъ *вольностями*, какія позволялъ себѣ Шлегель; онъ хотѣлъ переводить *слово въ слово*. Разумѣется, это и возможно только *на словахъ*, ибо переводить слово въ слово значитъ писать безсмыслицу. Однакожь Нѣмецкая публика умѣла оцѣнить добросовѣстный трудъ, и приняла съ такою-же признательностью переводъ

Digitized by Google

Бенды, съ какимъ негодованіемъ отвергла шарлатанскую передѣлку Шекспира, въ то-же время изданную какимъ-то Майеромъ. Послѣдуемъ-же и мы примѣру просвѣщенныхъ Нѣмцевъ, и видя въ трудѣ Г-на Якимова прекрасное намѣреніе, примемъ оный съ благодарностью. Надѣемся и на то, что слѣдующіе переводы его изъ Шекспира будутъ совершеннѣе, обработаннѣе, и что Г. Переводчикъ воспользуется благимъ совѣтомъ Критики: не столько заботишься о словахъ, сколько о поэзіи переводимаго Автора.

— *Государственная Внѣшняя торговля 1832 года, въ разныхъ ея видахъ.* СПб. 1833. Въ т. Деп. Внѣшней Торговли. 111 стр. in-4.

Извѣстія и выводы сей книги въ нынѣшнемъ году утѣшительны. Неблагопріятныя обстоятельства, которыя затрудняли внѣшнюю торговлю нашу въ 1830 и 1831-мъ годахъ, прекратились; по многимъ частямъ ея сдѣланы, со стороны Правительства, важныя улучшенія. Балансъ торговли на нашей сторонѣ.

Въ 1832 году всѣхъ товаровъ было отпущено:

За границу на	245,858,214 рубл.
Въ Финляндію на	3,360,565 —
« Царство Польское.	13,435,904 —
	262,654,683 р.

Digitized by Google

Привезено :

Изъ-за границы, на.	190,453,769 р.
« Финляндіи —	1,015,607 —
« Царства Польскаго, на. .	4,567,454 —
	196,036,830 р.

Слѣдовательно, изъ Россіи отпущено товаровъ болѣе, на . . . 66,617,853 р.

Важнѣйшими таможнями въ Россіи были въ 1832 г. СПбургская (привезено товаровъ на 114,335,104 р., отпущено на 106,913,975 р.), Рижская (привез. на 12,173,690 р., отпущ. на 39,203,813 р.), Одесская (привез. на 12,837,841 р., отпущено на 22,184,387 р.), Радзивиловская (привез. на 9,704,863 р., отпущено на 7,407,682 р.), Архангельская (привезено на 521,924 р., отпущ. на 10,247,508 р.), Таганрогская (привез. на 3,589,116 р., отпущ. на 9,477,567 р.), Юрбургская (привез. на 2,246,380 р., отпущено на 6,944,201 р.), Кяхтинская (привезено на 8,080,024; отпущено на столько-же), Московская (привез. на 4,906,890 р., отпущ. на 171,765 р.).

Важнѣйшими статьями отвозной торговли были: сало (на 45,831, 956 р.), пшеница (на 34,547,451 р.), ленъ (на 24,099,399 р.), пенька (на 19,419,158 р.), рожь (на 14,925,484 р.), сѣмя льняное (на 12,010,310 р.).

Привозъ бумаги бѣлой пряденой нѣсколько уменьшился противъ 1831 года, ибо привезено оной въ 1832 году на 26,100,525 р. (а въ 1831-мъ на 30,600,458 р.). Впрочемъ, привозъ хлопчатой бумаги увеличился очень не много: въ 1832 году привезено оной на 2,669,572 р, въ 1831-мъ на 2,179,727 р.

Digitized by Google

Надобно замѣтишь, что цѣна обоихъ сихъ предметовъ была нѣсколько ниже прошлогодней. За шѣмъ важнѣйшими статьями привоза были: сахарный песокъ (на 20,548,881 р.), виноградныя вина (разныхъ на 10,156,823, и Шампанскаго, въ 470,188 бутылкахъ, на 2,828,017 р.), бумажныя издѣлія (на 10,383,105 р.), шелковыя издѣлія (на 10,317,676 р.).

Ввезено золота и серебра, въ 1832 году, за отчисленіемъ отпуска, на 42,682,861 р.

Въ 1831 году отпущено было за границу хлѣба разнаго рода на 64 милліона, а въ 1832 году на сумму около 55 милл. рублей. Но уменьшился не отпускъ онаго, а только итогъ цѣнности, ибо въ 1831 году много было вывезено хлѣба изъ сѣверныхъ портовъ, гдѣ цѣны онаго значительнѣе; изъ Одессы-же отпускъ былъ вдвое менѣе прошлаго, по причинѣ бывшихъ тогда въ Литвѣ безпокойствъ. По прекращеніи сего, торговля хлѣбомъ въ 1832 году естественнымъ образомъ обратилась въ Одессу, отколь было отпущено 856 т. четвертей, по цѣнѣ на 14,000,000 р.—

Цѣны на Русскіе товары въ СПбургѣ, Архангельскѣ и Ригѣ нѣсколько понизились, именно на пеньку, ленъ, сѣмянное масло, пошашъ и хлѣбъ; напротивъ сало, воскъ, сѣмя льняное, и проч. продавались дороже 10%, и болѣе.

Бумага, краски и многіе другіе иностранные товары продавались дешевле прошлаго 1831 года. Цѣны на сахаръ, кофе и масло деревянное нѣсколько возвысились.

Digitized by Google

Торговля по западной границѣ сдѣлала быстрые успѣхи.

Привозъ иностранныхъ товаровъ, не смотря на возвышеніе пошлинъ, увеличился, и отъ того таможенный доходъ превзошелъ всѣ прежніе годы. Въ 1832 онаго собрано 84,768,184 р. 43¼ к.—Прошивъ 1831 года болѣе 13,186,288 р. 68½ к.

Важнѣйшіе обороты по внѣшней торговлѣ производили слѣдующіе купеческіе домы: Шшигницъ, на 30,143,784 р.; Клеменцъ и Тундеръ, на 13,235,209 р.; Люисъ, на 12,739,382 р.; Томсонъ, Вильсонъ и Харвей, на 12,012,202 р.; Амиро, на 12,002,803 р.; Брандъ съ сыномъ, на 9,412,379 р.; Гольфордъ, на 8,067,948 р. Обороты всѣхъ другихъ не достигали 8-ми милліоновъ.

— *Повѣсти и Разсказы Вильгельма Карлгофа.* 2 часши. СПб. 1832 г. въ ш. Деп. Нар. Просвѣщенія. 299 и 300 стр. in-12 (*).

Важнымъ преимуществомъ этого собранія *Повѣстей и Разсказовъ* передъ другими, полагаемъ мы то, что Авторъ не хотѣлъ писать ни *красныхъ*, ни *синихъ*, ни *темныхъ*, ни *разноцвѣтныхъ* сказокъ, какъ пишутся теперь повѣсти и сказки у насъ, и пишутся потому только, что Французы пишутъ разноцвѣтныя повѣсти, и называютъ ихъ *зелеными*,

---

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 10 р. ассигн. за экземпляръ.

Digitized by Google

синими, красными, и проч.—Г-нъ Карлгофъ писалъ, какъ ему писалось. Достоинства и недостатки шутъ его собственныя. А это въ Русской Словесности не бездѣлица.

Хотите-ли знать отличительный характеръ Повѣстей Г-на Карлгофа? Войдите въ собраніе молодыхъ офицеровъ; вслушайтесь въ ихъ разговоры. Разговоръ живъ, летучъ, легокъ; вертится на обыкновенныхъ предметахъ общежитія, пестрится подробностями офицерской и бивачной жизни. Но внимательно и долго прислушиваясь, вы узнаете, что собесѣдники не просто молодые офицеры, у которыхъ біенія сердца иногда не слышно подъ мундиромъ, а звонъ и стукъ сабли не рѣдко заглушаютъ голосъ души. Нѣтъ! вы услышите отъ гусара трогательный, живой разсказъ; отъ улана смѣлую, глубокую мысль; артиллеристъ изумитъ васъ своимъ познаніемъ сердца человѣческаго! Гдѣ они не бывали? Чего не переиспытали, не смотря на юность свою? И все это говорится и разсказывается мимоходомъ, летитъ и исчезаетъ, какъ дымъ изъ трубокъ, окружающій собесѣдниковъ, какъ шипучее произведеніе Жакесона, веселящее ихъ въ бѣгломъ, разнообразномъ разговорѣ! Вы видите людей, привыкшихъ жить подъ шатромъ, засыпать подъ свистомъ пуль, просыпаться отъ грохота пушекъ, и спѣшить жизнью. Вѣстовая ракета оканчиваетъ у нихъ жаркій философскій споръ; громъ барабана перерываетъ главу поэтической повѣсти, или разсказъ, начатой отъ сердца доброму товарищу, о незабвенной дѣвѣ, имя которой тихо шеп-

Digitized by Google

четъ усатый офицеръ, смотря на золотое колечко ея, когда смерть высылаетъ къ нему приглашеніе въ гости съ Турецкой баштареи, и каждое ядро, жужжа надъ его головою, какъ будто спрашиваетъ: «Не вы-ли тотъ, къ кому меня послали?»

Именно этотъ характеръ найдете вы въ Повѣстяхъ Г-на Карлгофа. Разсказъ его живетъ на бивакѣ, или отдыхаетъ въ обществѣ офицерскомъ; Повѣсти его писаны на разостланномъ для отдыха плащѣ, разсказаны въ кругу товарищей, за стаканомъ чаю, бокаломъ Шампанскаго, трубкою табаку; событія вьются около лагеря и ставки. Не ищите въ нихъ этой тишины досуга, когда для страсти есть время тлѣть и разгараться; не ищите глубины чувства, которая является отъ уединенной жизни въ самомъ себѣ, съ самимъ собою; не ищите и цвѣтистой живописи подробностей: онѣ сжаты, коротки, мимолетны. Авторъ едва задумался, и уже улыбается. Вы ждете отъ него рѣшенія психологической задачи въ его разсказѣ: онъ кончитъ шуткою; шутка его неожиданно переходитъ въ тяжелый вздохъ! Такъ вы слѣдуете по страничкамъ его книжки, и готовы сказать при окончаніи: «Мы не довольны Авторомъ: онъ или не хочетъ высказать себя вполнѣ, или невольно оставляетъ что-то за душею.» — Что-же отвѣтитъ вамъ Авторъ: «Мнѣ нѣкогда, Мм. Гг.! — Будьте довольны нѣсколькими легкими очерками, и извините Автора: онъ спѣшитъ на разводъ, въ дежурство.» . . .

Самый объемъ статей показываетъ, что Авторъ бросалъ ихъ наскоро: это листочки, вырванные изъ

Digitized by Google

записной книжки человѣка съ умомъ, душею, замѣчательнымъ дарованіемъ; но это *листочки*, а не вполнѣ оконченныя созданія художника! Въ двухъ небольшихъ книжкахъ, Г-нъ Карлгофъ помѣстилъ *девятнадцать* Повѣстей и Разсказовъ. Многіе изъ нихъ можно назвать анекдотами походной жизни, или шутками, мило разсказанными. Другіе любопытны тѣмъ, что знакомятъ насъ съ подробностями военной жизни нашихъ современниковъ. Мы увѣрены, что многое совсѣмъ не выдумалъ Авторъ: онъ и не думалъ объ изобрѣтеніи, списалъ просто что видѣлъ, слышалъ, что мелькало передъ его глазами, и поражало его душу, его сердце.

Признаемся, что лучшею повѣстью въ собраніи Г-на Карлгофа кажется намъ: *Портретъ*. Мысль богатая, поэтическая, и какъ жаль, что Авторъ не развилъ ея! Но о вкусахъ спорить не будемъ, и скажемъ, что повѣсть: *Ротмистръ Ветлинъ*, не удовлетворяя развязкою, занимательна своею шапшественностью и многими подробностями; что въ повѣсти: *Софія*, мы находимъ большую неестественность: намъ кажется, что Софія не могла скрываться отъ своего любовника столь продолжительное время. Отъ этого разрушается для насъ прелесть главныхъ положеній.

Оставимъ однакожь споры и мѣлкія привязки, и замѣтимъ, что слогъ Г-на Карлгофа вообще правиленъ, чистъ, и, что всего важнѣе, согрѣтъ теплотою сердца, оживленъ добротою души, чистою, неподдѣльною. Можно поспорить съ Авторомъ во многомъ, но не льзя не полюбить его, прочитавъ его *Повѣсти и Разсказы*. Мы осмѣлились-бы то-же

Digitized by Google

сказать лично о самомъ Авторѣ; но личности не позволены въ литературномъ дѣлѣ, и мы принуждены ограничиться только напоминаніемъ извѣстнаго стиха:

Душа поэтовъ въ ихъ твореніяхъ видна.

Н. Н.

— *Черный ящикъ*, Историческая повѣсть. Сочиненіе Константина Масальскаго. СПб. 1833. Въ т. Плюшара. 236 стр. in-12. (*).

Г. Масальскій, кажется, особенно посвятилъ себя изученію нравовъ времени Петра Великаго. Его романъ *Стрѣльцы* и повѣсти *Русскій Икаръ* и *Черный ящикъ*, служатъ тому доказательствомъ. О пер-

Неоспоримо, что посвятивъ себя изученію какой-либо эпохи, можно открыть въ ней много такого, что ускользаетъ отъ вниманія мимолетнаго наблюдателя. Горизонтъ стараго времени расширяется передъ постояннымъ изыскателемъ, нравы облекаются живыми образами, физіогноміи извѣстныхъ лицъ становятся опредѣленны; наконецъ, что всего важнѣе, поэзія того времени тѣснится въ душу, и заставляетъ ее высказываться въ созданіяхъ изящныхъ. Но для этого, разумѣется, необходимо еще имѣть и душу воспламеняемую, поэтическую. Мы не смѣемъ рѣшить, способенъ-ли Г. Масальскій представить намъ эпоху Петра въ поэти-

---

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 5 р. асс. за экземпляръ.

Digitized by Google

ческихъ сказаніяхъ; но говоря собственно о *Черномъ ящикѣ*, можемъ отдать справедливость только изыскательности Автора. Онъ тщательно изучаетъ характеры, бытъ и нравы избранной имъ эпохи. Исторія каждой улицы въ Петербургѣ, каждаго мѣста и даже дома замѣчательнаго, извѣстны ему. Въ *Черномъ ящикѣ* представляетъ онъ происшествіе 1723 года. Купецъ Воробьевъ долженъ безсовѣстному купцу Шубину значительную сумму денегъ. Шубинъ требуетъ отъ него платежа, или руки Маши, воспитанной Воробьевымъ сироты, оставшейся у него на рукахъ послѣ одного Шведскаго Дворянина. Воробьевъ не исполняетъ ни того, ни другаго, и Шубинъ садитъ его въ острогъ. Маша въ отчаяніи. Единственная надежда у нея на небольшой черный ящикъ, доставшійся ей отъ отца, который завѣщалъ открыть его не прежде какъ 1 Октября 1723 года, въ полночь. Маша думаетъ, что найдетъ въ немъ сокровище, и по совѣту Никишина, молодаго живописца, только что возвратившагося изъ Италіи и влюбленнаго въ нее, открываетъ ящикъ. Что-жь находятъ они? Наставленіе, какъ дѣлать золото. Но въ завѣщаніи сказано, что дѣлать золото можетъ лишь тотъ, у кого чиста совѣсть, и они откладываютъ ящикъ къ сторонѣ. Между тѣмъ Шубинъ ходитъ къ Машѣ какъ женихъ, потому что, для избавленія своего воспитателя изъ тюрьмы, она согласна выйдти за немилаго. Вдругъ дѣлается наводненіе. Въ этой суматохѣ Шубинъ крадетъ ящикъ, подозрѣвая что въ немъ есть сокровище. Съ пособіемъ двухъ плутовъ Гусевыхъ, онъ узнаетъ изъ бумагъ, находившихся

Digitized by Google

въ ящикѣ, что на Каменномъ Острову хранится талисманъ, посредствомъ котораго можно дѣлать золото. Идетъ продолжительная сцена искательства этого сокровища. Разумѣется, дѣло кончится ничѣмъ, и Воробьева освобождаетъ Никитинъ, котораго отправлялъ за границу самъ Петръ. Узнавши о горѣ этого искуснаго художника, Петръ, на ассамблеѣ у Меншикова, дѣлаетъ аукціонъ, и выручаетъ за картины Никитина большую сумму денегъ. Всѣ добрые дѣлаются счастливы, а злые наказываются.

Мы означили только главную нить происшествій, но не могли коснуться подробностей, изъ коихъ многія занимательны. Таковы: переодѣваніе Шубина, ассамблея, наводненіе. За то намъ очень не нравятся: пьянство Шубина и Гусева въ австеріи, исканіе сокровища, разсказанное очень неправдоподобно, описаніе острога, слишкомъ изысканное, и проч. и проч. Можно замѣтишь еще, что черный ящикъ, занимающій такъ много мѣста въ повѣсти, ни сколько не принадлежитъ къ завязкѣ, къ главному узлу происшествія. Это эпизодъ — или все иное эпизодъ къ черному ящику. Дѣло завязалось и развязалось не отъ чернаго ящика, не въ черномъ ящикѣ, безъ чернаго ящика.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— Письмо Тушинскаго Самозванца къ Яну Сапѣгѣ, въ 1609 году.

Спѣшимъ представить читателямъ нашимъ сей любопытный Историческій актъ. Доставленіемъ его въ Телеграфъ мы обязаны Его Сіятельству, Князю В. М. Оболенскому, который самъ списалъ его въ Варшавѣ, въ библіотекѣ Графа Сѣраковскаго, гдѣ оный хранится въ подлинникѣ. Изъявляя почтенному любителю и знатоку отечественныхъ древностей усердную благодарность, почитаемъ необходимымъ сказать здѣсь предварительно нѣсколько словъ.

Въ собраніи Государственныхъ грамотъ (томъ II) помѣщено нѣсколько грамотъ Тушинскаго Самозванца къ Воеводѣ Мнишку; въ книгѣ Когновицкаго: Z'ycia Sapiehow y listy od Monarchow, Książąt, y rożnich panuiących do tychże pisane (т. II, Варшава, 1791 г.), напечатано нѣсколько писемъ его къ Сапегѣ. Но письмо, теперь предлагаемое читателямъ, нигдѣ еще не было помѣщено, и оставалось донынѣ вовсе неизвѣстнымъ. Кромѣ Исторической важности, ибо показываетъ ужасъ, наведенный на Ту-

Digitized by Google

шинскаго Самозванца приходомъ Скопина-Шуйскаго въ Тверь, письмо сіе замѣчательно тѣмъ, что на всѣхъ другихъ бумагахъ подписывая только имя свое: Dmitr Car (*Димитрій Царь*), здѣсь испуганный Самозванецъ своеручно прибавилъ: Zie by ch ry cley pospeszaslia (*чтобы спѣшилъ, какъ можно скорѣе*). Такимъ образомъ, мы узнаемъ почеркъ Самозванца не по одной подписи имени (*). Это заставило насъ приложить къ Телеграфу *снимокъ* съ Самозванцевой приписки. О. П. Ежовскій, разсматривая сей снимокъ, сообщилъ намъ остроумное замѣчаніе, что употребленіе буквы: Z, безъ надстрочнаго знака, можетъ служить однимъ изъ доказательствъ Жидовскаго происхожденія Самозванца, какъ подозрѣвали это современники. Неправильность письма въ то-же время показываетъ невѣжество этого обманщика, который, что видно изъ всѣхъ Историческихъ извѣстій, былъ грубый мужикъ, всѣми презираемый.

Н. П.

Dmitr Iwanowicz z laski Bożej Car Moskiewski y wszej Rusi, Dmitrowskie, Ugleckie, Grodeckie, etc. etc. etc. Xiąże y inych wielu Panstw y Hord Tatarskich Monarchiey Moskiew. podleglych Pan y Dziedzic.

Uprzeymie y wiernie nam mily. Pisalismy tryiumphuiąc z zdradnec y nieprziaciol naszych, maiąc omeluą wiadomosc

---

(*) См. Собр. Гос. грамотъ, т. II. стр. 362.

Digitized by Google

iz na glowe starei. Znowu przeciwne wiesci nastąpily ze ten nieprziaciel nietelko zrazony, ale owszem na woisku nassem prawie wiachał do Tweru y wszystkich rosproszyl, ze ledwie w koszuli drugi do obozu przybiezał. A aczesmy iuz nieraz pisali ukazuiąc, ze temi kurnikami sie bawic niepotrzebua, ktore w ręku y na on czas bez prace kiedy Pan Bog poblogosławic raczy zamysłom nassem u nas będą. Teraz za przewrotnem szczęsciem tem barzicy prosiemy abys Uprz. Wass. dawszy tam wszystkiemu pokoj czym prędzej sie ze wszystkiem woiskiem do obozu wielkiego pomykal, a y tamtem drugiem dawal znac aby tosz czynili. Prosiemy, ządamy, usiluie y napominamy, abys inaczej. Uprz. Wass. nieczynil. Zyczemy zatem Uprz. Wass. dobrego zdrowia. Dat. 29 july 1609.

Dmitr Car.

Ziebych rychley pospeszał sia.

Сверху надпись:

Urodzonemu Panu Janowi Sapieze Pulkow. nassemu, uprzeymie y wiernie nam milemu.

Димитрій Іоанновичъ, Божіею милостію, Царь Московскій и всея Руси, Князь Дмитровскій, Углицкій, Городецкій, и пр. пр. пр., и иныхъ многихъ Царствъ и Ордъ Татарскихъ, государству Московскому подвластныхъ, государь и Обладатель.

Искренно и вѣрно любезный Намъ! Получивъ ложное извѣстіе, что измѣнники и непріятели Наши разбиты на голову, Мы писали къ Вамъ о семъ торжествѣ Нашемъ. Но за тѣмъ другія вѣсти воспослѣдовали: непріятель не только не разбитъ,

Digitized by Google

но напротивъ почти на плечахъ войска Нашего вошелъ въ Тверь, и такъ разсѣялъ оное, что едва иной въ рубашкѣ успѣлъ прибѣжать въ лагерь. Мы не разъ писали уже, что *куртинками*, которые безъ труда будутъ въ Нашихъ рукахъ, когда Богъ удостоитъ благословить предпріятія Наши, заниматься не должно. Теперь-же, при перемѣнѣ счастія, мы тѣмъ болѣе просимъ Васъ оставить тамъ все, и спѣшить, какъ можно скорѣе, со всѣмъ войскомъ Вашимъ, къ главному Стану, давая между тѣмъ знать и другимъ, чтобъ и они спѣшили сюда-же. Просимъ, желаемъ непремѣнно, убѣждаемъ Васъ и подтверждаемъ, чтобы иначе Вы не дѣйствовали. За тѣмъ желаемъ Вамъ добраго здравія. Дано 29 Іюля 1609.

Собственноручная подпись:

Димитрій Царь.

Ниже прибавлено собственною его рукою:

» *Чтобы спѣшилъ, какъ можно*
» *скорѣе.* «

Сверху надпись:

Благородному Пану Іоанну Сапегѣ, искренно и вѣрно любезному Полковнику Нашему.

— *Изъясненіе картинки.* — Альбрехтъ Дюреръ, одинъ изъ первоклассныхъ живописцевъ не только

Digitized by Google

Нѣмецкой школы, но и всѣхъ школъ Живописи, былъ уже предметомъ небольшой статьи въ нашемъ Журналѣ (Моск. Тел. 1831 г., N 6-й, стр. 277–281-я). Тамъ приложили мы очеркъ съ картины его: Богоматерь, передающая Предвѣчнаго младенца Святой Аннѣ Пророчицѣ. При сей книжкѣ Телеграфа читатели наши видятъ очеркъ съ другой картины Дюрера, которая заслуживаетъ особенное вниманіе, потому что считается однимъ изъ лучшихъ произведеній сего великаго художника. Это изображеніе Франца фонъ Зикингенъ, благороднѣйшаго и мужественнѣйшаго изъ Нѣмецкихъ рыцарей, защитника невинности и гонителя сильныхъ притѣснителей (род. въ 1481 г., ум. въ 1523 г.). Полагаютъ, что это портретъ его, но вообще картина сія извѣстна подъ страннымъ названіемъ *рыцаря смерти и дьявола* (Ritter Tod und Teufel). Рыцарь изображенъ въ полномъ вооруженіи, на бѣломъ конѣ; онъ спокоенъ, и не замѣчаетъ, что дьяволъ слѣдуетъ за нимъ, надѣясь овладѣть душою его; рыцарь не страшится и смерти, которая показываетъ ему песочные часы и даетъ знать, что послѣдняя минута его приближается... Укрѣпленіе, видимое на вершинѣ скалы, есть замокъ, гдѣ жилъ всегда этотъ рыцарь, и укрывался, когда друзья оставили его и онъ не могъ вести войны наступательной.

«Трудно составить себѣ идею — говоритъ одинъ писатель — о совершенствѣ этой картины. Здѣсь все прозрачно, все гармонія; рисунокъ благороденъ

Digitized by Google

и правиленъ; стальное вооруженіе удивляетъ истиною и обольщаетъ глаза блескомъ; кисть художника такъ нѣжна, какъ въ драгоцѣннѣйшихъ картинахъ Жерарда Доу.» Это сужденіе знатока о подробностяхъ Дюреровой картины. Но кто, имѣющій образованное чувство, не найдетъ въ ней другихъ, болѣе высокихъ достоинствъ? Этотъ старинный Германскій рыцарь, эта дебрь, среди которой ѣдетъ онъ, и эти фантастическія видѣнія, образцы истой Германской фантазіи — все переноситъ васъ къ тѣмъ временамъ, когда были рыцарскіе замки, рыцарская храбрость и честь. Все это оживлено мыслью поэтическою, все это совершенно выполняетъ цѣль Искуства, пробуждая въ душѣ множество чувствованій полныхъ, глубокихъ, очаровательныхъ!...

Въ 1808 году картина сія находилась въ коллекціи Г-на Франциска Ксавье де Бюршень, отличнаго любителя Искуствъ, жившаго въ Брисселѣ. Гдѣ она теперь — не знаемъ. Въ 1515 году самъ Альбрехтъ Дюреръ сдѣлалъ съ нея превосходный эстампъ. Вышина ея 2 фута 5 дюймовъ, ширина 1 ф. 10 д.

— *Мануфактурная поправка.*—Г. Вл—ръ Б—шевъ, помѣщая въ Сѣверной Пчелѣ разныя статьи, до отечественной мануфактурной промышленности относящіяся, увлекается весьма часто порывомъ сво-

Digitized by Google

его пристрастія къ нѣкоторымъ покровительствуемымъ имъ лицамъ, для похвалы коихъ онъ истощаетъ все свое великорѣчіе, или-же позволяетъ себѣ дерзкія выходки противъ почтенныхъ фабрикантовъ, вовсе ему неизвѣстныхъ, но жестоко имъ осуждаемыхъ единственно въ угожденіе своимъ любимцамъ. Въ N° 120 и 121 вышеупомянутаго Журнала, Московскіе фабриканты читали съ большимъ негодованіемъ статью Г. Вл—ра Б—шева о *превосходномъ шляпномъ фабрикантѣ Ильѣ Волковѣ*, коего заведенія онъ никогда не осматривалъ, но съ которымъ, вѣроятно, имѣлъ случай *лично* познакомиться, во время бывшей недавно въ Санктпетербургѣ Выставки отечественныхъ мануфактурныхъ произведеній. Со словъ сего *простаго сына природы и благороднаго Русскаго человѣка*, какъ онъ величаетъ крестьянина Илью Волкова, составлена имъ сія не только странная, но и довольно нелѣпая статья.

Большая часть читателей Сѣверной Пчелы конечно давно уже оцѣнили статьи Г. Вл—ра Б—шева по ихъ достоинству; но дабы вывести изъ заблужденія тѣхъ немногихъ, которые могли-бы повѣрить его примѣчанію на 480-й страницѣ Сѣверной Пчелы, гдѣ онъ увѣряетъ, что *говоря о такихъ фабрикантахъ, кои находятся въ Москвѣ, онъ взялъ свои мѣры противъ всякаго порицанія, ибо имѣетъ весьма вѣрныхъ корреспондентовъ* — мы почитаемъ за нужное доказать публично *невѣрность* корреспонденціи Г. Вл—ра Б—шева слѣдующимъ фактомъ.

Digitized by Google

«Въ 1829 году»— говоритъ Г. Вл—ръ Б—шевъ — «шляпы Сшужина почитались превосходнѣйшими; «но со смертію учредителя сей фабрики, стари- «ка Сшужина, производство оной не только осла- «билось и сдѣлалось несравненно менѣе прошивъ «прежняго значительнымъ, но вмѣстѣ и самыя из- «дѣлія нынѣ уже совсѣмъ не такъ хороши, какъ «прежде. Къ счастію однако нашей національной «гордости, Илья Волковъ поддержалъ репутацію хо- «рошаго фабриканша и нынѣ явился превосход- «нымъ.»

Послѣ этого читатели Сѣверной Пчелы навѣр- ное полагаютъ, что дядя нынѣ здравствующаго фабриканша Николая Сшужина скончался послѣ 1829 года, и что племянникъ запустилъ наслѣдственное заведеніе до того, что производство оной ослаби- лось и самыя издѣлія сдѣлались гораздо хуже преж- нихъ. Все сіе опровергается нижеслѣдующими об- стоятельствами.

1-е. Старикъ Василій Сшужинъ — сирѣчь дядя Николая Сшужина — скончался въ 1820 году, Іюня 9 дня (если Г. Вл—ру Б—шеву хочется знать въ которомъ часу, то можетъ справиться гдѣ слѣ- дуетъ).

2-е. Въ 1826 году, Николай Сшужинъ, въ числѣ отличнѣйшихъ Московскихъ фабрикантовъ удо- стоился получить, за улучшеніе и усовершенство- ваніе своихъ издѣлій, золотую медаль для ношенія на шеѣ, на Аннинской лентѣ.

Digitized by Google

3-е. Издѣлія Николая Стужина признаны были на Выставкѣ 1829 года столь превосходными, что Министерство Финансовъ удостоило его права: употреблять на издѣліяхъ и на вывѣскахъ Россійскій Государственный гербъ.

4-е. Въ числѣ лицъ, признанныхъ на бывшей въ нынѣшнемъ году въ С. Петербургѣ Выставкѣ *достойными присужденныхъ по прежнимъ выставкамъ наградъ*, находится и Николай Стужинъ, именно за *доброту пуховыхъ шляпъ* (смотр. Коммерческую Газету N° 75).

Все сіе доказываетъ, сколь невѣрна корреспонденція Г. Вл—ра Б—шева, сколь не основательны всѣ его сужденія объ отечественной мануфактурной промышленности, и какъ мало должно вѣрить его сшатьямъ о сей важной отрасли государственнаго хозяйства.

Не отнимая впрочемъ у крестьянина Ильи Волкова достоинства *лучшаго производителя* изъ числа такъ называемыхъ кустарниковъ, всякій безпристрастный знатокъ въ шляпномъ производствѣ долженъ однако согласиться, что Волковъ еще далеко отстоитъ какъ отъ Стужина, такъ и отъ множества другихъ шляпныхъ фабрикантовъ въ Москвѣ, какови напримѣръ: Тилль и Биншъ, Зауеръ, Миллеръ, коихъ заведенія Г. Вл—ръ Б—шевъ не удостоилъ помѣстить въ числѣ извѣстнѣйшихъ у насъ *пуховыхъ шляпныхъ фабрикъ*. Мага-

Digitized by Google

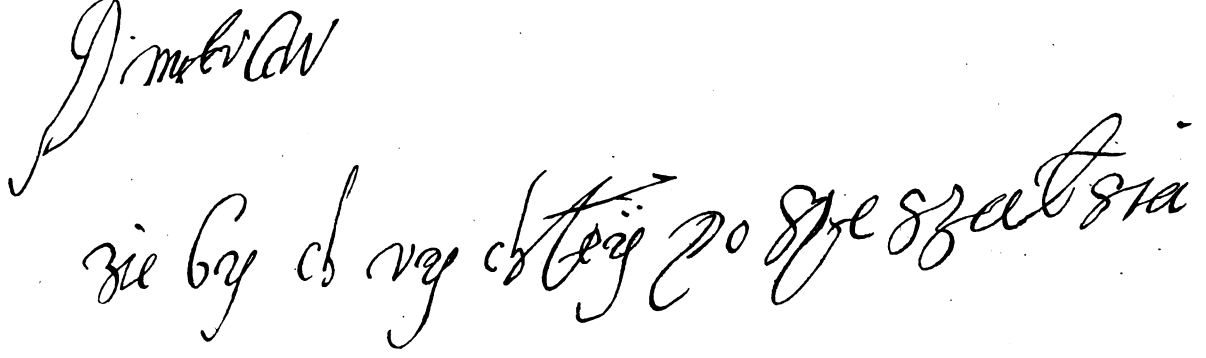
зинъ Волкова, о которомъ упоминаетъ Г. Вл—ръ Б—шевъ, есть не что иное какъ лавочка *въ Зарядьѣ*, гдѣ продаются, какъ извѣстно, дешевыя шляпы нашихъ крестьянскихъ производителей, по 5-ти рублей за штуку, *вмѣстѣ съ картономъ*. Мы радуемся сердечно этой дешевизнѣ, и должны благодарить благотворное Правительство за поощреніе, коимъ удостоило оно Волкова за послѣднюю Выставку, но не можемъ никакъ согласиться съ Г. Вл—ромъ Б—шевымъ, *что Илья Волковъ поддержалъ репутацію хорошаго фабриканта, къ счастію нашей національной гордости!!*

Ради Бога, Г. Вл—ръ Б—шевъ, ne poussez pas le poivre jusqu'au fanatisme!

(Сообщено.)

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ № 10 Москов. Телегр. 1833 г.

Пис. Пусенъ. Гр. Аѳанасьевъ.

Digitized by Google

№ X. МАЙ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О ПРОМЫШЛЕННОСТИ

въ Россіи.

Обширное и быстрое движеніе мануфактурной промышленности въ Россіи; безпрерывныя усовершенствованія во всѣхъ способахъ производства; величайшая дѣятельность, рвеніе и понятливость, съ какими народъ Русскій совершаетъ сіи мирные подвиги, представляютъ въ совокупности зрѣлище восхитительное, и готовятъ для отечества существеннѣйшую народную славу въ настоящей эпохѣ.

Но если сіе движеніе быстро, то согласно-ли оно съ естественнымъ ходомъ вещей? Если оно обширно, то правильно-ли? Многоразличныя усовершенствованія относятся-ли особенно на тѣ предметы, коихъ преимущественная важность должна-бы наиболѣе обратить на себя всеобщее вниманіе? Наконецъ, щедрыя поощренія со стороны Правительства, дѣлающія

Digitized by Google

ему величайшую честь, всегда-ли находятъ необходимое подкрѣпленіе со стороны цѣхъ, коимъ оныя дѣлаются? — Вотъ вопросы, которые не безполезно будетъ предложить на судъ просвѣщенной публики.

Когда въ послѣдніе годы 17-го и въ началѣ 18-го столѣтій, разнородныя нужды и роскошь Европейская, такъ сказать, вторглись въ Россію, тогда она не производила еще ничего, для удовлетворенія симъ новымъ потребностямъ.

Но геній Петра Великаго провидѣлъ, что какъ для каждаго человѣка, такъ и для народа, первѣйшая обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ развернуть всѣ силы и способы, коими Провидѣніе его одарило. Онъ не устрашился сего вторженія роскоши и обычаевъ Европейскихъ; Онъ зналъ, что Россія скрываетъ въ нѣдрахъ своихъ всѣ стихіи производимости; и царствованіе его раскрыло столько-же источниковъ богатства, сколько породило нуждъ.

Сей необыкновенный Мужъ оставилъ по себѣ примѣръ, содѣлавшійся господствующимъ правиломъ Правительственнаго хода въ Россіи. Сіе лѣтъ Правительство почерпаетъ свою силу изъ Его великаго ума; оно предшествуетъ во всѣхъ усовершенствованіяхъ.

Сіе лѣтъ Россійское Правительство есть существенно Правительство всенароднаго пре-

Digitized by Google

спѣянія, но преспѣянія естественнаго, безъ насилія и безъ помѣхъ.

Въ продолженіе ста лѣтъ, преспѣяніе идетъ безпрерывно, и хотя оно, по истинѣ, было въ разныя эпохи болѣе или менѣе быстро, но нѣтъ оно безмѣрно.

Первое и величайшее послѣдствіе сей общенародной дѣятельности, устремленной на разнообразнѣйшую производимость, было удивительное распространеніе мануфактурной промышленности. Съ перваго разу хотѣли все производить: отъ вещей самыхъ простыхъ, крестьянскому быту свойственныхъ, до огромныхъ зеркалъ и великолѣпныхъ вазъ, вышиною въ ростъ человѣка, кои служатъ нынѣ украшеніемъ роскошнѣйшихъ дворцовъ въ Европѣ.

Дѣйствительно, въ Россіи все производится. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ мануфактурной промышленности, сіе расширеніе дѣятельности кажется чудомъ. Напримѣръ: по части бумажныхъ тканей, Россія получаетъ изъ Англіи ежегодно болѣе 20 милліоновъ фунтовъ пряденой бумаги; между тѣмъ какъ Германія, столь богатая, столь многонаселенная, столь мануфактурная издревле, получаетъ не болѣе 22 или 23 милліоновъ фунтовъ; собственная-же ея производимость по сей статьѣ самая ничтожная.

Digitized by Google

Но если обширность мануфактурной промышленности въ Россіи дѣйствительно чрезвычайна, то вразсужденіи доброты и дешевизны издѣлій остается еще многаго желать. То и другое должны-бы быть постоянною цѣлію всѣхъ будущихъ усовершенствованій. Издѣлія наши либо худаго качества, либо слишкомъ дороги, когда они немного выше посредственныхъ. Дабы въ томъ удостовѣриться, стоитъ только сравнить доброту и цѣны нашихъ суконъ съ добротою и цѣнами суконъ иностранныхъ.

Однимъ словомъ, нынѣшнее состояніе мануфактурной нашей промышленности отличается обширностію и количествомъ произведеній; но дальнѣйшее развитіе оной должно-бы отличаться качествомъ и дешевизною.

Но качество издѣлій зависитъ существенно отъ качества первыхъ матеріяловъ, къ улучшенію которыхъ должно-бы обращено быть преимущественно попеченіе Правительства и частныхъ людей.

Дѣйствительно, первые матеріялы служатъ основаніемъ всякой фабрикаціи; они наиболѣе опредѣляютъ качество издѣлій. Они составляютъ по крайней мѣрѣ $\frac{9}{10}$ всего отпуска товаровъ изъ Россіи. Какая разительная противо-

Digitized by Google

положность противъ Англіи, коей $\frac{9}{10}$ отпуска составляютъ мануфактурныя издѣлія! Ни одна страна не имѣетъ такого разнообразія первыхъ матеріяловъ, какъ Россія. Наконецъ Россія стоитъ нынѣ на той чертѣ, отъ которой земледѣльческая страна переходитъ въ состояніе смѣшенное — земледѣльческой и торговой промышленности. Но въ семъ переходѣ первые матеріялы должны-бы быть главнымъ предметомъ усовершенствованій.

По мѣрѣ улучшенія первыхъ матеріяловъ улучшаются и тѣ мануфактуры, которыя отъ нихъ получили свое бытіе. Такъ, напримѣръ, успѣхи овцеводства въ Россіи, въ послѣднія 20 лѣтъ, оживили земледѣліе новою промышленностію, понизили цѣну тонкой шерсти, къ великой пользѣ для сукнодѣлія, и обогатили Государство преимущественною цѣнностію тонкой шерсти, противъ цѣнности одинаковаго количества грубой. Правительство усмотрѣло сіе благодѣтельное вліяніе всякаго улучшенія первыхъ матеріяловъ, и по сей-то причинѣ оно всегда постоянно оному покровительствовало.

Къ тому-жъ, улучшеніе первыхъ матеріяловъ приноситъ Государству еще ту важнѣйшую пользу, что проистекающія отъ онаго выгоды разливаются на весь народъ, тогда какъ успѣхи мануфактуръ и фабрикъ обогащаютъ только

Digitized by Google

нѣсколько лицъ и нѣсколько мануфактурныхъ заведеній.

Вотъ почему размноженіе и усовершенствованіе первыхъ матеріяловъ есть дѣло величайшей важности! Но, къ сожалѣнію, въ Россіи объ оном вовсе не радѣютъ, и вмѣсто того бросились къ фабрикамъ и мануфактурамъ.

Напримѣръ: сей плодородный грунтъ расти-тельной земли, простирающійся на многія тысячи квадратныхъ верстъ въ южной Россіи, отъ Подоліи по равнинамъ Кіева, Орла, Казани, даже до подошвы Уральскаго хребта, составляетъ въ благословенномъ отечествѣ нашемъ прекраснѣйшій вертоградъ Европы; но что-жъ? . . . Въ Россію привозится ежегодно на нѣсколько милліоновъ разныхъ овощей, фруктовъ, винъ, масла и пр.

Здѣсь надлежало-бы прежде всего разнообразить и совершенствовать земледѣльческія произведенія; тогда-бы Россія перестала быть данницею чужихъ странъ за ½ милліона фруктовъ, за нѣсколько милліоновъ деревяннаго масла и винъ, за нѣсколько милліоновъ красильныхъ матеріяловъ и проч.; всѣ сіи произведенія можно-бы производить въ нашемъ отечествѣ, и чрезъ то земледѣліе наше сдѣлалось-бы разнообразнѣе и богаче.

Digitized by Google

Исторія свидѣтельствуетъ, что обширныя равнины, орошаемыя рѣками Днѣпромъ, Дономъ и Волгою, до самыхъ ихъ устьевъ, далеко не населены столько, сколько-бы надлежало, судя по тѣмъ богатствамъ, коими одарило ихъ Провидѣніе. Пространство воздѣланныхъ земель, въ сравненіи съ невоздѣланными, весьма не велико; однако-же чрезвычайное ихъ плодородіе не вовсе потеряно: оно питаетъ и распложаетъ многочисленныя стада всякаго рода; отсюда-то многоразличное и несмѣтное изобиліе животныхъ матеріяловъ, которымъ Россія избыточествуетъ.

Она отпускаетъ за границу сала на сумму болѣе 40 милліоновъ рублей; и сверхъ того внутри Государства потребляется онаго по меньшей мѣрѣ на 20 милліоновъ. Кожь, конскаго волоса и другихъ всякаго рода животныхъ матеріяловъ, вывозится по меньшей мѣрѣ на 10 милліоновъ.

Козій пухъ, добываемый въ Киргизскихъ степяхъ, идетъ черезъ Россію большею частію во Францію и Англію, для тамошнихъ кашемировыхъ фабрикъ. Цѣнность отпуска овечей шерсти дошла уже до 4 милліоновъ, и можетъ еще увеличиться до безмѣрности. Почти столько-же потребляется сихъ матеріяловъ внутри Государства.

Digitized by Google

Вотъ, на 100 милліоновъ ежегодныхъ произведеній первыхъ матеріяловъ, коими Россія обязана наиболѣе производительной силѣ южныхъ порѣчныхъ равнинъ! Сія богатая промышленность не есть случайная; она не зависитъ ни отъ законодательства, ни отъ системъ, подверженныхъ частымъ измѣненіямъ: она есть естественное послѣдствіе неизмѣннаго порядка вещей, самою природою упроченнаго, и по сей-то причинѣ она должна-бы обратить на себя всѣ поощренія Правительства и содѣйствіе частныхъ людей. Въ сей-то промышленности усовершенствованія были-бы драгоцѣнны, потому что польза оныхъ разлилась-бы на многіе милліоны жителей; въ сей-то промышленности усовершенствованія могли-бы быть многочисленны, и давно-бы пора приняться за оныя.

Дѣйствительно, въ Россіи добывается сала на 60 милліоновъ и болѣе; но если сравнить употребляемый у насъ способъ салотопленія съ тѣмъ улучшеннымъ способомъ, какой надлежало-бы ввести, то можно-бы добывать онаго по меньшей мѣрѣ отъ 10 до 15 процентовъ болѣе, то есть, на сумму отъ 6 до 9 милліоновъ въ годъ. Сало было-бы чище, его больше требовали-бы за границу, и въ той-же соразмѣрности сбытъ увеличился-бы. Остатки отъ сей фабрикаціи—мясо, кости и проч. пропада-

Digitized by Google

ютъ почти безъ всякой пользы; но если-бы мясо солить и сушить, а кости обжигать въ уголь, то можно-бы получать отъ нихъ величайшія выгоды.

Мы продаемъ иностранцамъ на 5 или на 6 милліоновъ щетины; но въ какомъ видѣ? Стоило-бы только ввести хорошій разборъ оной, тогда-бы цѣнность ея увеличилась 20-ю процентами. Сею промышленностію живутъ множество семействъ въ Кенигсбергѣ, Данцигѣ и нѣкоторыхъ портахъ Англіи. Она по праву принадлежитъ Россіи, и пора-бы ввести ее у насъ.

Правда, что Франція получаетъ изъ Россіи большую часть козьяго пуху для своихъ фабрикъ; но она-же отпускаетъ ее къ намъ въ разныхъ издѣліяхъ, во 100 или въ 200 разъ дороже. Зачѣмъ-бы намъ не ввести у себя сію важную промышленность, для которой первый матеріялъ находится у насъ въ изобиліи? Но мы, вмѣсто того, бросились на бумажныя ткани: не щадимъ ни трудовъ, ни издержекъ для сей отрасли мануфактуръ, выписываемъ для оной наилучшія машины, съ величайшими пожертвованіями заводимъ прядильни хлопчатой бумаги—сего матеріяла, вовсе для насъ чуждаго, а пренебрегаемъ собственный нашъ, прекраснѣйшій матеріялъ, *козій пухъ*, и не радимъ объ

Digitized by Google

обрабошкѣ его, предоставляя иностранцамъ цользоваться сею драгоцѣнною промышленностію, которая должна-бы быть исключительно Россійскою.

Въ суконодѣліи мы сдѣлали уже важные успѣхи; но все еще къ намъ привозятъ на 5 милліоновъ суконъ и другихъ тканей изъ гребенной шерсти.

Можно-бы представить множество подобныхъ несообразностей; можно-бы указать на тѣ великолѣпныя шали, вырабопываемыя у насъ на Югѣ, и тутъ-же выставить грубые Саксонскіе чулки, которые мы принуждены доселѣ получать отъ иностранцевъ, даже для простонароднаго потребленія. Можно-бы сравнить сіи огромной величины вазы, возбуждающія всеобщее удивленіе, съ простыми фаянсовыми тарелками, не имѣющими тѣхъ существенныхъ качествъ, какія должны-бы онѣ имѣть. Однимъ словомъ, можно-бы собрать множество доказательствъ въ подтвержденіе той истины, что ходъ промышленности въ Россіи былъ доселѣ болѣе быстръ, нежели разсудительнъ, и что мы, въ такой опрометчивости, упустили изъ виду множество первыхъ матеріяловъ, производимыхъ преимущественно въ нашемъ отечествѣ, пренебрегши заняться усовершенствованіемъ оныхъ, къ великому ущербу для нашего обогащенія.

Digitized by Google

Если мы перейдемъ отъ пищательныхъ продуктовъ и отъ животныхъ матеріяловъ къ матеріяламъ волокнистымъ, то во-первыхъ встрѣчаемъ *ленъ* и *пеньку*.

Льну продаетъ Россія на 25 милліоновъ, включая тутъ-же и льняное сѣмя; но качество нашего льна, отпускаемаго, напримѣръ, въ Англію, далеко не достигаетъ того, каково-бы оно быть могло. Фландрскій ленъ, разводимый изъ *Россійскихъ* сѣменъ (которыя тамъ каждый годъ перемѣняются новыми), продается въ Англіи всегда отъ 40 до 60 процентовъ дороже лучшаго Русскаго. Сверхъ того, хорошее качество льна становится годъ отъ году важнѣе, съ тѣхъ поръ, какъ механическое пряденіе онаго, для тонкой пряжи, требуетъ тщательнѣйшаго воздѣлыванія и обрабошки. Усовершенствованіе сего матеріяла будетъ имѣть тѣже послѣдствія для полотняныхъ фабрикъ, какія имѣло для шерстяныхъ улучшеніе шерсти, отъ размноженія тонкошерстныхъ овецъ. Истина сія дознана: Общество помѣщиковъ занялось усовершенствованіемъ сего матеріяла, и Правительство вступило въ соучастіе въ его трудахъ. Опыты сихъ усовершенствованій дѣлаются въ Осмъ-Зейскихъ провинціяхъ, потому что ленъ есть природный продуктъ равнины Двинской и втекающихъ въ нее рѣкъ, подобно тому,

Digitized by Google

какъ животные матеріялы суть природный продуктъ обширныхъ равнинъ южной части Имперіи. Россія отпускаетъ ежегодно на 25 милліоновъ льну, и не смотря на то, все еще получаетъ отъ иностранцевъ на нѣсколько милліоновъ льняныхъ полотенъ! Вотъ еще одна изъ тѣхъ несообразностей, которыя должны исчезнуть при ежедневныхъ усовершенствованіяхъ отечественной промышленности!

Пенька родится у насъ превосходной доброты; но со времени введенія механическаго витья веревокъ и канатовъ, вмѣсто ручнаго, качество пеньки сдѣлалось еще важнѣе. Подготовка пеньки должна производиться тщательнѣе; такая перемѣна въ обработкѣ одного изъ естественнѣйшихъ произведеній Россіи, есть дѣло великой важности, наиболѣе для средиземныхъ губерній, Черниговской, Курской и Калужской.

Закавказскія провинціи суть отечество *шелка*. Усовершенствованіе первыхъ операцій въ подготовкѣ сего продукта, есть можетъ быть самый важный вопросъ для нынѣшней промышленности Россіи.

Усовершенствованія сіи были испытаны: они не удались; но сѣмена улучшенія посѣяны въ нѣдрахъ сей благодатной страны. Время можетъ быть не далеко, когда они пустятъ кор-

Digitized by Google

ми, и дадутъ прекраснѣйшій и обильнѣйшій плодъ.

Разработка рудъ и обработка *металловъ* требуютъ также большихъ усовершенствованій; относительно желѣза, необходимо нужно, сколько можно болѣе разнообразить издѣлія изъ онаго, и приготовлять ихъ дешевле. Безполезно было-бы хотѣть перемѣнить способы производства, введенные въ желѣзодѣланіи на Уралѣ; что-же касается до Англійскаго способа обработки желѣза, посредствомъ плющильныхъ машинъ, то можетъ быть безполезно было-бы вводить оныя въ цѣхъ мѣстахъ.

Но въ южныхъ странахъ Россіи, гдѣ лѣсу недостаточно, и гдѣ желѣзная руда и каменный уголь находятся въ изобиліи, можно-бы ввести желѣзодѣліе посредствомъ плющильныхъ машинъ, по Англійской методѣ; это было-бы величайшимъ благодѣяніемъ для обитателей цѣхъ областей. Тогда-бы желѣзо дешевое, въ разныхъ издѣліяхъ, распространилось болѣе и болѣе въ домашнемъ быту народа. Вывозъ сего металла на Востокъ умножилъ-бы также внутреннее его употребленіе, и такимъ образомъ оправдалось-бы предсказаніе Петра Великаго, при открытіи Луганскаго каменнаго угля: «Это будетъ полезно для нашихъ потомковъ.»

Digitized by Google

Выдѣлка желѣзной и мѣдной проволоки, и другія отрасли Металлургіи, требуютъ еще вящшаго вниманія Правительства и частныхъ людей.

Сіи легкія указанія на несовершенства нашихъ первыхъ матеріяловъ и на обрабопку оныхъ, достаточны, можетъ быть, къ тому, чтобы показать, въ какомъ небреженіи находится еще у насъ сія часть промышленности.

Надобно сознаться, что попечительное наше Правительство восчувствовало всю важность сихъ первыхъ матеріяловъ для преспѣянія мануфактуръ; постепенныя учрежденія, по сей части изданныя, доказываютъ направленіе и постоянство его усилій.

Оно собрало въ чужихъ земляхъ, и именно въ Америкѣ, всѣ улучшенія по части мукомолотія. Оно обнародовало послѣдствія сихъ изысканій, для улучшенія и усиленія отпуска изъ Россіи разнаго рода хлѣба. Оно выписало множество деревъ и кустарниковъ Американскихъ, для разведенія въ разныхъ полосахъ Россіи. Оно щедро покровительствовало улучшенію овцеводства, и сдѣлало для онаго важныя пожертвованія. Оно вошло въ соучастіе съ частными людьми для усовершенствованія льна въ Осетъ-Зейскихъ, и шелка въ Закавказскихъ провинціяхъ. Оно учредило въ южной Россіи об-

Digitized by Google

разцовую ферму, для разведенія красильныхъ матеріяловъ. Оно устроиваетъ въ Лугани обширное заведеніе для обработки желѣза по Англійскому способу. Наконецъ, оно доказало всѣми сими поощреніями, имѣвшими болѣе или менѣе успѣха, что во всякомъ важномъ и многотрудномъ предпріятіи, относящемся къ усовершенствованію первыхъ матеріяловъ, можно надѣяться на его дѣятельное пособіе. Особенно-же оно пособствуетъ всякому обществу, учреждаемому для полезной цѣли.

Однако, сколь ни сильно вліяніе Правительства, всѣ старанія его останутся безуспѣшны, когда народное мнѣніе не готово принять благодѣтельнаго направленія.

И такъ полезно было-бы у насъ различать производимость естественную отъ поддѣльной; расположить каждую изъ нихъ по той важности, какую мѣстность и привычки народныя имъ указуютъ. Примѣнивъ сіи наши мысли къ нынѣшнему состоянію Россіи, можно убѣдиться, что за расширеніемъ промышленности должно слѣдовать существенное усовершенствованіе оной, и что первая потребность настоящей эпохи есть усовершенствованіе и разнообразіе первыхъ матеріяловъ, какъ-то: къ пищѣ и питію служащихъ, волокнистыхъ, животныхъ и металловъ.

Digitized by Google

Тогда только, когда народъ убѣдится въ сей потребности, когда всякой просвѣщенный человѣкъ въ своемъ кругу потщится улучшать мѣстныя произведенія, тогда только усилія Правительства найдутъ въ народѣ то подкрѣпленіе, которое ему необходимо; и сіе то взаимное содѣйствіе дастъ правильный, благоуспѣшный и купно естественный ходъ производимости и богатству Россіи.

Баронъ Александръ Мейендорфъ.

Парижъ.
10 Мая 1833.

Digitized by Google

ЛИТТЕРАТУРНЫЯ ПРИЗНАНІЯ

Юліи Жанена.

(Окончаніе).

Но оборотимся къ прежнему. Сей часъ только, мы были въ Комической Оперѣ, и я тонулъ въ упоеніи восторга. Когда все было конечно, сказано, занавѣсъ опустился, мы вышли на улицу, мой пріятель отдалъ мнѣ руку своей пѣвицы, и мы пошли къ ней въ улицу *du Helder*, лѣтнимъ вечеромъ, сквозь шумливую толпу, тѣснившуюся по Кобленцскому бульвару. Въ первый разъ въ жизни моей замѣтилъ я тогда эту улицу *du Helder*, таинственную, полную любви и шалостей всякаго рода — отдѣльный міръ моднаго міра; *домики*, законтрактованные наслажденіями, гдѣ на каждомъ окнѣ силуэтъ, на каждой двери особая примѣта; роскошные *будуары* съ двойнымъ входомъ — однимъ для богатаго старика, другимъ для бѣднякакрасавца; скрытное убѣжище чего-то средняго между развратомъ и любовью. Не умѣю опи-

Digitized by Google

сать вамъ всего этого; но улица *du Helder* стоитъ отдѣльнаго очертанія въ описи улицъ Парижскихъ. У нея есть свои, ей принадлежащіе знаки, свои духи, свой манеръ говорить. Да—видите-ли вы, напримѣръ, вонъ тамъ, во второмъ этажѣ Оперныхъ ложь, эту женщину? Она хороша, она одѣта богато, она еще молода, при своихъ 25-ти годахъ; она смѣется, она такъ доступна; съ ней перекликивается партерная молодежь. Это *почти дама;* это женщина, столько-же удаленная отъ беззаботной юности, сколько и отъ безстыдства зрѣлыхъ лѣтъ; это женщина, отдыхающая между страстями прошедшими и страстями будущими, между лицемѣрствомъ и игрою, шалостями и замужствомъ: это женщина изъ улицы du Helder.

О! въ то время, когда мы разстались съ нашею пѣвицею, съ этою женщиною, и рука моя еще горѣла отъ жаркаго прикосновенія руки ея—какъ былъ я взволнованъ, восхищенъ! Тогда, въ первый разъ, я почувствовалъ мою ничтожность, мою бѣдность; тогда, въ первый разъ, улица Тараннъ, столько нравившаяся мнѣ, съ ея свѣтлымъ, летучимъ фонтаномъ, показалась мнѣ прегадкою, въ сравненіи съ улицею du Helder. Комическая Опера была отъ нея такъ далеко; и наша прелестная пѣвица жила

Digitized by Google

отъ нея также далеко! Пріятель мой выбралъ эту минуту, и началъ говорить мнѣ о ремеслѣ, за которое уговаривалъ меня взяться: онъ былъ—*Журналистъ*, ни больше, ни меньше. Слушая его, какъ было не подумать, что онъ царствуетъ надъ Театральнымъ міромъ. Все Драматическое ласкало его, унижалось передъ нимъ. Жизнь его была очарованный праздникъ, по его словамъ. Доказательство — эта ложа, гдѣ онъ ссудилъ меня мѣстечкомъ; доказательство—эта пѣвица, которую позволилъ онъ мнѣ вести подъ руку; доказательство—Журналъ, который получалъ онъ каждое утро; доказательство — билетъ въ Діораму, находившійся въ его карманѣ; доказательство—безденежный входъ въ Театръ des Variétés и въ Театръ du Gymnase—и сколько еще доказательствъ, Боже мой! И вотъ невинныя приманки литературной жизни! Слабый, неопытный молодой человѣкъ, какъ и мечется на эти бѣдныя поживки! Легкое наслажденіе приходится по немъ лучше, нежели трудное счастье, котораго надобно добиваться десять лѣтъ! Кончено, рѣшено—не пропивлюсь: отказываюсь, охотно, весело отказываюсь отъ всего моего живаго, важнаго ученья, дѣлаюсь писателемъ, умру писателемъ, за то, что такъ несчастливо случилось мнѣ, въ одинъ лѣтній вечеръ, идти мимо Комиче-

Digitized by Google

ской Оперы, по Кобленцскому бульвару, и по улицѣ du Helder!

Совсѣмъ не думаю жаловаться на литтературную жизнь — нѣтъ, нѣтъ! не буду неблагодаренъ къ благороднѣйшему занятію нашего времени. Напротивъ: разсказывая, какъ я завербовался въ эту не легкую работу, буду огорченъ, если остановлю тѣхъ, кто чувствуетъ въ себѣ довольно силъ отважиться на всѣ ея случайности. Жалобы писателей прежняго времени всегда казались мнѣ несправедливостью; онѣ были-бы глупымъ безчувствіемъ въ наше время. Идите, какъ угодно далеко въ нашу Исторію, всегда найдете вы поэтовъ, голодныхъ въ своихъ стихахъ, сытыхъ на самомъ дѣлѣ. Ну, а тѣмъ, кто не богатъ, дается слава: вѣдь это не маленькое утѣшеніе во всѣхъ несчастіяхъ! Посмотрите: однимъ Франциск I-й протягиваетъ свою горделивую руку; другимъ Ришельё предлагаетъ свое страшное сотрудничество; тѣмъ покровитель Людовикъ XIV-й, этимъ Герцогъ Бургоньскій, потомъ Г-жа Помпадуръ въ XVIII-мъ столѣтіи; и въ тоже время ихъ ласкаютъ Екатерина II-я, и Фридрихъ II-й, и цѣлый городъ, и цѣлый Дворъ. А! это ободренія! Это положеніе, больше нежели порядочное! Это—жизнь, безъ остатка отданная случаю, страстямъ, сердцу, мечтамъ и счастію всякаго

Digitized by Google

рода! Спросите-ка у этихъ не дюжинныхъ людей, отличенныхъ въ толпѣ: кому изъ нихъ будетъ угодно спуститься въ обыкновенную жизнь, изъ нихъ, этихъ владыкъ и вельможъ по дарованію и генію? Ни одинъ, ни за какую цѣну, не согласится вытерпѣть подобное нравственное униженіе! Жалобы поэтовъ, ихъ продолжительныя скорби, ихъ бѣдность, столько пѣтая, ихъ одиночество—все это поэтическое вранье, которому не надобно вѣрить. Они дѣти. Не надобно, чтобы отцы и матери довѣряли имъ во всемъ и совершенно. Литтературная жизнь—видите-ли, что это такое: это всегда была отдѣльная жизнь среди знатностей сего міра. Нынѣ еще болѣе: это отдѣльная жизнь среди всесвѣтныхъ силъ. Литтераторъ идетъ своимъ чередомъ, какъ большой господинъ; они оба утверждены общественностью; они оба члены ея, но члены, составляющіе исключеніе изъ толпы, отдѣльные отъ толпы — Аристократы, однимъ словомъ, Аристократы по страсти, по сердцу, по мысли, по будущности. Какъ-бы мнѣ растолковать вамъ это яснѣе.... Перейдемъ отъ *прежняго* поэта къ *нынѣшнему* литтератору.

Нынѣшній литтераторъ представляетъ собою то отличіе, что при его перѣ въ рукахъ, его существованіе такъ-же упрочено и обезопашено, какъ существованіе какого нибудь ад-

Digitized by Google

вокатскаго помощника, или адвоката, и еще болѣе нежели адвоката. Тяжбы такое дѣло, что при нихъ можно жить только преніями и спорами разнаго рода, то за ту, то за другую сторону, а Журналъ въ наше время — больше нежели потребность всякаго: это необходимость каждаго утра, каждаго вечера, каждаго часа. Журналъ есть выраженіе всякой жизни, общественной, литтературной, философической, выраженіе, принимающее на себя всѣ оттѣнки общества, съ вершины его до подошвы. Это общественная сила, направляющая по своей волѣ и хотѣнію людей и вещи, сила неумолимая, пожирающая самое себя, когда недостаетъ ей пищи. И знаете-ли, сколько надобно писателей дѣятельныхъ, страстныхъ, преданныхъ, чтобы удовлетворить всѣмъ ея требованіямъ, всѣмъ ея необходимостямъ, всей ея жизни? Знаете-ли вы, что̀ это за бездонная пропасть, и сколько ежеминутно бросается въ нее страстей, идей, парадоксовъ, глупостей, шалостей, всего, что происходитъ отъ сердца, души, страсти, порока и добродѣтелей человѣческихъ? Знаете-ли вы, что̀ такое *повременныя изданія?* Чудовища, со ста голосами и со ста головами; коршуны, которымъ, для поддержки ихъ бытія, непремѣнно надобно кормиться безпрерывно вновь вырастающею печенью! Это ненасытный разговоръ, въ

Digitized by Google

одно мгновеніе летящій отъ одного края Европы къ другому, поражающій вдругъ уши знатныхъ и уши простолюдиновъ, провозглашающій въ одно время самыя противоположныя начала: безбожіе и набожность, независимость и подчиненность, Короля и Папу, безчиніе и порядокъ — это необъемлемый голосъ, столько-же надѣлавшій измѣненій въ свѣтѣ, сколько надѣлали ихъ паровыя машины и желѣзныя дороги. Ну, что-же — это чудовище, этотъ голосъ — словомъ: повременное изданіе? Когда единожды былъ я имъ схваченъ, въ одинъ изъ прекрасныхъ, тихихъ лѣтнихъ вечеровъ, я испугался сначала, я чувствовалъ себя слишкомъ далеко увлеченнымъ; потомъ, мало по малу, я привыкъ, началъ поглаживать и трепать рукою моего буйнаго коня; я приноровился къ нему. Теперь, мой крылатый Беллерофонтъ! мчи меня куда угодно — я твой душею и тѣломъ; я люблю тебя всею моею страстью, всѣмъ моимъ сердцемъ! Труднѣе всего начало привычки къ необыкновеннымъ положеніямъ въ жизни. Какъ страшенъ первый шагъ! Вы летите къ облакамъ, съ воздушнымъ шаромъ—вы мчитесь по желѣзной дорогѣ—вы *Издатель Журнала*, вы отдѣлились отъ людей, усѣлись въ своей воздушной лодочкѣ, спокойно и счастливо — трепещущая толпа глядитъ на васъ, разинувъ ротъ. Вотъ и все!

Digitized by Google

Но, ни воздушный шаръ, устремленный воспламененнымъ газомъ въ облака, ни карета, какъ молнія летящая, влекомая тысячерукимъ великаномъ, который называютъ *паромъ*—ничто не увлекаетъ человѣка впередъ такъ сильно, какъ этотъ паръ умственный, могущій, подобно вещественному—*Журналъ!* Я, бѣдное дитя, наканунѣ столь спокойный, столь счастливый, столь лѣнивый, едва коснулся я Журнала, въ его самыхъ мирныхъ отношеніяхъ, какъ вдругъ, грудь съ грудью, надобно было схватиться съ этимъ новымъ Бріареемъ, въ тысячу разъ болѣе страшнымъ, нежели Бріарей миѳологическій. Съ этого дня, прости спокойствіе, прости лѣность, прости жизнь обыкновенная! Я началъ однакожъ, какъ всѣ Журналисты начинали, съ безвѣстности. Что за дѣло! Скоро понадобилось мнѣ выступать впередъ; скоро забота умножилась; скоро страсти писателя вгнѣздились въ мою душу; скоро потребность судить разрушила всѣ мои безотчетныя наслажденія; скоро Критика, какъ ремесло, вмѣшалась во всѣ мои чувствованія; вскорѣ охота быть значительнымъ обратила въ желчь мое природное доброхотство къ другимъ; скоро отбросилъ я далеко отъ себя мое легкое удивленіе, какъ отбрасываютъ ненужную тягость, отправляясь въ дальній путь. Не правда-ли, что это не маленькое несчастіе: въ одинъ день лишишь-

Digitized by Google

ся безотчетной снисходительности къ другимъ, всегда готоваго восторга, добродушной, ежечасной страсти, дѣтской доброты, совершеннаго незнанія въ мірѣ литературномъ и въ мірѣ художника? Я былъ такъ добръ еще наканунѣ, такъ добродушенъ, такъ любящъ, такъ любимъ! А вотъ — сегодня, я ищу ненавистей, накликаюсь на оскорбленіе самолюбій, бросаюсь на извѣстности и славы, блестящія, какъ стекло, и какъ стекло ломкія! И между тѣмъ, все это потому, что я просидѣлъ лѣтній вечеръ въ ложѣ Комической Оперы, съ Оперною, красивою пѣвицею!!

Да, такъ, ибо, вышедъ изъ Комической Оперы, мой пріятель открылъ мнѣ тайну своей щегольской жизни, и своихъ Театральныхъ ложъ, и своихъ прекрасныхъ дамъ въ прекрасныхъ ложахъ. Сдѣлаться счастливымъ, подобно ему.... стоило только надѣть на себя его Журнальный ошейникъ. И я, невинный ребенокъ, протянулъ шею, не замѣчая, что шея у моего пріятеля вытерта ошейникомъ. Что касается до окончанія моей Неверской исторіи, вы уже знаете его, такъ, что мнѣ нѣтъ надобности вамъ разсказывать. Еще разъ упалъ я тогда съ высоты блестящаго обольщенія въ существенность, чрезвычайно печальную! Она появилась, бѣдная женщина, въ этой концертной залѣ, появилась въ изношенномъ розовомъ шарфѣ, съ хриплымъ,

Digitized by Google

грубымъ голосомъ, и пѣла созданія Россини и Катруффо! Этому страшнымъ образомъ аплодировало все собраніе; это было очень грустно для меня; и возвратившись потомъ въ мою гостинницу, я ужасно сожалѣлъ о моемъ роковомъ любопытствѣ.....

Вотъ видите что: литтерашурная жизнь исполнена такими пагубными разочарованіями. Вы входите въ нее со всѣми родами обольщеній; но по мѣрѣ того, какъ вы идете далѣе, ваши обольщенія улетаютъ одно за другимъ, съ тѣмъ, чтобы никогда уже не возвращаться. Въ Искусствѣ есть двѣ стороны, совершенно различныя: партеръ и кулисы. Когда вы въ партерѣ, дѣло идетъ очень хорошо; все глядитъ на васъ съ хорошей стороны. Искусство тщательно украшается, говоритъ самымъ нѣжнымъ голосомъ, усмѣхается, подстилаетъ вамъ бархатъ подъ ноги — оно богато, счастливо, почтенно, страстно. Но, ради Бога! Если вы всегда хотите видѣть его такимъ, не оставляйте партера, оставайтесь на своемъ мѣстѣ, счастливымъ человѣкомъ; пусть занавѣсъ поднимается и опускается для васъ всегда впору и ксташи. Въ кулисахъ все это измѣнится.

Въ кулисахъ, дѣйствительно, Искусство, каково-бы оно ни было: поэтъ, музыкантъ, жи-

Digitized by Google

вописецъ, комедіянтъ—Искусство отвратительно! Поэтъ вдоль и поперегъ чертитъ и правитъ стихи свои; музыкантъ топаетъ ногою подлѣ своего фортепіано, ожидая вдохновенія, которое къ нему не приходитъ; живописецъ ловитъ на мостовой какую нибудь бѣдную дѣвочку, и раздѣваетъ ее, чтобы на картинѣ своей намазать съ нея миѳологическихъ богинь.... Актриса—давно-ли столь прелестная!— напираетъ свою рожу и свои руки краскою, и сбрасываетъ на шуалетъ свои волосы и свою страсть....

Вотъ что значатъ кулисы! И войдти въ жизнь художника, значитъ войдти, говоря собственно, въ театральныя кулисы, броситься, очертя голову, въ удушливую атмосферу, отъ которой тщательно удаляется счастливый человѣкъ, приближаясь къ ней только на извѣстное разстояніе, со всѣми возможными предосторожностями, ожидая, для лучшаго наслажденія, пока засвѣтятъ люстру, суфлёръ сядетъ въ свою нору, Ифигенія подвяжетъ свой дѣвственный поясъ, Буррусъ приклеитъ къ подбородку бороду, Сидализа нарумянитъ себѣ щеки, Бальё натретъ канифолью смычекъ свой, Жераръ покроетъ картину лакомъ. Но такіе осторожные люди—это ловкіе счастлив-

Digitized by Google

цы въ мірѣ. Они *наслаждаются*, и ничего *не производятъ* — они одни и сохраняютъ свои обольщенія. Уважимъ ихъ!

Но я уже усталъ говорить вамъ о себѣ. Да, и что я за важная такая особа, что держу васъ при этихъ простолюдинскихъ началахъ моего разсказа, моей скучной, незанимательной исторіи? — Долго сражался я въ рядахъ оппозиціи, ибо прежде — быть въ оппозиціи, значило идти по большой дорогѣ. Теперь, когда я объ этомъ думаю, то нахожу, что никогда и ни на кого не нападали такъ сильно, какъ нападала оппозиція на старыя идеи. Теперь многіе изъ насъ выросли, сдѣлались писателями уваженными. Мы вмѣстѣ начали тогда Журналъ, исполненный самыхъ яркихъ личностей, противъ всего, что было тогда въ чести. Въ самое короткое время Журналъ нашъ сдѣлался общенароднымъ. Мы дали ему названіе, драгоцѣнное для Франціи литтературной и оппозиціонной. Онъ кипѣлъ желчью и негодованіемъ. Каждый день, это была куча новыхъ насмѣшекъ, новой брани. Намъ все было кстати; мы были страшны. Всякій разъ, когда я перелистываю эту пламенную, неутомимую полемику — невольно дивлюсь терпѣнію, съ какимъ переносили тогда все это. Такимъ образомъ, наши противники, на свою бѣду и горе,

Digitized by Google

признавали въ насъ силу общественнаго мнѣнія. И то правда, что иначе поступать было-бы имъ довольно трудно. Насъ подкрѣплялъ могущій общій голосъ; не легко было исковеркать насъ, юныхъ аплетовъ, и при томъ, кому было платить намъ равнымъ оружіемъ, насмѣшкою за насмѣшку? Мы всѣ были такъ молоды, такъ благородны; мы всѣ не знали честолюбія, были злы безъ злости, и свирѣпы, не вѣдая этого сами. И притомъ, подлѣ нашей главной ненависти, мы бросали въ наши листочки ежедневныя прихоти нашихъ страстей, и все пригождалось намъ для выполненія нашей обязанности. Каждый изъ насъ вписывалъ въ Журналъ всю жизнь свою, и это забавляло публику, предававшуюся впечатлѣніямъ откровеннымъ, и совершенно для нея новымъ, когда она была уже утомлена старыми Журналами.

Наши начала являлись именно тѣмъ отличны, что они были вдругъ началомъ *новыхъ* Журналовъ и окончаніемъ *старыхъ* Журналовъ. Я, каковъ я есмь теперь, я, человѣкъ съ 1804-го года — этого прекраснаго для Франціи года неслыханной славы и благоденствія — я уже теперь одинъ изъ старыхъ Журналистовъ Парижскихъ. Журналъ утомляетъ васъ такъ скоро; такъ сильно старѣешь, импровизируя ежедневно, безпрерывно готовя запасъ, кото-

Digitized by Google

рымъ можно-бъ было удовольствовать это безмѣрное потребленіе ума, слога, гнѣва, негодованія, насмѣшки! Увы! въ свой чередъ, я уже чувствую, что отстаю отъ другихъ. Я, говорящій теперь вамъ, я видѣлъ и вижу возвысившихся подлѣ меня и надо мною, нашихъ самыхъ ловкихъ повременныхъ писателей, которые держатъ теперь въ рукахъ своихъ жребій другихъ. Уже писалъ я, когда они только начинали писать; но съ какою силою начинали, великій Боже! Какъ вдругъ они обрисовывали полный свой очеркъ! Какъ много великаго они сдѣлали! Одни въ шесть скачковъ смяли Министерство Полиньяка; другіе схватили за руки страшное Іюльское чудовище, и осмѣливались указывать ему на путь, благоразумiемъ предначертанный. Всѣ они возвеличили языкъ Журналовъ; всѣ они присвоили Критикѣ ея истинное достоинство, ея настоящій блескъ. Да, повременныя изданія прекрасное зрѣлище! Сколько великихъ именъ! Сколько ревности! Сколько смѣлости! Что за блескъ! Какое глубокое отрѣченіе отъ самого себя! Какой вдохновенный гнѣвъ! Какая неистощимая горячность! Быть готовымъ каждый день! Возможно-ли это? Шумъ, волненіе, улица Сенъ-Дени, улица des Prouvaires, война внѣшняя, Холера — все ничто: они тутъ всегда, тутъ на проломѣ! Сколько генія, истраченнаго такимъ образомъ, брошеннаго на вѣ-

Digitized by Google

теръ, по мѣлочи розданнаго мимоходящей толпѣ! И потомъ продолжительные уголовные суды, и потомъ безконечныя тюремныя заключенія, и потомъ путешествія изъ Версали въ Парижъ съ двумя приставниками, и потомъ пени, и потомъ бѣдныя жены, препещущія, готовыя умирать, едва только заслышатъ, какъ посланный отъ начальника Парижскаго осаднаго состоянія лѣзетъ приступомъ на стѣну жилища! И наконецъ, съ другой стороны, писатель, который одинъ защищаетъ то, на что всѣ нападаютъ — безстрашный передъ толпою, крѣпкій своей обязанности, своему долгу, твердый при цѣли, какую предположилъ себѣ, не желающій ни уступить, ни податься назадъ на одинъ шагъ. Это Стоически, это прекрасно! Нашъ вѣкъ есть вѣкъ книгопечатанія. Нашъ вѣкъ есть вѣкъ благородной независимости духа. Нашъ вѣкъ есть время самостоятельности всякаго рода. Надобно-ли защищать то, что существуетъ; надобно-ли защищать то, чего уже нѣтъ, или изъ всѣхъ силъ толкать къ тяжелому будущему—они на все готовы—посмотрите: никто не отступаетъ! Чѣмъ-же дѣлается, при этихъ высокихъ, искреннихъ самозабвеніяхъ, вся декламація прошлаго столѣтія о литераторахъ вообще, и частно объ издателяхъ повременныхъ сочиненій? Долгое время это было привиллегированною забавою

Digitized by Google

каждаго шута. Самъ Вольперъ, первый человѣкъ, создавшій Журналъ во Франціи—ибо, что иное была его переписка, если не единственный, возможный въ его время Журналъ?— самъ Вольперъ — какихъ насмѣшекъ не выискивалъ онъ на Журналистовъ своего времени, насмѣшекъ, сколько разъ повторенныхъ, и уже невозможныхъ нынѣ? Нынѣ, прежде всего, и для всякаго, кто берется за Журналъ—истина есть такая-же необходимость, какъ и правосудіе. Читайте всѣ современные Журналы, и начитавшись ихъ, сравните ихъ между собою. Утверждаю, что въ *сущности*, если не въ формѣ, они всѣ согласны уничтожать постыдное, хвалить благородное и прекрасное. Иначе и невозможно въ наше время, при нашихъ отношеніяхъ. Теперь золотой вѣкъ повременнаго писателя. И потому, замѣтьте: книгъ нѣтъ; есть только Журналы.

По этому-то, я считаю себя счастливымъ, и горжусь, что я также одинъ изъ Журнальныхъ людей, я недостойный! Скоро будетъ около восьми лѣтъ, какъ я работаю день и ночь для Журнальнаго дѣла, со всею ревностью, къ какой только я способенъ, издавая по временамъ книги, для собственнаго развлеченія, для осуществленія, если могу, кое-какихъ мыслей, которыя нахожу въ головѣ моей, пересматривая мысли другихъ.—Когда я въ первый

Digitized by Google

разъ началъ писать для Журнала, и когда я, какъ Фигаро, спрашивалъ у моего патрона: «*что надобно?*» отвѣты на мой вопросъ сыпались кучею; мнѣ даже трудно было въ то время распредѣлить порядкомъ эти отвѣты на мой неосторожный вопросъ. Что было тогда во Франціи, то считалось, по видимому, безмѣрнымъ, по видимому, неистощимымъ; по видимому, это былъ цѣлый міръ для заботы двадцати-лѣтняго Журналиста, мнѣ подобнаго! И что-же? Ужасъ! Все, что тогда было во Франціи, умерло съ того времени, или исчезло, улетѣло неизвѣстно куда! Все это пожрали Журналы, Журналы, эта ничтожная сила, когда я начиналъ, сила, столь спорная, которую каждый день можно было безславить нечистымъ дыханіемъ, у которой можно было отрубать члены столь-же хладнокровно, какъ исполнитель правосудія рубитъ головы — и Журналы все это пожрали! Вотъ, когда я спрашивалъ самого себя, начиная: «Что надобно?» міръ литтературный и всякій, былъ изобиленъ на отвѣты неслыханнымъ образомъ. Что̀ стало съ этими мірами? Въ то время былъ поэтъ Байронъ, умершій въ Греціи. Была возрожденная Греція, умершая въ Константинополѣ. Былъ Казиміръ Делавинь, поэтъ, который умеръ раждая Балладу. Былъ Беранже, умершій, или

Digitized by Google

лучше сказать, онѣмѣвшій отъ послѣдней Парижской бури.

Былъ тогда Тьеръ, съ своею *Исторіею Французскаго Переворота*—и умеръ потомъ въ Г-нѣ Тьерѣ Министрѣ. Были тогда Шекспиръ, Шиллеръ, были всѣ чужеземные Театры, и ихъ переводили, съ жаромъ, со страстью, какъ образцы грядущей Литтературы, которая не пришла. Былъ тогда Вальтеръ Скоттъ, Романистъ, Историкъ, Поэтъ, Дворянинъ, столь народный. Умеръ Шиллеръ, умеръ Шекспиръ, и умеръ Поэтъ-Романистъ, возвращаясь изъ Рима въ Абботсфортъ. Былъ тогда Тальма, поддерживавшій своимъ геніемъ—которому никогда не бывало счастливѣе того времени—поддерживавшій, говорю, то, что соглашались тогда называть: *Французская Трагедія*. Умеръ Тальма, умеръ великій Трагикъ, и унёсъ съ собою во гробъ Французскую Трагедію, какъ будто вознагражденіе за его потерю—умерли онъ и она, говорю я вамъ! И я слѣдовалъ, какъ слѣдовала толпа, за этими трагическими останками, встревожившими тогда даже Архіепископа Парижскаго. Но Прелатъ, такъ-же умеръ, и умеръ еще болѣе самого Трагика: развалины Французскаго Театра, по крайней мѣрѣ, еще цѣлы, покровительствуемыя равнодушіемъ толпы и именемъ

Digitized by Google

ихъ владѣльца. А развалины Архіепископскаго жилища, которыя защищала бездѣлка—уваженіе нѣсколькихъ вѣковъ — эти развалины слетѣли съ лица земли отъ одного удара, въ одинъ безумный день на масляницѣ!

Когда подумаешь обо всемъ этомъ — Боже мой! сколько развалинъ! Какая бездна, между тою минутою, когда я очинилъ въ первый разъ мое перо, сбираясь писать для публики, и тою, въ которую теперь я составляю похоронный списокъ, забывая еще въ немъ столько славъ, когда столь яркихъ, и отъ которыхъ не осталось теперь даже славы, подобной славѣ сочиненій, издаваемыхъ въ свѣтъ послѣ смерти сочинителя! Что сдѣлалось съ Кювье, который все зналъ? Или съ Сенъ-Мартеномъ, который зналъ по-Санскритски; съ Гёте, который былъ вся Германія? Что сдѣлалось съ нашими Оріенталистами? Все это умерло! А все это бывало живою пищею, Журналомъ своего времени. Журналъ живъ и донынѣ. Сколько перевидалъ я, одну за другою падающихъ, извѣстностей, бывшихъ нашею гордостью, нашею завистью! Сколько перевидалъ я смертей этихъ могуществъ, на которыя такъ отчаянно мы нападали!

Сентъ-Ашёль и *Монъ-Ружъ*, что сдѣлалось съ

Digitized by Google

вами? Гдѣ найдете теперь подобные анахронизмы, столь страшные тогда, столь ничтожные нынѣ? Гдѣ, въ какой Сатирѣ сыскать довольно насмѣшливыхъ выраженій, которыми можно-бъ было изобразить суету и мимолетность прошедшаго? Transivi et non erat (прошелъ и нѣтъ)! Я видѣлъ, какъ смели Монъ-Ружъ, этотъ нелѣпый *repaire* — такъ прежде мы его называли. Я видѣлъ отъѣздъ Г-на Фрейсину — гдѣ онъ, этотъ Г-нъ Фрейсину? Я видѣлъ, какъ подлѣ молодаго Министра Внутреннихъ дѣлъ, Монталиве, въ коляскѣ, спасавшей его отъ рукъ народа, ѣхалъ изъ Венсена первый Министръ, Полиньякъ, тотъ самый, котораго Карлъ X-й столь долгое время держалъ надъ Харпіею, прицѣпивъ его на 14-й пунктъ.... Со всѣмъ этимъ сражался Журналъ, и остался живъ!

Сколько смертей, сколько развалинъ! сколько несчастій, сколько счастій исчезнувшихъ! Въ то время, мы съ трепетомъ поднимали на инаго человѣка дерзкую руку—а этотъ человѣкъ, какъ прахъ разлетѣлся потомъ! Хозяинъ Рамбуйльетскаго помѣстья, нѣчто въ родѣ Стоика высшей степени, потерявшій съ Христіанскимъ терпѣніемъ такое славное помѣстье—какъ его уважали тогда! Мы видѣли потомъ, какъ упалъ онъ, мы, мимо которыхъ провезли также и

Digitized by Google

гробъ Людовика XVIII-го! И какъ-же онъ упалъ! Неужели громъ грянулъ, и поразилъ его? Нѣтъ!

Обращаюсь къ Журналу. Онъ великій господинъ въ нашемъ мірѣ; онъ неумолимый деспотъ нашего вѣка; власть его непоколебима — это власть умственная—ушесъ, о который легко и тяжко разбиться. Онъ мѣряетъ народность, славу, извѣстность, смѣлость каждаго. Онъ говоритъ и надгробныя рѣчи всему, что опрокинетъ вверхъ дномъ. Онъ живущъ; у него достанетъ терпѣнія на безсмертіе; онъ утомитъ всякое временное честолюбіе. Онъ побѣдилъ упорство прежняго времени; ему уступила наша рѣшительность; онъ обнажилъ романическую, прелестную идею Клоринды нашего времени. Онъ превозмогъ желѣзную волю Бонапарте—даже Бонапарте! Какія событія! Бонапарте свалило Книгопечатаніе; сынъ его умеръ, и Книгопечатаніе, шолько оно, одно Книгопечатаніе проговорило ему надгробную рѣчь. И вы хотите, чтобы человѣкъ не гордился, принадлежа къ дѣлателямъ книгъ и Журналовъ, къ нимъ, которые возвели и низвели столько славъ и величій?

Будемъ справедливы, и скажемъ, что никогда, ни въ какую другую эпоху новѣйшей Франціи, Литтерашура и Искусства не были шакъ цвѣ-

Digitized by Google

шущи, какъ были они въ то время, когда я отмежевалъ себѣ маленькое мѣстечко въ литтературномъ мірѣ. Россини былъ тогда въ полной славѣ. Гро, тогда еще не Баронъ, а просто Г-нъ Гро, сводилъ куполъ Пантеона, передѣланнаго въ церковь Св. Женевьевы. Ламартинъ издавалъ новыя *Méditations*, прелестныя созданія, достойныя первыхъ его созданій. Шатобріанъ приготовлялъ тогда полное собраніе своихъ сочиненій—единственный человѣкъ, которому можно простить эту глупость! На Театрѣ, Викторъ Гюго готовилъ свою *Маріонъ-де-Лормъ*, и ее защищалъ даже самъ Карлъ X-й, противъ самаго нелѣпаго изъ преслѣдованій, какія только когда нибудь являлись въ какой нибудь Литтературѣ, послѣ знаменитаго прошенія, поданнаго Королевѣ Елисаветѣ отъ Англійскихъ мясниковъ, увѣрявшихъ, что поэтъ Шекспиръ отбиваетъ у нихъ хлѣбъ.

Все это славно шло. Въ мѣлочи Искуствъ, Скрибъ ушѣшалъ насъ Аристократіею своего покроя и вымысла. У насъ былъ Буальдьё, создававшій свою *La Dame Blanche;* у насъ былъ.... Да, что еще у насъ было? Жераръ, напримѣръ, и его портретъ Королевскій, въ которомъ не могли налюбоваться лошадью (Король былъ изображенъ на лошади). Всему этому дивовались мы, потому, что дѣлать было нечего, и

Digitized by Google

мы были богаты. Каждый годъ обладалъ тогда своею знаменитостью, и каждую изъ нихъ надобно было, или создавать, или разрушать — какая легкая вещь для Журнала! Тушъ подходила экспозиція Французской Промышленности, на которой являлись усовершенствованныя лампы, усовершенствованное мыло, усовершенствованные парики, усовершенствованныя форшепіано, и всякія другія усовершенствованія. Мы смотрѣли, смѣялись, и время летѣло непримѣтно. За тѣмъ являлись выставки Севрской, Гобеленевской мануфактуры, Общество поощренія Изящныхъ Искусствъ, концерты дѣтей Аполлоновыхъ, и за всѣмъ этимъ слѣдовали обѣды *au Rocher de Cancale*, или у Вери. Что за пестрая толпа! Посмотрите на эту даму, съ нотами въ рукахъ: она выходитъ изъ Фейдо, и ѣдетъ пѣть въ Королевской Часовнѣ; посмотрите на этого человѣка, который везетъ свою скрыпку въ кабріолетѣ: онъ ѣдетъ аккомпанировать Герцогинѣ Беррійской. Посмотрите и на этого ребенка, который прыгаетъ и рѣзвится, окруженный Гвардейцами: это Герцогъ Бордоскій. Слушайте и смотрите: старый Дворецъ освѣщенъ—праздникъ въ Тюльери, праздникъ великолѣпія и знатности! Мы еще въ Среднихъ Вѣкахъ; все, все стремится на этомъ праздникѣ къ этому старому, доброму времени. Ночь пролетаетъ въ мечтаніяхъ о старинномъ

Digitized by Google

Феодализмѣ....И помните-ли вы, какъ въ то время занимались самыми мѣлкими вещами, какъ тогда все дѣлалось зрѣлищемъ, какъ мы требовали тогда зрѣлищъ, не зная другой пищи для народнаго любопытства? Какъ вы ни будете искать, вы не найдете ни одного крошечнаго событія, которое-бы прошло тогда незамѣтно, ни одного героя, самаго маленькаго, который-бы промелькнулъ въ молчаніи. И что за зрѣлища тогда бывали! Съ равнымъ нетерпѣніемъ любопытствующая глупость бѣжала смотрѣть похороны знатнаго человѣка, и Рипу-Христину, двухъ сестеръ-близнецовъ, жившихъ одною жизнію, одною любовью. Люксорскій обелискъ спалкивался съ ребенкомъ, у котораго въ глазахъ было написано имя Наполеона. Помните-ли вы эту хорошенькую дѣвочку, которую называли тогда Леонтиною Фе? Сколько восторговъ она возбуждала въ насъ! Теперь она уже за мужемъ, и скоро будетъ матерью. Отъ этого страхъ какъ старѣемъ мы, мы, бывшіе свидѣтелями ея дебютовъ. И что тутъ говорить много: въ то время даже и *Филотехническое Общество* было чѣмъ-то. Во всю жизнь я буду вспоминать объ этомъ почтенномъ Обществѣ. Г-нъ Каде де-Мецъ, другъ моей бабушки, человѣкъ ученый, достойный всякаго почтенія, былъ Членомъ этого почтеннаго Общества Филотехническаго. У всякаго есть своя слабость: при

Digitized by Google

каждомъ новомъ публичномъ засѣданіи, онъ всегда водилъ меня съ собою, чтобы возбуждать во мнѣ дремавшія поэтическія впечатлѣнія. Въ каждомъ засѣданіи—они происходили въ обширной залѣ de l'Hôtel-de-Ville — Общество чтило неутомимо, и выставляло на показъ своихъ великихъ поэтовъ. Величайшій изъ всѣхъ великихъ поэтовъ Общества въ то время былъ Г-нъ Вьенне. Не было ни одного засѣданія, въ которое мы не видали-бы Г-на Вьенне, прибѣгавшаго съ рукописью въ рукахъ. Онъ являлся съ подняшою вверхъ головою, горделиво садился подлѣ балюстрады, и тутъ, съ сильными движеніями, вдохновеннымъ взоромъ, гордо читалъ онъ цѣлыя пѣсни изъ шуточной поэмы своей, отъ которой все Общество было въ изумленіи. Вы не повѣрите, что̀ это была за поэма! Слогъ ея былъ достоинъ мыслей, а мысли слога. Можно-бъ было принять ее издали, при блескѣ свѣчъ, за одурѣвшую тѣнь *Орлеанской Дѣвственницы* Вольтера. Особливо была въ этой поэмѣ одна пѣснь, о которой всегда буду я воспоминать. Сочинителю угодно представлять въ этой пѣсни Королеву Бланку, мать Св. Людовика; и эту бѣдную Королеву жестоко обижаетъ, середи бѣла дня, толпа военныхъ бродягъ! Филотехническое Общество не видѣло тутъ ничего худаго, и аплодировало изъ всѣхъ силъ. Что до меня, мнѣ и тогда казалось, будто это и глупо,

Digitized by Google

и безчеловѣчно; но видя, что всѣ восхищаются, и всѣ аплодируютъ, я скромно молчалъ. Потомъ знаменитая шуточная поэма была издана, и публика судила точно такъ-же при чтеніи, какъ я судилъ при слушаніи поэмы. Это не помѣшало однакожъ Г-ну Вьенне сойдти, или взойдти на цѣлую голову выше, перейдти изъ Филотехническаго Общества въ Академію Французскую, предпочтительно предъ Бенжаменъ-Констаномъ. Да, вотъ еще знаменитый человѣкъ, смерть котораго мы видѣли, и котораго забылъ было я поставить между политическими мертвецами; начало всѣхъ этихъ знаменитыхъ похоронъ открываетъ процессія Генерала Фуа, а замыкаетъ процессія Казимира Перье и Ламарка.

Невольно, какъ вы можете замѣтить, я возвращаюсь то и дѣло къ разсказу о похоронахъ. Я уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда удивляются числу пережитыхъ людей. Тяжкая работа: вспоминать обо всѣхъ, кого мы видѣли, и кого уже нѣтъ болѣе! Станемъ-те лучше говорить о бывалыхъ модахъ, о прошедшихъ пустякахъ, и я не буду задумываться. Вы, конечно, читали *Урику*, сочиненіе Г-жи Дюра; вы, конечно, читали и *Эдуарда* — эти двѣ защитительныя рѣчи Сенъ-Жерменскаго предмѣстія? Какое разстояніе между сими книгами, созданіемъ Аристократіи, совершенно личной,

Digitized by Google

и книгою Мистриссъ Троллопъ, напримѣръ, этимъ созданіемъ Аристократіи, вообще взятой.

Вы видѣли Озажей, принятыхъ сначала за Князей, потомъ сдѣлавшихся шутами, перешедшихъ изъ Сенъ-Клу въ Большую Хижину: Какое различіе между Озажами и Алжирскимъ Деемъ, замѣнившимъ Озажей въ Оперной ложѣ! Вы вспомните, думаю, и о другой великой вещи, которую съ такою важностью ходили мы смотрѣть каждое утро, о Жирафѣ? А великій человѣкъ, гремѣвшій своимъ краснорѣчіемъ, миссіонеръ Гюйонъ? А процессъ Кастена, занимавшій вниманіе всѣхъ, не меньше Фюальдесова? И Генералъ Бертонъ, казненный съ такимъ хладнокровіемъ? И отвергнутый законъ о правѣ наслѣдства по старшинству? И статуя Людовика XIII-го, возстановленная на Королевской площади? И отдѣлка церкви св. Магдалины, вѣчно нескончаемой? И торжественныя врата de l'Étoile, надъ которыми столько забавлялись? И прежнія большія охоты, и карета Карла X-го, проданная съ молотка, и Морской Музей? Мы однакожъ жили всѣмъ этимъ; мы жарко отстаивали одно, грозно нападали на другое. И послѣ того являлись Дворъ и Придворные, и собственныя имена: Г-нъ Дама и Г-жа Гонто, Герцогъ де-Гишъ и его красивая супруга, Г-жа Дю-Кейла

Digitized by Google

и Г-нъ Сосѳенъ Ларошфуко, благонамѣренный, вѣжливый, и трепетавшій передъ Журналами, которыхъ утреннія насмѣшки повторялись по вечерамъ въ Элизе-Бурбонъ. Въ то время много бывало говорили о дѣвицѣ Нобле, и о романахъ Г-на Романьези. Чѣмъ мы не занимались, праведное Небо!

И что-же? Все это сдѣлалось уже Древняя Исторія! Пришло новое время, и придало всему этому такой цвѣтъ, что оно сдѣлалось похоже на дряхлую старину. Молнія бьетъ въ новый домъ, и вдругъ придаетъ ему мрачный цвѣтъ памятника Среднихъ Вѣковъ. Точно то случилось съ этимъ обществомъ прежняго времени, захваченнымъ внезапно, пока оно дремало. Отъ будущности Франціи, вдругъ и насильно, его отодвинула неизмѣримая бездна. Оно сдѣлалось совершенно безполезно, безполезно даже какъ эпоха перехода. Все, что оно создало—его Аристократія, повѣрья, нравы, даже его моды и Изящныя Искусства, вещи, всего менѣе зависящія отъ приказа, всего болѣе происходящія отъ прихотей народа—все это сѣло въ Шербургѣ на корабль, и уплыло съ обратною волною, которая столько разъ катилась къ берегамъ Франціи и обратно, съ тѣхъ поръ, какъ принесла во Францію несчастную Королеву Генріетту...Жалкая Исторія, начина-

Digitized by Google

емая каждымъ сполѣшіемъ, и ведущая за собою прежнія несчастія, прежнія событія!

И такъ, вы поймете, что человѣку, который занимался всѣми сими событіями изо дня въ день, слѣдовалъ, съ перомъ въ рукѣ, за самыми мѣлкими подробностями современной ему Исторіи, почти нечего другаго разсказывать, кромѣ этой Исторіи. Усиленное вниманіе совершенно приковало меня къ ней, и, слава Богу, я былъ въ такихъ различныхъ положеніяхъ, что могъ хорошо понять ихъ всѣ по частямъ, и могу понимать теперь оптомъ, могу понимать все, что разбросано было по разнымъ днямъ новѣйшей нашей Исторіи. Сначала я былъ неизвѣстнымъ писателемъ, оспрякомъ оппозиціи, воевавшимъ въ разсыпанныхъ стрѣлкахъ, бившимъ то, что самъ онъ зналъ весьма плохо, и что его знало еще менѣе. Изъ маленькаго Журнальца перешелъ я въ огромный Журналъ; изъ Журнала простонароднаго въ аристократическій, и всегда былъ я тотъ-же и одинъ, всегда въ оппозиціи, тамъ и здѣсь, гдѣ-бы что ни говорили обо мнѣ.

Люди, упрекающіе меня въ переходахъ изъ одного Журнала въ другой, не упрекнутъ меня, чтобы я перемѣнялъ одно свое мнѣніе на другое. Какъ писатель, я всегда былъ одинаковъ, не любилъ ничего, что тягостно; вое-

Digitized by Google

валъ со всѣмъ, что угнетаетъ; никогда не былъ я руководимъ въ моей ненависти никакимъ личнымъ честолюбіемъ, и всегда бросалъ свое мѣсто, когда оно становилось слишкомъ выгодно для битвы. Такъ я бросилъ мой маленькій Журналецъ, когда онъ сталъ торжествовать при Мартиньякѣ. Такъ я оставилъ мой большой Журналъ, въ тотъ самый день, когда Полиньякъ сдѣлался его покровителемъ. Всѣмъ извѣстно, что мнѣ тогда выгодно было оставаться, а я бѣжалъ, и на другой-же день записался въ оппозицію. Борьба съ сильнымъ — это жизнь моя, такъ, какъ для другихъ борьба за сильнаго есть истинная жизнь. Первый, начавшій оппозицію послѣ Іюля—былъ я. Говорю здѣсь объ этомъ не изъ суетнаго честолюбія, не потому, что хочу стоить болѣе, нежели чего стою. Нѣтъ! это отвѣтъ мой, однажды навсегда и всѣмъ, кто обвинялъ меня въ безразсудной перемѣнчивости правилъ. Никто не обвинитъ меня за мою жизнь, не уличитъ ни въ одной низости, ни въ одномъ дурномъ дѣлѣ, ни въ одной трусости.

Къ чему годились, и что̀ въ теченіе десяти лѣтъ сдѣлали мы, молодые повременные писатели, угадать и сказать не трудно. Хорошо понявъ, въ чемъ состоитъ дѣло, и съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, мы поняли немедленно, что̀

Digitized by Google

надобно дѣлать, и на что должно бить. И вотъ, мы были первые, которые грудью напали на Наполеоновскую Литтературу, это нелѣпое завоеваніе литтературное, горделиво уцѣлѣвшее, когда всѣ другія завоеванія, великія и военныя, погибли безвозвратно.— Вы, люди, нынѣ живущіе, или лучше сказать, нынѣ пишущіе, спокойно, внѣ всякой монополіи, вы не можете представить, что̀ такое была за десять лѣтъ Французская Наполеоновская Литтература! Повсюду она была владычица, повелительница, гордая, зависпливая, и — пошлая. Она держала въ рукахъ все, что только держать могла: Театръ и Краснорѣчіе общественное, Академію и Журналы. На каждомъ шагу, бѣдный молодой человѣкъ, чувствовавшій въ себѣ сколько нибудь ума и сердца, вспрѣчалъ загородки, поставленныя неподвижною посредственностью. Никому нѣтъ дороги! Сколько униженія всякаго рода должна была выпериливать юная, новая школа—это почти невѣроятно! Едва съ трудомъ нашелся издатель, согласившійся напечатать Делавиневы *Messéniennes*; Ламартиновы *Méditations* были изданы изъ милости, и съ трепетомъ; Лорда Байрона, какъ поэта, осмѣивали торжественно; надобна была не малая смѣлость книгопродавцу, который согласился на изданіе *Пуританъ* и *Ивангое* В. Скотта, и истратилъ на изданіе ихъ

Digitized by Google

половину того, что издерживали на изданіе Пиго-Лебрёневскихъ *Господина Ботта* и l'Enfant du carnaval...

Въ то время Арманъ Каррель не нашелъ-бы издателя для своей *Исторіи Англійской*; въ то время у Журналистовъ не достало-бы словъ для негодованія, если-бы Сентъ-Бёвъ напечаталъ свои литтературные очерки; для изданія Хроники Мериме непремѣнно надобно-бъ было сотоварищество Издателя *Пандоры*. Мишель-Реймонъ не посмѣлъ-бы явиться безъ предисловія Поль-де-Кока. Я, я самъ видѣлъ, что Виктору Гюго, этому пламенному генію, царствующему теперь надъ Поэзіею, послѣ жестокихъ битвъ за нея, не хотѣли заплатить сотни экю за *Гана Исландскаго*—живое, страстное, странное произведеніе юноши, у котораго въ головѣ была уже *Notre-Dame de Paris*, а въ сердцѣ кипѣли *les Orientales*. Въ то время къ Театру приступить не было возможности: Французскій Театръ, Французская Трагедія были совершенною монополіею литтературною. Опера также принадлежала монополистамъ, душею, тѣломъ, танцовщиками. На Оперу Комическую смотрѣли они, какъ на колыбель свою. И дѣйствительно: сколько переползло ихъ оттуда въ Палату Депутатовъ и въ Академію Французскую! Славная была эта Литтература,

Digitized by Google

друзья мои, славная, ученая Литтература! начинавшая кропаньемъ Драмъ для музыкантовъ Театра *Фейдо!*

Подъ шакимъ игомъ можно было погаснуть не одной пылкой душѣ. Униженіе было самое жестокое. Сколько разъ, медленно прохаживаясь въ деревянной галлереѣ Пале-Рояля, этомъ храмѣ книжной продажи и публичнаго разврата, теперь совершенно опустѣломъ, я чувствовалъ, какъ сердце мое сильно билось отъ негодованія, пока я разсматривалъ богатыя книжныя лавки, совершенно набитыя Литтературою, изъ которой ни я, и никто изъ насъ не могъ прочитать четырехъ страницъ сряду! Въ то время книжный Пале-Рояль доступенъ былъ только избраннымъ адептамъ. Альфредъ де Виньи, начавшій со всѣми возможными стѣсненіями, былъ смиренно объявленъ въ темномъ уголку, у книгопродавца *du quai de la Vallée*; Александръ Дюмасъ, неизвѣстный писецъ, запертой въ своей канцеляріи, печально помышлялъ тогда о знаменитости, какой достигъ черезъ шесть лѣтъ пошомъ. Сколько терзаній для всѣхъ этихъ юныхъ, сильныхъ душъ! Но онѣ тяжко влачились около мѣдной стѣны, и не могли взлѣсть на нее. Тогда, для существованія бѣднаго поэта было только два пути: жить въ бѣдности и неизвѣстности, или тихонько работать, участ-

Digitized by Google

вуя въ Исторіяхъ, Трагедіяхъ, Комическихъ Онерахъ, Біографіяхъ, Академическихъ рѣчахъ привиллегированныхъ господъ. Трешьей дороги никакой не было.

Спросите у всѣхъ, кто сдѣлался теперь чѣмъ нибудь, кто считается теперь украшеніемъ Литтературы, спросите о томъ: какъ шли они, съ какимъ томленіемъ, съ какими усиліями! Подумать ужасно! И чтобы со мною ни было, я далъ самъ себѣ слово, вспоминая о всѣхъ прошедшихъ скорбяхъ, что чѣмъ-бы я ни былъ, никогда не затворю я ни двери, ни души моей предъ молодымъ человѣкомъ, который добродушно, благородно придетъ ко мнѣ, и скажетъ, что хочетъ идти по скользкому и трудному поприщу Литтературы.

Поймете-ли теперь, что человѣкъ, который одинъ изъ первыхъ, лицомъ къ лицу, сразился съ этою превозмогавшею Литтературою, который рубился съ нею день и ночь, который въ ея разрушеніи полагаетъ всю свою славу, который нападалъ на нее всѣми возможными средствами—сначала укоряя ее въ ничтожествѣ, потомъ въ ея привычномъ рабствѣ — что этотъ человѣкъ немного гордится собою? Поймете-ли, что онъ, когда прежняя Литтература умерла, когда юные и сильные люди ниспровергли наконецъ всѣ препятствія, гордит-

Digitized by Google

ся немного шѣмъ, что и его доля была въ этомъ великомъ подвигѣ? Да, я горжусь, что и я, говорящій теперь съ вами, былъ маленькимъ звѣркомъ, и помогалъ другимъ грызть сѣти, какими опутанъ былъ могущій левъ. Дайте мнѣ наглядѣться на радость его, моего юнаго, освобожденнаго льва! Какъ бѣшены его прыжки! Какъ жива поступь его! Какъ онъ счастливъ своею свободою! Левъ—это наша юная, современная Литтература; это наша прихотливая, шаловливая Поэзія, это наша строгая, поэтическая Исторія; это также наша Драма, великій боецъ, который не успѣлъ еще сбить всего, чему онъ бросилъ вызовъ; это наше Краснорѣчіе, простое и естественное, удаленное отъ всякой надутости; это нашъ Романъ, страстный до неистовства, но исполненный истиною всякаго рода. Таковы плоды литтературной побѣды, требовавшей десяти-лѣтней битвы!

Что̀ должно произойдти впослѣдствіи изъ сей побѣды, и какіе плоды потóмъ дастъ новая Литтература—никто въ мірѣ не можетъ этого сказать. Наши покушенія, самыя смѣлыя, не довели еще насъ до созданія великихъ образцовъ. Начальники новой Литтературы понесли много пораженій въ свою очередь. Послѣдній переворотъ особенно упалъ на всѐ это, и лишилъ бодрости умы самые дерзкіе, разрушилъ

Digitized by Google

много восторговъ. Тяжко писателю, идущему мирно къ своей цѣли, быть вдругъ разстроену этимъ громаднымъ явленіемъ, которое за-просто называютъ переворотомъ. Переворотъ! Онъ изумляетъ, утомляетъ, онъ уничтожаетъ, и надолго. Опомнившись отъ перваго изумленія, сколько надобно заботъ и стараній, единственно для того только, чтобы стать на ступеньку славы, до которой вскарабкались, когда переворотъ, мимоходомъ, задѣлъ васъ кончикомъ крыла, и сшибъ долой! Всѣ мы теперь въ этомъ положеніи, всѣ, сколько насъ ни есть. Мы ждемъ будущей Поэзіи, и безпокойно спрашиваемъ: съ которой-же стороны, съ Востока, съ Запада загремитъ труба поэтическаго воскресенія? Но, увы! надобно ждать еще долго, пока мы услышимъ ее, гремящую, ревущую въ новѣйшемъ, совершенно погрязшемъ въ политику обществѣ! Дѣла идутъ прежде идей, Исторія прежде Поэзіи. Надобно дать Исторіи пройдти и получить лицо и образъ. Когда создастся Исторія, мы создадимъ Поэзію изъ Исторіи—если достанетъ силъ.

И здѣсь опять выгода Журнала, ибо въ одно время, составляя Политическую Исторію, онъ составляетъ и Литературную ежедневную Исторію. Критика замѣняетъ всю Поэзію, когда вся Поэзія погасла. Во времена переходовъ

Digitized by Google

изъ эпохи въ эпоху, Критика очень ловко замѣняетъ все, чего уже нѣтъ и чего еще нѣтъ. Тогда въ Критикѣ заключено все: Поэма, Драма, Комедія, Театръ, все, что занимаетъ умы. Она разжигаетъ страсти и забавляетъ, свѣтитъ и жжетъ, живитъ и убиваетъ; она забираетъ тогда себѣ всѣ обязанности другихъ частей Искусства. Она, вдругъ и поперемѣнно, Ода, Элегія, Эпическая поэма, Кантата, надгробная рѣчь вдоваго народа, поперявшаго своихъ поэтовъ и ораторовъ. Вотъ почему, въ извѣстныя эпохи, вы видите ремесло Критика, по видимому второстепенное, восходящимъ на высшую степень славы, могущества, уваженія, пользы.

Мы стоимъ теперь въ этомъ положеніи: мы теперь въ Критикѣ. Неоднократно уже случалось намъ, послѣ всяческихъ переворотовъ, передѣлывать наше Литературное Уложеніе, передѣлывая тогда-же и политическій Кодексъ нашъ. Если теперь вы спросите меня: что-же будетъ изъ нашей нынѣшней Литературы? Я скажу, что до Іюля мѣсяца, можетъ быть, я зналъ это, а теперь совсѣмъ не знаю. Іюль заспалъ насъ не на задахъ, и не попятилъ назадъ, но онъ, можетъ быть, испугалъ насъ въ ходѣ впередъ. Можетъ статься, что мы такъже литературный переходъ, какъ Литера-

Digitized by Google

шура Наполеоновская была переходомъ. Вотъ однакожъ разница: наша новѣйшая Литтература, увлекательная, страстная, вдохновенная столько-же Классическою Древностью, сколько воспоминаніемъ Золотыхъ вѣковъ каждой иностранной Литтературы, свободная отъ всякаго предубѣжденія, всякой ненависти, ласковая ко всему, легкая, уважающая и уваженная — по всѣмъ соображеніямъ, стоила-бы въ будущемъ чего нибудь поболѣе маленькой чести быть литтературнымъ переходомъ.

Оставимъ трудъ времени и юности — вотъ два великіе учителя. Что до меня, если-бы мнѣ надобно было изложить въ немногихъ словахъ всю сущность моей литтературной диссертаціи, я былъ-бы, можетъ быть, затрудненъ немного. Но для чего вамъ выводы изъ страничекъ, написанныхъ подъ столь многими, столь различными впечатлѣніями? Для чего, скажите? — Мои литтературныя признанія начинаются какъ біографія, оканчиваются какъ дидактическая диссертація. Моя-ли въ этомъ вина? Разумѣется, это ошибка сочинителя; но, можетъ быть, она не есть доказательство его неловкости. По моему, литтературная диссертація отнимаетъ у біографіи все, что могло-бъ быть въ ней ничтожнаго и мѣлкаго, а между тѣмъ біографія, какова-бы она ни была—

Digitized by Google

бросаетъ, можетъ быть, нѣкоторый свѣтъ истины на длинную литтературную диссертацію. Впрочемъ, каково ни будетъ сужденіе ваше объ этихъ страничкахъ, мнѣ надобно было написать ихъ. Вотъ уже давно хотѣлось мнѣ показаться вамъ, не такимъ, каковъ я есмь, можетъ быть, но, по крайней мѣрѣ, какимъ я самъ себѣ кажусь. Полагаю, что мнѣ пора уже раздѣлаться съ легкими занятіями юности. Примите-же эти отрывки, мои *Новыя Сказки*, такими, каковы они суть; и да возмогутъ мое покорное предисловіе, мои *Литтературныя признанія*, доставить имъ вашу благосклонность—особливо, когда вы узнаете, что это моя послѣдняя легкая книженка.

Если вы станете спрашивать: для чего издаю я еще эти томики Сказокъ и стишковъ? вы приведете меня въ замѣшательство, изъ котораго мнѣ трудно будетъ выпутаться. Говоря дѣло: можно-бы и не издавать этихъ томиковъ — никто-бы тутъ ничего не потерялъ, ни вы, ни я. Но въ жизни писателя есть время, когда *полныя собранія*, всего имъ написаннаго, позволены. Это время бываетъ тогда, когда онъ составляетъ свое полное собраніе всѣхъ сочиненій скромно, тихо, давая черезъ то болѣе причинъ Критикѣ, нежели средствъ для своей славы. Въ такомъ случаѣ, рѣшитель-

Digitized by Google

ность человѣка, передающаго вамъ все, что сдѣлалъ онъ бывши молодъ, человѣка, хорошо понимающаго и силу, и слабость своихъ разбросанныхъ отрывковъ, кажется мнѣ дѣломъ, достойнымъ, по крайности, снисхожденія. *Новыя Сказки*, вмѣстѣ съ *Фантастическими Сказками* (названіе это вовсе не шло къ содержанію!), дополнятъ совершенно рядъ небольшихъ книжекъ, которыя издалъ я донынѣ, и которыя можно назвать страницами моей литтературной жизни. *Мертвый Оселъ* — это былъ горячій бредъ моего двадцатаго года жизни, когда бываешь мизантропомъ, не умѣя быть ни чѣмъ другимъ. *Исповѣдь* (La Confession)—улика, можетъ быть, довольно новая, не излишеству религіознаго чувства, но—совсѣмъ другому—нашимъ Католическимъ лицемѣрамъ. *Барнавъ* — это неполный, но живой опытъ, въ которомъ хотѣлось мнѣ схватить тотъ мимолетный мигъ Французской Исторіи, когда прежняя Монархія и прежній народъ раздѣлились, чтобы никогда уже не встрѣчаться, или встрѣтившись не узнавать другъ друга: такъ долженствовали измѣнить ихъ, съ одной стороны Эмиграція, съ другой Наполеонъ. Потомъ — *Фантастическія Сказки*, литтературные опыты, дѣланные, большею частію, для основанія *Обозрѣній* (les Revues), новаго рода повременныхъ изданій, оказавшихъ теперь такіе сча-

Digitized by Google

сливые успѣхи. Что-же? Эти опыты и отрывки суть самые важные отдыхи въ моемъ бытѣ Журналиста и Критика. Что касается до моихъ *Новыхъ Сказокъ* — онѣ дополняютъ собою все, что писалъ я въ моей молодости. Вы увидите въ нихъ не одну страницу моихъ первоначальныхъ опытовъ. Бросаю ихъ, эти странички, въ эти *Сказки*, для собственнаго моего ободренія. Тутъ есть одинъ отрывокъ, на который мнѣ совѣстно и досадно смотрѣть. Тутъ есть и другой, писанный шесть лѣтъ тому, и мнѣ грустно взглянуть на него; я самъ назову его вамъ по имени: это *Свиданіе* (le Rendez-vous). Дѣйствіе происходитъ передъ церковью Notre-Dame de Paris. Прежде Виктора Гюго останавливался я передъ этимъ памятникомъ, я, бывшій тогда почти ребенкомъ. Кто знаетъ? Можетъ быть, и у меня было тогда въ головѣ созданіе громадное, какъ Notre-Dame de Paris; но голова у меня закружилась отъ этого. Стоя передъ великимъ памятникомъ, я создалъ только немного вздорныхъ страничекъ. Черезъ четыре года послѣ меня, этотъ памятникъ внушилъ Виктору Гюго созданіе великое!

Блаженъ родившійся поэтомъ! Послѣ человѣка родившагося поэтомъ, блаженъ, кто умѣетъ писать Исторію! Послѣ Историка,

Digitized by Google

блаженъ Ораторъ! Послѣ Оратора, блаженъ писатель Драматическій! Послѣ Драматика, блаженъ Критикъ честный человѣкъ, попавшій подъ руководство Журналиста, у котораго сердце столь-же благородно, сколько умъ его возвышенъ, и которому предается онъ съ дѣтскою любовію!

Но прежде Поэта, прежде Историка, прежде Оратора, прежде Драматическаго автора, прежде Критика, всѣхъ этихъ пропащихъ сыновъ Искуства, проводящихъ жизнь свою то въ борьбѣ, то въ торжествѣ, блаженъ, трикраты блаженъ, кто ничего не производитъ самъ, кто наслаждается тѣмъ, что производятъ другіе, кто призываетъ самого Критика предъ свое судилище, и судитъ его послѣднимъ судомъ!

Digitized by Google

ЖИВОПИСЕЦЪ.

(Продолженіе.)

Иногда, съ досадою, я ощупываю свою голову, и сожалѣю, что я не Галль, не Шпурцгеймъ: мнѣ хотѣлось-бы доискаться въ моемъ черепѣ отвѣта, на простой вопросъ: *что я такое?* Отвѣтъ на этотъ вопросъ разрѣшилъ-бы для меня многое—все!

Точно-ли есть во мнѣ *нѣчто*, отличающее меня отъ другихъ? Точно-ли въ душѣ моей есть какой нибудь огонь — небесный, или....почему я знаю какой, и что онъ такое, и пусть онъ будетъ, что ему угодно! Только есть-ли что нибудь, отъ чего горитъ душа человѣческая вдохновеніемъ Изящнаго, и на мозгу человѣческомъ рисуются очерки, какихъ никому другому не вздумать, какихъ міръ еще не видалъ и не увидитъ, если художникъ умретъ, не показавъ ихъ міру? Да, не увидитъ, потому что они его — ихъ нѣтъ въ Природѣ — ихъ не Природа создаетъ, а онъ, художникъ, творецъ ихъ: онъ не захочетъ и не отдастъ ихъ міру!

Digitized by Google

Или во мнѣ нѣтъ ничего творческаго, созда-тельнаго: *я не художникъ!* Мечты мои неясный бредъ горячки, лихорадочный жаръ безсилія, которому хочется въ небо, и которое не летаетъ, а прыгаетъ, и то на землѣ, думая, что летаетъ въ небѣ! И тогда, что-же вся жизнь моя? Что мои безумные порывы творить? Это ужасно! Природа не отзывается моему голосу, люди не понимаютъ моего вопля, не потому-ли, что я жалкое дитя, бѣдное, полоумное дитя, помѣшавшееся въ колыбели? А! это ужасно!

Вдохновеніе истинное, творчество неподдѣльное, не должно-ли быть тихо, спокойно, величаво? Истинный художникъ — это царь среди людей, волшебникъ среди Природы; на голосъ его преклоняется народъ; по мановенію руки его пляшутъ толпы невидимыхъ духовъ; страсти облекаются въ живые образы; гробъ сказываетъ свой отвѣтъ!

И я ошибся, избравъ себѣ поприщемъ жизнь художника? Я ошибся, думая, что на головѣ моей свѣтитъ пламя избранника Божьяго?

Вы не поймете, добрый другъ, какое отчаяніе отравляетъ душу при этой мысли! Человѣку, который мечталъ видѣть въ себѣ сына великаго властителя, открываютъ, что онъ

Digitized by Google

сынъ раба; вмѣсто трона ему указываютъ на ошейникъ невольника! *Тебя подмѣнили въ ребячествѣ ошибкою—тебя подмѣнила злая кормилица—ты рабъ, а не Царь!* говорятъ ему—и еще смѣются при этихъ словахъ, смѣются—Боже великій! неужели люди могутъ въ эти минуты смѣяться? Что-же оставятъ они Дьяволу?

Сколько разъ, въ грустномъ, безнадежномъ отчаяніи, думалъ я, что весь міръ хвастливо ошибался и грубо ошибся; что Изящнаго вовсе нѣтъ въ мірѣ; что все это бредъ, вздоръ, мечта; что художникъ есть такой-же работникъ, какъ слесарь, кузнецъ, плотникъ. Это бываетъ ушѣшительно думать! Въ самомъ дѣлѣ, почему не такъ? Въ послѣднее время эти мысли особенно радовали меня. Знаете-ли съ какимъ наслажденіемъ воображалъ я себѣ жалкое униженіе Шекспира, съ ролею въ рукахъ, за кулисами; глупую радость Корреджіо, идущаго съ мѣшкомъ мѣдныхъ денегъ на плечѣ; жадное корыстолюбіе Паганини, подлѣ ящика, гдѣ раздаютъ билеты въ его концертъ....вотъ вамъ они, эти художники, обнаженные, ободранные! Что вы смотрите на блестящую мишуру ихъ? Глядите на нихъ, какъ глядятъ всѣ другіе: никто ничего въ нихъ не видитъ и не ищетъ. Имъ заказываютъ Трагедію—потому, что людямъ скучно-же сидѣть

Digitized by Google

сложа руки, въ долгіе зимніе вечера; у нихъ покупаютъ картину — надобно-же какому нибудь богачу что нибудь повѣсить на голой стѣнѣ его залы; имъ говорятъ: *играй!* какъ говорятъ собачкѣ: *служи!* И вотъ: поэтъ чинитъ перо свое, живописецъ трешъ свои краски, ваятель покупаетъ себѣ у торгаша кусокъ мрамору. Вздоръ, будто когда-то Искуство горделиво стояло въ ряду другихъ великихъ дѣйствій генія человѣческаго — никогда этого не было! И теперь художникъ есть мастеровой, какимъ былъ всегда! Говорятъ, что лучшіе мастера, во всякомъ дѣлѣ, всѣ пьяницы. Великіе художники — это нравственные пьяницы! Міръ, люди, обстоятельства иногда ихъ вытрезвливаютъ. И тогда, трезвые, они ничего не могутъ сдѣлать, дивятся сами себѣ, какъ они сдѣлали то или другое, въ чаду головы своей. Это лунатики: они лазятъ на крыши, на колокольни; но берегитесь назвать ихъ по имени, берегитесь сказать имъ: «*Ты человѣкъ!*» Лунатикъ тотчасъ свалится съ высоты и расшибется—бѣдняжка!

Но убійственная истина снова, еще сильнѣе прежняго впивается въ сердце, послѣ всѣхъ такихъ оскорбительныхъ для Человѣчества помышленій! Нѣтъ! это клевета на Бога и Человѣка—нѣтъ! не опьянѣніе произвело тебя,

Digitized by Google

Ночь Корреджіо, тебя Гамлетъ, тебя, Водопадъ Державина! Въ душахъ создателей вашихъ были забыты міръ, и люди, и страсти! Они творили потому, что не могли не творить; они были художниками потому, что не могли не быть ими! Но какъ-же узнать это безотчетное сознаніе? Неужели Шекспиръ твердилъ свой монологъ Гамлета, когда кралъ орѣхи у судьи Шаллова, а Державинъ читалъ свою Оду Богъ, когда стоялъ съ ружьемъ на карауле? Какъ узнать отличіе истиннаго художника? Скажите, скажите мнѣ его, ради Бога! Кляпусь, что я принялся-бы шить сапоги, стучать молотомъ по ковальнѣ, если-бы кто нибудь убѣдилъ меня, что я гоняюсь за тщетною мечтою! Надобно-же было судьбѣ толкать меня на нынѣшнюю мою дорогу! Если-же было надобно, зачѣмъ она ничего не дала мнѣ на дорогу? Зачѣмъ она завалила путь мой людьми, страстями, отношеніями? Путеводная звѣздочка моя свѣтитъ—она прекрасна, но она не солнце, и я замерзну на снѣговой дорогѣ, глядя на мою привѣтную звѣздочку....

Говорятъ, что съ самаго дѣтства уже видно бываетъ назначеніе человѣка. Судя по себѣ, я не знаю: правда-ли это. Никогда колыбели моей не окружали ни видѣнія, ни предвѣщанія; никакой благотворный геній не слеталъ бая-

Digitized by Google

кать меня; никогда не чувствовалъ я въ дѣтствѣ минуты восторга, въ которую хотѣлъбы воскликнуть: *и я живописецъ!* Колыбель мою качала добрая моя мать, и напѣвала мнѣ баюкальныя пѣсни, какъ и другимъ дѣтямъ; отецъ мой говаривалъ мнѣ: «Учись, Аркадій, азбукѣ— будешь славный Канцеляристъ!» Вы знаете отца моего, но не знаете его хорошо. Не видывалъ я человѣка добродѣтельнѣе его: но онъ не получилъ никакого образованія, и намъ не могъ его дать. Вѣчно занятой въ своемъ Казначействѣ, при недостаткахъ въ жизни онъ сохранялъ только темную какую-то мысль, что надобно учиться для отличія отъ мужиковъ! Чему учиться? Какъ учиться? Отецъ мой не зналъ этого. Выходило то несчастное состояніе, когда человѣкъ теряетъ первобытную грубость, и не восходитъ на степень истиннаго образованія. Старшіе братья мои, добрыя, смирныя, умныя дѣти, учились, ходили въ Уѣздное Училище, потомъ въ Гимназію. Я былъ негодный баловень, родился слабый, больной, и мать испортворовала меня, сдѣлала упрямымъ, своевольнымъ. Я не былъ ни золъ, ни коваренъ, но меня надобно было уговаривать ласкою, если хотѣли что нибудь изъ меня сдѣлать. Можетъ быть, моя неохота учиться произвела то, что, своевольно бѣгая и играя, я сталъ бодръ и здоровъ. Съ малыхъ лѣтъ братья мнѣ завидо-

Digitized by Google

вали—ихъ такъ мало ласкали; они хотѣли отнимать мои игрушки, какими мать безпрестанно дарила меня — имъ не давали игрушекъ. Я дрался съ ними, кричалъ, плакалъ; потомъ самъ отдавалъ все братьямъ и товарищамъ, когда ихъ наказывали за ссору со мною. Если-же они сердились, не брали, я бросалъ все, что дарили мнѣ, все, кромѣ одного: Суздальскихъ картинокъ. Вы знаете эти лубочныя изображенія Райскихъ птицъ, Погребенія кота—это были для меня драгоцѣнности; ихъ не уступалъ я никому, лѣпилъ ихъ на стѣну подлѣ своей кровашки, разсматривалъ ихъ, любовался ими. Нерѣдко просиживалъ я цѣлые часы глядя на нихъ, перелѣпливая ихъ съ мѣста на мѣсто, и даже не помню, когда я началъ ихъ самъ списывать. Въ памяти моей осталось нѣсколько случаевъ дѣтства, оставившихъ во мнѣ болѣе сильное впечатлѣніе. Однажды пріятель отца моего, слыша, что я безтолковъ и лѣнивъ на ученье, сказалъ, что принесетъ книгу, которая заставитъ меня полюбить ученье. Онъ подарилъ мнѣ, въ мои именины, *Начальное Руководство*, книгу, изданную въ 1793 году въ Петербургѣ, со множествомъ картинокъ. Въ этотъ день я не спалъ, и почти ничего не ѣлъ: книга эта казалась мнѣ новымъ, волшебнымъ міромъ! Тутъ было все: Цари, боги, Исторія, Цвѣты, Звѣри. Я скоро выучился читать,

Digitized by Google

для того только, чтобы знать, что̀ такое значатъ всѣ эти чудныя изображенія? *Начальное Руководство* составлено не мастеромъ своего дѣла: это небольшая Энциклопедія, гдѣ смѣшано безъ разбора все, Священная Исторія, Миѳологія, Естествознаніе, Технологія, Басни, Сказки; многое совсѣмъ не приноровлено къ понятіямъ дѣтей. Я выпвердилъ его наизустъ. Показывая рисунки, я могъ подробно разсказывать содержаніе ихъ, и изумлялъ гостей отца моего своими знаніями, не зная ничего основательно. Въ головѣ моей вершѣлся хаосъ словъ, сказокъ, свѣдѣній; но я приводилъ въ замѣшательство старшихъ братьевъ моихъ, учениковъ Гимназіи. Видя, что я самъ себѣ составляю краски изъ угля, чернилъ, ягодъ, цвѣтовъ, мнѣ подарили кисточку и ящичекъ плохихъ красокъ. Тогда я ничему уже не хотѣлъ болѣе учиться, и только рисовалъ безпрестанно. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, опять дивились моимъ рисункамъ. Я копировалъ все изъ моего *Руководства*, списывалъ всѣ мои Суздальскія картинки, срисовывалъ цвѣты, дѣлалъ силуэты, такъ искусно, что они были совершенно не похожи ни на кого; но мать хвалила меня съ восторгомъ, называла руки мои *золотыми*. И я гордился, рисовалъ неутомимо, почиталъ себя великимъ мастеромъ, до того, что однажды, оставшись одинъ дома, вздумалъ я спи-

Digitized by Google

сашь образъ Ахтырскія Богомашери, находившійся въ моей комнатѣ. Мать застала меня за этимъ занятіемъ, тихонько подошла, и, вмѣсто того, чтобы бранить, обняла меня, заплакала. «Ахъ, ты, мой милый Аркадій!» сказала она мнѣ. «Ты напоминаешь мнѣ грѣхъ, лежащій на душѣ моей!» Я испугался. Мать моя объяснила мнѣ, что когда я, едва родившись, былъ отчаянно боленъ, она дала странное *обѣщаніе*: если я выздоровѣю, научить меня *иконописанію*, чтобы я могъ самъ списать образъ Ахтырскія Богомашери, и на свои-бы деньги сдѣлалъ потомъ для этого образа ризу позолоченую. «До сихъ поръ, я не подумала еще объ этомъ, окаянная!» сказала мать моя, сложивъ руки.... и слезы потекли по щекамъ ея... «Не подумала, хотя самъ Господь вложилъ въ тебя охоту къ Живописи, и теперь явно наводитъ меня на покаяніе, когда ты, не знавши моего обѣщанья, по своей волѣ принялся списывать образъ ея, Машушки Владычицы!»

Да, если я не чувствовалъ никогда тайнаго отзыва генія Изящнаго, то это событіе вдругъ замѣнило мнѣ всѣ его отзывы. Боже! какъ наполнилась жаромъ какимъ-то моя голова, какъ забилось мое сердце! Благочестіе было всегда

Digitized by Google

первымъ правиломъ въ нашемъ домѣ. Мать моя была чрезвычайно набожна. «Я обреченъ при самомъ рожденіи списать образъ твой, Владычица!» думалъ я, смотря на икону Ахтырскія Богоматери. Вы знаете этотъ образъ: на немъ изображена Богоматерь въ простой одеждѣ; умиленно сложила она руки предъ Распятіемъ. «Я долженъ снять обѣщаніе съ души матери моей!» Мнѣ показалось, что Богоматерь улыбается мнѣ; со слезами бросился я на шею къ матери моей, и потомъ убѣжалъ въ садъ. Вечеръ былъ прелестный. Солнце тонуло въ разодранныхъ, фигурныхъ, фантастическихъ облакахъ, облегавшихъ западъ послѣ сильнаго дождя; оно расцвѣчало ихъ радужными цвѣтами; все остальное небо было голубое, синее и переливалось по краямъ золотомъ и пурпуромъ. Въ первый разъ въ жизни, Природа, дотолѣ мертвая, механическая, заговорила со мною. Стоя на колѣняхъ, я молился, глядѣлъ на небо, на эти цвѣтныя облака, и мнѣ казались они сонмами Святыхъ, образами Богоматери, исполинскими украшеніями храма Предвѣчнаго! Вѣтерокъ зашелестилъ листами; соловей защелкалъ въ ближней рощѣ; иволга, милая моя иволга вторила мнѣ своимъ унылымъ голосомъ... Счастливое мгновеніе! Тогда рѣшился мой жребій!

Digitized by Google

Неправда, будто Изящныя Художества составились механическимъ подражаніемъ природѣ. Тогда, молясь въ саду, я не могъ-бы доказать противнаго, но не повѣрилъ-бы, если-бъ стали мнѣ говорить объ этомъ! Въ то мгновеніе я былъ первобытнымъ человѣкомъ, цѣлымъ дѣвственнымъ человѣкомъ, который первый вздумалъ перенести образъ Человѣка и Природы въ Искуство. Надобно, чтобы когда нибудь этотъ *первый* существовалъ. Я, дитя, восторженное порывомъ къ Божественному, проникнутое пророческимъ голосомъ матери, который обрекъ меня *быть живописцемъ*, когда еще я не понималъ ничего, когда жизнь и смерть спорили обо мнѣ, ничтожномъ, безсильномъ—я безотчетно перелетѣлъ въ область первобытной фантазіи человѣка: я создавалъ себѣ, что узналъ я послѣ; создавалъ много такого, чего не знаю еще и теперь! Все, что читалъ я въ моемъ *Начальномъ Руководствѣ*—Исторія, Басня, Сказка—все слилось съ цѣлымъ, что меня окружало, съ этимъ небомъ, этою землею, этою зеленью деревъ, этимъ пѣніемъ птичекъ, слилось въ душѣ моей въ неясные образы, оцвѣтилось радугою. Выразить, сказать это — я не могъ и не умѣлъ. Съ жаромъ чертилъ я тогда на пескѣ палочкою фигуры; онѣ были неправильны, нелѣпы. Но это не было грубое желаніе только чертить что-то похожее на человѣка, на

Digitized by Google

звѣря, на птицу—нѣтъ! Эти черты изображали для меня идею того, что скрывалось въ душѣ моей. Указывая на нихъ, съ дѣтскимъ добродушіемъ, я готовъ былъ подробно, краснорѣчиво объяснить, что онѣ для меня изображали. Если-бъ я былъ язычникъ, я преклонился-бы предъ ними, видя въ нихъ сокрытую, тайную мысль, которой вполнѣ не могъ я выразить, не только словами, но и въ душѣ моей, моими мыслями!

Простите мнѣ подробности о моемъ дѣтствѣ. Видите, какъ странно связывалась жизнь моя съ тѣмъ, что послѣ, въ часы забывчиваго наслажденія, я почиталъ своимъ предназначеніемъ, и—чего теперь не почитаю этимъ....

Разговоръ съ матерью, и время проведенное мною послѣ того въ саду, неизгладимо запали въ душу мою. Какое-то религіозное чувство стало наполнять меня послѣ того всякій разъ, когда я смотрѣлъ на Образа. Мнѣ казалось, что они Богомъ поставлены въ жилище человѣка, чтобы напоминать ему о небѣ, о томъ чувствѣ, какое испыталъ я, молясь въ саду. Люди, создающіе эти святые Образа, казались мнѣ людьми, отличенными Богомъ отъ всѣхъ смертныхъ. Въ первый разъ узналъ я наслажденіе переживать себя въ созданіи своемъ. Неизобразимо было впечатлѣніе, когда приходилъ

Digitized by Google

я послѣ того въ церковь. Тамъ, старинный высокій иконостасъ нашей приходской церкви, съ темными его Образами, казался мнѣ міромъ, который создало Искуство Человѣка, напоминая ему о высокомъ назначеніи Художника, какъ изобразителя Божественнаго. Когда, за всенощною, растворялись Царскія двери, и среди куренья ѳиміама, въ сумракѣ ночи, тускло озаряемомъ мелькавшимъ передъ Образами огнемъ свѣчь, при звонѣ колоколовъ, наносимомъ отъ куда-то издалека, извнѣ, сверху, являлись Священникъ и Діаконъ, въ своихъ блестящихъ ризахъ, и когда согласный клиръ громко начиналъ пѣпь: «*Хвалите имя Господне, аллилуія!*»... О, мнѣ тогда казалось, что иконостасъ, алтарь, весь храмъ, и самъ я — все превращалось въ картину! И эта картина шевелилась, оживлялась—казалась мнѣ безмѣрною; лики Святыхъ являлись чѣмъ-то оживленнымъ, не-человѣческимъ, алтарь престоломъ Бога, и весь міръ его рамою! Послѣ того, я не могъ уже смотрѣть на мои Суздальскія картинки, на эстампы, гдѣ изображались звѣри, и птицы, и люди. Я бросилъ мое *Начальное Руководство*, гдѣ Живопись сведена была часто на изображеніе предметовъ ничтожныхъ. Греческое Иконописаніе, съ его неестественными цвѣтами, его рельефнымъ очеркомъ, мечталось мнѣ единымъ достойнымъ Живописи дѣломъ.

Digitized by Google

Я умолялъ мать мою: отдать меня учиться Иконописанію. Она не смѣла сказать объ этомъ отцу. Какъ можно было мнѣ, сыну Титулярнаго Совѣтника, учиться у мужика какого нибудь, и чему-же? Пусть-бы рисованью, такъ, какъ учатся ему дворянскія дѣти, учатся братья мои въ Училищѣ, гдѣ ихъ заставляютъ скопировывать глаза и уши нерѣдко съ уродливыхъ гравюрокъ, Богъ знаетъ для чего—для того, можетъ быть, что имъ не льзя-же не быть въ классѣ Рисованья. Но мнѣ учиться *писать образа, у цеховаго иконописца!* Однажды мать моя заговорила было съ отцомъ о моей охотѣ къ Живописи, и о томъ: не нанять-ли мнѣ учителя?— То-то—сказалъ отецъ — къ дѣльному, такъ у него охоты нѣтъ, а вотъ къ дряни такъ охота! — «А что вы, папенька, называете *дѣльнымъ?*» спросилъ я. — То, братецъ, что ты долженъ учиться писать, читать, Ариѳме·икѣ, да готовиться быть порядочнымъ человѣкомъ! — «А что такое, папенька, *порядочный человѣкъ?*»— То, что порядочный, т. е. *чиновникъ*, какъ я, и какъ другіе, и какъ всѣ хорошіе люди.— «И мнѣ надобно будетъ, такъ-же какъ вамъ, сидѣть въ Казначействѣ, или въ Палатѣ, какъ дядинька, гдѣ я у него много разъ бывалъ. Но тамъ гадко, папенька! Тамъ сидятъ подьячіе!» — Прошу покорно: *подьячіе!* Да я то кто? А ты самъ что за птица? Ты долженъ быть приказ-

Digitized by Google

нымъ человѣкомъ, и умѣть заработывать себѣ хлѣбъ.—« Развѣ только о хлѣбѣ надобно человѣку думать? » — Разумѣется; о чемъ-же еще. Не вѣкъ я буду съ вами, умру; кто станетъ тогда васъ кормить? — Я заплакалъ: онъ умретъ, и мнѣ должно будетъ сидѣть въ Палатѣ, среди этихъ подьячихъ, думать о хлѣбѣ, только о хлѣбѣ! Мнѣ казалось, что вся будущая жизнь моя помемнѣла тогда передо мною....

Видите, какое странное противорѣчіе было во всемъ моемъ образованіи. Я носилъ въ душѣ моей безотчетный, но высокій идеалъ Живописи, какъ Искуства, изображающаго Божественное. А люди понимали подъ этимъ Искуствомъ какое-то черченье домовъ, глазъ, носовъ, цвѣтовъ. И мнѣ указывали на такое занятіе какъ на ничтожное дѣло, пустую забаву. И мнѣ говорили, что я долженъ цѣлый вѣкъ просидѣть въ Палатѣ, между этими подьячими, которыхъ я страшился, ненавидѣлъ — и не диво: вспомните нашихъ провинціяльныхъ подьячихъ, оборванныхъ, пьяныхъ! Я замѣшилъ, правда, бывши нѣсколько разъ въ Палатѣ у дяди моего, что тамъ сидятъ еще другіе люди, которыхъ всѣ уважаютъ, которые украшены блестящими крестами. Но я, или думалъ, что они такіе-же подьячіе, только старшіе, или жалѣлъ, что они, люди хорошіе, должны сидѣть въ мрачной, за-

Digitized by Google

кошѣлой Палашѣ. «Бѣдные!» думалъ я. «И всѣ-то они бьются изъ хлѣба! И неужели его такъ трудно добывать? И неужели, кромѣ его, ничего нѣтъ на свѣтѣ?» Стоя въ церкви, я часто смотривалъ на икону, бывшую внизу иконостаса. На ней изображенъ былъ Спаситель въ пустынѣ. Передъ нимъ стоялъ Искуситель, подавалъ ему камень, и говорилъ: «Преврати его въ хлѣбъ!» — Отвѣтъ Спасителя былъ подписанъ вверху. Онъ врѣзался въ мою память, этотъ божественный отвѣтъ: «*Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ Божіемъ!*» Сколько думалъ я надъ этимъ отвѣтомъ! Спросить мнѣ было не у кого. Я самъ себѣ разрѣшалъ слова Спасителя. *Глаголъ Божій*, думалъ я, есть то чувство, которое хранится въ душѣ моей, и говоритъ мнѣ, что я долженъ быть изобразителемъ для людей Божественнаго, изобразителемъ не изъ насущнаго хлѣба, но по внушенію Божьему. Тогда и камень превратится для меня въ хлѣбъ.

Мать моя не смѣла ничего болѣе говорить отцу моему; но, связанная обѣщаніемъ своимъ, слабая, добрая, рѣшилась учить меня Иконописанію между дѣломъ, тихонько. Мы условились съ нею, что я буду ходить въ Училище, хотя для виду, и начну между тѣмъ учиться у зна-

Digitized by Google

комаго намъ иконописца. Знаете-ли вы, что̀ такое *иконописцы* Русскіе? Они введены въ цехъ, и составляютъ въ Россіи многочисленное сословіе. У нихъ есть своя теорія Живописи, свои манеры писать, составлять краски, покрывать картины лакомъ. У нихъ есть свои преданія, повѣрья, условія, есть цѣлая письменная книга, гдѣ изложены тайны ихъ искусства. У нихъ есть свои Школы—*Корсунская*, *Строгоновская*, *Вологодская*. Какъ литье колоколовъ почитается у насъ донынѣ чѣмъ-то таинственнымъ, съ чѣмъ соединяется молитва, къ чему не должно касаться съ злою мыслью, такъ у иконописцевъ ихъ занятіе. Они не допустятъ въ свой цехъ человѣка дурной нравственности, и не сдѣлаютъ его настоящимъ мастеромъ. Они знаютъ, что живописцемъ былъ Евангелистъ Лука; что первый Образъ создалъ самъ Спаситель, утершись бѣлымъ полотномъ, и пославъ свой *Нерукотворенный* ликъ Царю Авгарю. Сзади насъ жилъ иконописецъ — истинное изображеніе древнихъ послѣдователей Алимпія Печерскаго и благочестиваго Андрея Рублева, оставшихся въ памяти потомства. Это былъ старикъ, добродѣтельный, богобоязливый. Къ нему привела меня мать моя. Мы застали нашего Альбрехта Дюрера за его работою: на большомъ столѣ лежала передъ нимъ огромная доска; онъ писалъ на ней образъ Богоматери,

Digitized by Google

всѣхъ скорбящихъ радости. Выслушавъ мать мою, которую любилъ и уважалъ, какъ добрую сосѣдку, старикъ указалъ ей на образъ. «Вы, сударыня, скорбите о неисполненномъ вашемъ обѣщаніи,» сказалъ онъ, «а Пречистая пріемлетъ всякую скорбь, и я, изображая теперь ея образъ, могу-ли отказать вамъ? Будь благословенно ваше благочестивое желаніе!» Онъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ меня въ голову; сѣдая, длинная борода его упала мнѣ на лицо. Старикъ благословилъ меня, велѣлъ намъ, и началъ самъ молиться. Какое благоговѣніе проникло тогда въ душу мою! Я былъ въ патріархальномъ вѣкѣ Искусства. Здѣсь видѣли въ немъ великое, святое занятіе, не ничтожную забаву. Его начинали молитвою; Образъ Богоматери, разрѣшающій душу моей матери, составлялъ предметъ труда. Чистая, свѣтлая комната, гдѣ мы находились; множество образовъ, радость матери моей, смиренное торжество старика, когда онъ заговорилъ послѣ того съ матерью моею о своемъ занятіи, сѣтовалъ объ упадкѣ его, о забвеніи чистой Иконописи, о развращеніи нравовъ, между людьми, которые ею занимаются—это было что-то высокое, отъ чего душа моя отдыхала! «Суета овладѣваетъ міромъ!» — говорилъ старикъ. — «Что теперь дѣлаютъ съ Искусствомъ, занимавшимъ нѣкогда Св. Евангелиста Луку и ве-

Digitized by Google

ликаго чудотворца Петра, Митрополита Всероссійскаго! Что пишутъ! Знаете-ли, что прежде только избранные допускались къ Живописи; что ихъ торжественно благословляли Святители, испытавъ напередъ ихъ искусство и нравъ; что Цари призывали въ чертоги свои художниковъ, благоговѣйно молясь ихъ созданіямъ.

Въ Стоглавномъ Уложеніи сказано: «*Подобаетъ живописцу быти смирну и кротку, благоговѣйну, непраздномудрствующу, не смѣхотворцу, ни сварливу, ни завистливу, ни пьяницѣ, ни убійцѣ. Наипаче-же подобаетъ ему хранити всякую чистоту, душевную и тѣлесную, въ постѣ и молитвѣ пребывати, и съ превеликимъ тщаніемъ воображати и писати, что вообразитъ божественное. Царю такихъ живописцевъ подобаетъ жаловати, и Святителямъ брещи и почитати ихъ, паче простыхъ человѣковъ, зане Богъ талантъ великій открылъ имъ!*»

Я началъ учиться у старика, и переселился въ новый, очарованный міръ. Мое дѣло сливалось теперь для меня съ нравственностью, съ добродѣтелью. Не было у меня идеаловъ; не зналъ я великихъ твореній человѣческихъ; но я видѣлъ что-то небесное, таинственное въ занятіи моемъ. Славы я не вѣдалъ — мысль объ *Изящномъ* меня не касалась — я считалъ себя исполнителемъ обѣта матери моей, и тѣмъ большую

Digitized by Google

прелесть имѣло это для меня, что соединено было съ тайною. Отецъ и домашніе, ни кто не зналъ, какъ уходилъ я черезъ садъ къ моему учителю. Старикъ полюбилъ меня, не слыхалъ во мнѣ души. По моей страсти, по моему образованію, я превышалъ всѣхъ простыхъ его учениковъ, цеховыхъ работниковъ, мѣщанскихъ дѣтей. Мысль, что у него учится *баринъ*, радовала старика и потому уже, что придерживаясь немного старообрядства, онъ полагалъ высшія званія пошерявшими чистую вѣру, и радовался, что во мнѣ успѣетъ водворить древнее благочестіе, радовался моей кротости, моей набожности. Во время работы, онъ безпрерывно бесѣдовалъ со мною. Онъ разговаривалъ о чудесахъ, о Св. Писаніи. Не рѣдко, оставляя занятіе, читалъ онъ со мною житія Святыхъ, плакалъ за ними, и заставлялъ меня невольно плакать. Помню, какъ онъ разсказывалъ мнѣ однажды видѣнія святой отроковицы Музы, выбравшей во снѣ цвѣтокъ Смерти, какъ величайшее блаженство въ мірѣ! Ангелъ подавалъ ей *три цвѣтка*—она выбрала бѣлый, прелестнѣйшій—это была *смерть*, тихая, блаженная кончина, въ чистотѣ и невинности, награда благоугодившей Богу отроковицѣ... Со слезами слушая сію повѣсть, я ждалъ моего Ангела, благовѣстника смерти...Скоро однакожъ не сталъ я довольствоваться ученіемъ у моего старика,

Digitized by Google

снова улетая въ область мечтаній. Голова моя разгаралась въ мечтаніяхъ. Я старался объяснить старику свои темныя мысли. «Неужели—говорилъ я—ты думаешь, что изображенія твои выполняютъ всю мысль величія и святости, какія можетъ человѣкъ понимать, и хочетъ изобразить? Я воображаю себѣ красоту Бога выше красоты человѣка. Неужели человѣку не льзя изобразить этой не-человѣческой красоты, если онъ ее понимаетъ? Для чего-же онъ понимаетъ ее? Неужели и не было покушенія стать выше той степени, на которой находится твоя живопись? — «Были, сынъ мой—отвѣчалъ мнѣ старикъ — были такія покушенія, но неизобразимое тщетно будемъ стараться изобразить! Поймешь-ли ты Бога? Но, посмотри: этотъ треугольникъ, съ сіяніемъ, изображаетъ тебѣ *мысль* твою о Богѣ! Такъ и мои изображенія представляютъ его: это нижняя ступень лѣстницы, видѣнной святымъ Іаковомъ, ступень, лежащая на землѣ; а конецъ лѣстницы скрытъ въ небѣ. Засни на этой земной, нижней ступенькѣ, святымъ, дѣтскимъ, невиннымъ сномъ, и переносись только мыслію къ созерцанію того, что невообразимо и неизобразимо.»—Богъ неизобразимъ— отвѣчалъ я задумчиво—такъ, но Онъ являлся на землѣ человѣкомъ. Покажи мнѣ хоть то, что было въ немъ тогда человѣческаго. Но неужели такъ

Digitized by Google

груба была бѣлизна одежды преображеннаго на Ѳаворѣ Бога, какъ ты ее изображаешь?—«Нѣтъ! Лицо его было яко солнце, и ризы его бѣлы яко снѣгъ—да гдѣ-же я возьму красокъ, дитя мое? Въ мірѣ ихъ нѣтъ! И могу-ли изобразить сіяніе Бога, если одинъ лучъ солнечный, только еще солнечный, упавшій на сіяніе, мною изображенное, темнитъ его! Говорятъ, что были будто-бы, гдѣ-то, живописцы, до того чудно изобразившіе Преображеніе и Рождество, что человѣкъ въ забвеніи можетъ подумать, будто ихъ не кисть писала человѣческая, не краски изображали! Но я не вѣрю этимъ разсказамъ. Видалъ я Нѣмецкія и Итальянскія картинки, которыя Католики называютъ образами, но это грубые портреты мужей и женъ красивыхъ, человѣческія, а не божественныя изображенія. Сынъ мой! будь прежде всего смиренномудръ— не ищи того, что не дано человѣку, или—горе тебѣ!»

Такъ, горе мнѣ! Я искалъ чего не дано мнѣ! Но какъ могъ я воспротивиться судьбѣ, увлекавшей меня по безднамъ несбыточныхъ мечтаній!

Однажды утромъ, застаю у моего учителя какого-то незнакомаго мнѣ человѣка, въ простомъ сюртукѣ, въ поношеной шляпѣ, съ палкою въ рукахъ. Онъ сидѣлъ, и тщательно смотрѣлъ на работу старика, распрашивалъ о

Digitized by Google

разныхъ подробностяхъ, и заказывалъ ему написать образъ, самымъ стариннымъ, *Корсунскимъ писаніемъ*. Не обращая вниманія на незнакомца, я подошелъ къ благословенію старика: такъ всегда начиналась моя работа; потомъ сѣлъ я за свой столикъ. Незнакомецъ, казалось, изумился, взглянувъ на меня.

« Любезный другъ,» сказалъ онъ старику моему,» развѣ это также твой ученикъ?

— Да, М. Г. —

« Но, кажется, онъ долженъ быть изъ благородныхъ, а не изъ цеховаго званія?

Я былъ одѣтъ въ своей курточкѣ, съ воротникомъ à l'enfant.

— Да, М. Г. Это сынъ моего сосѣда, господина Казначея... между нами только сказать.

« Развѣ это какая нибудь тайна?» спросилъ незнакомецъ.

— Да, М. Г.—отвѣчалъ мой старикъ, и разсказалъ ему въ полголоса все происшествіе.

Незнакомецъ слушалъ хладнокровно. Потомъ долго говорилъ онъ что-то со старикомъ; но я не слыхалъ ихъ разговора, занятой моею работою; я покрывалъ тогда лакомъ икону. Совсѣмъ не замѣшилъ я, какъ незнакомецъ сѣлъ

Digitized by Google

подлѣ меня, и глядѣлъ пристально на мое занятіе. Онъ началъ потомъ со мною разговоръ. Я привыкъ уже видѣть людей, приходившихъ къ старику, и распрашивавшихъ его изъ любопытства объ его искуствѣ. Тутъ имѣлъ я случай внимательно разсмотрѣть незнакомца. Ахъ! черты его изгладятся изъ души моей только съ моею смертію! Лицо незнакомца было блѣдно; черные волосы, и густые черные бакенбарды, придавали ему какую-то суровость; темные, унылые глаза его оживлялись участіемъ. Ему было лѣтъ сорокъ пять, по видимому.

Казалось, что мои отвѣты ему нравились. Но онъ вдругъ замолчалъ, и ушелъ. «Кто это былъ?» спрашивалъ я у моего старика.—Богъ его знаетъ. Умный и, кажется, благочестивый человѣкъ, даромъ, что баринъ — отвѣчалъ старикъ.

Дня черезъ два, когда отецъ мой, послѣ обѣда, сидѣлъ въ своемъ садикѣ, къ намъ явился чиновникъ изъ Губернаторской Канцеляріи. Неожиданный приходъ этого чиновника встревожилъ весь домъ, особливо когда онъ сказалъ, что *присланъ отъ Губернатора*, и желаетъ видѣться съ отцемъ моимъ. Отецъ мой опрометью прибѣжалъ въ комнату. Мы толпою глядѣли изъ дверей, какъ раскланивался, какъ усаживалъ онъ гостя неожиданнаго.

Digitized by Google

— Что̀-бы это такое значило!— вскричалъ мой отецъ, когда чиновникъ ушелъ. — Къ Его Превосходительству, завтра непремѣнно, на особенную аудіэнцію! И горе и радость! Зачѣмъ-бы это? Непріятности никакой нѣтъ; онъ велѣлъ мнѣ именно подтвердить это. Развѣ при своей особѣ хочетъ меня опредѣлить, *по особеннымъ порученіямъ?* Что-же? Славно! Жена! бѣлую манишку и галстухъ бѣлый приготовишь мнѣ къ завтрему!—Всѣ мы, мать моя, даже слуги, только и толковали о томъ, что отецъ мой завтра позванъ къ Губернатору, *особенно* и *непремѣнно*. Отецъ мой всталъ часомъ ранѣе обыкновеннаго, тщательно брился, безпрестанно глядѣлъ на стѣнные деревянные часы, боялся, радовался....

— Диковинка, диковинныя вещи!—вскричалъ онъ, едва переступилъ черезъ порогъ, послѣ своего возвращенія. — Жена! знаешь-ли зачѣмъ звали меня?

«Нѣтъ, другъ мой!» отвѣчала мать моя, глядя на него съ робкимъ нетерпѣніемъ.

— Его Превосходительство проситъ отдать ему нашего Аркадія.

«Какъ отдать?

— Да такъ, отдать, чтобы онъ воспитывался вмѣстѣ съ его племянникомъ; онъ хочетъ

Digitized by Google

самолучшимъ образомъ воспитать его, и сдѣлать значительнымъ человѣкомъ!

Мать моя заплакала—не знаю, отъ горести или отъ радости. Я задрожалъ; въ глазахъ у меня сдѣлалось темно отъ слезъ; я зарыдалъ.

— И ты согласился?—спросила мать моя.

« А для чего-же и не такъ? Съ Богомъ!

— Чѣмъ я прогнѣвалъ васъ, папенька? За что хотите вы прогнать меня отъ себя?—вскричалъ я, падая на колѣни. Слезы лились у меня ручьемъ.

«Ахъ ты, дуралей!» сказалъ отецъ мой, усмѣхаясь. «Поди вонъ, и не говори ни слова.»

Я ушелъ въ другую комнату, плакалъ потихоньку, а между тѣмъ слушалъ, какъ разсуждали отецъ и мать мои. Они не понимали, что̀ это значитъ; почему *Его Превосходительство* узналъ Аркадія; почему онъ требуетъ именно *его?* Мать моя думала, что это милость Божія, хоть я и не въ сорочкѣ родился. Между тѣмъ я не понималъ ничего въ такомъ нежданномъ переворотѣ дѣлъ. Я видалъ до тѣхъ поръ Губернатора только раза два, въ блестящемъ мундирѣ, окруженнаго большою свитою, зналъ, что его въ городѣ всѣ боятся, слыхалъ, что онъ все можетъ сдѣлать. Жаръ и ознобъ чувствовалъ я весь этотъ день.

Digitized by Google

Мнѣ было тогда лѣтъ двѣнадцать. Если можетъ быть поэтическимъ названо воспитаніе самое безпорядочное, то мое воспитаніе, какъ вы видѣли, было поэтическое. Я жилъ въ какомъ-то странномъ патріархальномъ мірѣ, читалъ много, зналъ много, и ничего не зналъ порядкомъ. Въ Училищѣ, куда не переставалъ я ходить, по уговору съ матерью, меня почитали самымъ негоднымъ ученикомъ, лѣнивымъ, упрямымъ; даже не забопились, когда не зналъ я уроковъ, или вовсе не приходилъ. Мать извиняла меня слабымъ здоровьемъ, хотя я былъ здоровъ, силенъ и крѣпокъ. Старикъ иконописецъ былъ отъ меня въ восторгѣ; мои успѣхи у него казались необыкновенными. Онъ не могъ нахвалиться и тихостью, кротостью моего нрава. Таково было тогда во мнѣ соединеніе противоположностей, и—благословенный миръ никогда и потомъ не сходилъ на меня, на мою душу, мое сердце, мое воображеніе: они вѣчно ссорились и ссорятся между собою....

Въ совершенномъ отчаяніи, какъ будто на казнь, одѣвался я на другой день послѣ обѣда, когда отцу моему велѣно было пріѣхать и привезти меня къ *Его Превосходительству*. Я не зналъ, какъ мнѣ войдти въ великолѣпный Губернаторскій домъ, мимо котораго съ любопытствомъ хаживалъ я иногда мимо; гдѣ мнѣ стать,

Digitized by Google

какъ говоришь и что̀ говоришь! *Его Превосходительство* и — *я!* Насъ раздѣляла бездна неизмѣримая!

Но безпокойство мое немного уменьшилось, когда я узналъ, что мы поѣдемъ не въ домъ Губернатора, а на дачу его, верстахъ въ трехъ отъ города. Однажды, цѣлымъ семействомъ гуляли мы тамъ по саду, когда Губернаторъ былъ въ городѣ. Домъ у него на дачѣ былъ построенъ небольшой, но прекрасный. Мнѣ страхъ какъ хотѣлось, помню я, войдти въ него, но отецъ запретилъ мнѣ и думать объ этомъ. Его Превосходительство казался мнѣ теперь не такъ страшенъ, когда не соединялась съ нимъ мысль о великолѣпныхъ его чертогахъ. Въ его хорошенькомъ, загородномъ домѣ, я какъ-то легче могъ снести величіе Его Превосходительства. Дорогою — очаровательныя окрестности, прелестное мѣстоположеніе на берегу рѣки, рощицы, поля разсѣяли мою грусть. Я опять оробѣлъ, когда остановивъ старыя дрожки свои у воротъ, отецъ мой у крыльца еще снялъ свою шляпу, и въ сѣняхъ долго оправлялся, училъ меня кланяться; потомъ на цыпочкахъ пошелъ по залѣ, гдѣ большія зеркала, люстры, паркетный полъ меня совершенно изумили. Я дрожалъ подходя къ кабинету; насъ было велѣно провести прямо

Digitized by Google

въ кабинетъ. Но едва растворилась дверь, страхъ мой прошелъ. За большимъ бюро сидѣлъ тутъ—мой *знакомый незнакомецъ*, котораго я видѣлъ у моего старика иконописца!

Въ поясъ, множество разъ, кланялся ему отецъ мой. Я стоялъ выпучивъ глаза, когда незнакомецъ мой подошелъ дружески къ отцу моему, и пожалъ ему руку.

— Познакомимся, любезный мой Аркадій! — сказалъ потомъ мнѣ незнакомецъ, съ улыбкою.

«Да гдѣ-же Губернаторъ, *Его Превосходительство?*» отвѣчалъ я, не кланяясь ему.

Отецъ мой покраснѣлъ отъ стыда. Незнакомецъ опять улыбнулся. — «Неужели вы Губернаторъ, вы Его Превосходительство?» спросилъ я добродушно.

— Кажется — отвѣчалъ онъ. — Прошу, мой другъ, полюбить меня.—Я совершенно смѣшался. «Ахъ! васъ я уже полюбилъ!» вскричалъ я. «Вы такой добрый, такой ласковый. Не знаю, за что васъ боятся люди!»

Незнакомецъ не могъ утаить вздоха, и грустно посмотрѣлъ на меня. Я едва не заплакалъ; я какъ будто понялъ его; мнѣ стало жаль его, самъ не знаю отъ чего. Тутъ хотѣлъ я, по наученію отцовскому, подѣловать

Digitized by Google

руку Губернатора; онъ не допустилъ до этого, обнялъ меня, и поцѣловалъ въ голову.

Послѣ того усадили порядкомъ моего отца и меня. Съ изумленіемъ глядѣлъ я на блестящіе шкафы съ книгами, на статуи между шкафами, дорогое бюро, часы. Сердце мое трепетало. Я пристально смотрѣлъ и на самого хозяина нашего, и лицо его казалось мнѣ добрымъ, увлекало меня. Принесли чай. Я не смѣлъ взяться за дорогую фарфоровую чашку. Отецъ мой не зналъ куда дѣвать ему свою шляпу, и рѣшился пить чай, держа шляпу подъ мышкою, какъ это ни было ему неловко. Тутъ явились: племянникъ Губернатора, мальчикъ моихъ лѣтъ; сѣдой старикъ, гувернёръ его, и еще старикъ—вы его знаете: это мой добрый Семенъ Иванычъ. «У тебя будетъ товарищъ, Саша,» сказалъ Губернаторъ, племяннику: «подружись съ нимъ!» Мальчикъ горделиво вздернулъ голову; потомъ ловко расшаркался, и началъ говорить мнѣ по-Французски: я былъ уничтоженъ! Онъ такъ былъ щегольски одѣтъ, такъ ловокъ, такъ свободно ходилъ и прыгалъ по кабинету Губернаторскому. Я дичился, чувствовалъ свое невѣжество, свою ничтожность.

Но въ это время нечаянно растворили дверь въ другую комнату, родъ небольшаго будуара....

Digitized by Google

картузикъ мой выпалъ у меня изъ рукъ, и я невольно вскрикнулъ: «Ахъ! что это у васъ тамъ?» Тамъ увидѣлъ я нѣсколько картинъ.

«Развѣ вы не знаете, и никогда не видывали картинъ?» спросилъ у меня племянникъ.

— Не знаю, не видывалъ! —отвѣчалъ я, сложивъ руки на груди.—Пойдемъ-же смотрѣть!— сказалъ племянникъ прыгая. Онъ потащилъ меня за руку. Тамъ, надъ диванами будуара, висѣло нѣсколько картинъ, въ раззолоченныхъ, богатыхъ рамахъ.

— Вотъ; смотрите — говорилъ мнѣ племянникъ, указывая на картины—вотъ *Корреджіева Ночь*, вотъ *Іоаннъ Богословъ Доминикина*, вотъ *Оссіанъ Жироде*, вотъ *Фридриховъ пустынный, приморскій берегъ*....

Я стоялъ внѣ себя.

Такъ вотъ оно, то, о чемъ мечталъ я въ саду, когда молился тамъ, узнавъ *обѣщаніе* моей матери! Вотъ тѣ образа, о которыхъ говорилъ мнѣ старикъ-учитель, называя слухи о нихъ несбыточными!

— Дядинька! онъ ихъ вовсе не знаетъ!—сказалъ Губернатору племянникъ.

«Онъ знаетъ ихъ лучше тебя!» отвѣчалъ Губернаторъ, стоя подлѣ меня, поджавъ руки,

Digitized by Google

и съ какимъ-то горестнымъ наслажденіемъ смотря, какъ я позабылъ всѣхъ, и самого себя, стоялъ, глядѣлъ на божественныя изображенія! Это были копіи съ картинъ Доминикина, Корреджіо, Жироде, Фридриха.

— Сядь здѣсь, любезный Аркадій — сказалъ Губернаторъ, усаживая меня на диванъ — и скажи: нравятся-ли тебѣ эти картины?

«Развѣ это картины?» отвѣчалъ я. Нѣтъ! Не обманывайте меня: вѣтеръ точно вѣетъ въ волосахъ этого старика—этотъ мѣсяцъ свѣтитъ—а этототъ самый святой Апостолъ, котораго Іисусъ Христосъ любилъ больше всѣхъ своихъ учениковъ—а это видимо Господь новорожденный—отъ него сіяніе нестерпимо—посмотрите, какъ этотъ человѣкъ закрываетъ глаза: вѣдь онъ живой!» Забывшись я преклонилъ колѣна и молился.

— Довольно — сказалъ Губернаторъ поспѣшно—довольно! Пойдемте, дѣти!— Я позволилъ увести себя изъ комнаты, но ничего не могъ говорить. Едва замѣтилъ я, какъ распрощался мой отецъ, и куда ушелъ Губернаторъ.

Едва мы отъѣхали немного отъ дачи, какъ отецъ началъ меня бранить. «Ты былъ дуракъ, мужицкій мальчикъ, шалунъ!» говорилъ онъ мнѣ. «Самъ ты не хотѣлъ прежде идти къ Его Превосходительству, а теперь я уже тебя и не

Digitized by Google

пущу; да и Его Превосходительство тебя прогонитъ!

— Ахъ! папенька! Ради Бога, отпустите меня къ Губернатору, ради Бога, отпустите!

«Да какъ отпустить тебя, эшакого невѣжду?

— Что-же я такое сдѣлалъ?

«Ты велъ себя какъ деревенскій мальчишка.

— На меня не разгнѣвался однакожъ Его Превосходительство?

«Хуже! Всѣ надъ тобой смѣялись, какъ ты не умѣлъ кланяться, и кричалъ смотря на картины! Экая невидаль дураку! Потерялъ свое счастье, да и только!

— Папенька! Я буду просить Его Превосходительство, ради Бога взять меня... хоть въ слуги, только-бы мнѣ у него жить.

«Въ слуги! Гдѣ ты набрался такихъ неблагородныхъ чувствъ и привычекъ, негодный мальчишка! Въ слуги! Лакейскій духъ какой! Нѣтъ, я тебя проучу!» вскричалъ мой отецъ сердито.

Горько плакалъ я, когда мы пріѣхали домой, и отецъ мой съ сердцемъ началъ разсказывать матери, что я посрамилъ его у Губернатора. О Боже! моего возвращенія ждали, какъ торжества: братья, сестры, слуги сбѣ-

Digitized by Google

жались встрѣчать меня. Теперь я былъ прогнанъ въ дальную горницу, и плакалъ; всѣ меня дичились; всѣ надо мною издѣвались! Горе мое было тяжкое. И, право, я не жалѣлъ о томъ, что не буду жить въ великолѣпномъ домѣ Губернаторскомъ; но мысль моя привязывалась только къ будуару его, къ этимъ чуднымъ картинамъ. Ахъ! какъ великолѣпно онѣ носились теперь передо мною, какъ много высказывали онѣ мнѣ такого, о чемъ не мечталъ я даже и во снѣ! Мнѣ и въ голову тогда не приходило — творить самому что нибудь подобное; я хотѣлъ только глядѣть на нихъ, видѣть ихъ, забывать, смотря на нихъ, все: я не вѣрилъ, что ихъ создала рука человѣческая, земными красками! Землѣ-ли можетъ принадлежать такой младенецъ? Для земли-ли такое лицо, какъ у этого Апостола? А этотъ старикъ?...

Я не переставалъ плакать. Отецъ прогналъ меня отъ ужина; бранилъ мать мою. «Вотъ до чего довело его твое баловство!» говорилъ онъ. Впрочемъ, робѣя передъ Губернаторомъ, онъ не замѣшилъ, что мы уже знакомы другъ съ другомъ. Но онъ сердился, бранился. Уныніе распространилось во всемъ нашемъ домѣ.

Губернаторъ, *Его Превосходительство*, однакожъ не прогналъ меня, не разгнѣвался на меня,

Digitized by Google

вспомнилъ обо мнѣ, вопреки словамъ отца. Рано утромъ, на другой день, явился кабріолетъ Губернаторскій за мною. Добрый Семенъ Иванычъ пріѣхалъ къ моему отцу, и сказалъ, что Губернаторъ переселяетъ меня къ себѣ на дачу, гдѣ я буду жить съ его племянникомъ, и что ему, Семену Иванычу, поручено быть моимъ дядькою. Изумленіе неописанное овладѣло всѣми. Отецъ мой не вѣрилъ глазамъ и ушамъ своимъ, качалъ головою. Я бросился на шею къ Семену Иванычу, обнялъ мать мою, и съ восторгомъ уѣхалъ. Губернатора не было на дачѣ. Меня провели въ учебную комнату.

Простите, что я разсказывалъ вамъ мѣлкія подробности этого важнѣйшаго событія моей жизни. Повторяю: мнѣ хочется показать вамъ, какъ странно увлекала меня судьба, какъ безпрерывно уводила она меня въ какой-то волшебный міръ воображенія, и ссорила съ дѣйствительнымъ міромъ, гдѣ ей надобно было какъ можно крѣпче приковать меня. Она забыла, видно, что мнѣ надобно было ходить по землѣ и дышать земнымъ воздухомъ! А я такъ безотчетно предавался увлекающему потоку жизни, и всегда былъ еще впереди своего настоящаго состоянія! Я еще не зналъ тогда собственнаго моего безсилія—теперь иное...

Съ переселеніемъ въ домъ моего благодѣтеля, началась совершенно новая для меня жизнь.

Digitized by Google

Разсказывать вамъ внѣшнія подробности ея, нѣтъ надобности. Вызнаете, что я жилъ у благодѣтеля моего до самой его смерти, болѣе десяти лѣтъ. Черезъ годъ меня не узнавали тѣ, кто зналъ прежде. Лучше разскажу вамъ измѣненія моего душевнаго міра. Я былъ тотъ-же, прежній, но сколько перемѣнъ во всемъ, во всемъ... Измѣненія моральнаго бытія моего были безмѣрны, какъ безмѣренъ былъ шагъ, который вдругъ сдѣлалъ я. Меня, страннаго, мѣщански воспитаннаго мальчика, съ моею, такъ легко вспыхивающею головою, вдругъ судьба сдѣлала другомъ, сыномъ человѣка богатаго, рѣдкой образованности, высокой нравственности, совершенно не похожаго на другихъ, ни жизнью, ни образованіемъ! Я перестalъ знать различіе между богатствомъ и бѣдностью. Удобства жизни и роскошь, какими окружилъ меня мой благодѣтель, я принималъ, какъ дѣло обыкновенное, и не думалъ благодарить его, ибо онъ безъ всякой оцѣнки давалъ мнѣ ихъ, а я принималъ, не зная, что люди цѣнятъ ихъ весьма дорого. Такъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я совершенно отвыкъ отъ положительной жизни.

Еще болѣе отдѣлился я отъ міра состояніемъ души моей. Мой благодѣтель, въ юности своей сдѣлался самовластнымъ обладателемъ огромнаго имѣнія; все льстило ему въ

Digitized by Google

будущемъ; люди казались рабами, готовыми служить для угожденія ему, для его прихотей! Не зная тягостей службы, онъ былъ уже въ чинахъ; не заслуживъ любви и дружбы, онъ былъ увѣряемъ отъ людей въ дружбѣ и любви, и довѣрился имъ, былъ жестоко обманутъ, разочарованъ, не возненавидѣлъ людей, но былъ оскорбленъ ими, и началъ ихъ презирать. Жизнь, казалось, улыбнулась ему наконецъ. Онъ узналъ одно милое, очаровательное созданіе, и предался всѣмъ обольщеніямъ пламенной любви. Но она умерла, эта очаровательная дѣвушка, а онъ ее *пережилъ!* Нѣсколько лѣтъ послѣ того онъ скитался за границею; наконецъ пріѣхалъ опять въ Россію, не хотѣлъ блестящихъ должностей, и рѣшился взять смиренное мѣсто Губернатора, въ губерніи бѣдной и отдаленной. Здѣсь, въ совершенномъ уединеніи жилъ онъ, благотворя подвластнымъ, одинокій, только съ самимъ собою, мечтая о надеждахъ, такъ жестоко обманувшихъ его. Весь жаръ души его, долженствовавшій разлиться по его жизни, осчастливить его жизнь, горѣлъ теперь въ грустной любви къ ближнему, не освѣщенной ласковою довѣренностью къ людямъ. Онъ казался угрюмъ, суровъ—грозный всякому мерзавцу, унижавшій другихъ своимъ достоинствомъ, не находившій людей, по сердцу, по образованію сходныхъ съ нимъ. Единственный

Digitized by Google

наслѣдникъ его, племянникъ, причинялъ ему только досаду. Это былъ вѣтреный, гордый, ничтожный мальчишка. Страсть къ Изящнымъ Искуствамъ оставалась одною ушѣшительною, постоянною страстью моего благодѣтеля..Увидѣвъ меня у иконописца, къ которому зашелъ онъ, желая узнать подробности его малоизвѣстнаго искуства, добродѣтельный, одинокій, уединенный въ самого себя, этотъ грустный мечтатель, этотъ пламенный мизантропъ, думалъ, что видитъ во мнѣ поэтическое созданіе, предназначенное быть великимъ художникомъ. Такое чувство привлекло его ко мнѣ. Не только хотѣлъ онъ облагодѣтельствовать меня—нѣтъ! онъ хотѣлъ еще наблюсти во мнѣ психологическое развитіе души поэта. Системы едва-ли невсегда неисполнимы и губительны, если ихъ начертываетъ предубѣжденное въ чемъ нибудь воображеніе наше. Вслѣдствіе плана своего, мой благодѣтель началъ мое образованіе, чисто поэтическое, по Жанъ-Полевской *Левант*. Я съ жадностію учился, къ чему влекли меня мои непреоборимыя наклонности, но вовсе не учился ничему другому; убѣгалъ впередъ въ одномъ, и рѣшительно отставалъ въ другомъ. Старый гувернёръ, добрый Французъ, воспитанникъ Баттёвской школы, другъ Кашрмера де Кенси, часто спорилъ съ моимъ благодѣтелемъ, увѣряя, что онъ испортитъ меня своимъ *не-*

Digitized by Google

классическимъ воспитаніемъ. Но благодѣтель мой ничего не слушалъ, вскорѣ увлекшись ко мнѣ привязанностію, наконецъ дружбою. Я сердцемъ понялъ его, не смотря на мою неопытность; онъ невольно открылъ мнѣ всю свою душу, передалъ мнѣ свои чувства, понятія. Онъ не понималъ опасности, какой черезъ то подвергаетъ меня. Онъ, тяжко испытанный, оскорбленный жизнью, разочаровывалъ меня въ дѣйствительной жизни и уносилъ въ идеальное бытіе. Младенчеству надобны игрушки, юношеству также надобны игрушки. А онъ обратилъ мнѣ въ игрушку людей и дѣйствительную жизнь ихъ, указывая на идеалы, какъ на истинную цѣль жизни, воскрешая свои разрушенныя мечты въ моей будущности, и забывая свои погибшія надежды въ моихъ!.. Но идеаламъ нѣтъ мѣста на землѣ: человѣкъ обязанъ жить съ поступлою дѣйствительностію, и только золотить ее, страшась будущаго, какъ злаго врага! Каждый изъ насъ разочаровывается въ жизни. Какъ легко это въ свое время, въ своемъ мѣстѣ! Но не говорите юношѣ, что подъ розовыми щеками дѣвушки скрыты страшныя челюсти; что эта зелень лѣсовъ, и голубой цвѣтъ неба, и краски луговъ и полей, простой оптическій обманъ лучей солнечныхъ! Не говорите ему, что и подъ маскою дружбы и любви кроется червь своекорыстія

Digitized by Google

въ сердцѣ человѣческомъ! Не говорите, что и жизнь наша есть также страшный скелетъ; что на землѣ природа *должна* изсушать зелень полей и замораживать ручейки и рѣки, потому, что безъ этого не будетъ у нея весны. Не говорите ему: вы его убьете!

А онъ говорилъ мнѣ все это! Прощаю: ему было отъ этого легче самому; но я погибъ! По слуху, я уже презиралъ и не любилъ Людей, обожая въ нихъ Человѣчество; по слуху, уже боялся я людскихъ страстей, и зналъ ничтожество того, передъ чѣмъ благоговѣетъ грубое невѣжество простолюдина. И самая фанатическая добродѣтель его губила меня: она была не по плечу людямъ. Что-же это такое? Уродъ нравственный!... Все это отразилось на моемъ ученьѣ, моей жизни, моей судьбѣ. Я болѣе читалъ, нежели учился; голова моя наполнилась идеями, на которыя недоставало у меня ни формъ, ни образовъ, ни выраженій, потому что я не зналъ ни жизни, ни свѣта, ни людей. Такъ я обожалъ моего благодѣтеля, но кромѣ его не хотѣлъ никого даже любить. Самыя отношенія мои къ роднымъ сдѣлались странны: я видѣлъ грубое полупросвѣщеніе моего отца, его странныя формы, простодушное невѣжество моей матери, мѣлкій эгоизмъ моихъ братьевъ. Тяжко сердцу, если оно не можетъ уважать тѣхъ, кого

Digitized by Google

любишь! Я принужденъ былъ обходиться съ моими родными, какъ съ грубыми, необразованными дѣтьми; братья мои просто возненавидѣли меня. Отецъ и мать терзали меня пришомъ своими ничтожными требованіями: почему я не въ службѣ, и опасеніями: что̀ ожидаетъ меня впереди! Они не понимали: что̀ такое значитъ, и къ чему поведетъ меня моя жизнь? Я наконецъ убѣгалъ отъ нихъ. Но все, что было вокругъ моего благодѣтеля, также не терпѣло меня. Напрасно уступалъ я его племяннику, сносилъ оскорбленія отъ этого шалуна, отъ его приверженцевъ, которые видѣли въ немъ будущаго своего повелителя. Ни что не помогало. Я не смѣлъ тревожить моего благодѣтеля, открывая ему свое мучительное положеніе; но терзался, и былъ несчастливъ, когда столько людей мнѣ завидовало....

За все это могъ-бы вознаградить меня тотъ міръ, въ который свободно переносился я, міръ фантазіи, міръ Художника. Я тщательно изучалъ, подъ руководствомъ моего просвѣщеннаго благодѣтеля, всѣ переходы этого міра въ Исторіи Человѣчества. Тщательно учился я Живописи. Безъ всякой корыстной цѣли, безъ предположенной системы: рисовать сперва головки и ножки; замѣтишь потомъ, въ чемъ я болѣе успѣваю; перейдши послѣ сего къ Исторической, *Шевалетной*, Миніатюрной, Пейзажной—и Богъ

Digitized by Google

знаетъ какой еще Живописи; избрать себѣ послѣ того образцомъ какого нибудь великаго, или не-великаго живописца, скопировывать его — изучалъ я Живопись. И не Живопись изучалъ я, но *Искуство*, какъ искру Божественную, запавшую въ душу человѣка, какъ вѣчную идею, развивавшуюся всюду въ мірѣ, на Востокѣ, въ Греціи, въ Среднихъ вѣкахъ. Я замѣчалъ всѣ эти развитія Искуства, изучалъ міръ, современный каждому его періоду, каждому его мѣсту на землѣ, и хотѣлъ наконецъ угадать: что̀ долженъ дѣлать художникъ *теперь*, въ *наше время?* Увѣренный въ томъ, что твореніе дважды не повторяется; что возрасты Человѣчества также не повторяются однообразно, но совершаются отдѣльно и самобытно, какъ развитіе безконечнаго, окончанія чего не можемъ мы угадать, а начала не знаемъ, я хотѣлъ знать требованіе *моего* вѣка. Но къ несчастію: *великое* и *прекрасное* не суть слѣдствіе изысканій и соображеній. Это вдохновеніе безотчетное, пророческое какое-то чувство, которое творитъ и создаетъ невольно. Рафаэль долго думалъ: какъ изобразить ему Пресвятую, и терялся въ размышленіяхъ, мучился, терзался; силы его ослабѣли—онъ уснулъ. Тогда явилась ему Пресвятая Дѣва, въ томъ небесномъ видѣ, въ какомъ онъ изобразилъ ее на изумленіе вѣкамъ. Рафаэль вскочилъ съ своего ложа.

Digitized by Google

«*Она здѣсь!*» вскричалъ онъ, указывая на полотно. И въ забвеніи самого себя схватилъ онъ кисть и краски, забылъ все, переносилъ свое видѣніе на холстину, облекалъ мечту свою въ очерки, въ краски.... Онъ *творилъ*, а не думалъ уже о томъ, *какъ творить*. Я вѣрю этому происшествію; вѣрю и тому, что великое *Преображеніе* его было тайною, мучительною мыслію всей его жизни; въ этомъ я также увѣренъ. И тогда только, когда душа его запосковала о близкой разлукѣ съ міромъ, Рафаэль умолилъ Божественное вдохновеніе сойдти въ младенческую душу его. Оно низошло къ нему, какъ древній Зевесъ къ Семелѣ, въ громахъ и молніяхъ, и сожгло его: вспомните, что *Преображеніе* не доконченное было поставлено при гробѣ Рафаэля: онъ не досоздалъ его, и лежалъ передъ нимъ мертвый — великое свидѣтельство, что̀ можетъ человѣкъ; печальное доказательство, чего не можетъ онъ перенесть!

Съ другой стороны, грустная механика Искусствъ есть свидѣтельство, что съ началомъ жизни зрѣетъ въ человѣкѣ и начало смерти, что бытіе его есть борьба живительнаго начала и начала разрушительнаго. Вы не повѣрите, если вы сами не изучали Искусства, какого-бы то ни было, что̀ за бездна тяжкой, ничтожной, механической работы предстоитъ

Digitized by Google

художнику, пока звуки его инструмента будутъ составлять плѣнительную гармонію, пока рѣзецъ его станетъ вырубать изъ камня идеалы красоты, пока краски его заблистаютъ жизнію въ картинахъ. Природа лишена ума, но ей отдано владычество надъ вещественностью; Человѣку дано царство ума, но вещественность врагъ его. Прислушайтесь, какъ вѣтеръ безумно вьется около струнъ Эоловой арфы, и безотчетно извлекаетъ изъ нихъ звуки—какъ это легко ему! И какъ-же трудно человѣку обезумѣть въ Изящномъ, чтобы также безотчетно играть на великихъ струнахъ вещественности!

Эта механика Искусства долго не покорялась мнѣ, потому что я самовластно требовалъ ея покорности, а не рабски торговался съ нею на маленькія уступки. Я хотѣлъ вырубить Кельнскій соборъ однимъ ударомъ, изъ одного камня, забывъ, что такого камня нѣтъ въ Природѣ, и что этотъ соборъ строили тысячи людей триста лѣтъ. . . .

Всѣ мученія, всѣ несогласія моего внѣшняго и внутренняго міра увеличились, когда я переѣхалъ въ Петербургъ съ моимъ благодѣтелемъ.

Что̀ такое называете вы обществомъ людей? Не знаю; но, по моему, это собраніе на-

Digitized by Google

рода, соединеннаго для вещественныхъ пользъ— *только для вещественныхъ*. Въ этомъ обществѣ есть мѣсто купцу, чиновнику, даже будочнику, а нѣтъ его ученому, если онъ не учитель, художнику, если онъ не ремесленникъ, поэту, если онъ не poëta laureatus. Въ провинціи, эта цѣль жизни общества такъ грубо, такъ нагло открыта, что чувство собственнаго достоинства спасаетъ васъ. Не такъ въ столицѣ. Тамъ, возведенная на высокую степень внѣшней образованности, грубая цѣль жизни до того закрашена, до того залакирована, что надобно высокую Философію, чтобы не увлечься въ вихрь ничтожныхъ отношеній общества, или не упасть духомъ, видя себя безъ мѣста въ этомъ мірѣ, сгроможденномъ изъ вещественныхъ отношеній всякаго рода. Всѣ страсти тамъ разочтены; всѣ требованія души и сердца даютъ подписку дѣйствовать въ силу общихъ условій, и забывать собственную свою волю. О! какъ возненавидѣлъ я тогда этотъ *большой свѣтъ!* Увидѣвъ его, узнавъ его, возненавидѣлъ еще болѣе, нежели ненавидѣлъ прежде грубую жизнь провинціяльную! Тамъ я *могъ презирать*; здѣсь образованность, богатство, знатность не дозволяли мнѣ отраднаго чувства презрѣнія. Здѣсь невольно раждалось во мнѣ страшное, тяжкое сомнѣніе: *не ошибся-ли я?* Не эта-ли жизнь есть, въ самомъ дѣлѣ, истинное назначеніе человѣка?

Digitized by Google

Если-же она и не назначеніе его, но люди условились въ этомъ — условились всѣ, дураки и умные, богатые и бѣдные—что̀ могу сдѣлать одинъ я въ толпѣ ихъ?

Благодѣтель мой, по мѣсту, какое занялъ онъ въ Петербургѣ, былъ въ самомъ блестящемъ кругу. Все было разсчитано и условлено между имъ и обществомъ. Въ этомъ разсчетѣ, и племянникъ его, съ своимъ новымъ, блестящимъ мундиромъ, съ своимъ свѣтскимъ образованіемъ, съ своими требованіями на успѣхи въ свѣтѣ, получилъ свое значеніе; и камердинеръ горделиво сталъ у дверей, для того, чтобы докладывать своему барину о приходящихъ; и швейцаръ спокойно остановился подлѣ своей конурки, какъ будто говоря: «Прошу не трогать меня; я на своемъ мѣстѣ!» Гдѣ-же могъ помѣститься *я?* Люди хотѣли знать: что̀ я такое подлѣ моего благодѣтеля? Племянникъ его могъ отвѣчать: «Я глупецъ и шалунъ; но я его племянникъ и наслѣдникъ!» Люди вѣжливо кланялись ему. Если-бы я сказалъ имъ: «Я *художникъ;* я потому въ вашемъ обществѣ, что благодѣтель мой знаетъ мою *душу!*» Люди изумились-бы. *Душу?* А ее-то тщательно прятали они другъ отъ друга! *Художникъ!* Но что такое были для нихъ Искуства и Художества? Забава отъ нечего дѣлать, средство разсѣянія,

Digitized by Google

что-то въ родѣ косморамы, на которую смотрятъ они сквозь шлифованное стекло, требуя отъ нея условной перспективы. — Въ Петербургѣ я осирошѣлъ и во внѣшней жизни. Занятія по службѣ и большой свѣтъ теперь болѣе прежняго отвлекали отъ меня моего благодѣтеля. Намъ рѣдко удавалось жить вмѣстѣ. Утро, обѣдъ, вечеръ всего чаще бывали у насъ отняты. Я игралъ жалкую роль, являясь утромъ, когда толпились у него *дѣловые* люди; въ обѣдъ, когда собирались къ нему люди *равные* ему; вечеромъ, когда съѣзжались къ нему *убивать время* за картами и сплетнями. Это общество было нестерпимо холодно, какъ Крещенскій морозъ. Но оно-же показывало мнѣ и безмѣрную неравность въ отношеніяхъ между мною и благодѣтелемъ моимъ; оно и раздѣляло насъ бездною неизмѣримою, бездною состоянія, занятія, отношеній, приличій. Тогда только, съ ужасомъ, узналъ, замѣтилъ, увидѣлъ я все это! Я видѣлъ, правда и то, что благодѣтель мой самъ терзался отъ своего новаго рода жизни. Какъ часто, оставаясь со мной, онъ по прежнему спѣшилъ дѣлиться душею и сердцемъ, отдыхалъ въ разговорѣ со мною, въ чтеніи, въ сужденіи о моихъ занятіяхъ, о моихъ мечтахъ. Но онъ примѣтно бременился своею жизнію, тяжелою, заботливою, блестящею и пустою, какъ Японская ваза, расписанная яркими цвѣ-

Digitized by Google

шами: она свѣшилась насквозь, и въ ней ничего не было, кромѣ пустоты. . . .

Если я сказалъ вамъ, что меня убивалъ взглядъ людей на Искусство, скажу, что еще болѣе убивалъ меня взглядъ на Искусство современное. Видя, что ему нѣтъ мѣста, какъ положительному занятію въ жизни общественной — бѣдное! какъ оно гнулось, изгибалось, какой позоръ терпѣло оно, чтобы только позволили ему, хоть какъ нибудь *существовать!* Начиная съ самаго ученія, Оно дѣлалось чѣмъ-то похожимъ на горшки съ цвѣтами, которые ставятъ на окошкахъ, для того, что надобно ставить ихъ, и что можно притомъ похвастать хорошимъ фарфоромъ, рѣдкими, хотя и уродливыми, заморскими растеніями, и красивыми, дорогими цвѣточницами. Оно походило на колонны, которыя ничего не поддерживаютъ, но стоятъ близъ опрятныхъ лачужекъ Петербургскихъ и подлѣ огромныхъ домовъ — алебастровыя каррикатуры мраморныхъ колоннъ Греческаго Парѳенона и Римскихъ виллъ, поставленныя для того, что въ Аѳинахъ и въ Римѣ ихъ ставили! Начинаютъ теперь гнать *Схоластическія* и *Классическія* формы изъ нашей Литературы; но въ Художествахъ онѣ царствуютъ у насъ безпрекословно, самовластно. И при нихъ-ли что нибудь можетъ родиться? При нихъ-ли раз-

Digitized by Google

виться самобытности вѣка и народа, когда при томъ смотрятъ на Художества, какъ на прихоть роскоши; когда художники дѣлаютъ изъ своего занятія или profession и должность, или ремесло.—Наши *аматёры* были для меня еще несноснѣе! Глупецъ рѣшительный, совершенный глупецъ, для меня сноснѣе, нежели глупецъ, который хочетъ умничать. Онѣ, эти восковыя души, эти конфектныя сердца хотятъ быть *литтераторами, поэтами, художниками?* Я много читалъ сатирическихъ описаній, какъ свѣтскіе люди даютъ концерты, разыгрываютъ театральныя пьесы, занимаются Живописью, Музыкою — но все еще, кажется мнѣ, этотъ предметъ далеко не истощенъ — и не истощимъ. Пусть-бы они переводили гравюрки на свои модные столики, разрисовывали цвѣтами бархатъ для своихъ ридикюлей, играли въ своихъ амашёрскихъ концертахъ пьесы, которыя, какъ попугаи, твердили они тысячу разъ, и вытвердили наконецъ... Нѣтъ! они хотятъ еще вдохновеній, настоящихъ занятій Литтературою, и Живописью, и Музыкою! Имъ мало альбомныхъ стишковъ, мало карандашныхъ копій съ эстамповъ, въ которыхъ мечтаютъ они видѣть творенія Рафаэля, Доминикино, Мурилло; мало котильоновъ и вальсовъ, передѣланныхъ изъ чудныхъ темъ Россини и Вебера! Они судятъ, они сами творятъ безобразные свои не-

Digitized by Google

доноски, своихъ куколъ, одѣтыхъ въ лоскутья пошлаго подражанія! Они собираютъ себѣ галлереи, гдѣ имъ все равно — изысканный Тиціанъ, Фламандская мясная лавка, приторная Ангелика Кауфманъ, и великій Мурилло, и страшный Доминикино—рядомъ съ ними! Они говорятъ: «Я купилъ прелестнаго Гвидо Рени—я промѣнялъ своего Караваджіо—я получу завтра прекраснаго Тинторета.»... Ошъ всѣхъ этихъ людей.... я бѣгалъ безъ оглядки. Но я попадался къ художникамъ ex professo, по должности, по назначенію, потому, что ихъ учили Живописи, и благословили быть живописцами, укрѣпивъ это дипломомъ. И какъ-же иначе? Они высидѣли въ школѣ положенные годы; прошли *натурный* классъ; они умѣютъ рисовать съ бюстовъ и статуй; они дерзаютъ списывать произведенія Божественныхъ геніевъ—они, они *списываютъ* Корреджіо и Рафаэля, Мурилло и Доминикино! Послушайте: это было мнѣ нестерпимо больно. Да! волосы станови лись у меня дыбомъ, когда я видѣлъ все это, слышалъ обо всемъ этомъ! Дрожь пронимала меня, когда я видѣлъ ученье по Ланкастерской методѣ особаго рода, ученье, гдѣ начинали копированьемъ ушей и глазъ, отрѣзанныхъ отъ картинъ Рафаэля, и выходили слѣпые, но хотѣли судить! Да, судить, по извѣстной мѣркѣ, потому, что слы-

Digitized by Google

шали они въ классахъ, и писать на заданную ему, какъ пишутъ Акростихи, Дистихи, Мельэспихи, Шарады. И объ этомъ живописномъ *бурлеске* съ важностію толковали потомъ; сличали, какъ изобразилъ тотъ или другой предметъ, тотъ или другой извѣстный живописецъ, и что у кого умѣлъ занять себѣ новый художникъ: отъ Снейдерсовой-ли собаки заимствовался онъ хвостомъ, отъ Поль-Поттеровой-ли коровы взялъ онъ главное украшеніе картины! И дѣло рѣшалъ знатный баринъ какой нибудь, великолѣпный *любитель*, бросая сколько нибудь денегъ отличенному мазилкѣ! «Если-бы у насъ были меценаты, ему подобные; если-бы у насъ было всегда такое ободреніе; если-бы у нашихъ живописцевъ были всегда такія выгодныя работы!» восклицало собраніе другихъ мазилокъ. —

— Да, неужели Рафаэль создавалъ потому, что Папа задавалъ ему работу для Ватиканской Галлереи и для Фламандскихъ ковровъ? Неужели Корреджіо лучше создалъ-бы свой Аполлинскій міръ въ Пармскомъ Соборѣ, если-бы ему заплатили за него сотни тысячъ? И развѣ вамъ самимъ не задавали созданія великолѣпныхъ храмовъ, вѣковѣчныхъ памятниковъ, святыхъ иконостасовъ? Что-же вы сдѣлали? И неужели, въ самомъ дѣлѣ, вы уже такіе нищіе,

Digitized by Google

которымъ ѣсть нечего? Дайте имъ поскорѣе жалованье, ради Бога, обѣщайте пенсію, когда они состарѣются! Но, за то велите имъ мести мостовую, или вязать кружево—только запретите имъ приниматься за кисть. Они убьютъ Искусство. Оно и то еле дышитъ!

Вы видите, что я долженъ былъ со всѣми перессориться, потому, что я не скрывалъ своихъ мнѣній, истинныя, или ложныя они — не знаю. Съ досадою спрашивали у меня послѣ того собственныхъ моихъ созданій; а я—съ горестію видѣлъ, что ничего не могу представить; что утопавшій въ морѣ идей и идеаловъ, я работалъ неутомимо, жегъ себя въ работѣ; но уже самое то губило меня, что я поставилъ цѣль свою недостижимо высоко, и стыдился всего, что было ниже моей цѣли.

Наконецъ, я не могъ болѣе выносить ни другихъ, ни самого себя. Я хотѣлъ просить благодѣтеля моего: позволить мнѣ уйдти пѣшкомъ за границу, въ отечество Дюреровъ или Рафаэлей; просить его, чтобы онъ забылъ обо мнѣ, какъ желалъ я, чтобы весь свѣтъ обо мнѣ забылъ! Я хотѣлъ сказать ему, что если я буду достоинъ его надеждъ на меня, его родительской ко мнѣ нѣжности, то имя мое скажетъ ему моя слава! Если-же—*нѣтъ:* если мнѣ суждено

Digitized by Google

упасть, погибнуть подъ бременемъ самого себя и несбыточныхъ моихъ мечтаній, что, да позволитъ онъ совершенному забвенію скрыть мое имя, и даже то мѣсто, гдѣ успокоится голова его безумнаго Аркадія, котораго судьба съ дѣтства тащила насильно на погибель! Но я не смѣлъ говорить всего этого моему благодѣтелю, ибо чувствовалъ, что я нуженъ ему для ушѣшенія его больной души. Безъ меня, онъ остался-бы совершенно *одинокъ*. . . . Время проходило.

Его здоровье видимо наконецъ разстроивалось отъ несвойственнаго образа жизни, отъ трудныхъ его занятій. Въ одинъ вечеръ, мы остались съ нимъ одни. Онъ не велѣлъ никого принимать, чувствуя себя особенно нездоровымъ. Онъ разсматривалъ мои новые эскизы, говорилъ съ жаромъ, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ... онъ такъ любилъ меня, онъ такъ хорошо меня понималъ!

«Аркадій!» сказалъ онъ мнѣ. «Я не хочу скрывать отъ тебя радостной для насъ обоихъ вѣсти. Я думалъ было изумить тебя нечаянностію, но не буду отнимать нѣсколькихъ пріятныхъ дней ожиданія, для того только, чтобы тѣмъ сильнѣе поразить тебя потомъ извѣстіемъ неожиданнымъ. Знаешь-ли, что я подалъ просьбу объ отставкѣ? Слушай далѣе: едва получу отставку, не-

Digitized by Google

медленно ѣдемъ. Хочу поселишься въ Италіи. Здоровье мое разстроиваетсся совершенно. Мнѣ не для чего беречь его; но зачѣмъ-же и быть самоубійцею.»

Говорить-ли мнѣ о моемъ восторгѣ? Я цѣловалъ руки моего втораго отца; я едва не плакалъ отъ радости. Италія, Италія!... Мы проговорили съ нимъ до глубокой ночи. Мой благодѣтель прожилъ нѣкогда года два въ Италіи. Онъ много разсказывалъ мнѣ вообще о своихъ путешествіяхъ, объ Италіи особенно. Теперь мнѣ усладительно было вновь услышать отъ него все, что уже слыхалъ я прежде. Наконецъ онъ всталъ, проспился со мною, взялъ свою ночную лампадку. Всѣ въ домѣ давно уже спали. Мы были съ нимъ одни совершенно. Выходя изъ комнаты, онъ вдругъ остановился... Какъ теперь помню я этотъ блѣдный свѣтъ, упавшій отъ лампадки на его блѣдное, задумчивое лицо! Онъ еще разъ взглянулъ на меня, улыбнулся, протянулъ ко мнѣ руку, и сказалъ четыре стиха любимаго своего поэта:

Du missgönnst
Dem Bild des Märterers den goldnen Schein
Um's kahle Haupt wohl schwerlich; und gewiss,
Der Lorbeerkranz ist, wo er dir erscheint,
Ein Zeichen mehr des Leidens, als des Glücks!... (*)

(*) Тёте.

Digitized by Google

Что такое были эти слова? Предчувствіе, страшное предвѣщаніе будущей моей участи, изреченное устами того, кто вырвалъ меня изъ распшпельной моей жизни, и указалъ мнѣ на достоинство человѣка?... Это были *послѣднія* слова, слышанныя мною отъ моего благодѣтеля!

Я ушелъ въ свою комнату; грустное впечатлѣніе послѣднихъ словъ скоро пролетѣло; я вспомнилъ о предстоящемъ путешествіи; голова моя была въ жару; я не могъ спать, ходилъ, думалъ, мечталъ..... Къ утру только заснулъ я.... Просыпаюсь, услышавъ рыданіе.... это былъ Семенъ Иванычъ.... Онъ стоялъ подлѣ моей постели, и не могъ выговорить ни одного слова.... И безъ словъ его я понялъ ужасную истину.... «*Онъ умеръ*!» вскричалъ я внѣ себя. Бросаюсь въ спальню благодѣтеля моего.... Тихъ, спокоенъ былъ ликъ умершаго; задумчивая улыбка застыла на устахъ его.... Смерть не смѣла стереть этой улыбки. Онъ былъ теперь счастливъ..... онъ разсчитался съ жизнію....

Аркадій не могъ болѣе продолжать, закрылъ лицо руками, и тихо плакалъ. Крупныя слезы текли между его пальцами—такъ крѣпко прижалъ онъ руки свои къ лицу.... Я не въ силахъ

Digitized by Google

былъ выговорить ни одного утѣшительнаго слова. Всякое утѣшеніе казалось мнѣ оскорбленіемъ священной горести, какою чтилъ онъ память незабвеннаго для него человѣка. . . .

(До слѣдующей книжки).

КРИТИКА.

— *Система Россійской Словесности*, составленная Профессоромъ Иваномъ Давыдовымъ. М. Въ Унив. т. 1832. 41 стр. in-8.

Что такое Словесность? Можетъ быть, многіе порадуются добродушію, съ какимъ предлагаемъ этотъ вопросъ мы, въ Журналѣ, особенно посвященномъ Словесности. Но остроумныя слова, которыя можно было-бы сказать при этомъ, останутся не высказанными, если обратятъ малѣйшее вниманіе на сущность предлагаемаго вопроса. Только первому впечатлѣнію можетъ показаться страннымъ изслѣдованіе задачи, составляющей предметъ постоянныхъ трудовъ многихъ поколѣній; только поверхностный умъ можетъ не видѣть, что отъ рѣшенія сей задачи зависитъ участь Словесности. Не мы предлагаемъ здѣсь вопросъ: онъ находится въ самомъ предме-

Digitized by Google

тѣ. Да, Словесность остается донынѣ вопросомъ неразрѣшеннымъ. Переберите всѣ, такъ называемыя Теоріи Словесности, Нѣмецкія, Французскія, Англійскія, и, если угодно, ошголоски ихъ, Русскія Теоріи Словесности — вы ни гдѣ не найдете удовлетворительнаго рѣшенія вопроса: что такое Словесность? Но мы сказали, и повторяемъ, что отъ рѣшенія сей задачи зависитъ участь Словесности. Въ наше время, и общества и Науки слѣдуютъ путемъ не безотчетнаго опыта: направленіе шѣхъ и другихъ повинуется теоріямъ, извлеченнымъ изъ умозрѣнія, и повѣреннымъ Исторіею; наше время любитъ законы, то есть истины, приведенныя въ соотвѣтственность съ существующимъ порядкомъ дѣлъ, и безначаліе должно быть для насъ столь-же бѣдственно въ Словесности, какъ и въ обществѣ. И отъ чего-же происходитъ нынѣшнее жалкое состояніе Словесности, какъ не отъ ложнаго понятія объ оной, отъ невѣдѣнія истинныхъ законовъ ея, отъ безсмысленнаго, эмпирическаго заняттія оною? «Геніи не повинуются вашимъ законамъ,» говорятъ люди, не умѣющіе давать себѣ отчета ни въ явленіяхъ, видимыхъ ими, ни въ словахъ, которыми выражаютъ они свое несносное удивленіе. Но геніи болѣе нежели повинуются законамъ: они сами открываютъ для насъ законы. Аристидъ и Эпаминондъ не нуждались въ Уложеніи Греческой Полиціи: они сами были образцами общественныхъ добродѣтелей; но не всѣ Греки были Аристиды, не всѣ и литтераторы геніи. Будьте сами Шекспиромъ, Данте, Кальдерономъ въ Словесности, или повинуй-

Digitized by Google

тесь *писаннымъ* законамъ ихъ. Иначе, вы будете поклоняться злашому идолу, пошому что Богъ только съ избранными бесѣдуетъ лицомъ къ лицу, только имъ посылаетъ свои вдохновенія.

Но Словесность, какъ часть проявленія духа человѣческаго, не можетъ быть удѣломъ однихъ геніевъ: она есть необходимая принадлежность всѣхъ, потому что во всякомъ человѣкѣ таится стремленіе выражать себя въ словесныхъ созданіяхъ. Такъ и должно быть, ибо мысль, данную вѣкомъ, или указанную геніемъ, можетъ развить, показать во всѣхъ подробностяхъ, и наконецъ *истощить*, только цѣлый народъ. Для обработыванія Словесности потребны многіе, потому что никакой геній не можетъ одинъ выразить того, что должна выражать она. Убѣдившись въ этомъ, не презирайте въ Словесности того, что называется *толпою*, *народомъ*. Это дѣйствовавшели, равно полезные своими неудачами и успѣхами. Это люди, образующіе Словесность, и собственно отъ нихъ зависитъ она, ибо Геніи бываютъ только исключеніями, а всякое исключеніе подтверждаетъ правило общее. Да, лишь долговременные, усильные труды поколѣній, а не отдѣльныхъ лицъ, образуютъ Словесность. Но гдѣ являются многія лица, толпа, общность, тамъ всегда необходимы законы, извлеченные изъ опыта и умозрѣнія; тамъ необходима Теорія.

Показавъ необходимость Теоріи Словесности, скажемъ и то, что Теорія сія была искони предметомъ многихъ изслѣдованій. Это служитъ но-

Digitized by Google

вымъ доказательствомъ ея необходимости и какъ-бы потребности, которую чувствуютъ всѣ народы: дѣйствовать правильно, сообразно высшимъ законамъ, о коихъ они всегда имѣютъ предвѣдѣніе. Только тамъ, гдѣ Словесность подчинялась какому нибудь однообразному направленію, или была поглощена однимъ чувствомъ, слѣдовательно не имѣла полнаго проявленія, только тамъ не было попытокъ для Теоріи Словесности. У Индійцевъ видимъ огромную, великую письменность; но религіозное направленіе народа препятствовало въ оной развитію всѣхъ элементовъ жизни, и она по необходимости сдѣлалась одностороннею. Въ ней существуютъ почти всѣ роды Словесности, но какъ-бы въ зернѣ, которое еще не произвело плода! Тамъ не могло быть Теоріи. Въ Аравіи, гдѣ кочевая жизнь и наѣзднические обычаи столь сообразны съ природою, гдѣ Бедуинъ и вольныя степи его служатъ вѣрнымъ символомъ идеи Арабскаго народа, Словесность также не могла развернуться вполнѣ, и ознаменовалась особенною, одностороннею образованностью тамошнихъ обитателей. Почти всѣ Восточные народы подверглись сему недостатку: у нихъ нѣтъ истиннаго развитія Словесности, нѣтъ и изслѣдованій о Теоріи оной. Само собой разумѣется, что тамъ, гдѣ Словесность ограничивалась пѣснями и народными разсказами, у Скандинавовъ, у древнихъ жителей Британскаго острова, и у всѣхъ мелкихъ, или еще грубыхъ народовъ, не могла родиться мысль о Теоріи.

Но за то всѣ народы, совершившіе полный кругъ жизни, или достигнувшіе высокой степени

Digitized by Google

просвѣщенія, занимались Теоріею Словесности. Греки, Римляне, и нѣкоторые современные намъ народы, представляютъ въ семъ случаѣ важный предметъ для изслѣдованій. Любопытно было-бы взглянуть на постепенное развитіе и совершенствованіе мысли о сей Теоріи, явившейся у перваго изъ образованныхъ народовъ и достигшей высокой степени въ наше время. Но мы должны ограничивать свои наблюденія, и довольствоваться только тѣмъ, что потребно для нашихъ выводовъ. Мы показали необходимость Теоріи; видимъ и Историческое доказательство сей необходимости.

Обращаясь къ нынѣшнему состоянію Теоріи Словесности, изслѣдователь не безъ удивленія находитъ, что до сихъ поръ она еще составляетъ предметъ споровъ, недоумѣній, и, не смотря на нѣкоторыя блестящія открытія частныя, не имѣетъ никакой опредѣленности, никакой системы. Даже самый предметъ ея: Словесность, какъ мы сказали, остается вопросомъ.

Русскіе еще не начинали жить умственною жизнію въ то время, когда многіе Европейцы уже занимались Теоріею Словесности. По неизбѣжному преимуществу, какое всегда имѣютъ образованные народы надъ необразованными, они внесли къ намъ свои Теоріи, и мы долго, можетъ быть слишкомъ долго повиновались онымъ. Нынѣ, когда Нѣмецкая Философія породила у насъ новыя требованія въ Наукахъ и Искусствахъ, Теорія Словесности должна была также подвергнуться преобразованію. Новый опытъ

Digitized by Google

преобразованія видимъ мы въ книжкѣ Г-на Давыдова, который, въ концѣ прошедшаго 1832 года, издалъ *Систему Россійской Словесности*, въ изложеніи краткомъ, но вполнѣ выражающемъ понятія его о семъ важномъ предметѣ.

Мы не согласны съ самыми основаніями новой Теоріи Автора, и потому не будемъ замѣчать подробностей, которыя могли-бы подать поводъ къ оспариваніямъ, но могли-бы и увлечь насъ въ изслѣдованія, слишкомъ обширныя. Такъ, напримѣръ, въ исчисленіи извѣстнѣйшихъ опредѣленій Словесности, мы желали-бы найдти взглядъ болѣе вѣрный. «Греки,» говоритъ Авторъ, «иначе раздѣляли Науки и Искуства, въ отношеніи къ образованію ума и сердца: отъ того и о Словесности они имѣли другое понятіе, не сходное съ понятіемъ новыхъ народовъ.» Здѣсь надобно сказать совершенно на оборотъ: Греки имѣли свои понятія о Наукахъ и Искуствахъ: отъ того иначе и раздѣляли оныя. Словесность была у нихъ не то, что наша Словесность, потому что сами они и весь міръ ихъ были совсѣмъ не такови, какъ мы и нашъ міръ. «Мысль о Теоріи Словесности прежде всѣхъ представилась Кораксу (стр. 3-я).» Это напоминаетъ объ извѣстномъ происхожденіи Трагедіи! Мы думаемъ, напротивъ, что всякая Теорія создается постепенно, а не выходитъ вдругъ изъ головы человѣческой, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Ссылка на Аристотеля не доказываетъ ничего, и самъ Авторъ подтверждаетъ мнѣніе

Digitized by Google

наше, говоря: «Названіе Словесности у Древнихъ не имѣло опредѣленнаго значенія.» Вѣроятно, потому что у нихъ даже *не было сего названія!* Словесность имѣла у нихъ свою, особенную идею. — Говоря о понятіяхъ Нѣмцевъ, Французовъ и Русскихъ, Авторъ явно смѣшиваетъ два различныя слова, имѣющія различное значеніе: *Литтература* и *Словесность* (Litteratur, Littérature, и Schöne Litteratur, Belles Lettres). Это различіе не произвольное, какъ полагаетъ Авторъ, а основанное на самой природѣ предметовъ. Никогда не бываетъ двухъ словъ для одного понятія, ибо иначе въ каждомъ языкѣ было-бы два языка, а это, кажется, невозможно. Надобно было отличить Словесность отъ Литтературы: тогда все было-бы ясно, и Авторъ не нашелъ-бы въ нихъ различнаго выраженія одного предмета. Но объ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить далѣе; теперь ограничимъ сими немногими замѣтками нашъ взглядъ на Введеніе Автора, и обратимся къ основаніямъ, на коихъ зиждетъ онъ свою Систему Словесности. Это главное.

Глубокомысленно отдѣливъ Словесность отъ Эстетики, Логики и многихъ другихъ Наукъ, Авторъ, кажется намъ, не далъ себѣ отчета только въ томъ, почему Науки сіи были смѣшиваемы съ Теоріею Словесности. Это былъ необходимый переходъ отъ понятій древняго міра къ понятіямъ Среднихъ вѣковъ, продолжавшихся въ Теоріи Словесности до половины осмнадцатаго столѣтія. Но посмотримъ, какъ самъ Авторъ воспользовался новыми идеями, которыя по-

Digitized by Google

явились въ концѣ послѣдняго столѣтія и произвели въ немного лѣтъ совершенное преобразованіе во всѣхъ Теоріяхъ? Какимъ образомъ онъ самъ опредѣляетъ Словесность?

« *Словесность есть Наука о словѣ*, какъ выраженіи мысли, *то есть Наука о свойствахъ, законахъ и дѣйствіяхъ слова*, въ значеніи выраженія мысли. »

Такое опредѣленіе Словесности есть совершенная новость. Ни одинъ теоретикъ не почиталъ Словесности *Наукой*, хотя многіе такъ называли ее въ тѣ времена, когда не знали различія между Искусствомъ и Наукою. Намъ кажется, что Авторъ сдѣлалъ большое упущеніе, не показавъ сначала сего различія. Если-бы онъ принялъ на себя сей трудъ, то можетъ быть не увлекся-бы въ такую систему, которая не вѣрна въ развитіи своемъ, отъ того что не имѣетъ прочныхъ основаній и происходитъ отъ несправедливаго понятія о существности предмета.

Для подтвержденія нашего мнѣнія, мы должны прежде всего разсмотрѣть: Въ чемъ состоитъ различіе между Наукой и Искусствомъ?

Предметъ Науки ни сколько не зависитъ отъ человѣка. Человѣкъ не создаетъ въ ней ничего. Умъ его можетъ безпрерывно открывать въ ней новыя истины, снимать съ нея самые таинственные покровы и приводить знаніе свое въ систему,

Digitized by Google

но онъ не можетъ измѣнить законовъ природы и духа своего. Можетъ-ли онъ населить новыми обитателями Океанъ, изобрѣсти новые земные и воздушные процессы, или преобразить свой организмъ? Никакъ! Въ Наукѣ предметъ данъ, готовъ, неизмѣненъ: открывайте таинственные законы его, возвышайтесь умомъ до высочайшихъ истинъ; но вы всегда останетесь подъ закономъ необходимости. Ни духъ человѣческій, ни природа, сіи два главные предмета Науки — не зависятъ отъ нашей воли.

Въ Искуствѣ находимъ совсѣмъ иное. Тамъ все зависитъ отъ человѣка. Тамъ дѣйствуетъ онъ подъ закономъ свободы, и все покоряетъ своей фантазіи. Тамъ повинуется ему весь міръ, и ссужаетъ его всѣми своими богатствами. Небо и земля, со всѣми своими разнообразными явленіями, дѣлаются достояніемъ его, и все въ мірѣ какъ будто говоритъ ему: твори! Человѣкъ повинуется данной ему отъ Бога способности, и выражаетъ творенія своего духа въ Музыкѣ, въ Живописи, въ Скульптурѣ, въ Архитектурѣ — и въ Словесности. Успѣхъ есть непремѣнный законъ во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка, но въ Наукахъ является онъ въ видѣ открытій, а въ Искуствахъ въ видѣ созданій.

Здѣсь различіе между Наукою и Искуствомъ, и мѣсто занимаемое Словесностью, опредѣляются столь вѣрно, что никакія дальнѣйшія развитія не поколеблютъ сего раздѣленія. Здѣсь видимъ сколь различны законы Искуствъ и Наукъ.

Digitized by Google

Но если мы согласимся съ Авторомъ *Системы Россійской Словесности*, что Словесность есть Наука, то гдѣ найдемъ доказательства сему? Что можетъ человѣкъ *открыть* въ Словесности? И какимъ образомъ будетъ онъ творить, если Словесность есть Наука?

Дальнѣйшее разсмотрѣніе *Системы* почтеннаго Автора покажетъ намъ, въ какую сбивчивость и въ какія противорѣчія вовлекся онъ отъ одного несправедливаго понятія.

Мы сказали, что Авторъ не сдѣлалъ раздѣленія между Наукою и Искусствомъ, и имѣли право сказать это, хотя далѣе онъ и посвятилъ *нѣсколько строкъ* оному. Вотъ онѣ: «Свойство Наукъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ внѣшніе предметы разрѣшаются въ понятія; обратно, когда умственныя представленія низводятся во внѣшнія, ощутительныя, раждается Искусство.» По этому опредѣленію можно доказать, что картина, внѣшній предметъ, долженствующій составить понятіе въ разсматривающемъ ее, есть предметъ Науки, а стригальная машина, сначала составившаяся въ умѣ человѣка, не имѣвшаго для нея образца въ природѣ, есть предметъ Искусства! Это недоразумѣніе произошло отъ того, что Авторъ не различилъ тѣхъ свободныхъ *дѣйствій* человѣка, которыя находятся въ сферѣ Полезнаго или Благаго, отъ свободныхъ проявленій фантазіи, которыя находятся въ сферѣ Изящнаго, или, говоря иными сло-

Digitized by Google

вами, не различилъ Ремеслъ и Промышленности, отъ Искусства собственно такъ называемаго, или Искусствъ Изящныхъ.

« Слово, » говоритъ онъ, « составляетъ особый « кругъ свѣдѣній и понятій, особый предметъ из- « слѣдованій точно такъ-же, какъ самая *мысль*, « или *мышленіе*, есть предметъ отдѣльной Науки; « а потому Словесность, какъ совокупность осо- « быхъ знаній, имѣетъ свое содержаніе — можетъ « быть Наукою особою, самостоятельною. »

Темнота происходитъ здѣсь не отъ того, что- бы Авторъ дурно выражался, но отъ того, что понятіе его о Наукахъ имѣетъ въ себѣ что-то сбивчивое. Онъ отдѣляетъ выраженіе отъ мысли, и дѣлаетъ его предметомъ особой Науки, ясно го- воря, что *мысль* есть опять предметъ отдѣльной Науки. И такъ Словесность должна: или ограничить- ся только *выраженіемъ*, то есть Граммашикою, или совмѣстить двѣ Науки въ одной. Это опять что-то новое, неслыханное! Самъ Авторъ прежде сего оспоривалъ вмѣшиваніе въ Словесность не принадлежащихъ къ ней Наукъ, и слѣдственно здѣсь впадаетъ онъ въ прошиворѣчіе явное; но еще явнѣе оно, когда Авторъ говоритъ въ концѣ своей книж- ки (стр. 40-я): « Спросятъ: принадлежатъ-ли къ произведеніямъ Словесности вообще сочиненія по части Естественной Исторіи и другихъ Наукъ? Безъ сомнѣнія принадлежатъ. » Ясно-ли? Авторъ, вначалѣ (первымъ своимъ опредѣленіемъ) низво-

Digitized by Google

дишъ Словесность до Грамматики, а потомъ захватываешъ въ область ея *всѣ* Науки, такъ что по его выводу Словесность есть все, что только выражаетъ человѣкъ словомъ. Даже разговоръ о погодѣ становится Словесностью.

Отъ чего произошла эта сбивчивость? Отъ чего явилось столько противорѣчій въ *Системѣ* Автора? Отъ того, что принятое имъ начало не вѣрно: началомъ Науки его было случайное созвучіе: *Слово* и *Словесность*. Если-бы у насъ было принято, напримѣръ, названіе *Беллетристики*, вмѣсто *Словесности*, то выводы Автора, можетъ быть, не явились-бы на свѣтъ. Это кажется невѣроятнымъ—но *это есть*. Автору непремѣнно хотѣлось сдѣлать Словесность Наукою, и онъ употребилъ для этого всю утонченность своей діалектики. Такое начало повело его къ слѣдствію неизбѣжному: ввести въ Словесность все, что только можетъ облекаться въ слово, то есть всѣ Науки, ибо безъ сего остались-бы для Словесности, только: Грамматика и Риторика съ Піитикою, какъ часть приготовительная, какъ матерія и форма не одушевленныя, и три вида Словесности: Эпопея, Лирика, Драма, которыя самъ Авторъ признаетъ (какъ увидимъ далѣе) Искусствомъ. Гдѣ-жь была-бы тутъ Наука? По необходимости надлежало внести въ нее Исторію, Естествознаніе, словомъ всѣ Науки, а въ доказательство, что все это Словесность, указать на Бюффона и Карамзина, какъ на писателей краснорѣчивыхъ. Авторъ такъ и сдѣлалъ.

Digitized by Google

Не входя въ подробное оспориваніе всѣхъ мыслей Автора, которыя не могутъ быть вѣрны, потому что не вѣрно основаніе ихъ, мы постараемся, хотя кратко, представить истинное понятіе о Словесности, при чемъ ошибка *Системы Россійской Словесности* будетъ еще виднѣе.

Для дѣйствій человѣка есть три области, не болѣе: Науки, какъ изслѣдованіе истины; общественная дѣятельность, какъ изысканіе Полезнаго или Благаго, и наконецъ Искуство, область Изящнаго. *Повѣркою* всего этого, если можно для краткости употребить подобное выраженіе, служитъ Философія. Области сіи не раздѣлены между собою столь недоступно, чтобы дѣйствія въ одной не переходили въ другую. Всего чаще человѣкъ соединяетъ ихъ непрерывною нитью своей дѣятельности. Науки употребляетъ онъ для пользы и блага, такъ-же какъ общественную образованность, слѣдствіе идеи блага, употребляетъ для дальнѣйшихъ, безпрерывныхъ открытій въ Наукахъ. Изящное также часто служитъ для удобства жизни его. Все это необходимо потому, что соединено узами неразрывными, и все служитъ для одной, свыше предуставленной цѣли: для развитія Человѣчества, каждымъ дѣяніемъ своимъ прославляющаго Всемогущество Божіе.

Между тѣмъ, только три области существуютъ для дѣйствій человѣка. Утвердившись на сей истинѣ, столь извѣстной и объясненной въ наше время, что доказывать ее было-бы даже неумѣстно въ

Digitized by Google

статьѣ, предназначаемой для читателей просвѣщенныхъ, спрашиваемъ: къ которой изъ упомянутыхъ областей принадлежитъ Словесность? Безъ сомнѣнія къ Изящному. Словесность составляютъ *письменныя* произведенія человѣка, то есть созданія духа его, получившія прочную форму посредствомъ не только слова, но и письма. Здѣсь значеніе слова, или, яснѣе, *словъ*, становится для насъ понятно. Слова суть только форма, которую употребляетъ человѣкъ такъ-же какъ письмена, какъ кисть и краски, какъ бронзу и мраморъ, какъ дерево и камень, для выраженія созданій своихъ въ вещественныхъ формахъ. Слѣдственно, отнюдь не слово играетъ главную роль въ произведеніяхъ его, а мысль. Но мы видѣли, что для дѣятельности духа человѣческаго есть только три области, и что только въ Изящномъ является человѣкъ творцомъ. Онъ можетъ выражать Изящное только въ Искусствахъ. Произведенія Искусства суть собственныя произведенія человѣка, или творческаго духа его. Въ какихъ формахъ могутъ являться произведенія сіи? Въ звукахъ—это Музыка; въ очеркахъ и краскахъ—Живопись; въ статуяхъ—Скульптура; въ кривыхъ и прямыхъ линіяхъ—Архитектура; въ словахъ—Словесность. Средствами Искусствъ человѣкъ можетъ проявлять не одни произведенія духа своего. Звуками можетъ онъ подражать всѣмъ звукамъ природы; очерками и красками можетъ представить предметъ изъ Наукъ или обыкновенной жизни своей; въ статуѣ можетъ представить слона или дерево; изъ кривыхъ и прямыхъ линій образовать

Digitized by Google

простую хижину. Такъ-же точно и словами, которыя составляютъ средство самое обширное, разнообразное и гибкое, онъ можетъ облекать не только произведенія духа своего, но и всѣ мысли, собственныя свои, и мысли природы. Таково назначеніе слова или языка.

И что такое самый языкъ, или слово, принимая сіе послѣднее за способность всего человѣчества выражать свои мысли словами? Искуство, которое можетъ быть болѣе или менѣе совершеннымъ, когда какъ въ Наукахъ этого нѣтъ: предметъ всякой Науки совершенъ самъ въ себѣ, и еще никому не приходило на мысль находить недостаточность или несовершенство въ Математикѣ, въ Физикѣ, въ Философіи, когда какъ всякій чувствуетъ, что слово не достаточно для выраженія мыслей человѣка. Каждая Наука столь совершенна и всеобъемлюща въ своемъ родѣ, что для объема ея не достаетъ человѣка, прожившаго уже тысячи лѣтъ, между тѣмъ какъ, напротивъ, ни одинъ, самый обработанный языкъ, не достаточенъ для выраженія всѣхъ мыслей человѣка, всѣхъ утонченностей въ понятіяхъ его, всѣхъ таинствъ его самого и природы. Отъ чего это? Отъ того что языкъ создаетъ самъ человѣкъ, а Науки, или лучше сказать предметы Наукъ существуютъ въ совершенствѣ своемъ отъ начала вѣковъ. Языкъ человѣка дикаго бываетъ едва достаточенъ для выраженія самыхъ обыкновенныхъ предметовъ; языкъ человѣка, уклонившагося въ одностороннюю обра-

Digitized by Google

зованность, дѣлается одностороннимъ и грубѣетъ вмѣстѣ съ оцѣпенѣніемъ ума, какъ напримѣръ у Китайцевъ и Японцевъ; наконецъ языкъ человѣка образованнаго становится орудіемъ великимъ, многообъемлющимъ, удивительнымъ, но еще далеко и вѣчно недостаточнымъ для полнаго выраженія всего человѣка. Онъ находится въ совершенной соотвѣтственности съ другими орудіями его: музыкальными звуками, красками, и веществами для произведеній Скульптуры и Архитектуры. Но для однихъ-ли Изящныхъ Искуствъ употребляетъ ихъ человѣкъ? Нѣтъ! потому что произведенія его могутъ находиться подъ вліяніемъ трехъ различныхъ идей, какъ упомянули мы выше: Истиннаго, Благаго, Изящнаго. Одинъ и тотъ-же духъ человѣческій, однимъ и тѣмъ-же орудіемъ, словомъ, выражаетъ мысли природы въ Наукахъ, собственно такъ называемыхъ; мысли общественной дѣятельности въ Наукахъ Политическихъ, и собственныя свои въ Искуствахъ. Посему, никакъ не льзя почитать книгъ по части Естествознанія или Исторіи, произведеніями Словесности. Въ Естествознаніи человѣкъ является изслѣдователемъ природы, въ Исторіи изслѣдователемъ дѣяній Человѣчества, но въ обоихъ случаяхъ онъ не творитъ ничего. Природа и Человѣчество слѣдуютъ предначертаннымъ для нихъ свыше законамъ. И въ обществѣ, человѣкъ является также лицомъ страдательнымъ: и тамъ дѣйствія его руководствуются не собственною его волею, но окружающими его обстоятельствами; слѣдственно, всѣ созданія его

Digitized by Google

по сей части не принадлежатъ собственной его творческой силѣ. Мы не почли-бы нужнымъ возражать на слѣдующее замѣчаніе, которое могли-бы намъ сдѣлать: «Куда-же принадлежатъ художническія Бюффоновы описанія изъ Естественной Исторіи, или *Исторія Государства Россійскаго?*» Но замѣчаніе это сдѣлано, и потому надобно сказать о немъ нѣсколько словъ, или напомнить о томъ, что сказали мы выше.—Между человѣческими дѣйствіями нѣтъ такой грани, которая рѣшительно отдѣляла-бы Науки отъ Искусствъ, или Искусства отъ Ремеслъ. Не все изящное принадлежитъ къ Изящнымъ Искусствамъ. Въ произведеніи Искусства должна быть необходимо идея поэтическая, облеченная изящными формами. Но какая идея въ Бюффоновыхъ описаніяхъ глаза, носа, ушей, клыковъ и хвостовъ, или цѣлаго человѣка и животныхъ, какъ предметовъ природы? У Карамзина, также, предметъ былъ данъ и не отъ писателя зависѣло превратить Исторію въ изящное созданіе Искусства. Правда, въ человѣкѣ есть врожденное стремленіе облекать изящными формами всѣ предметы, находящіеся въ его распоряженіи — и стремленіе сіе основано на чувствѣ глубокомъ. Онъ стремится привести въ изящныя формы предметы самые ужасные или величественные, и даже самые непріятные для него. Посмотрите, напримѣръ, на ряды грозной арміи: всѣ возможныя украшенія соединены въ ней — хотя идея войскъ совсѣмъ не изящна! Посмотрите на домашній бытъ человѣка: его домъ, его мебели, и даже вся домашняя утварь, чашки и подсвѣчники — все об-

Digitized by Google

лечено въ возможно изящныя формы. Но неужели эти произведенія изящныя, неужели все это твореніа Искусства? Смѣшна даже мысль: доказывать, что предметъ, имѣющій назначеніемъ пользу, можетъ принадлежать къ Изящнымъ Искусствамъ! Но менѣе-ли странна мысль, что изслѣдованіе истины есть предметъ или произведеніе Изящнаго Искусства? Исторія Карамзина, или Бюффонова Естественная Исторія принадлежатъ къ Словесности — то есть къ Искусству Изящному — столько-же, какъ отдѣланный изящно телескопъ Фрауэнгофера, или изящная суповая чаша, принадлежатъ къ Скульптурѣ — другому Искусству Изящному. Въ доказательство-же, какъ мало значитъ въ подобныхъ твореніяхъ изящная наружность ихъ (ибо идеи изящной въ нихъ быть не можетъ), напомнимъ, что Бюффонова Исторія въ наше время не имѣетъ почти ни какой цѣны, а Исторія Карамзина — по крайней мѣрѣ уже не почитается произведеніемъ образцовымъ.

И такъ: Словесность есть Искусство, и въ этомъ смыслѣ принадлежатъ къ ней только произведенія Лирическія, Эпическія и Драматическія, то есть только тѣ произведенія, въ которыхъ человѣкъ полагаетъ единственною цѣлію: проявленіе творческой силы своей въ словѣ. Вотъ предѣлы и объемъ Словесности! Послѣ сего, кто не убѣдится, что механическая часть Словесности — Азбука, Граммашика, Стопосложеніе, Риторика (какъ знаніе формъ, въ коихъ являются произведенія словесныя), столько-же принадлежатъ къ Словесности, какъ знаніе нотъ и правилъ

Digitized by Google

музыкальныхъ къ Музыкѣ, или умѣнье рисовать правильно и составлять краски къ Живописи. Это необходимыя принадлежности, это механическая, приготовительная часть Искусства — но не само Искусство.

Излишне было-бы разсматривать, что есть опровергать развитіе *Системы* Автора, въ которой Грамматика дѣлается предметомъ Науки, а Риторика — несчастная Риторика, аномалія въ Искусствѣ нашего времени — повторяетъ почти всѣ наставленія, которыми думала она руководствовать и образовывать писателей, но вмѣсто того убивала ихъ дарованія! Замѣтимъ однакожь самое разительное.

Въ третьей части, названной Авторомъ: *Произведеніе (!) Словесное*, изъ *Науки* является *Искусство*! Слѣдственно все, что писалъ онъ впереди, было написано только для того, чтобы быть опровергнутымъ въ третьей части! Слѣдственно и Наука его ограничивается только Грамматикой и Риторикой, а третьей части Науки, долженствовавшей служить вѣнцомъ всего зданія, недостаетъ; слѣдственно и Науки нѣтъ: есть только *матеріялъ* и *форма* для нея, какъ самъ Авторъ называетъ обѣ части приготовительныя!

Но противорѣчія въ этой части его сочиненія безчисленны. Называя Словесность то Искусствомъ, то Наукою (стр. 30-я и 36-я, 35-я и 39-я), Авторъ находитъ въ ней только два отдѣленія;

Digitized by Google

Краснорѣчіе и *Піитику*, но причисляетъ къ Краснорѣчію и *Учебныя Сочиненія*, и *Письма* (!) (стр. 31-я), и *Исторію*, и даже — *Путешествія!* Я думаю, очень изумились учебныя книжки, когда ихъ поставили рядомъ съ Исторіею и Ораторскими рѣчами; а Путешествія вѣрно въ первый разъ увидѣли себя въ одномъ разрядѣ съ Политическими сочиненіями (стр. 31-я и 32-я)! Въ *Теоріи Стихотворства* у Автора явился *романъ* — да романъ, прозаическое сочиненіе (стр. 34-я). Въ Искусствѣ нашелся такой видъ Поэзіи, который имѣетъ цѣлью — поученіе (стр. 35-я)! Наконецъ Авторъ говоритъ: «Между предметами сего начертанія Словесности нѣтъ ни одного, заимствованнаго изъ другой Науки; нѣтъ также ни одного, который-бы отнесенъ былъ къ другой Наукѣ: вѣрное доказательство цѣлости и полноты содержанія.» Но доказательство это разрушаетъ самъ Авторъ, признавая необходимымъ предложить объ *изяществѣ* (т. е. объ изящномъ) изъ Эстетики, заняться изслѣдованіями Психологическими изъ Философіи, и Логическими изъ Логики (стр. 30-я). Исторію Словесности называетъ онъ особою Наукою (стр. 40-я) и между тѣмъ находитъ ее необходимою для своего предмета (стр. 37-я). Почитая сочиненія по части Естествознанія и всѣхъ Наукъ принадлежностью Словесности, онъ не упоминаетъ о нихъ въ своемъ начертаніи — и слѣдственно относитъ ихъ къ другимъ Наукамъ. Гдѣ-же *цѣлость* и *полнота* содержанія? Но не довольствуясь рѣшительнымъ утвержденіемъ своимъ, Авторъ прибавляетъ: «Съ другой стороны,

Digitized by Google

ни одного предмета (въ его Системѣ) не льзя переставить съ одного мѣста на другое, безъ нарушенія связи и послѣдовательности, потому что вездѣ общее предшествуетъ частному, а частное особому: доказательство единства и точности формы.» Напротивъ, не только можно переставлять предметы этого начертанія, но даже и самъ Авторъ переставляетъ ихъ: Историческія сочиненія принадлежатъ у него къ Рѣчамъ похвальнымъ, Путешествія къ Исторіи, поучительныя сочиненія къ Стихотворству! Непремѣнно должно переставить ихъ по принадлежности: связь и послѣдовательность возстановятся отъ этого, а не нарушатся. Также и общее вовсе не предшествуетъ у него частному: начиная свое сочиненіе Грамматикой, могъ-ли онъ сказать, что общее предшествуетъ здѣсь частному? Самъ Авторъ признаетъ Грамматику матеріяломъ, который Искусство должно привести въ цѣлыя созданія.—Замѣтимъ еще, что Авторъ хотѣлъ составить учебную книжку Словесности, то есть руководство къ Искусству Словесности, а въ Искусствахъ обученіе никогда не начинается съ общаго. Самая цѣль книги заставила его идти путемъ аналитическимъ; какъ-же можно послѣ этого утверждать противное? Въ Философической Теоріи своего Искусства, онъ могъ-бы, и даже былъ-бы долженъ, слѣдовать методѣ синтетической и повѣрять ее анализомъ.

Вообще мы принуждены сказать, что давно не случалось намъ разсматривать книги, заключающей въ себѣ столь много противорѣчій и недо-

Digitized by Google

умѣній всякаго рода. Но таковы неизбѣжныя слѣдствія сочиненія, котораго главная мысль не вѣрна въ основаніи своемъ. Если-бы Авторъ отдѣлилъ отъ Словесности *Литтературу*, или *Письменность*, къ которой могутъ относиться сочиненія всѣхъ родовъ, и если-бы, отличивъ Искуство отъ Науки, не вздумалъ сдѣлать Словесность Наукою, то конечно не впалъ-бы въ такія погрѣшности, какія нашли мы въ его книгѣ.

Замѣтимъ объ изложеніи Автора, что оно кажется намъ не свойственнымъ Русской учебной книгѣ. Русскій умъ можетъ лучше понимать сочиненіе, писанное обычнымъ для него образомъ выраженія. Но въ книгѣ Г-на Давыдова видны слишкомъ сильныя впечатлѣнія Нѣмецкихъ Философовъ, которые мало думаютъ объ изложеніи своихъ мыслей. Для Рускихъ надобно болѣе ясности, болѣе, такъ сказать, *говорливости*, хотя сіе послѣднее и не должно доходить до многорѣчія мыслителей Французскихъ. Кажется также, начинать должно съ той точки, на которой вообще находится Русская образованность. Можно было-бы сказать, что Г. Давыдовъ писалъ для своихъ слушателей; но, я думаю, въ юношахъ, желающихъ учиться, не льзя предполагать образованности болѣе чѣмъ въ публикѣ. Сверхъ того, Г. Давыдовъ издалъ свою книгу и для публики. О названіи книги замѣтимъ, что *Россійской Словесности* нѣтъ въ мірѣ, такъ же какъ нѣтъ *Великобританской* или *Австрійской*. Словесность получаетъ имя отъ языка, употреб-

Digitized by Google

дяемаго для нея, и потому должно говорить: *Русская*, *Англійская*, *Нѣмецкая* Словесность.

Намъ показались также странны ссылки Г-на Давыдова на нѣкоторыхъ авторовъ. Напримѣръ: « Необходимо изложить Исторію Краснорѣчія Отечественнаго, съ указаніемъ на Разсужденія о семъ предметѣ Проф. Каченовскаго. » Двѣ, три небольшія статьи Г-на Каченовскаго, на которыя указываетъ Авторъ, кажется не могутъ составлять авторитета, когда онѣ не составляли его и за двадцать лѣтъ. — Говоря объ Эпопеѣ, Авторъ находитъ необходимымъ разобрать — Хераскова. Но для чего-же не Омира, не Виргилія, или, изъ Русскихъ, не Пушкина? Для Исторіи Отечественнаго Стихотворства, Авторъ совѣтуетъ пользоваться Разсужденіями о семъ предметѣ Мерзлякова.

Надѣемся, что если почтенный, уважаемый нами Авторъ и не согласится съ нашими сужденіями, то по крайней мѣрѣ отдастъ справедливость чистому желанію открыть истину.

К. П.

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Собраніе Стихотвореній Ивана Козлова.* 2 части. СПб. 1833. Въ т. Инспекц. Деп. Военнаго Министерства. 268 и 292 стр. in-8. (*).

Въ немного лѣтъ, имя Поэта Козлова стало извѣстно не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Странная судьба этого необыкновеннаго человѣка, съ лишеніемъ тѣлесныхъ силъ получившаго силу поэтическую, извѣстна такъ-же какъ и его сочиненія, доставившія ему высокое мѣсто въ ряду лучшихъ писателей нашихъ. Осмѣлимся сказать, что чувство (впрочемъ благородное), чувство *участія* къ горестной судьбѣ человѣка, лишеннаго зрѣнія и ногъ, заставляло многихъ изъ самыхъ усердныхъ цѣнителей его, забывать о самомъ Поэтѣ и обращать слишкомъ много вниманія на судьбу его. Почти каждое извѣстіе о новомъ сочиненіи или пе-

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 10 р. ассигн. за экземпляръ.

Digitized by Google

реводѣ Г-на Козлова начиналось, обыкновенно, словами: «Судьба его должна возбудишь участіе въ нѣжныхъ сердцахъ; несчастіе было для него геніемъ живошворнымъ; мы увѣрены, что Муза Поэта страдальца пробудишъ въ сердцахъ» — то и то, и такъ далѣе. Не знаю, что чувствовалъ Поэтъ, слыша о себѣ такіе отзывы, но, скажу чистосердечно, я не могъ безъ досады читать подобныхъ сужденій о Поэтѣ, который въ самыхъ произведеніяхъ своихъ являетъ истинное дарованіе, и не горестнымъ состояніемъ пѣла, но поэтическимъ умомъ и чувствомъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ любителей Изящнаго. Что вамъ за дѣло до Козлова страдальца, когда вы говорите о Козловѣ-Поэтѣ? Благоговѣю передъ всякимъ, свыше ниспосланнымъ бѣдствіемъ, потому что благоговѣю передъ Всевышнимъ Промысломъ; но никогда не подумаю оскорблять нѣжныхъ чувствъ поэтической души, какъ будто вымаливая у читателей вниманія къ тому, что прекрасно само по себѣ. А что иное какъ не вымаливаніе значатъ слова, которыхъ прямой смыслъ: «Уважьте это сочиненіе: его написалъ страдалецъ.» Нѣтъ: отличимъ страдальца отъ поэта, и соболѣзнуя всѣми нѣжными чувствами къ первому, будемъ говорить только о послѣднемъ.

Въ первый разъ напечатаны теперь *всѣ Стихотворенія* Козлова, въ одномъ изданіи. До сихъ поръ видѣли мы отдѣльное появленіе Повѣсшей его, переводовъ и мѣлкихъ Стихотвореній. Нѣкоторыя изъ нихъ были изданы два и даже три раза: явленіе, доволь-

Digitized by Google

но рѣдкое у насъ, и показывающее, какъ любишъ и уважаешъ дарованіе Козлова Русская публика. Вспомнимъ, какимъ образомъ знакомилась эта безпристрастная цѣнительница дарованій съ любимцемъ своимъ.

Прежде всего начали появляться въ періодическихъ изданіяхъ мѣлкія стихотворенія его. Въ это время публика еще читала, и можетъ быть даже цѣнила дорого нѣсколько гладкихъ стиховъ, заключавшихъ въ себѣ мысль или нѣтъ — это было другое дѣло. Но уже она была утомлена поддѣльными дарованіями; она умѣла уже различать истинное дарованіе отъ свойственной молодымъ писателямъ страсти писать стихи; надобно было внутреннее достоинство въ стихахъ, чтобы она обратила на нихъ особенное вниманіе. Козловъ предсталъ къ ней со своимъ глубокимъ чувствомъ, со своимъ грустно-поэтическимъ взглядомъ на природу и людей — публика начала ожидать отъ него многаго. Онъ не измѣнилъ ея ожиданіямъ. *Чернецъ*, небольшая Поэма, напечатанная въ 1825 году, показала всю высоту, до которой можетъ достигнуть Козловъ. Многіе почитаютъ эту Поэму или Повѣсть лучшимъ произведеніемъ его; мы думаемъ, что и слѣдовавшія за нею: *Наталья Борисовна Долгорукая*, *Безумная*, *Венгерскій лѣсъ*, стоятъ не ниже ея въ храмѣ достоинства; но — скажемъ, можетъ быть, вмѣстѣ со всѣми внимательными читателями — другія произведенія Козлова были повтореніемъ того, что было новымъ въ *Чернецѣ* его. Что такое *Чернецъ*? Мысль человѣка, глубоко проникнутаго скорбью земною,

Digitized by Google

и въ уединеніи, въ отчужденіи отъ людей ищущаго жизни, уже болѣе духовной нежели земной. Эта мысль такъ естественна въ Козловѣ, страдальцѣ земли, что онъ невольно повторялъ ее во всѣхъ большихъ произведеніяхъ своихъ, то есть вездѣ, гдѣ хотѣлъ онъ выразить себя вполнѣ. Да, себя, потому что онъ, со своимъ внутреннимъ міромъ, онъ самъ видѣнъ и въ *Чернецѣ*, и въ другихъ большихъ сочиненіяхъ, вылившихся изъ души его. Въ Телеграфѣ, при появленіи каждой изъ упомянутыхъ Поэмъ, разсматривали мы подробно содержаніе каждой, и здѣсь намъ остается указать только на главныя черты оныхъ. *Чернецъ* поражаетъ читателя всею силою души, устремленной на одинъ предметъ; но за то онъ блѣденъ и часто холоденъ въ подробностяхъ. *Наталья Долгорукая*, напротивъ, сочиненіе растянутое и не имѣющее органической общности, блеститъ превосходными частностями. *Безумная*, можетъ быть самая слабая изъ Поэмъ Козлова, одушевлена однакожь глубокимъ чувствомъ его и не недостойна Автора *Чернеца*. Другія изъ большихъ произведеній его: *Къ другу В. А. Ж.*— высокая исповѣдь поэта передъ зерцаломъ дружбы. Въ ней, кажется, всего болѣе отражается душа любезнаго нѣжнымъ сердцамъ Автора. *Венгерскій лѣсъ*, Баллада, и — прибавимъ — довольно неудачное подражаніе Жуковскому. Въ этомъ родѣ Авторъ *Чернеца* не можетъ быть подъ *своимъ* вдохновеніемъ.

Переводы Козлова также заслуживаютъ большое вниманіе. Главные изъ нихъ: *Невѣста Абидосская*, Байрона, *Крымскіе Сонеты*, Мицкевича, и *Сел-*

Digitized by Google

скій Субботный вечеръ въ Шотландіи, Борнса. Переводы сіи вообще можно назвать прекрасными; но Переводчикъ иногда многое пересказываетъ не за автора, а говоритъ отъ себя. Это доказывали мы въ подробныхъ разборахъ нашихъ. Впрочемъ, стихотворные переводы большихъ сочиненій суть камни преткновенія для самаго сильнаго дарованія.

Мелкія Стихотворенія Козлова почти всѣ прелестны. Это частію переводы, частію собственныя сочиненія его. Не знаемъ, которымъ изъ нихъ отдать преимущество. По нашему мнѣнію, лучшими въ обоихъ родахъ можно назвать слѣдующія пьесы: *Ночь въ замкѣ Лары*, *На погребеніе Англійскаго Генерала Сира Джона Мура*, *Венеціянская ночь*, *Къ Италіи*, *Разбойникъ*, *Добрая ночь*, *Къ Тирзѣ*, *Еврейская мелодія*, *Ирландскія мелодіи*, *Вечерній звонъ*, *Къ маргариткѣ*, *Сонъ*, *Явленіе Франчески*, *Заря погасла*, *Два отрывка изъ Освобожденнаго Іерусалима*, *Фіорина*, *Разбитый корабль*, *Графинѣ Потоцкой*, *Насъ семеро* (прелестная пьеса, недавній переводъ Козлова изъ Вордсворта!), *Подражаніе Шенье*, *Не на яву и не во снѣ*.... Какой очарованный чертогъ образуютъ для васъ эти Стихотворенія, когда вы вчитываетесь въ нихъ! Сколько въ нихъ разсыпано глубокихъ чувствъ, поэтическихъ мыслей, гармоніи слова! Въ названныхъ нами пьесахъ Козловъ пѣлъ вдохновенно: отъ того не много найдетъ въ нихъ недостатковъ самый строгій критикъ, и много красотъ встрѣтитъ и сроднитъ съ душою своей всякій человѣкъ, чувствительный и образованный.

Digitized by Google

Таковы права Козлова на вѣнокъ поэтическій. Онъ поэтъ. Если-бы послѣ сего кто нибудь спросилъ: Не было-ли вдохновеніемъ его то тяжкое состояніе, которымъ онъ отдѣленъ отъ міра? Не былъ-ли геніемъ его болѣзненный одръ? На это можно отвѣчать положительно: нѣтъ! Вдохновеніе таилось въ душѣ Козлова еще въ то время, когда онъ былъ молодымъ, блестящимъ свѣтскимъ человѣкомъ, украшеніемъ обществъ Петербурга и Москвы. Болѣзнь только заставила его войдти въ самого себя, бѣдствіе только отрицательно побудило его выражать въ поэтическихъ Формахъ созданія своего духа. Но всякій-ли больной, всякій-ли несчастливецъ можетъ быть поэтомъ? Кажется, отвѣтъ несомнителенъ. Слѣдственно, глубоко ошибаются тѣ, которые почитаютъ несчастіе Козлова вдохновителемъ его. Нѣтъ, явленіе сіе представляетъ болѣе великій предметъ для размышленія. Осматриваясь вокругъ себя, кто не спроситъ у хладѣющаго отъ призраковъ свѣтскихъ ума своего: Неужели такими создало ихъ Провидѣніе? Неужели у этихъ людей, часто показывающихъ много ума, образованности и даже чувства, нѣтъ силъ душевныхъ, нѣтъ воли для того, чтобы явить себя не въ свѣтскомъ обществѣ, не въ безцвѣтныхъ, ничтожныхъ занятіяхъ обыкновенной жизни, но въ подвигахъ, требующихъ поэтическаго и вообще творческаго могущества человѣка? Тяжело и несправедливо было-бы отвѣчать на это утвердительно. Оковы свѣта удерживаютъ людей въ неподвижности, но изъ этихъ мнимыхъ автоматовъ есть избранные, въ которыхъ таятся искры божественнаго огня. Надобно

Digitized by Google

только прикосновеніе воспламеняющей силы, и огонь этотъ озаритъ горизонтъ ихъ земнаго поприща. Что-же заставляетъ ихъ вянушь въ ничтожной дѣятельности и мершвишь данный имъ отъ Бога геній? Что? Свѣтъ, со своею шумною, гремучею, лѣнивою жизнію, которая лелѣетъ каждую изъ прихотей, каждую изъ страстей, каждое изъ честолюбій мелкихъ. Оковы свѣта связаны изъ цвѣтовъ, имѣющихъ силу усыплять истинную дѣятельность человѣка, и дѣлать его рабомъ только окружающихъ его предметовъ и отношеній. Надобно чтобы необычайная сила воли, или какое нибудь великое потрясеніе души, заставили человѣка раскрыть свои душевныя очи, увидѣть туманъ, окружающій его, и воскреснуть для достойной его жизни. Такое преображеніе внутренняго человѣка совершилось съ Козловымъ. Силы души явились у него только шогда, когда онъ сбросилъ съ себя тягошившее ихъ бремя. Велико и страшно было для него это событіе; но за то божественный огнь озарилъ его душу, и разлился на изящныя его произведенія.... И вотъ онъ одинъ изъ почетныхъ представителей современниковъ своихъ!... Но такова сила привычки и укрѣпившихся въ душѣ человѣка впечатлѣній, что и теперь, даже въ лирѣ страдальца, преображеннаго Козлова, еще отзываются иногда прежніе звуки свѣта. Онъ любишь сказать вѣжливость хвалимой въ свѣтѣ дамѣ, удивляться невидимой для него красошѣ лица ея, или восхищаться могуществомъ глазъ ея. Часто даже онъ измѣняешъ своему главному чувству, по которому единственно сдѣлался онъ поэтомъ, и вдае-

Digitized by Google

ся въ сантиментализмъ и въ какую-то юношескую рѣзвость, въ заботливость о мелочахъ.... Просимъ извиненія у милаго, драгоцѣннаго намъ Поэта, въ добросердечной искренности нашей. Мы сражаемся не съ сочиненіями его, а съ этимъ свѣтомъ, съ этимъ ужаснымъ, обаятельнымъ свѣтомъ!... И неужели только бѣдствія могутъ исхитить изъ него человѣка? Неужели надобно желать несчастія, чтобы сдѣлаться человѣкомъ? Нѣтъ, такая мысль была-бы слишкомъ безчеловѣчна. Довольно просвѣщенной, всесильной воли.

— *Послѣдній Новикъ, или Завоеваніе Лифляндіи въ царствованіе* Петра Великаго. Историческій романъ. Сочиненіе Ивана Лажечникова. 4 ч. М. Въ т. С. Селивановскаго и А. Семена. 1831, 1832 и 1833 гг. 316, 342, 287 и 283 стр. in-12.

Эпоха, избранная Г-мъ Лажечниковымъ для своего романа, принадлежитъ къ самымъ необычайнымъ въ Русской Исторіи, и къ самымъ счастливымъ для романиста. Мы говоримъ о царствованіи Петра. Но Авторъ взялъ въ удѣлъ себѣ не ту великую раму, которую наполняетъ своимъ блескомъ Петръ, и не Россію, преображенную могучимъ геніемъ, мужавшуюся въ странной противоположности съ прежнимъ ея бытомъ. Онъ взялъ одно событіе: завоеваніе Лифляндіи, гдѣ также дѣйствовалъ геній Петра и являлись многіе изъ знаменитыхъ его сподвижниковъ. Въ этой картинѣ

Digitized by Google

помѣстилъ онъ одно таинственное лицо, изгнанника родины, нѣкогда измѣнника святымъ чувствамъ вѣрнаго сына отечества, *послѣдняго* Новика (что означало родъ Пажа при Царевнѣ Софіи). Это лицо связано съ главными нитями романа. Стремясь загладить преступленіе своихъ юныхъ лѣтъ, Новикъ дѣлается шпіономъ-предателемъ Шведовъ, и всѣми средствами дружитъ Рускимъ, вредя своимъ чужеземнымъ покровителямъ. Г. Лажечниковъ представляетъ его одною изъ главныхъ причинъ завоеванія Лифляндіи (можетъ быть на счетъ даже поэтической истины), и показываетъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Намъ кажется, что это лицо не во всемъ соотвѣтствуетъ своему вѣку. Въ немъ слишкомъ много рыцарскаго, по духу, если не по дѣяніямъ; а это едвали было возможно въ тотъ вѣкъ и у такихъ народовъ, гдѣ не было никакой посредствующей мысли между властителемъ и слугою. Послѣдній Новикъ долженъ былъ дѣйствовать какъ слуга, при всемъ мужествѣ и умѣ своемъ; а не такимъ представилъ его Авторъ. — Катерина Раббе, также представлена не очень вѣрно, ибо въ ней едвали узнаетъ кто нибудь плѣнительную любимицу Петра, впослѣдствіи бывшую Императрицею Всероссійскою. Такія лица — сокровище для романиста, и въ изображеніи ихъ всего болѣе можетъ онъ показать свое искуство. Въ самомъ дѣлѣ, какъ предположишь, чтобы люди изъ простаго званія, игравшіе впослѣдствіи великія роли на поприщѣ міра, уже гораздо прежде не носили въ себѣ начала всѣ-

Digitized by Google

го, чему надлежало только развернуться, дабы привести міръ къ ихъ стопамъ? Ихъ взглядъ, ихъ чувства и рѣчи должны быть ознаменованы ихъ геніемъ. Но въ Катеринѣ Раббе Г-на Лажечникова не замѣтно этого, и подруга ея, Луиза Зегевольдъ, представляетъ болѣе игры страстей. За то, герой-мученикъ, Пашкуль, изображенъ Авторомъ съ особеннымъ чувствомъ. Это одно изъ самыхъ занимательныхъ лицъ его романа. Еще одно лицо достойно особеннаго вниманія: это ересіархъ Андрей, глубокій честолюбецъ, котораго страсти не умерли и въ томъ низкомъ состояніи, которому обрекъ онъ себя, также изъ честолюбія. Авторъ представилъ его очень хорошо, и свиданіе Андрея съ Новикомъ въ пустынной хижинѣ, можно почесть мастерскимъ произведеніемъ. Вообще однакожь Авторъ показываетъ болѣе искусства въ очертаніи характеровъ комическихъ, каковы историческое лицо Пасторъ Гликъ, естествоиспытатель Биръ, шутъ и карла Голіаѳъ Самсоновичъ, дѣвица Горнгаузенъ. Характеры Генераловъ Русскихъ и Шведскаго Военачальника Шлиппенбаха, изображены слабо, хотя и составляютъ собою картину занимательную, ибо на нихъ положена печать современности. Великій Петръ является на мгновенія, мимоходомъ, и потому Авторъ не могъ показать намъ, достало-ли бы его силъ для гигантскаго подвига: изобразить Петра. Нѣкоторыя лица кажутся намъ изысканными и слишкомъ много дѣйствующими; напримѣръ Баронъ Фюренгофъ, злая Ильза, Баронесса Зегевольдъ, Траутфеттеры, Ник-

Digitized by Google

лазсонъ, и вообще вся Ливонская челядь. Изысканными почитаемъ ихъ мы потому, что страсти въ нихъ доведены или до безумія (въ скупцѣ Фюренгофѣ, въ Ильзѣ, въ Никлазсонѣ и многихъ другихъ), или до смѣшнаго (въ Дипломатикѣ): слѣдовательно естественность потеряна; слишкомъ дѣйствующими считаемъ ихъ потому, что любовь Траушфешнера, злодѣйства Фюренгофа и Никлазсона, безумство Ильзы, преступныя шалости ея сына, дипломатика Баронессы, занимаютъ страхъ какъ много мѣста. Сверхъ того, эти лица ввели Автора въ большую несообразность. Самый невнимательный читатель замѣтитъ, что Фюренгофъ и Траушфешнеры, со всѣми своими приключеніями, не принадлежатъ собственно къ роману Г-на Лажечникова: такъ рѣзко отдѣлены они отъ главнаго узла происшествій. Новикъ и завоеваніе Лифляндіи теряются изъ виду, какъ скоро на сценѣ Лифляндскіе помѣщики, съ ихъ мѣлкими страстями и приключеніями. Можно было-бы очертить ихъ немногими, рѣзкими, смѣлыми очерками, для показанія духа туземцевъ, а не удвоять романъ, то есть не дѣлать изъ него двухъ, не связанныхъ внутреннею жизнью романовъ, и не писать двойнаго числа страницъ, въ ущербъ занимательности. Отъ этого-же явилось у Г-на Лажечникова такое множество лицъ, что они заслоняютъ одни другихъ, и не могутъ остаться въ памяти самаго усерднаго читателя; потому не исчисляемъ ихъ и мы.

Безпристрастно указывая на недостатки сочиненія

Digitized by Google

Г-на Лажечникова, скажемъ съ такимъ-же безпристрастіемъ, что оно отличается и великими достоинствами своего рода. Главное: въ немъ есть жизнь, есть поэтическое одушевленіе, и лица его, каковы-бы ни были они, являются не куклами, вмѣсто которыхъ говоритъ авторъ, а живыми, одушевленными созданіями. Разсказъ Автора почти вездѣ правдоподобенъ, и вѣренъ истинѣ въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Мы разумѣемъ здѣсь истину не историческую, а такъ сказать описательную. Напримѣръ: движенія войскъ, явленія природы, видимое волненіе дѣйствующихъ лицъ, описаны столь удовлетворительно, что читатель говоритъ внутренно: да, это было такъ. Подобное признаніе читателя есть побѣда, ибо, по справедливому замѣчанію одного мыслителя, читатель, принимаясь за книгу, идетъ въ борьбу съ авторомъ: онъ жестокій противникъ, и сдѣлается или побѣдителемъ вашимъ, если вы не выполните его ожиданій, или дружески подастъ вамъ руку, въ знакъ вѣчнаго мира: онъ другъ вашъ. Въ этомъ случаѣ, Г. Лажечниковъ пріобрѣлъ много друзей; мы увѣрены въ томъ, судя по собственному впечатлѣнію. Не оставляя въ душѣ читателя полноты чувства, сочиненіе его однакожь награждаетъ множествомъ ощущеній пріятныхъ: доказательство, что не входя въ разрядъ созданій великихъ, которыя восхищаютъ человѣка отъ земли и уносятъ къ идеалу, изображенному авторомъ, *Послѣдній Новикъ* исполненъ красотъ отдѣльныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, это сочиненіе не ровное: въ немъ есть мѣс-

Digitized by Google

ша, гдѣ — скажемъ откровенно — вниманіе скучаетъ и утомляется; но за то есть и такія мѣста, гдѣ увлекаетесь и совершенно поддаетесь Автору. Мы упомянули о свиданіи Новика съ Андреемъ; можемъ указать еще на убіеніе сего послѣдняго, на изображеніе Русскаго стана и на разговоръ воиновъ Петровыхъ, на допросъ Раскольнику, на описаніе осады, и проч. и проч. Скажемъ наконецъ, что не малое достоинство видимъ мы въ какомъ-то особенномъ простодушіи описаній Автора. Читая его, видите прекрасную душу, на которой, какъ на безоблачномъ небѣ, рисуются чуждыя ему облака страстей и бѣдствій человѣческихъ. Онъ понимаетъ всѣ ошибки ихъ, но смотритъ на нихъ по своему, и отъ того изображаетъ оригинально. Герои его, и дѣйствія ихъ, не вездѣ вѣрны общимъ идеаламъ, но за то и не скопированы съ созданій В. Скотта, Манцони или В. Гюго. Вотъ почему желаемъ мы, чтобы почтенный Авторъ не остановился на одномъ романѣ, а продолжалъ-бы разрабатывать то поле, на которомъ первый шагъ его ознаменованъ успѣхомъ. Искуство требуетъ глубокихъ изученій и многихъ опытовъ. Надѣемся, что Авторъ *Новика* явится публикѣ съ новымъ созданіемъ, болѣе полнымъ и обработаннымъ, особенно въ слогѣ, котораго въ *Новикѣ* не льзя назвать безгрѣшнымъ. Въ немъ довольно ошибокъ, и только красоты всего сочиненія заставляютъ не обращать на нихъ вниманія.

Digitized by Google

— *Поселянка.* Повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе А. Б. Часть первая. М. 1833. Въ т. Рѣшетникова. 92 стр. in-8.

Извѣщаемъ объ этой книжкѣ для того только, чтобы заглавныя буквы имени сочинителя не ввели въ ошибку кого нибудь, не читавшаго *Поселянки.* Для доказательства-же, что не льзя приписать ея кому нибудь изъ лучшихъ авторовъ Русскихъ, приведемъ, на удачу, нѣсколько строчекъ изъ сей *Повѣсти въ стихахъ:*

А поповичъ подлипала,
Кончалый Бурсакъ,
Все твердитъ ей: «Царства мало
За единъ твой зракъ!»

Въ церкви глазъ съ нея не сводитъ,
Ноты свои мнетъ;
На него столбнякъ находитъ
Лишь она взойдетъ.

Платоническимъ Амуромъ,
Въ длинномъ сертукѣ,
Съ семинарскимъ каламбуромъ,
Съ тросточкой въ рукѣ,

Въ хороводахъ прибаутки
Расточаетъ онъ....

Digitized by Google

Кажется, этого достаточно.... Не такъ вѣжливъ Авторъ къ своимъ читателямъ: онъ говоритъ въ заключеніе Первой Части:

Прощай, читатель благосклонный!
Пора Каменѣ отдохнуть;
И *бредъ* ея неугомонный
Я доскажу когда нибудь!

Покорнѣйше благодаримъ за обѣщаніе! Это и не *бредъ*, какъ видно, а право не хорошо; каковъ-же будетъ *бредъ* Камены Сочинителя?...

— *Графъ Робертъ Парижскій.* Романъ Восточной Имперіи. Соч. Сира Вальтеръ-Скотта. Перевелъ съ Англійскаго С. де Шаплетъ. 4 ч. СПб. 1833. Въ т. Вдовы Плюшаръ съ сыномъ. 283, 288, 215 и 170 стр. in-12.

— *Опасный Замокъ.* Послѣднее сочиненіе Сира Вальтеръ-Скотта. Перевелъ съ Англійскаго С. де Шаплетъ. 2 ч. СПб. 1833 г. (въ т. Плюшара). 253 и 235 стр. in-12.

Мы говорили уже въ Телеграфѣ о *Робертѣ Парижскомъ*, послѣднемъ большомъ романѣ Шотландскаго Баронета (Тел. 1832 г., кн. 14, стр. 248.) *Опасный Замокъ* изданъ былъ вмѣстѣ съ *Робертомъ Парижскимъ*: это повѣсть изъ Шотландскихъ преданій, довольно большая и занимательная. Но главное,

Digitized by Google

что возбуждаетъ участіе читателя: это *послѣднее* сочиненіе В. Скотта. Онъ приложилъ, въ заключеніе сей повѣсти нѣчто въ родѣ прощанія съ читателями. Прощаніе это умно и трогательно. Вотъ оно:

« Абботсфордъ, Сент. 1831.

« Извѣстно читателю, что по всѣмъ вѣроятностямъ, сіи повѣсти суть послѣднія, которыя Сочинитель предаетъ сужденію публики. Онъ готовъ теперь отправиться въ чужіе края. Королю, его Государю, угодно было назначить военный корабль, для перевезенія Автора *Веверлея* въ тѣ страны, гдѣ онъ можетъ поправить свое здоровье, и возвратиться потомъ, тихо окончить жизнь свою, въ родимой сторонѣ. Если-бы онъ продолжилъ свои обыкновенныя работы, то болѣе нежели вѣроятно, что въ лѣта, до коихъ достигъ онъ (говоря выразительнымъ языкомъ Св. Писанія), *сосудъ сокрушился-бы у источника*. Кто былъ столь благополученъ, что обладалъ не совсѣмъ обыкновенною частію драгоцѣннѣйшихъ благъ сего міра, тотъ не имѣетъ большаго права жаловаться, когда жизнь его, съ приближеніемъ къ концу, не изъемлется отъ превогъ и бурь, коихъ никто изъ насъ избѣжать не можетъ. Тревоги и бури еще не совсѣмъ тяжко обременили его, хотя показали, что и ему надобно участвовать въ уплатѣ сей части долга человѣческаго. Большая часть тѣхъ, кто въ своихъ отношеніяхъ могъ-бы показать Автору *Веверлея* свое участіе въ его страданіяхъ, уже не су-

Digitized by Google

ществуетъ нынѣ. И тѣ, которые съ нимъ вмѣстѣ пережили ихъ, имѣютъ право ожидать, что въ томъ, какъ перенесетъ онъ неизбѣжное зло, увидятъ они примѣръ душевной твердости и терпѣнія, особливо если это человѣкъ далекій отъ жалобъ на жребій свой въ теченіе своего земнаго странствованія. — Автору *Вэверлея* не достаетъ выраженій, коими могъ-бы онъ изъяснить свою признательность публикѣ. Но, можетъ быть, ему позволено надѣяться, что таковъ, каковъ онъ есть, умъ его не одряхлѣетъ скорѣе тѣла, и что онъ снова можетъ предстать благосклонному вниманію друзей своихъ, если не въ прежнемъ родѣ сочиненій, то въ какой нибудь отрасли Литературы, предстать, и не заставитъ читателей замѣтить, что

«Слишкомъ долго старикъ остается на сценѣ!»

Черезъ десять мѣсяцевъ послѣ написанія сихъ строкъ, В. Скотта привезли въ Шотландію умирающаго. Въ Сентябрѣ 1832 года — не стало В. Скотта. . . .

Не любопытно-ли будетъ читателямъ нашимъ видѣть полное исчисленіе всего, что издано было В. Скоттомъ въ теченіе его жизни? Полный Французскій переводъ сочиненій его, сдѣланный Дефоконпре, составляетъ 165 томовъ, in-12. Вотъ содержаніе ихъ: . . . . . .

Лей послѣдняго Министреля. Поэтическій романъ. . . . . 1.

Digitized by Google

Марміонъ. Поэтическій романъ. . . . . 2.

Два Озера и *Невѣста Тримéна.* Поэтическіе романы. . . . . 2.

Матильда Рокеби и *Гаральдъ Неукротимый.* Поэт. романы. . . . . 2.

Владѣтель острововъ. Поэт. романъ. . . . 1.

Видѣніе Дона Родерика. Поэтич. романъ. *Легенды* и *Баллады.* . . . . . 1.

Всеобщая Исторія Драматическаго Искусства, съ приложеніемъ *Опыта о Мольерѣ* и *Галидонъ-Гилля*, драматическаго очерка. . . . 2.

Литтературные опыты о Романахъ и *Рыцарствѣ.* . . . . . 2.

Народныя пѣсни и *баллады южныхъ предѣловъ Шотландіи.* . . . . . 4.

Жизнь Драйдена. Исторія Англійской Литтературы, со временъ Шекспира до 1700 года. 2.

Записки о жизни и *сочиненіяхъ Свифта.* . . 2.

Жизнеописанія извѣстныхъ романистовъ, отъ Фильдинга до нашего времени. . . . . . 4.

Записки о разныхъ писателяхъ и *знаменитыхъ людяхъ* (Байронъ, Георгъ III-й, Герцогъ Іоркскій, Лордъ Соммервилль, Герцогъ Букклей, и проч.) 2.

Письма Павла къ его семейству. . . . . . 3.

Жизнь Наполеона, и *Исторія Французской Революціи.* . . . . . 18.

Исторія Шотландіи, разсказанная дѣдушкою внуку. . . . . 11.

Проповѣди. . . . . . 1.

Digitized by Google

Веверлей. . . . . 4.
Гюй-Маннеринг. . . . . 4.
Антикварій. . . . . 4.
Робъ-Рой. . . . . 4.
Шотландскіе Пуритане, и *Таинственный Карло*. Первый отдѣлъ *Разсказовъ моего хозяина*. . . . . 4.
Темница Эдинбургская. Второй отдѣлъ *Разсказовъ моего хозяина*. . . . . 4.
Невѣста Ламмермурская и *Счастливый офицеръ*. Третій отдѣлъ *Разсказовъ моего хозяина*. . . . . 5.
Ивангое. . . . . 4.
Монастырь. . . . . 4.
Аббатъ. . . . . 4.
Кенильвортъ. . . . . 4.
Морской разбойникъ. . . . . 4.
Приключенія Ниджеля. . . . . 4.
Певериль Пикскій. . . . . 4.
Кентенъ Дюрвардъ. . . . . 4.
Сенъ-Ронанскія воды. . . . . 4.
Редгаунтлетъ. . . . . 4.
Исторіи изъ временъ Крестовыхъ походовъ: *Коннетабль Честерскій* и *Ричардъ въ Палестинѣ*. 6.
Вудстокъ. . . . . 4.
Кенонгетскія Лѣтописи: *Вдова Гейлендская—Два погонщика—Дочь лекаря*. . . . . 4.
Двѣ Перѳскія, или день Св. Валентина. . 4.
Зеркало тетки Маргериты, и другія повѣсти, съ присовокупленіемъ *Опыта объ употребленіи Чудеснаго въ романахъ*. . . . . 1.

Digitized by Google

Карлъ Смѣлый. . . . . 4.

Исторія Франціи, разсказанная дѣдушкою внуку. . . . . 3.

Исторія Демонологіи. . . . . 2.

Роберть Парижскій, и *Опасный Замокъ*. Чешвертый и послѣдній ошдѣлъ *Разсказовъ моего хозяина*. . . . . 6.

Полагаюшъ, чшо эшо изданіе Французскаго перевода сочиненій В. Скошша расходилось всего болѣе, и чшо его должно положишь кругомъ въ 4000 экземпляровъ; слѣдовашельно, эшого изданія распродано было всего до 600,000 шомовъ.

Сюда не вошло однакожъ еще многое, какъ-шо: *Исторія Шошландіи*, сосшавляющая одно изъ ошдѣленій *Исторіи Великобриташіи*, для которой Мскинношъ написалъ *Исторію Англіи*, а Т. Муръ *Исторію Ирландіи*. Множесшво Журнальныхъ сшашей, примѣчаній, введеній, написано было В. Скошшомъ, и не переведено еще на Французскій языкъ донынѣ. Говоряшъ, чшо въ бумагахъ Шошландскаго Романисша найдены еще огромныя его *Записки*. Все эшо хошяшъ собрашь и издашь; а шакже думаюшъ напечашашь и любопышную переписку его. Понимаемъ шакое уваженіе сошечесшвенниковъ къ памяши человѣка великаго, и вчужѣ радуемся эшому уваженію.

Но мы было и забыли о Русскомъ переводѣ двухъ *послѣднихъ* романовъ В. Скошша. Въ рецензіи на

Digitized by Google

переводъ *Исторіи Наполеона*, сдѣланный Г-мъ де Шаплетомъ, замѣшили уже мы, что Г-нъ де Шаплетъ напрасно ставитъ на нѣкоторыхъ книгахъ, имъ переводимыхъ: «Переводъ съ *Англійскаго.*» Скажемъ тоже и о *Робертѣ Парижскомъ.* Доказать не трудно, что это переводъ съ Французскаго перевода. А что онъ сдѣланъ весьма небрежно, на то даже и доказательствъ не надобно: *возьми его, читай и виждь!* Приписывая это тому, что онъ сдѣланъ наскоро, скажемъ мимоходомъ, что даже имена собственныя не поставлены въ немъ надлежащимъ образомъ, а писаны на Французскій манеръ: *Себастъ, Блакерналь, Княгиня* Анна, Никифоръ *Бріенъ, Богемонъ, Норманъ*, и проч.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.* — Овидій, разсказывая о смерши Адониса, говоритъ, что Венера услышала вопль своего любовника, обратила колесницу свою, влекомую двумя лебедями, къ той сторонѣ, откуда слышались крики, и нашла своего любимца обагреннаго кровью. Она вознегодовала на Судьбу и въ горести рвала свои волосы. Къ этому Овидій прибавляетъ, что желая сохранить воспоминаніе о своемъ несчастіи и предметѣ своей печали, она возлила нектару на кровь Адониса, которая въ одну минуту и произвела цвѣты, похожіе на гранатные и названные впослѣдствіи *анемонами*.

Въ картинѣ Пуссена видимъ богиню красоты, на колѣняхъ подлѣ того, чью смерть оплакиваетъ она. Видно, что она только сію минуту оставила свою колесницу, на которой сидятъ двѣ птицы. Критики строгіе, которымъ бываетъ такъ мало работы при разсматриваніи картинъ Пуссеневыхъ, удивляются, что здѣсь нѣтъ лебедей, о коихъ говоритъ Овидій, и прибавляютъ, что птицы, предназначенныя нести колесницу Венеры, слишкомъ малы: скорѣе можно принять ихъ за во-

Digitized by Google

робьевъ, чѣмъ за голубей. Критики утверждаютъ еще, что аллегорическое изображеніе рѣки слишкомъ колоссально: не такова должна быть маленькая рѣка Адонисъ, которая отъ горы, гдѣ истокъ ея, и до моря, въ которое она впадаетъ, не простирается болѣе какъ на двѣ или на три мили.

Картина сія шириною въ 3 фута и 6 дюймовъ, вышиною въ 1 ф. и 7 д. — Бакуа снялъ съ нея эстампъ.

—*Библіографическая рѣдкость.*—Не льзя не назвать библіографическою рѣдкостью книги, которую видѣли мы у одного изъ соотечественниковъ нашихъ, участвовавшаго въ послѣднихъ Турецкихъ походахъ. Это: *Постановленія о прекращеніи гумной заразы, составленныя, по порученію Главнаго Госпитальнаго Комитета при Главной Квартирѣ 2-й арміи, исправляющимъ должность Полеваго Генералъ-Штабъ-Доктора арміи, Статскимъ Совѣтникомъ Холодовичемъ.* Знающіе люди отдаютъ полную справедливость трудамъ сего истиннаго благодѣтеля человѣчества, врача, извѣстнаго своими обширными свѣдѣніями, не щадившаго жизни своей, и спасавшаго тысячи людей, какъ въ Турецкой, такъ, послѣ того, въ Польской кампаніяхъ. Милости, изліянныя на Г-на Холодовича Государемъ Императоромъ, признательность соотечественниковъ, и уваженіе самыхъ враждовавшихъ съ нами народовъ—

Digitized by Google

таковы сушь свидѣтельства прекрасныхъ гражданскихъ подвиговъ сего почтеннаго, благодѣтельнаго мужа.—Въ *Постановленіяхъ*, какія составилъ онъ въ Турціи, по повелѣнію Начальства, и какія наблюдались тамъ во все время Турецкой войны, видѣнъ опытный врачъ и истинный другъ людей. Всѣ сіи *Постановленія* заключаются въ *десяти* отдѣленіяхъ, и содержатъ въ себѣ подробно мѣры управленія, Медицинскія постановленія и хозяйственныя правила, а именно: I, О распорядительной части; II, О мѣстныхъ коммисіяхъ; III, Общія Медико-Полицейскія мѣры; IV, О Госпиталяхъ и лазаретахъ; V, О каранти нахъ — чумныхъ и предохранительныхъ— о каранти нныхъ строеніяхъ; VI, О срокахъ каранти ннаго очищенія вообще—о срокахъ очищенія вещей и домовъ — общія правила при очищеніи вещей —частныя замѣчанія—о срокахъ для очищенія животныхъ; VII, О способахъ очистительныхъ; VIII, О предохранительныхъ способахъ; IX, Объ освидѣтельствованіи скоропостижно умершихъ; X, О погребеніи умершихъ отъ чумной заразы; XI, О распознаваніи чумы и различіи отъ другихъ сходныхъ съ нею болѣзней.

Но мы хотѣли увѣдомить читателей нашихъ о *библіографической рѣдкости*: именно, эти-же *Постановленія*, составленныя Г-мъ Холодовичемъ, суть драгоцѣнность для библіографа, ибо они едва-ли не *первая Русская книга*, напечатанная въ Турціи. Съ какимъ-то невольнымъ удивленіемъ читаешь на заглавномъ листочкѣ ихъ: «Г. Бургасъ. *Печатано въ Типографіи Главнаго Штаба* 2-й

Digitized by Google

Арміи 1830 года, т. е. въ походной типографіи Русской, находившейся, въ 1830 году, въ Бургасѣ. Не смотря на то, можно полюбоваться красотою буквъ, чистотою печатанія, исправностью корректуры. Дай Богъ, чтобы въ Петербургѣ и Москвѣ печаталось болѣе книгъ такъ превосходно! Замѣчательно еще, что по неимѣнію печатной бумаги, книга напечатана была на разнообразной Турецкой бумагѣ, дѣлаемой въ небольшомъ форматѣ, если не ошибаемся въ Австріи, и привозимой во множествѣ въ Турцію для продажи. Бумага сія тонка, сѣроватаго и желтоватаго цвѣта, и приноровлена ко вкусу Азіятскому.

— *Еще замѣтка къ жизнеописанію А. П. Сумарокова.* — Въ 6-мъ нумерѣ Телеграфа нынѣшняго года, въ спашѣ: *Біографическая поправка*, въ возраженіе на слова Д. И. Хвостова, что А. П. Сумароковъ наслѣдовалъ отъ отца своего орденъ Св. Анны, сказано: «Думаемъ, что это невѣрность очевидная, ибо законъ о наслѣдованіи орденовъ едва-ли у насъ существовалъ когда нибудь?»—Хотя въ справедливости сего доказательства нѣтъ никакого сомнѣнія, и даже вмѣсто словъ: *едва-ли у насъ существовалъ когда нибудь*, можно было-бъ рѣшительно поставить: *никогда у насъ не существовалъ*, ибо это противно учрежденію орденовъ, награждающихъ только личныя заслуги; однакожь А. П. Сумароковъ все таки *наслѣдовалъ* послѣ отца названіе: amans justiciam, pietatem, fidem (*). Это было вотъ какимъ образомъ:

(*) Девизъ ордена Св. Анны.

Май 1833.

Digitized by Google

Екатерина, увидѣвъ Сумарокова вскорѣ послѣ смерти отца его, спросила, шутя: «Много-ли, А. П., получилъ ты въ наслѣдство?» — Ничего, матушка Государыня, почти ничего—отвѣчалъ тотъ: —жадные заимодавцы все расхватали! Одна только вещь осталась на память; позволь, матушка, хоть ту имѣть при себѣ! — «Она твоя, по законамъ,» отвѣчала Государыня.

Сумароковъ смекнулъ дѣломъ, и на другой день явился во дворецъ въ Аннинской лентѣ. «Ахъ, плутъ! обманулъ меня!» сказала смѣючись Государыня. «Ну, да такъ и быть: чтобы приличнѣе носить тебѣ этотъ орденъ, поздравляю тебя Статскимъ Совѣтникомъ!

Вотъ какъ я слышалъ этотъ анекдотъ отъ покойнаго Профессора Н. Н. Сандунова, имѣвшаго необыкновенный даръ сдѣлать занимательными лекціи Россійскаго Законовѣдѣнія, которыя, безъ того, показались-бы скучными для неопытныхъ молодыхъ людей. Впрочемъ, мало надѣясь на свою память, я не ручаюсь, какъ за достовѣрность этого происшествія, такъ и за то: близокъ-ли описанный мною разговоръ къ подлиннымъ словамъ Екатерины и Сумарокова.

М. Ицковъ.

СПб.

— *Объ изданіи* Запорожской Старины.

Семь лѣтъ уже прошло съ того времени, какъ я началъ трудиться надъ собираніемъ памятниковъ старины Запорожской и вообще Украинской, и наконецъ, собравши довольно большое число Пѣсенъ, Думъ, Сказокъ, Лѣтописей, изучивши преданія,

Digitized by Google

сколько было возможно, ознакомясь съ мѣстностями, рѣшаюсь издать всѣ памятники, находящіеся въ моемъ собраніи, подъ названіемъ: *Запорожская Старина*, въ надеждѣ и съ цѣлію принести моимъ изданіемъ хотя маловажную услугу любителямъ отечественныхъ древностей.

Первая книжка уже печатается. Содержаніе оной слѣдующее:

I. Предисловіе.

II. Пѣсни и Думы о лицахъ и событіяхъ до Богдана Хмельницкаго. *Пѣсни:* 1, 2, о Свирговскомъ; 3, 4, о Серпягѣ; 5, Сожженіе Могилева; 6, Убіеніе Наливайки; 7, 8, О Тетеренкѣ; 9, Подвиги Лсбоды; 10, О Сагайдачномъ; 11, О Саввѣ Чаломъ; 12, О Чураѣ. — *Думы:* 1 Дары Баторія; 2, Походъ противу Ташаръ; 3, Битва Чигринская; 4, Смерть Ѳедора Безроднаго; 5, Побѣгъ изъ Азова; 6, Походъ на Поляковъ.

III. Замѣтки.

Содержаніе 2-й книжки, которая служитъ вмѣсто примѣчаній къ первой (и находится уже въ Цензурѣ):

I. Предисловіе.

II. Сказаніе, ошкуда Козаки Запорожане и чѣмъ славны. 7 Сказаній.

III. Замѣчанія: 1. Взятіе Кіева Гедиминомъ. Что понимали Украинскіе Лѣт. подъ словомъ: Кіевъ. 2. Разборъ сказокъ Боплана о промышленности Козаковъ.—3. Луга—Гайдомаки—Лугари.—4. О происхожденіи слова: Козакъ.—5 Ляхи. Земля Лядская и проч. 6. Первый походъ Козаковъ противу Крымцевъ.—

Digitized by Google

Оръ—Акерманъ.—7. Пища Козаковъ.—8. Жилища ихъ: курени, пологи.—9. Устройство и распорядокъ войска Запорожскаго до Стефана Баторія.—10. О Родѣ.—11. О Сѣчи.—12. Наказанія.—13. Одежда Запорожцевъ.—14. Добыча—Клады—Скарбища.—15. Храбрость Козаковъ.—16. Подвиги Сварговскаго. Переводъ 20 пѣсенъ о немъ.—17. Подвиги Богданка.—18. Хоругвь, булава, бунчукъ. Дума о пожалованіи оныхъ Баторіемъ, въ переводѣ.—19. Взглядъ на устройство войска Запорожскаго при Стефанѣ Баторіи.—20. Иванъ Подкова. Двѣ пѣсни и дума о немъ, въ переводѣ.—Львовъ—Каневъ.

Книжка третья переписывается.

Издаю сіи книжки по подпискѣ. Цѣна за всѣ три, съ пересылкою, и съ дополнительными тетрадями, кои будутъ издаваемы повременно — *десять рублей ассигнаціями.*

Тѣ, кои пожелаютъ выписать Запорожскую Старину, могутъ адресоваться на имя Издателя, Кандидата Измаила Срезневскаго, въ *Харьковъ*, съ приложеніемъ вышеозначенной суммы.

Измаилъ Срезневскій.

Въ 9-й книжкѣ Телеграфа 1833 года, на стр. 167-й, послѣ строки 12-й пропущено нѣсколько словъ, отъ чего и фраза осталась разорванною. Просимъ читать ее слѣдующимъ образомъ: «О первой изъ сихъ Повѣстей мы уже говорили; теперь скажемъ мнѣніе наше о другой.»

На стр. 140-й, въ примѣчаніи, вмѣсто: «1829 *года*,» должно быть: «1828 года.»

Digitized by Google

Digitized by Google

Рис. Бенедери. Гр. Афанасьевъ.

Digitized by Google

№ XI. ІЮНЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОБЪ УЧАСТІИ ЖЕНЩИНЪ

НАШЕГО ВРЕМЕНИ ВЪ ПРОСВѢЩЕНІИ.

Сочиненіе Сальванди.

Въ наше время, и особенно въ нашей Франціи, можно вѣрить сочиненіямъ женщинъ. Ихъ дарованіе, то изящное и благородное, то нѣжное и гордое, то прелестное и возвышенное, умножило для насъ образцы и наслажденія, а для нихъ самихъ мастерскія произведенія и успѣхи. Никогда не было такого числа женщинъ, состязающихся въ Искусствахъ, и никогда не имѣли онѣ такой доли въ наградахъ дарованію. Можно сказать, что желаніе Сенъ-Симонистовъ уже исполнено въ республикѣ Словесности.

Нѣтъ сомнѣнія, этотъ новый характеръ образованности достоинъ замѣчанія. Кто не

Digitized by Google

признаетъ тѣснаго соединенія его съ великимъ переворотомъ, совершившимся въ послѣднія тридцать или сорокъ лѣтъ, когда столь много измѣнились пользы, отношенія, нравы? Посмотрите, какъ онъ разителенъ съ первыхъ дней нашего столѣтія! На порогѣ этого чуднаго столѣтія видимъ двухъ геніевъ, почти равныхъ могуществомъ, равныхъ богатствами ума и славою. Кто не скажетъ, что Шатобріанъ и Г-жа Сталь, на границахъ прежняго и новаго порядка дѣлъ, подобны двумъ колоссамъ передъ портикомъ храма, или близнецамъ-маякамъ, которые озираютъ и освѣщаютъ океанъ на далекое пространство? Въ Шатобріанѣ, обильная слѣдствіями оригинальность, неподражаемая пылкость, блестящая новость выраженій и образовъ, краснорѣчіе и поэзія, соединенныя и всегда вѣрныя одно другой, отражаютъ на себѣ преимущественно, и, надобно прибавить, великолѣпно отражаютъ прошедшее. Его вдохновенія, его чувствованія, его обѣты, его колоритъ и самыя картины, даже обольщенія поэта и юноши, все относится въ немъ къ временамъ протекшимъ. Политическій и религіозный духъ старыхъ вѣковъ возрастилъ цвѣты для вѣнка его, и даже въ то время, когда, мучимый жаждою независимости, онъ устремляется къ новымъ идеямъ и новымъ поколѣніямъ, всегда есть якорь, удерживающій его подлѣ древняго берега. Впро-

Digitized by Google

чемъ, не смотря на все, что отличаетъ его отъ предшественниковъ и утверждаетъ за нимъ почетное мѣсто въ ряду художниковъ, царей Литтературы, могъ-ли онъ, по сущей необходимости, не слѣдовать тѣми путями, гдѣ шли Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ, Руссо, Монтескьё, Фенелонъ, Тассъ, Данте, и всѣ превосходные геніи, означившіе свой путь среди людей яркою полосою свѣта? Г-жа Сталь, напротивъ, принадлежитъ особенно къ будущему, и отдѣляется отъ всего своего пола, призваніемъ своего дарованія, столько-же сколько самымъ дарованіемъ своимъ. Она отлична отъ всѣхъ женщинъ, обезсмертившихъ себя писаніями, такъ-же какъ начинающаяся нынѣ эра будетъ отлична отъ всѣхъ, предшествовавшихъ ей въ исторіи обществъ человѣческихъ. Однимъ словомъ, въ ней разительна новая судьба ея пола и новый геній.

Геній женщинъ, если можно такъ выразиться, есть произведеніе плодоносной почвы Греціи. Востокъ, мало занимавшійся Литтературою, или оставившій въ ней, такъ-же какъ и въ Искусствахъ, однѣ священныя громады, Востокъ не зналъ генія женщинъ; для нихъ была необходима свобода, а въ тамошнемъ горячемъ климатѣ, женщины должны были вѣчною покорностью искупить свое вѣчное могущество.

Digitized by Google

Тамъ спрятаны онѣ даже въ Исторіи. Ни одна изъ нихъ не открывается въ лѣтописяхъ всѣхъ этихъ старыхъ имперій. Надлежало занять у неба астрономическую легенду о Семирамидѣ дабы хотя одно женское имя явилось въ колыбели Азіи.

Подъ небомъ болѣе кротким, среди народовъ болѣе воинственныхъ, вмѣстѣ съ законами болѣе горделивыми, раскрывается жизнь цѣлой половины человѣческаго рода, дотолѣ задушаемая. На берегахъ Европы являются вдругъ двѣ великія новости: женщины и свобода. Первыя черты Греческой Исторіи свидѣтельствуютъ объ этомъ. Подлѣ Орфея видимъ Эвридику, и вмѣстѣ съ нимъ ищемъ ее: это бракъ. Бурныя страсти Медеи устрашаютъ насъ: это ревность. Страсть Федры отвращаетъ насъ отъ себя: это преступленіе. За Елену вооружаются всѣ Цари, потому что она убѣжала съ чужеземцемъ: это невѣрность. У Ахиллеса есть слезы для Бризеиды: это любовь. Андромаха какъ мать, Пенелопа какъ супруга, Антигона какъ дочь, открываютъ намъ новые, святые виды любви. Наконецъ любовь оживляетъ, наполняетъ, плодотворитъ всю колыбель этого героическаго народа, который будетъ великъ въ лѣтописяхъ рода человѣческаго, потому что сераль уничтоженъ имъ и

Digitized by Google

замѣненъ гинецеею, и потому что вся возможная для человѣка жизнь, заключенная въ этомъ гнѣздѣ страстей грубыхъ, разливается живошворными волнами на трибунѣ и въ Лицеѣ, въ Гимназіи и на публичной площади. Тамъ женщины не совсѣмъ подруги наши, но уже и не невольницы. Въ Спартѣ онѣ сражаются какъ мы, и это новое, но дикое равенство будетъ послѣднимъ ихъ униженіемъ. Въ Аѳинахъ, въ Коринѳѣ онѣ разговариваютъ какъ мы, и—сказать-ли? Прелестницы утверждаютъ ихъ самую благородную власть; я почти сказалъ: самую законную; власть ума надъ умомъ, власть прелести и убѣжденія. Аспазія открываетъ первую въ Исторіи гостиную. Свѣтъ, собственно такъ называемый нами *свѣтъ*, начинается при Дворѣ удивительной, блестящей любовницы Перикловой. Это былъ переворотъ незамѣтный, какъ всѣ обильные послѣдствіями перевороты, но обширный, не гибнущій, который, этимъ безвѣстнымъ дотолѣ сближеніемъ вдохновеній одного пола и силъ другаго, увеличитъ область человѣка столько-же, и еще болѣе нежели нѣкогда открытіе новаго полушарія и новаго міра.

При этомъ образованіи, столь отличномъ отъ Персидскаго и Египетскаго, явилась одна писательница. Нѣжные стихи дѣлаютъ Сафо

Digitized by Google

безсмертною. Первая пѣснь женщинъ должна была выражать любовь; но вскорѣ героическія пальмы оспориваетъ у Пиндара Коринна; второй гимнъ ихъ долженъ былъ имѣть вдохновеніемъ славу.

Римляне идутъ далѣе Грековъ. Они понимаютъ бракъ въ смыслѣ возвышенномъ. Ихъ законъ возвысилъ до неба первый изъ земныхъ союзовъ, и Римская женщина, достойная носить въ ложѣ своемъ и питать молокомъ своимъ сына царственнаго народа, обладаетъ почти всѣми правами и всѣми добродѣтелями супруги и матери. При этомъ усовершенствованномъ порядкѣ дѣлъ, женщины вступаютъ въ дѣйствительную Исторію вмѣстѣ съ Лукреціею и жертвою ея, съ Клеліею и подругами ея, съ матерью Коріолана, и Римъ, воздвигнувъ алтари Согласію, Чести, Побѣдѣ, спасенный Римъ воздвигаетъ храмъ Форшунѣ женщинъ; это былъ второй Капитолій.

Супруги Цезарей, Клеопатра, которая столько любитъ жизнь и такъ умѣетъ умереть, Арія, Эпонина, и толпа героевъ или чудовищъ другаго пола, уже раздѣляютъ съ мужчинами сцену міра, выказываясь въ добродѣтеляхъ или въ преступленіяхъ. Зиновія удивляетъ Востокъ своимъ могуществомъ и Западъ своими несчастіями. Въ часы спокойствія образованнаго міра, въ Александріи женщины изслѣдываютъ

Digitized by Google

высшія Науки, даже учатъ имъ, и блескомъ своего преподаванія приводятъ въ отчаяніе и въ бѣшенство учителей. Не одна изъ нихъ, подобно Марку-Аврелію, занимается Философіею даже во дворцѣ Императорскомъ. И когда вся эта образованность, породившая Римскій міръ, начинаетъ гибнуть, женщины пріобрѣтаютъ равенство болѣе нежели героическое, святое равенство мученичества. Упадающее язычество окончательно выполняетъ обѣтъ Христіанскаго Закона. Оно возлагаетъ одинаково на главу дѣвы и женщины, такъ-же какъ на главу исповѣдниковъ, кровавый вѣнокъ преслѣдованія. Юныя дѣвицы и женщины всходятъ на костеръ, не страшатся распятія на крестѣ и эшафода, являются въ амфитеатрахъ, на бой съ чудовищами Африки, для забавы и увеселенія чудовищъ Рима; онѣ умираютъ молясь Богу, прощая своихъ мучителей, и потомство не знаетъ, кто достойнѣе поэтическихъ пѣсенъ: Эвдора или Кимодокея. Церковныя Лѣтописи равно представляютъ религіозному почтенію народовъ Святую Аглаю и Святаго Златоуста. Елена отдаетъ Константина Христіанской вѣрѣ, и Христіанскую вѣру Имперіи. Тогда государство не удивляется болѣе, находясь подъ законами женщинъ, запечатлѣвшихъ свои вѣрованія кровію и царствующихъ въ небесахъ. Пульхерія на Востокѣ и Плакидія на Западѣ, обѣ ученыя

Digitized by Google

и любознательныя, царствуютъ собственнымъ именемъ надъ остаткомъ Римской Имперіи, и даже надъ самими свирѣпыми истребителями. Въ Византіи, дочь философа, Евдокія достигаетъ власти посредствомъ Словесности, какъ другіе Августы достигали оной посредствомъ оружія. Византія, которую клеветали мы, неблагодарные, выполняла такимъ образомъ свое новое предназначеніе. Во время крушенія вселенной, она была ковчегомъ, она хранила отъ гибели побѣжденный геній образованности, для того чтобы нѣкогда передать его оживленной Европѣ. Въ ней былъ этотъ благородный залогъ, котораго, по видимому, только родная почва Греціи была достойна, и который укрывала она, въ продолженіе десяти столѣтій, отъ ужаснаго наводненія разъяренныхъ Варваровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Варвары, какъ волны во время бури, уничтожающей всѣ преграды, покрыли собою дряхлую Римскую вселенную. Изъ крови мучениковъ, изъ побѣды новыхъ поколѣній, изъ развалинъ Рима и міра явился міръ новый. Но онъ явился, когда Науки и Словесность казались погребенными въ могилѣ древней образованности. Новая, вторая жизнь начинается для рода человѣческаго, и начинается вторымъ дѣтствомъ. Разница въ томъ, что

Digitized by Google

колыбель образованности Христіанской выше лѣствицы общественной. Нравственная власть женщинъ на вѣки ушверждена законами и религіею, чувствованіями и нравами. Видимъ превосходный образъ ея въ Клотильдѣ, покоряющей игу своей очищенной вѣры гордаго Сикамбра, и заключающей у Реймсскаго алтаря бракъ двухъ народовъ, отъ котораго родится Франція. Образецъ матери блистаетъ въ Кастильской Бланкѣ. Видимъ еще болѣе; видимъ юную дѣву, какой не знала Древность: это образъ болѣе чистый, отпечатокъ небеснаго жителя, менѣе неузнаваемый, священный посредникъ, какъ вѣрили тогда, между обѣтами людей и велѣніями Бога; еще ангелъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ женщина, которая вноситъ обожаніе въ любовь, научая мужчину чтить, уже не только слабость и свои права, но и невинность, и предметы своего обожанія. Народъ благословляетъ ее въ лицѣ Женевьевы, исцѣлившей язвы Парижа, и мановеніемъ посоха удалившей Аттилу. Міръ удивляется ей въ Іоаннѣ д'Аркъ, героинѣ-дѣвѣ, Амазонкѣ и Клеліи новыхъ временъ, умѣвшей, своимъ простымъ и добродушнымъ мужествомъ, своимъ прогашельнымъ и возвышеннымъ самоотверженіемъ, сдѣлать нашу Исторію поэтическою больше Басни, и эпическою больше Древности. Наконецъ Литература уважаетъ и чтитъ ее въ Клеменціи Изорѣ, которая проложила иной путь.

Digitized by Google

Изора идетъ къ славѣ путемъ Литературы. Это Аспазія Христіанская. Первая Академія, въ стѣнахъ Тулузы, раждается отъ ея любви къ умственнымъ трудамъ, и послѣ этого Общество *Флоральныхъ игръ*, средоточіе быстрыхъ развитій генія Франціи, увѣковѣчиваетъ, въ нашемъ счастливомъ Югѣ, пламенный обѣтъ любознательной ревнительницы Труверовъ, и передаетъ изъ вѣка въ вѣкъ ея твореніе, ея пальмы и ея память.

Эти силы, нравы и откровенія новыя были со всѣхъ сторонъ подкрѣплены рыцарствомъ. Рыцарство есть героическій вѣкъ новыхъ обществъ. Наши варварскіе Ахиллесы и Христіанскіе рапсоды поютъ и сражаются для женщинъ. Элоиза—Сафо новаго закона. Одно чувствованіе, во всѣхъ формахъ, какія только можетъ постигнуть воображеніе и создать страсть, наполняетъ возраждающуюся Литературу этой части рода человѣческаго; всѣ отношенія жизни ея двигаются на немъ, и на его правахъ, на его измѣнчивости. Маргерита Наваррская доводитъ его до чувственности и развращенія. Дѣвица Скюдери, въ своихъ надутыхъ сочиненіяхъ, возноситъ его до облаковъ. Госпожа Лафайетъ искусно и нѣжно преображаетъ романъ, исторгаетъ его изъ униженія и изъ воздушныхъ сферъ, и на

Digitized by Google

долго дѣлаетъ принадлежностью и удѣломъ своего пола.

Вѣкъ былъ великій, вѣкъ Августа новыхъ временъ. Женщины, уже царствовавшія умомъ, пріобрѣли на нѣкоторое время власть другаго рода. Фронда, эта междоусобная война, полупарламентская и полу-любовная, давши историческую важность спальнямъ, дала и генію женщинъ замѣчательное стремленіе. Онъ обогатилъ Поэзію именами Г-жъ Мюрашъ, Шеронъ, де Ла Сюзъ, Дезульеръ; но въ ихъ рукахъ Поэзія была только продолженіемъ романа въ дѣйствіи, или замѣняла романъ писаный. Успѣхъ писемъ особаго рода уже обличаетъ силы болѣе великія, и потребности болѣе возвышенныя. Госпожа Севинье конечно знала, что она пишетъ остроумный журналъ Двора и города для провинцій, но не думала, что рисуетъ безсмертную картину вѣка Людовика XIV-го для потомства. Госпожа Ментенонъ, въ своихъ письмахъ, не писала: она еще правительствовала. Воспоминанія Анны Гонзагъ, Герцогини Лонгвилль, Госпожи Моттвилль, младшей Принцессы, (Mademoiselle), и Принцессы матери Регента, принимаютъ твердыя формы на письмѣ, и становятся свидѣтельствами, часто легкими, но любопытными для изображенія тогдашнихъ перемѣнъ. Ум-

Digitized by Google

ственная сила женщинъ кипитъ вездѣ, и возвышается до Богословія въ пламенномъ воображеніи Г-жи Ламотъ-Гіонъ, которая имѣла славу возбудить распрю между новыми Аѳанасіями. Госпожа Дасье углубляется въ ученость, а Госпожа Ламбертъ идетъ къ XVIII вѣку съ своими нравственными книгами, какъ-бы для искупленія многихъ другихъ, оскорблявшихъ нравственность. Но трудно было достаточно вознаградить за подобныя оскорбленія. Это было какъ будто для того, чтобы извѣдать силы во всемъ.

Съ осмнадцатымъ вѣкомъ начинается періодъ сластолюбія и Литтературы, когда миръ, Философія, развратъ царствовали вмѣстѣ, какъ во времена паденія Цезарей, когда, по видимому, старались занять пороками и софизмами спокойствіе свѣта. Парижъ, со своей Энциклопедіей, со своимъ Дворомъ, и уже готовившимся истребительнымъ нашествіемъ (?), походилъ и на Византію, и на Римъ, и на Александрію. Маркиза дю Шателе, эта вторая Ипатія, со своимъ обожаніемъ Наукъ, довершаетъ сравненіе. Но она была почти единственнымъ исключеніемъ: переписка и Записки, оставленныя славными женщинами XVIII-го столѣтія, носятъ на себѣ живой отпечатокъ тогдашнихъ нравовъ. Во всемъ этомъ видна жизнь, попеременн-

Digitized by Google

но легкая, нѣжная, блестящая, вѣтреная, страстная, развратная, которой единственною цѣлью было нравиться и любить. Въ тѣ дни, когда Европейская образованность была готова, подобно образованности древней, обновиться въ крови и въ слезахъ, женщины какъ будто спѣшили вдругъ истощить свои безсмертныя принадлежности: любовь и наслажденіе.

Пупями, на которыхъ были вѣчно цвѣты, празднества и обольщенія, достигло общество Французское до эшафодовъ, воздвигнутыхъ Терроромъ. При громѣ распадавшейся Монархіи, оно пробудилось отъ долгаго сна своихъ блаженствъ и вдругъ увидѣло подлѣ себя смерть. Во время этого новаго мученичества, женщины на ряду съ мужчинами подверглись генію варварства, который обладалъ Франціею, и раздѣляли съ ними одинакія несчастія и славу. Эшафодъ на площади Революціи равно звалъ къ себѣ Короля и Королеву. Народъ съ одинакимъ торжествомъ показывалъ голову Принцессы Ламбаль, и головы Фулона и Бертье. Госпожа Роланъ такъ-же пала за Жиронду, какъ и сами Жирондисты; Якобинцы и Кордельеры имѣли, въ свою очередь, представителями въ этой ужасной драмѣ прелестную Демуленъ и жену Гебера. Съ этимъ равенствомъ казни, всюду соединялось равенство мужества. Дѣвица Сомбрёйль

Digitized by Google

умѣла остановить смерть, такъ-же какъ и смѣлый Буасси д'Англа; негодованіе Шарлотты Кордей коснулось преступленія, наравнѣ съ Парисомъ. Почти во все это время, предводители Вандейцевъ не одни сражались съ Терроромъ вооруженною рукой, такъ-же какъ и Тальенъ смирялъ его не одинъ въ Городовомъ Собраніи. Во всемъ была общность пожертвованій и опасностей, преданности и величія.

Но свѣтильникъ Литтературы и Искусствъ не былъ на этотъ разъ погашенъ въ крови; образованность не должна была покинуть окровавленныхъ развалинъ, и ужасныя событія только возвеличили могущество дарованія и поприще его. Общественное волненіе, поколебавшее цѣлый міръ, создало геній знаменитой дочери Неккера. Женщина душею и сердцемъ, она была мужчиной по уму и мысли. Политика, Философія, Исторія не имѣли для нея таинствъ. Она была Историкомъ въ своихъ Размышленіяхъ о Французской революціи, философомъ въ книгѣ о Германіи, политикомъ вездѣ, и вездѣ равно удивительна. Она была романистомъ въ Дельфинѣ, какъ-бы платя долгъ прежнему времени, была поэтомъ въ Коринѣ, какъ-бы для осуществленія временъ новыхъ, которыхъ сама была разительнымъ символомъ. Такимъ образомъ она представляла въ своемъ дарованіи, и въ своей

Digitized by Google

жизни, весь глубокій современный переворотъ. Но вѣчною славою для нея будетъ то, что она сохранила, какъ-бы наслѣдіе отъ вдохновеній своего пола, высокую и благородную страсть къ истинному, доброму, справедливому. У нея, Политика возвышалась до той области, гдѣ никогда не была она у публицистовъ со временъ Платона. У нея независимость была святою Музою, которая находила требованія народовъ въ Генеалогіи и въ судьбѣ разума человѣческаго, а права ихъ укрѣпляла на вѣчныхъ началахъ порядка, какъ на брегѣ, которому не страшны бури. Особенное достоинство книгъ ея въ томъ, что онѣ кажутся неистощимою сокровищницею мыслей. Если вы чувствуете въ умѣ вашемъ сухость, обратитесь къ ней. Ея волшебная палочка извлечетъ воду изъ скалы. Это источникъ идей, столько-же неожиданныхъ, сколько живительныхъ. Вы какъ-бы ощущаете, что этотъ чистый источникъ идетъ изъ мѣстъ высокихъ.

Съ тѣхъ поръ, женщины со славою протекали поприще, которое указала имъ красноречивѣйшая изъ нихъ. Множество путей новыхъ открылось или распространилось передъ ними. Романъ, послѣ Террора, уже не могъ быть единственною исторіею женщинъ, какъ называли его. Другую исторію должны были

Digitized by Google

писать онѣ. Уже рѣзецъ не былъ излишнимъ въ рукахъ тѣхъ, которыя защищались отъ топора убійцъ и желѣза эшафодовъ. И почему-бы участницы въ нашихъ трудахъ и страданіяхъ, повѣренныя нашихъ намѣреній, свидѣтельницы нашихъ битвъ, и совѣтницы нашихъ добродѣтелей, почему-бы не могли онѣ принять наши обязанности: передать потомству наши грозныя лѣтописи? Кто могъ-бы лучше Г-жи Кампанъ разсказать царственныя гоненія, коихъ начала, какъ страшныя предвѣстницы, отравили жизнь величайшаго достоинства человѣческаго? Когда Фукье-Тенвиль заставляетъ Г-жу Роланъ разыгрывать публичную роль, которую увѣнчаетъ палачъ, кто можетъ тогда отнять у нея право изобразить для будущаго великодушныя, безумныя надежды партіи, съ которою она должна погибнуть, изобразить время заблужденій и преступленія, когда Республика хотѣла утвердиться на развалинахъ 10-го Августа, не желая великой, невознаградимой гибели 21-го Января? Чья душа, болѣе возмущенная, могла дать отчетъ въ бѣдствіяхъ и дѣлахъ междоусобной войны, какъ не душа той женщины, столь простодушно-героической, которая видѣла Лескюра и Ларошжакелена во всѣхъ ихъ битвахъ? Чье перо, болѣе вдохновенное, могло-бы дополнить сіи поразительныя картины, какъ не перо Г-жи Бонпанъ? Означаю только тѣ сочиненія,

Digitized by Google

которыя останутся для потомства, потому что историческое искусство уже не ограничивается у женщинъ одними образцовыми сочиненіями. Онѣ уже столько овладѣли этою отраслью Литтературы, что даже толпа участвуетъ въ ней; явился servum pecus. Во время Имперіи и Республики, у нихъ, такъ-же какъ и у насъ, было много Данжо и весьма не много Сенъ-Симоновъ. У нихъ также были свои Самсоны и Видоки, которыя прославились безпутствами, публично объявляли объ этомъ и хвалились развратомъ, какъ-бы для того, чтобы соперничать съ нами на всѣхъ пушяхъ.

Къ счастію, публика бываетъ, отъ времени до времени, порадована и такими явленіями, какъ Записки Герцогини Абрантесъ, которая подъ именемъ *своихъ*, издаетъ Записки *всякаго изъ насъ*, написанныя такъ, какъ не написалъ-бы ихъ никто. Надобно признаться, что Исторія времени Имперіи, эта живая эпопея, которая, возвѣщая всюду подвиги нашего владыки владыкъ, соединяетъ въ себѣ *Одиссею съ Иліадою*, эта великолѣпная Исторія была-бы не полною, если-бы женщина, одаренная искусствомъ наблюдательности, принадлежащимъ, какъ думали, исключительно высокому дарованію мужчинъ, не приняла на себя труда описать для нашихъ внуковъ многочисленныя измѣненія Французскаго общества того времени, когда Фран-

Digitized by Google

ція не была, какъ увидишъ пошомство, только тамъ, гдѣ оно стало-бы искать ее всю, то есшь на поляхъ биmвъ и въ лагеряхъ.

Записки Маркизы Куаньи, ошносясь ко времени болѣе ошдаленному, обѣщаюшъ богашѣйшую жашву ошкровеній. Она была одною изъ ошличнѣйшихъ особъ своего времени по прелесши разговора, и находилась въ шакихъ обсшоящельсшвахъ, что могла все видѣшь и обо всемъ судишь. Ея разсказы должны передашь нашей Исшоріи сокровища ума и разсудишельносши. Извѣсшные донынѣ ошрывки удосшовѣряюшъ въ эшомъ.

Можно-ли въ эшомъ бысшромъ обозрѣніи женщинъ-Исшориковъ, не вспомнишь о славной женщинѣ нашего времени, которая занималась всѣми часшями Лишшерашуры? Исшорія и романъ, Полишика и Философія, религіозныя разсужденія и легкія сшашьи—шаковы были заняшія эшой женщины, Вольшера своего рода, разнообразной, плодовишой, неисшощимой какъ Вольшеръ! Она сшарѣлась, какъ Вольшеръ, не исшощаясь, и сшремилась, въ продолженіе своей долгой жизни, создашь вновь все, что ниспровергъ въ долгую жизнь свою Вольшеръ. Госпожа Жанлисъ была дочь осмнадцашаго вѣка; всѣ воспоминанія, всѣ обольщенія юносши привязывали ее къ эшому исшребишельному вѣку; но она какъ будшо жила для шого, чшобы оспориваш

этотъ уже не существующій вѣкъ, двигать его къ лучшимъ протекшимъ годамъ, и заставитъ, какъ С. Реми Сикамбра, сжечь все, что онъ обожалъ, и снова обожать все, что онъ сжегъ. Какъ ни станемъ судить объ этой странной женщинѣ, но любопытно видѣть ее въ рукопашной схваткѣ съ Французскою Революціею, размножающую нѣкоторымъ образомъ свои силы, свои годы, свои сочиненія, все для того, чтобы исполнить дѣло, которое выше могущества человѣческаго, но ниже ея смѣлости. Она хотѣла передѣлать и Руссо, такъ-же какъ Вольтера. Въ то время, когда Авторъ Эмиля, для общества стараго времени, которое привѣтствовало его своими безсмысленными восторгами, строилъ планы воспитанія республиканскаго, она старалась обратить наши поколѣнія, рожденныя среди Революціи и запечатлѣнныя ея правилами, къ началамъ основнымъ, наслѣдованнымъ отъ общества, уже не существовавшаго у насъ. Другая противоположность: не доказано, что Эмиль Руссо былъ-бы гражданиномъ; ея воспитанникъ былъ и остался имъ на тронѣ (*).

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

(*) Извѣстно, что нынѣшній Король Французовъ былъ воспитанникомъ Г-жи Жанлисъ. *Прим. Пер.*

Digitized by Google

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ

ИЗЪ ШЕКСПИРОВОИ ТРАГЕДІИ:

МАКБЕТЪ.

ДѢЙСТВІЕ 1-е.

Явленіе 1-е.

(Открытое мѣсто. Громъ и молнія.)

Три вѣдьмы *(входятъ)*.

1-я Вѣдьма.

Сестры, когда мы слешимся и гдѣ?
Въ молніи, въ громѣ, въ дождѣ?

2-я Вѣдьма.

Какъ тревога пройдетъ,
Какъ одинъ побѣдитъ,
Какъ другой убѣжитъ.

3-я Вѣдьма.

Прежде, чѣмъ солнце зайдетъ.

Digitized by Google

1-я Вѣдьма.

Гдѣ мѣсто?

2-я Вѣдьма.

Въ пролѣскѣ пустомъ.

3-я Вѣдьма.

Мы тамъ и Макбета найдемъ.

1-я Вѣдьма.

Иду, иду, мой сѣрый кошъ!

Всѣ три вѣдьмы.

Лягушка, квакая, зовешъ!
Идемъ, идемъ!
Добру бышь зломъ, а злу добромъ!
Сквозь паръ густой, сквозь пусклый дымъ,
Летимъ, летимъ.

(Удаляются).

Явленіе 2-е.

(Лагерь близъ Форесъ.) Входятъ: Дунканъ (Шошландскій Король), Малькольмъ, Дональденъ (сыновья его), Леноксъ (Вельможа) *и свита ихъ; раненый солдатъ.*

Дунканъ.

Здѣсь раненый? Навѣрное онъ можешъ,
Свидѣтель личный, свѣжія о бунтѣ
Подашь намъ вѣсти.

Digitized by Google

Малькольмъ.

Это тотъ отважный,
Что съ смѣлостью примѣрною отбилъ
Меня изъ плѣна. Здравствуй, храбрый другъ мой!
Король желаешь знать, въ какомъ ты видѣ
Оставилъ бой?

Раненый.

Сомнительно стоялъ онъ,
Какъ изнуренныхъ двухъ пловцовъ борьба,
Схватившихся всей силой. Макдональдъ,
Бунтовщикомъ быть, по злодѣйствамъ звѣрскимъ,
Роящимся въ душѣ его, достойный,
Рать западныхъ велъ островитянъ Керновъ
И Галлогласовъ; улыбаясь дѣлу
Неправому, фортуна оказалась
Наложницей злодѣя, но вотще:
Макбетъ, достойный имени героя,
На зло фортунѣ, мощною рукой,
Мечемъ въ крови дымящимся, пробилъ,
Питомецъ славы,
Себѣ дорогу, на врага напалъ,
И не почилъ, не отошелъ пока
Чела его не раздвоилъ по челюсть,
И головы не поднялъ на копьѣ.

Дунканъ.

О храбрый братъ нашъ, гражданинъ достойный!

Digitized by Google

Раненый.

Но какъ съ востока и восходишъ солнце,
И возстаешъ съ грозой и громомъ буря,
Такъ изъ сего источника отрады
Подъялось бѣдство. Государь, внемли:
Едва десницей храбрыхъ справедливость
Безумныхъ Керновъ обратила въ бѣгство,
Король Норвежскій, пользуясь смятеньемъ,
Съ вооруженнымъ грозно, свѣжимъ войскомъ
Повергся въ битву.

Дунканъ.

И не устрашило
То Банко и Макбета?

Раненый.

Устрашило,
Какъ воробьи орловъ, какъ зайцы львовъ.
По истинѣ, они уподоблялись
Орудіямъ съ двойнымъ зарядомъ! шакъ
Враговъ они разили,
Двойные имъ удары удвояя.
Въ дымящейся-ль крови желавъ купаться,
Или напомнишь ужасы Голгофы,
Не знаю....
Но я слабѣю—раны расшворились.

Дунканъ.

Онѣ къ тебѣ идутъ, какъ и разсказъ твой:
То и другое дышитъ славой. Тотчасъ

Къ врачамъ его. . .

(Раненаго уводятъ).

Но кто идетъ?

Малькольмъ.

Танъ Россе.

(Россе *входитъ*).

Леноксъ.

Какой поспѣхъ въ его сверкаетъ взорѣ!
Такъ смотрятъ только вѣстники чудесъ.

Россе.

Да здравствуетъ Король Дунканъ!

Дунканъ.

Ошкуда,
Достойный Танъ!

Россе.

Изъ Файфа, Государь,
Гдѣ знамена развившыя Норвежцевъ
На наше войско навѣвали холодъ.
Самъ ихъ Король, съ безчисленной дружиной,
Съ злодѣемъ, Таномъ Кавдора, совмѣстно,
Повергнулся въ отчаянную бишву;
Но мощный нашъ Беллоны обрученецъ
Съ собратами, врагу прошивуставъ,
Шагъ прошивъ шага, за ударъ ударъ,

Digitized by Google

Смирили духъ его кичливый — словомъ,
Побѣда наша.

Дунканъ.

Слава небу!

Россе.

Нынѣ
Король Норвежскій просишъ сдѣлки; мы-же
И мершвыхъ взяшь его не допустили,
Покуда десяшь шысячь онъ долларовъ
Не внесъ въ казну на островѣ Сеншъ-Кольмѣ.

Дунканъ.

Насъ не обманешъ больше эшошъ Кавдоръ.
Иди, казнишь измѣнника вели,
Макбеша-же его привѣшсшвуй саномъ.

Россе.

Пошщуся все исполнишь, Государь.

Дунканъ.

Макбешъ досшоинъ важной сей награды.
(Уходятъ.)

Явленіе 3-е.

(Кустарникъ. Громъ и молнія.)

Три вѣдьмы.

1-я Вѣдьма.

Гдѣ была шы, сестра?

Digitized by Google

2-я Вѣдьма.

Колола кабановъ.

3-я Вѣдьма.

А ты гдѣ сестра?

1-я Вѣдьма.

Съ приполомъ каштановъ
Купчиха сидѣла,
И ѣла, и ѣла.
Дай мнѣ, я сказала;
Згинь, вѣдьма, вскричала
Мнѣ толстая шварь.
Постой-же ты, шварь!
Мужъ купчихи корабль снарядилъ,
Въ Алеппо поплылъ;
Но въ ситѣ туда, какъ мышь безъ хвоста,
Поплыву я, помчусь, понесусь.

2-я Вѣдьма.

Я дамъ тебѣ вѣтеръ, сестра.

1-я Вѣдьма.

Куда какъ ты стала добра!

3-я Вѣдьма.

А я дамъ другой.

Digitized by Google

1-я Вѣдьма.

У насъ есшь и свой!
Мы знаемъ какой
Дорогой плывешъ,
Въ какую съ судномъ
Онъ пристань зайдешъ.
Ворожбой, колдовствомъ
Какъ былинку всего изсушу я его!
Ни при свѣшѣ дневномъ, ни во мракѣ ночномъ
Я закрышымъ очамъ сна-дремошы не дамъ:
Семь онъ дней и ночей будешъ нышь, изныващь,
Девяшью девящь дней всякой часъ умирашь.
Онъ ко дну съ кораблемъ не пойдешъ,
Но ошъ бури пріюша нигдѣ не найдешъ.
А эшо чшо, погляди, да скажи!

2-я Вѣдьма.

Покажи, покажи!

1-я Вѣдьма.

Эшо кормщика пальчикъ: плылъ кормщикъ домой,
Видѣлъ домъ, но на берегъ не вышелъ живой.

3-я Вѣдьма.

Барабанный бой, барабанный бой!
Макбешъ не далекъ! въ кружокъ, въ кружокъ!

Всѣ три вѣдьмы.

Сестры вѣщія, вездѣ,
По землѣ и по водѣ,

Digitized by Google

Мы кружимъ рука съ рукой!
Трижды мой кругъ, трижды твой,
Трижды общій, чтобъ дойдши
До числа до девяти.
Вотъ девятый — чрезъ него
Довершилось колдовство.

(*Входятъ* Макбетъ *и* Банко).

Макбетъ.

Подобныхъ дней, столь бурныхъ и погодныхъ,
Я не запомню.

Банко.

Далеко-ль до Форесъ?
Но кто сіи? Какъ тощи, дряхлы, дики
Одеждою и видомъ! на землѣ,
Какъ не подобны жителямъ земли! —
Живыя-ль вы, иль только вопрошать васъ
Живущій можетъ? Мнится, вамъ понятна
Земная рѣчь: къ сухимъ устамъ взнесли вы
Сухіе персты; женщины по виду,
Не женщины вы по брадатымъ лицамъ.

1-я Вѣдьма.

Ура, Макбетъ! Танъ Гламиса, ура!

2-я Вѣдьма.

Ура, Макбетъ! Танъ Кавдора, ура!

Digitized by Google

3-я Вѣдьма.

Ура, Макбешъ, предбудущій Король!

Банко.

Какъ ты смущенъ, Макбешъ? Тебя пугаютъ
Сполъ лесшныя слова?—Во имя правды:
Мечшы-ли шолько, иль не ложно шо вы,
Чѣмъ кажешесь для взора? Вы Макбеша
Почшили саномъ новымъ въ насшоящемъ,
И изумили царсшвенной надеждой
Въ грядущемъ; мнѣ-жь ни слова! Буде видны
Вамъ времени засѣвы, и извѣсшно
Какому взросшь, какому сгнишь зерну,
И мнѣ скажише слово: не ищу
Я вашей ласки, не боюсь вражды.

1-я Вѣдьма.

Ура!

2-я Вѣдьма.

Ура!

3-я Вѣдьма.

Ура!

1-я Вѣдьма.

Не сполъ великій, какъ Макбешъ и большій!

2-я Вѣдьма.

Счасшливѣйшій, хошя не сполъ счасшливый!

Digitized by Google

3-я Вѣдьма.

Самъ не Король, но Королей отецъ!
Ура вамъ, Банко и Макбетъ!

Макбетъ.

О, стойте!
Пополните загадочныя вѣсти!
Танъ Гламиса я точно, по наслѣдству;
Но Кавдора? Танъ Кавдора живетъ
И здравствуетъ! Надежда-жь Королемъ быть
Отъ вѣроятій круга далека,
Какъ мысль быть Таномъ Кавдора. Откуда
Столь странное предвѣстіе? Зачѣмъ
Въ пустынѣ сей зашли вы мнѣ дорогу
Съ пророческимъ привѣтомъ? Отвѣчайте!
(Вѣдьмы *исчезаютъ*.)

Банко.

И на землѣ бываютъ пузыри,
Какъ на водахъ! Вотъ намъ примѣръ. Куда
Онѣ пропали?

Макбетъ.

Въ воздухъ: что казалось
Тѣлеснымъ, какъ дыханіе отъ вѣтра
Исчезло.... жаль что такъ поспѣшно.

Банко.

Вправду-ль
Мы видѣли? Не ѣли-ль мы дурмана,
Плѣняющаго разумъ?

Digitized by Google

Макбетъ.

Королями
Твои должны быть дѣти!

Банко.

Королемъ
Ты будешь самъ.

Макбетъ.

И Кавдоромъ сперва,
Не такъ-ли?

Банко.

Точно, слово въ слово. Кто здѣсь?

(*Входятъ* Россе *и* Ангосъ.)

Россе.

Великіе твои, Макбетъ, успѣхи
Ужь Королю извѣстны; при разсказѣ
О подвигахъ въ бою съ бунтовщиками,
Въ немъ удивленье спорило съ достойной
Тебѣ хвалой; но вскорѣ удивленье
Удвоилось, когда онъ, въ тотъ-же день
Тебя увидѣлъ средь рядовъ Норвежскихъ,
Съ опустошеньемъ, одному тебѣ лишь
Не страшнымъ. Быстро, будто въ сказкѣ, шла
За вѣстью вѣсть, и каждая твои
Услуги трону новыя принесши,
Слагала ихъ предъ Королемъ.

Digitized by Google

Ангосъ.

Къ тебѣ
Онъ насъ послалъ съ благодареньемъ, съ зовомъ
Къ его лицу, а не съ наградой.

Россе.

Только
Въ задаткокъ большихъ почестей, тебя
Назвать онъ Таномъ Кавдора велѣлъ мнѣ.
Прими съ симъ новымъ саномъ поздравленье!

Банко.

Ужели бѣсы возвѣщаютъ правду?

Макветъ.

Танъ Кавдора живетъ — не одѣвайте
Меня чужой одеждой.

Ангосъ.

Бывшій Танъ
Еще живетъ; но подъ судомъ тяжелымъ
Виновные злодѣя дни. Въ союзѣ-ль
Былъ съ Королемъ Норвежскимъ, или скрыто
Бунтовщикамъ онъ помогалъ, иль зло
Со всѣми ими умышлялъ отчизнѣ,
Не знаю; но за тяжкую измѣну
И явную, приговоренъ онъ къ смерти.

Digitized by Google

Макбетъ.

Танъ Гламиса и Кавдора! Осталось
Главнѣйшее! — Благодарю васъ! — Банко!
Не могутъ-ли твои и вправду дѣти
Быть Королями?

Банко.

Вѣра въ предсказанье
Могла-бъ тебя воспламенить и самымъ
Желаніемъ короны! Непоняшно!
Не рѣдко намъ угощовляя зло,
Клевреты мрака возвѣщаютъ правду,
Прельщаютъ насъ въ бездѣлкѣ правотой,
Чтобъ погубить измѣною въ важнѣйшемъ. —
Собраты, на два слова!

Макбетъ.

Два предвѣстья
Сбылись, предтечи царскаго въ грядущемъ
Величія. — Благодарю васъ, други! —
Такое сверхъестественное дѣло
Не можетъ быть добромъ, не можетъ зломъ быть.
Будь зло оно — зачѣмъ ему-бъ начаться
Отъ истины: я Кавдоръ! Будь добро,
Зачѣмъ въ меня вѣснится искушенье,
Отъ коего возсталъ мой дыбомъ волосъ,
Спокойное всегда, такъ сильно бьется
Объ ребры сердце? Ужасовъ мечты
Страшнѣе самыхъ ужасовъ. Пустой
Убійства призракъ, поселившись въ мысли,

Digitized by Google

Колеблетъ такъ составъ мой, что въ душѣ
Задохлась сущность въ замысловъ дыму,
И взоръ лишь видитъ то, чего нѣтъ вовсе.

Банко.

Смотрите, какъ встревоженъ нашъ собратъ.

Макбетъ.

Когда судьба судила мнѣ санъ царскій,
Судьба меня, безъ моего содѣйства,
Пусть и вѣнчаетъ.

Банко.

Почести ему
Какъ намъ одежда новая: къ покрою
Привыкнемъ поносивши.

Макбетъ.

Будь что будь!
И въ злѣйшій день шечешъ не медля время.

Банко.

Мы ожидаемъ васъ, Макбетъ.

Макбетъ.

Простите.
Мнѣ на душу напали было мысли
Забытыя. — Друзья! Услуга ваша
Записана въ той книгѣ, гдѣ читаю

Digitized by Google

Вседневно я. Поѣдемъ къ Королю. *(Къ Банко.)*
Помысли о случившемся: увидимъ,
Что скажетъ время, а потомъ объ этомъ
Поговоримъ мы искренно.

Банко.

Съ охотой.

Макбетъ

Теперь довольно. Ѣдемъ-те, друзья!

(Уходятъ.)

Явленіе 4-е.

(Форесъ. Комната во дворцѣ.)

Дунканъ, Малькольмъ, Дональденъ,
Леноксъ и *служители.*

Дунканъ.

Казненъ-ли Кавдоръ? Посланные наши
Еще не возвратились?

Малькольмъ.

Государь,
Ихъ нѣтъ еще, но ужь случилось видѣть
Мнѣ человѣка, бывшаго при казни.
Онъ говоритъ, что Кавдоръ самъ сознался
Въ измѣнѣ, и раскаявшись, просилъ

Digitized by Google

Прощенія у васъ. Изъ цѣлой жизни
Одинъ конецъ лишь шелъ къ нему: онъ умеръ
Какъ человѣкъ, учившійся всю жизнь
Дражайшее изъ всѣхъ своихъ сокровищъ
Оставишь, какъ бездѣлку.

Дунканъ.

Кто возможетъ
Найдти въ лицѣ души изображенье?
Я довѣрялъ ему такъ безгранично!

(*Входятъ* Макбетъ, Банко, Россе, *и* Ангосъ.)

Нашъ родственникъ и другъ! Неблагодарность,
Тяжелый грѣхъ, теперь лишь на душѣ
Моей лежала. Много впереди ты!
Тебя наградъ быстрѣйшее крыло
Не настигаетъ. Лучше-бъ было меньше
Твоихъ заслугъ, чтобъ воздаянье быть
По нимъ могло и благодарность; нынѣ-жь
Малѣйшей части ихъ, наградъ всѣхъ мало.

Макбетъ.

Святое долга выполненье служитъ
Само себѣ наградой. Наша вѣрность
Вамъ, Государь, принадлежитъ; въ ней вы,
Съ ней тронъ вашъ слугъ имѣетъ и дѣтей,
Которые все дѣлая для васъ,
Обязанность свою лишь совершаютъ.

Digitized by Google

Дунканъ.

Я насадилъ едва тебя; взрастишь-же
Въ величіи потщусь и санѣ. Банко!
Нѣ меньше ты заслугами, не меньше
Для насъ и сдѣлалъ. Дай себя обнять,
Держашь у сердца!

Банко.

Если возмогу я
Произрасти въ немъ, жатва будетъ ваша.

Дунканъ.

Моей избытокъ радости ниспасть
Росою скорби хочетъ. Сыновья!
Родные! Таны! Всѣ по сану къ намъ
Ближайшіе! Да будетъ вамъ извѣстно,
Что старшій сынъ нашъ, Малькольмъ, названъ нами
Наслѣдникомъ и Принцемъ Кумберландскимъ.
Но не ему лишь суждена награда;
Нѣтъ, милости какъ звѣзды возсіяютъ
На всѣхъ достойныхъ.—Къ вамъ, Макбешъ, отсюда
Мы ѣдемъ въ Инвернесъ, и съ вами дальше.

Макбетъ.

Дальнѣйшія дѣла — заботы: намъ
Оставьте ихъ. Я самъ пріятной вѣстью
Обрадую моей супруги слухъ.
Простите, Государь!

Digitized by Google

Дункань.

Достойный Кавдоръ!

Макбетъ *(встороиу.)*

Принцъ Кумберландскій! Это мнѣ порогъ:
Перешагнуть его, или споткнувшись
Упасть я долженъ. Скройте огнь свой, звѣзды!
Да мрачный будетъ скрытъ во мракѣ замыслъ!
Взоръ подстрекаетъ руку! Да свершится-жь
Рукою дѣло, страшное для взора.
(Уходитъ.)

Дункань.

Твои хвалы, достойный Банко, правы;
Объ немъ всегда одно добро я слышалъ.
Мнѣ это пиръ! поѣдемъ всѣ къ нему:
Онъ такъ спѣшилъ, чтобъ хорошо приняшь насъ!
Едва-ли есть гдѣ родственникъ подобный!
(Уходятъ).

Явленіе 5-е.

(Инвернесъ. Комната въ замкѣ Макбета.*)*

Леди Макбетъ *(читаетъ письмо.)*

«Онѣ явились мнѣ въ день побѣды; знаніе ихъ, какъ что доказалъ опытъ, сверхъестественно. Я горѣлъ желаніемъ вывѣдать болѣе, но онѣ превратились въ воздухъ и исчезли въ воздухѣ. Вслѣдъ

Digitized by Google

за тѣмъ, прежде чѣмъ я могъ опомнишься отъ изумленія, пришли посланные отъ Короля, и отъ имени его назвали меня Таномъ Кавдора, которымъ саномъ привѣтствовали уже меня вѣщія сестры, прибавивъ къ тому и большую надежду въ будущемъ словами: «Ура, Макбетъ! предбудущій Король.» Объ этомъ я разсудилъ за благо извѣстить тебя, дражайшая участница въ моемъ величіи, да чрезъ незнаніе не потеряешь ты радости о столь великомъ предвѣстіи. Положи его къ сердцу. Прощай!»

Одно сбылось и сбудется другое!
Но я боюсь: ты слишкомъ мягкосердъ,
Идти путемъ кратчайшимъ усомнишься;
Честолюбивъ, однакоже исполненъ
Беззлобія. Безгрѣшнымъ вознестись
Къ величію хотѣлъ-бы ты полетомъ,
Неправаго достигнуть правотою;
Хотѣлъ-бы то имѣть, что вопіешь
Такъ поступи, когда его имѣешь,
И то что больше ты страшишься сдѣлать
Чѣмъ видѣть не исполненнымъ желаешь (*).
Спѣши сюда! Въ твой слухъ волью я духъ мой,

(*) Это мѣсто въ подлинникѣ не ясно. Не имѣя подъ рукой другаго изданія Шекспира кромѣ Франкфуртскаго (въ одномъ томѣ), я не увѣренъ, что въ текстѣ нѣтъ опечатки. *Примѣч. Переводчика.*

Digitized by Google

Разрушу все побѣдоносной рѣчью,
Что заграждаешь путь тебѣ къ коронѣ,
Которою тебя вѣнчали, мнится,
Судьба и силы вышнія. —

(*Входитъ* Служитель).

Что скажешь?

Служитель.

Сегодня будетъ къ вамъ Король.

Леди Макбетъ.

Король?
Ты безъ ума! Макбешъ при немъ; онъ самъ-бы
Пріѣхалъ, все велѣлъ-бы приготовить.

Служитель.

Онъ точно будетъ. Посланный его
Опередилъ, и такъ усшалъ, что слово
Насилу могъ проговорить, пріѣхавъ.

Леди Макбетъ.

Примешь его получше: онъ привезъ
Вѣсть важную.

(Служитель *уходитъ*.)

Зловѣщъ Дункану воронъ,
Который въ замокъ мой его накликалъ! —
Теперь придите вы, кровавыхъ мыслей
Владыки, духи! Измѣните полъ,
Наполните свирѣпостью люшѣйшей
Составъ мой слабый, огустите кровь;

Digitized by Google

Зайдите къ сердцу совѣсти дорогу,
Да не движенья жалости, злодѣйскій
Поколебавъ мой замыслъ, не допустятъ
Его до дѣла! Прилетите, гдѣ-бы
Ни сторожили гибель вы незримо,
Вы, ангелы убійства! Поселитесь
Мнѣ въ грудь, млеко въ ней замѣните желчью!
Ночь, облекись густѣйшимъ дымомъ ада,
Да ножъ мой ранъ не видитъ, поражая,
Да небо, шмы не проницая взоромъ,
Не вопіетъ мнѣ: удержись!

(*Входитъ* Макбетъ)

Мой Гламисъ!
Мой Кавдоръ! Большій въ будущемъ, чѣмъ нынѣ!
Письмо твое меня переселило
Въ грядущее, которое ужь въ мигъ сей
Я ощущаю.

Макбетъ.

Милый другъ! Король къ намъ
Сегодня ѣдетъ.

Леди Макбетъ.

А когда отъ насъ?

Макбетъ.

Онъ полагаетъ завтра.

Леди Макбетъ.

Никогда
Такого завтра да не узритъ солнце! —

Digitized by Google

Твое лицо, мой Танъ, какъ книга, въ коей
Прочтешъ, кто хочешъ, дивныя сказанья.
Чтобъ обмануть свѣтъ, согласуйся съ свѣтомъ
Наружностью; привѣтливо гляди
И поступай; кажись цвѣткомъ невиннымъ
И будь змѣей, подъ нимъ сокрытой; гостя
Пристроить должно непремѣнно! Мнѣ
Великое оставь сей ночи дѣло:
Оно ночамъ и днямъ грядущимъ нашимъ
Могущество подастъ и славу.

Макбетъ.

Послѣ
Поговоримъ объ этомъ больше.

Леди Макбетъ.

Только
Будь веселѣе: страхъ вредитъ успѣху.
Объ остальномъ сама я позабочусь.
(Уходятъ).

Явленіе 6-е.

(Мѣсто передъ замкомъ Макбета.)

Дунканъ, Малькольмъ, Дональденъ, Банко, Леноксъ, Макдуфъ, Россе, Ангосъ *и свита ихъ.*

Дунканъ.

Какъ хорошо здѣсь положенье мѣста!
И самый воздухъ чувствамъ льститъ, пріятно
Благоухая.

Digitized by Google

Банко.

Лѣтній гость, касашка,
Доводомъ служитъ, что дыханье неба
Здѣсь благотворно. Нѣтъ колонны, фриза,
Нѣтъ капители, гдѣ-бы не висѣла
Семьи ея колыска. Я замѣтилъ,
Гдѣ эта птица водится, тамъ воздухъ
Всегда хорошъ.

(*Входитъ* Леди Макбетъ).

Дункан ъ.

Почтенная хозяйка!
Кто любитъ, тотъ порой насъ и заботитъ,
И мы за то ему-же благодарны!
Молите-жь Бога, да мнѣ будутъ въ пользу
Заботы ваши, и меня за нихъ
Благодарите.

Леди Макбетъ.

Каждую услугу
Удвоивъ и вдвойнѣ взявъ ихъ число,
Мы бѣдно-бы воздали, Государь,
За милости высокія, какими
Превознесли вы Домъ нашъ, много прежде,
Теперь-же болѣе. Мы только ваши
Молельщики.

Дункан ъ.

Гдѣ нашъ достойный Кавдоръ?
За нимъ мы гнались по пятамъ, его

Digitized by Google

Опередишь хотѣли, но напрасно:
Любовь его пришпоривала лошадь,
И онъ взялъ передъ. Милая хозяйка,
На эшу ночь мы ваши гости.

Леди Макбетъ.

Воли
Рабы монаршей, все мы, что имѣемъ,
Съ собой самими отдаемъ вполнѣ
Вамъ, Государь, въ услугу.

Дунканъ.

Дайте руку!
Ведите насъ къ хозяину. Высоко
Его мы цѣнимъ, милости къ нему
Продлимъ и впредь. Угодно-ль вамъ, пойдемъ.
(Уходятъ.)

Явленіе 7-е.

(Комната въ замкѣ Макбета*).*

Проходитъ черезъ сцену Дворецкій, *и за нимъ служители съ столовымъ приборомъ и блюдами. Потомъ входитъ* Макбетъ.

Макбетъ.

Будь все въ одномъ, скорѣе-бы однимъ
Окончишь все. Когда-бъ убійство къ цѣли
Вело насъ прямо, полный укрѣпляло
Успѣхъ за нами, и одинъ ударъ сей

Digitized by Google

Всезначущимъ, конечнымъ былъ, хотъ здѣсь,
На времени сей отмѣли песчаной,
Мы шагъ отважный сдѣлали-бъ. Но есть
Судилище и здѣсь: ему даемъ мы
Кровавые уроки, и обратно
Ихъ, изучивши, шлетъ оно на муку
Наставнику; отраву обращаетъ
Изъ нашей чаши къ нашимъ-же устамъ
Всеправосудно. — Онъ мнѣ довѣряетъ:
Вдвойнѣ измѣной долженъ я гнушаться,
Какъ подданный во-первыхъ и родной,
Потомъ обязанъ, какъ хозяинъ, двери
Передъ убійцей заперетъ, не ножъ
Остритъ своей рукою. И притомъ
Дунканъ такъ добръ, такъ чистъ въ высокомъ санѣ,
Что качества души его благія
Возопіютъ, какъ ангеловъ звукъ трубный,
Противу адской черноты убійства,
И состраданье, какъ грудной младенецъ
На крыльяхъ бурь, какъ херувимъ небесный
На горнемъ вихрѣ мчащійся незримо,
Предъ очи всѣхъ повергнетъ злое дѣло,
И вѣтръ утонетъ въ слезъ потокѣ. Что
Мой подстрекаетъ умыселъ? Ничто,
Одно лишь честолюбіе, своимъ
Несытое и жадное чужаго.

(*Входитъ* Леди Макбетъ)

Ну?

Леди Макбетъ.

Онъ почти поужиналъ. Зачѣмъ ты
Ушелъ.

Digitized by Google

Макбетъ.

Онъ звалъ меня?

Леди Макбетъ.

А ты не знаешь?

Макбетъ.

Оставимъ дѣло это вовсе. Онъ
Меня возвысилъ; мнѣніе купилъ
Я золотое въ свѣтѣ, и не броситъ
Его такъ скоро, но носить прилично
Въ блескѣ новомъ.

Леди Макбетъ.

Какъ, ниль въ опьянѣньи
Была твоя надежда, и спала,
И пробудясь блѣднѣетъ и трепещетъ
Отъ своего-же умысла? — Отнынѣ,
Я и любовь твою такой считаю! —
Какъ, ты боишься тѣмъ-же быть на дѣлѣ
Чѣмъ и въ душѣ? Стяжать желаешь то,
Въ чемъ украшенье цѣлой жизни видишь,
И, самъ себя звать трусомъ не стыдясь,
Не смѣю цѣнишь выше чѣмъ *желалъ-бы*,
Какъ кошка въ баснѣ!

Макбетъ.

Я готовъ дерзать
На все, что въ силахъ человѣка: тотъ
Не человѣкъ, кто болѣе дерзаетъ.

Digitized by Google

Леди Макбетъ.

Какой-же звѣрь тебя заставилъ это
Открыть мнѣ дѣло? Человѣкомъ былъ ты,
Когда его замыслилъ, и исполнивъ
Тѣмъ болѣ былъ-бы человѣкомъ. Время
И мѣсто ты хотѣлъ устроить самъ;
Теперь устроилъ случай ихъ, и тѣмъ —
Разстроилъ весь твой замыслъ! Я кормила
Сей грудью, знаю, какъ мнѣ милъ младенецъ
Ее сосущій; но изъ устъ просящихъ
Сосцы исторгнувъ у малюшки, черепъ
Его разшибла-бъ я о камень, если-бъ
Клялась въ томъ какъ мнѣ клялся ты!

Макбетъ.

Но если
Намъ не удастся?

Леди Макбетъ.

Не удастся! Смѣло
Берись за дѣло, и удастся все.
Едва уснетъ Дунканъ (къ чему усталость
Его побудитъ сильно), постараюсь
Такъ упоить я двухъ его пажей,
Что память, сторожъ человѣка, станетъ
Парами въ нихъ, влагалище-жъ разсудка
Сосудомъ съ дымомъ; и тогда какъ смертью
На онѣмѣлыхъ чувствахъ ихъ возляжетъ
Глубокій сонъ, чего не можемъ сдѣлать
Съ безстражнымъ мы Дунканомъ? Въ чемъ не можемъ

Винишь пажей, на коихъ пасть должна
Вина убійства?

Макбетъ.

О, раждай сыновъ мнѣ!
Съ столь непреклоннымъ, швердымъ сердцемъ, шы
Однихъ мужей производишь достойна.
Да, мы пажей намажемъ кровью руки,
Употребимъ кинжалы ихъ, и всякій
Подумаешъ на нихъ.

Леди Макбетъ.

И не посмѣешъ
Не такъ подумашь, какъ то возвѣсшяшъ
Рыданья наши.

Макбетъ.

Я готовъ; я сердце
Скрѣпилъ и чувства на ужасный подвигъ.
Пойдемъ, и будемъ веселы — сокроемъ
Коварство душь коварною личиной.

(Уходятъ).

М. Вронченко.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЕ.

Переводъ сей присланъ къ Издателю Телеграфа (уже довольно давно) при слѣдующемъ письмѣ Г-на Переводчика:

«Посылаю вамъ первое дѣйствіе *Макбета*. Вы тотчасъ замѣтите, что переводя его я не въ точности слѣдовалъ тому плану, по которому переводилъ *Гамлета*: тутъ больше заботливости о гладкости стиховъ, слѣдственно меньше вѣрности въ подробностяхъ изложенія. Говоря: *слѣдственно*, я тѣмъ самымъ уже сознаюсь въ неспособности моей, соединить въ переводѣ оба сіи достоинства въ высокой степени. Сколько однимъ изъ нихъ должно жертвовать другому, чтобы доставить переводу наибольшее сходство (въ цѣломъ) съ подлинникомъ: въ рѣшеніи этого вопроса я еще не согласенъ самъ съ собою; не согласенъ и во многомъ. Я очень желалъ-бы знать ваше мнѣніе о семъ предметѣ. Не льзя-ли вамъ удѣлить одинъ изъ часовъ досуга на подробное разсмотрѣніе его, теоретически, если вамъ угодно, или практически — что было-бы еще поучительнѣе и сообразнѣе съ объемомъ понятій большей части нашихъ читателей (и писателей также). Первыя дѣйствія *Лира* и *Макбета* передъ вами. Разборъ ихъ, строгій, безпристрастный, истинно критическій, былъ-бы

Digitized by Google

полезенъ всей переводящей братіи, и въ особенности мнѣ. Я вижу, вникнувъ поглубже въ дѣло, что *Гамлетъ* мой далекъ отъ того, чѣмъ сдѣлать его есть возможность, но еще не ясно вижу путь, по которому надлежитъ идти, чтобы ея достигнуть. Сомнительность эта отразилась на переводѣ *Лира* и *Макбета*, и я рѣшительно не перевожу болѣе Шекспира, пока не буду въ состояніи дать себѣ вѣрный отчетъ въ томъ *что* хочу и *какъ* я долженъ дѣлать. Что за охота срисовывать хорошую картину тушью, зная что можно, при помощи кое-чего, списать ее красками?

«Признаюсь вамъ, что я съ нетерпѣніемъ буду ожидать въ Телеграфѣ статьи, о которой прошу васъ (оставаясь въ надеждѣ, что вы не откажетесь заняться ею для общей пользы). Чѣмъ строже и многостороннѣй будетъ разборъ, тѣмъ больше я вамъ за него буду благодаренъ: правое осужденіе горько только тому, кто находитъ сладкими похвалы не заслуженныя. Я съ моей стороны считаю обязанностью пользоваться замѣчаніями всякаго — разумѣется дѣльными.

«По возвращеніи моемъ въ Россію, я намѣренъ напечатать Байронова *Вернера* — но это будущее.»

Digitized by Google

Душевно благодаря Г-на Переводчика за украшеніе нашего Журнала прекрасными его преложеніями Шекспира, не меньше благодаримъ его за честь, которую дѣлаетъ онъ намъ, предлагая на разрѣшеніе трудный и важный вопросъ. — Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Телеграфа постараемся мы изложить наше мнѣніе: о переводахъ великихъ поэтовъ вообще, и о переводахъ Г-на Вронченко изъ Шекспира въ особенности. Исполнимъ это съ тѣмъ живымъ участіемъ, которое вполнѣ заслуживаетъ столь великій предметъ.

Изд. Тел.

Digitized by Google

ЖИВОПИСЕЦЪ.

(Продолженіе.)

Или я созданъ иначе, или не правду говорятъ; что величайшая горесть всегда безмолвна. Нѣтъ! послѣ перваго оцѣпенѣнія какого-то, продолжавшагося нѣсколько минутъ, походившаго болѣе на душевное несуществованіе, нежели на скорбь, я зарыдалъ, слезы мои полились, какъ будто душа моя хотѣла выхлынуть съ ними черезъ глаза мои. Три дня плакалъ я, почти не переставая, почти не отходя отъ бездушнаго трупа того, кто столько лѣтъ былъ моимъ Провидѣніемъ. ...

Я едва замѣчалъ, что̀ дѣлалось вокругъ меня. Помню, что слуги моего благодѣтеля горько плакали; что великолѣпная процессія шла за гробомъ его по Петербургу; что люди подходили, спрашивали: кого хоронятъ? слышали имя, и спокойно шли, кто куда шелъ, иной на рынокъ, иной въ судъ, иной прогуливаться— дѣло обыкновенное! Воротясь съ кладбища, заперся я въ своей комнатѣ. Во всѣ эти дни,

Digitized by Google

только однажды пріѣзжалъ племянникъ, теперь наслѣдникъ моего благодѣтеля. Потомъ явился онъ на похороны, провожалъ тѣло покойника, и прямо съ кладбища уѣхалъ куда-то. Я не начиналъ съ нимъ говорить; онъ какъ будто не замѣчалъ меня. Мы были съ нимъ чужіе.

Сырой, пасмурный былъ этотъ день. Наступилъ вечеръ тяжкій, грустный. Безмолвно ходилъ я по своей комнатѣ, въ ужасающемъ одиночествѣ. Ни прошедшее, ни настоящее, ни грусть, ни печаль, ни мысль о будущемъ, ни что ни втѣснялось въ мою душу. Во всемъ домѣ было безмолвіе, приводившее въ трепетъ. Ни что не шелохнется въ этомъ жилищѣ, еще недавно оживленномъ дѣятельностью жизни, ума, сердца! Кабинетъ моего благодѣтеля былъ запечатанъ. Казалось, что съ смертію его все умерло—умеръ и я! Уничтоженный, какъ будто несуществующій, ходилъ я по комнатѣ, ни о чемъ не думалъ, и не могъ думать.

Безчувствіе мое было столь велико, что я не замѣтилъ, какъ вошелъ ко мнѣ какой-то угрюмый, незнакомый человѣкъ. Его провожалъ старикъ каммердинеръ покойнаго. Угрюмый незнакомецъ объявилъ мнѣ, что отнынѣ ему препоручаетъ все имѣніе свое племянникъ покойнаго; что всѣ распоряженія и довѣренности прежняго владѣльца уничтожаются, и всѣ

Digitized by Google

дѣла поступаютъ къ нему, Г-ну Управляющему. Хорошо; но что-же мнѣ была за надобность до его дѣлъ? Я молчалъ, смотрѣлъ на незнакомца; онъ принужденъ былъ самъ начать продолженіе своей рѣчи, и сказать мнѣ, что довѣрителю его не угодно оставлять за собою этого дома; что онъ его отдаетъ въ наемъ; что для этого надобно очистить домъ, а посему и просятъ меня выѣхать изъ него немедленно.

Да! какая глупость! Съ чего вздумалъ я сюда воротиться съ кладбища? Какъ мнѣ было не знать, что съ смертію моего благодѣтеля для меня все было кончено; что міръ вещественный долженъ былъ теперь схватить меня, и мстить мнѣ за то, что столько времени я не жилъ въ немъ? Эта мысль пролетѣла въ головѣ моей, когда мнѣ объявляли, что меня гонятъ изъ дома, гдѣ провелъ я столько лѣтъ съ моимъ вторымъ отцомъ.... Счастливо, или несчастливо? На что спрашивать: у меня было сердце, понимавшее меня, была цѣлая семья чувствъ въ этомъ сердцѣ... Теперь — *одинокость*, страшное уединеніе души и сердца — и страшное лицо міра, съ его двумя тусклыми, помраченными отъ низкихъ страстей очами, на которыхъ не ищите Божественнаго отблеска первосозданія! Мнѣ ка-

Digitized by Google

залось, что я видѣлъ уже эти два глаза на меня устремленные, чувствовалъ холодное дыханіе міра и людей на моемъ сердцѣ, замѣчалъ, какъ двѣ огромныя руки ничтожныхъ заботъ о жизни обгибаются вокругъ меня, хотятъ схватить, поднять меня; и міръ здобно хочетъ послѣ того смѣяться надъ моею беззащитностью, моимъ сиротствомъ, держа меня въ страшныхъ своихъ когтяхъ..... Холодный потъ выступилъ у меня на лбу. «Но, посмотримъ,» думалъ я — «посмотримъ, что ты сдѣлаешь со мною, Міръ? Я отъ васъ ничего не потребую, ничего не захочу, Люди! Тяжко тому, кто чего нибудь хочетъ, и ему этого не даютъ; а кто ничего не хочетъ, ничего не требуетъ?»

— Долгъ мой былъ предувѣдомить васъ, М. Г. — сказалъ мнѣ наконецъ незнакомецъ, удивляясь, по видимому, моему молчанію.

«Я слышалъ все это,» отвѣчалъ я ему.

— И такъ, благоволите приказать убрать ваши вещи.

«У меня ничего здѣсь нѣтъ, М. Г.,» отвѣчалъ я, «никакихъ вещей. Все, что вы ни видите, принадлежало моему благодѣтелю — теперь принадлежитъ все это его наслѣднику.»

Digitized by Google

— Онъ позволяетъ вамъ взять съ собою все, что было подарено, или поступило во владѣніе ваше, изъ движимости его покойнаго дядюшки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу объявить: не имѣете-ли вы какихъ документовъ, по которымъ вамъ слѣдовало-бы получить какую нибудь сумму, или что нибудь отдѣльно во владѣніе?—

Я чувствовалъ, что лицо мое загорѣлось. «Документовъ никакихъ я не принялъ-бы, и благодѣтель мой не сталъ-бы мнѣ давать ихъ»— отвѣчалъ я.—«Въ теченіе многихъ лѣтъ, пока я жилъ въ его домѣ, подарилъ онъ мнѣ нѣсколько книгъ, нѣсколько эстамповъ — вотъ эти золотые часы. Я готовъ все это отдать...»

Я вынялъ часы изъ кармана, и осмотрѣлся кругомъ по комнатѣ, гдѣ лежали мои любимыя книги и портфёйли. Странное чувство! Какъ грустно стало мнѣ, когда я подумалъ, что мнѣ должно будетъ со всѣмъ этимъ разстаться, со всѣмъ этимъ, что столько лѣтъ составляло часть моего внѣшняго бытія! И это чувство могло вгнѣздиться въ душу мою, когда я былъ убитъ горестью о потерѣ моего благодѣтеля? Но это чувство *есть въ сердцѣ человѣческомъ*: мать плачетъ сильнѣе, видя игрушку, которою игралъ сынъ ея; слезы каплютъ чаще, когда мы смотримъ на столикъ, за

Digitized by Google

которымъ видали прежде милое намъ существо, котораго теперь уже нѣтъ...

Стыдитесь за меня! «Надѣюсь, что всѣ эти бездѣлки отдадутъ мнѣ?» сказалъ я. Да, я сказалъ это, когда за минуту столь горделиво готовъ былъ объявить міру: «Я *ничего* отъ тебя не требую!»

— Разумѣется — съ улыбкою отвѣчалъ мнѣ незнакомецъ.

Онъ ушелъ, а я ходилъ по комнатѣ. И въ это время, мѣсто прежняго безмыслія вдругъ заступилъ въ головѣ моей хаосъ различныхъ мыслей. Онѣ летѣли, пролетали, сверкали, пересѣкали одна другую. Прошедшее, настоящее, будущее — все было возбуждено короткимъ разговоромъ съ незнакомымъ мнѣ, новымъ управителемъ дома. «И послѣ тебя начались обыкновенныя дѣйствія людскія, какъ будто послѣ самаго ничтожнаго человѣка! Гдѣ-же слѣды, гдѣ истинная память твоя? Для чего-же *ты* жилъ?» думалъ я. «Для чего *я* живу? Что̀ было твое бывшее, твое истерзанное, обманутое жизнью бывшее — и *мое*?» невольно прибавлялъ я. «Завтра идти изъ этого дома... Куда? Зачѣмъ? Надобно жить! Для чего? Что̀ мнѣ въ будущемъ?»

Это былъ пароксизмъ какого-то нравствен-

Digitized by Google

наго безчувствія, жгущая лихорадка души. Думаю, что если-бы въ эти минуты кто нибудь подалъ мнѣ пистолетъ.... хладнокровно спустилъ-бы я курокъ, приставивъ дуло пистолета ко лбу, и не понималъ-бы въ то-же время, для чего я это дѣлаю! Какъ хорошо зналъ подобное состояніе души Байронъ!...

... Vacancy absorbing space;
And fixednes without a place....
... Silence, and a stirless breath,
Which neither was of life nor death;
A sea of stagnant idleness,
Blind, boundless, mute and motionless!..

Но это не было еще послѣднимъ разставаніемъ съ жизнью. Сколько времени этому прошло? Пять лѣтъ, да, пять лѣтъ—я многаго еще не зналъ тогда! Жизнь такъ дешево не даетъ отпускныхъ. У меня оторвалось тогда только полъ-сердца; но человѣкъ можетъ жить, пока остается у него хоть маленькій кусочекъ сердца. Только тогда онъ умираетъ, когда этотъ *послѣдній* кусокъ разорвется. А пока человѣкъ еще живъ, ему надобно жить. Я пережилъ тяжкую минуту безчувствія, и послѣ того не могъ уже умереть. Жизнь опять подкралась ко мнѣ. Душа моя пустила новые побѣги; жизнь усѣяла ихъ новымъ пустоцвѣтомъ....

Digitized by Google

Она сошла ко мнѣ прежде всего благодѣтельнымъ сномъ. Я забылся — уснулъ. А когда я проснулся, сквозь зеленыя занавѣски окна пробивался лучъ едва только восходящаго солнца, и этотъ лучъ освѣтилъ мнѣ будущее какою-то отрадою, сказалъ мнѣ, что между мертвымъ и живымъ нѣтъ болѣе отношеній. Живому жить, мертвому тлѣть. Мнѣ казалось, что совершившееся недавно, уже перешло въ область отдаленныхъ воспоминаній; что благодѣтель мой умеръ уже давно. И что̀ такое: *давно?* Развѣ не мысль человѣческая мѣряетъ его? Развѣ она не можетъ раздвинуть минуту на цѣлый вѣкъ, и цѣлый вѣкъ сжать въ одной минутѣ?

Теперь сидѣлъ я въ креслахъ своихъ, гдѣ провелъ нѣсколько часовъ, забывшись сномъ, сидѣлъ мрачный, но — бодрый и здоровый. Вчерашнія слезы мои высохли. «Пойдемъ отсюда!» думалъ я. «Пойдемъ, сыщемъ себѣ пристанище!» Тутъ, машинально, рука моя обратилась къ моему бумажнику. Я вынялъ его, развернулъ: въ немъ лежала ассигнація 25 рублей; я вынялъ мой кошелекъ: въ немъ былъ рубль серебра, и нѣсколько серебряной мѣлочи. Все это оставалось у меня отъ денегъ, которыя ежемѣсячно давалъ мнѣ благодѣтель мой на мѣлкіе расходы. Я разложилъ эти деньги передъ собою. «Тутъ будетъ у тебя столько, чтобы не

Digitized by Google

умрешь съ голода на первый разъ....» думалъ я. «А тамъ ?.. а тамъ... »

Уныло склонилась голова моя. «Что-же потомъ ? Работать для насущнаго хлѣба ?» Я содрогнулся. Дверь тихо растворилась. Осторожно вошелъ ко мнѣ Семенъ Иванычъ. Его сѣдые волосы, Франклиновскій видъ, его черное съ плёрёзами платье, красные отъ слезъ глаза (онъ не переставалъ плакать, уединяясь отъ всѣхъ) — въ первый разъ все это поразило меня. Со времени кончины моего благодѣтеля я почти не замѣчалъ моего добраго Семена Иваныча — неблагодарный ! Что-же теперь ? Семенъ Иванычъ, по обыкновенію, несъ ко мнѣ маленькій мой кофейникъ, чашку, молочникъ, на маленькомъ серебряномъ подносѣ.

—Батюшка, Аркадій Ивановичъ—сказалъ онъ мнѣ — услышавъ, что вы изволили уже встать, я принесъ къ вамъ вашъ кофе. —

Повѣрите-ли, что это меня растрогало, обрадовало ? Еще разъ прежнее, хоть во внѣшнемъ, какъ будто ни что не измѣнилось вокругъ меня ! Еще человѣкъ близкій ко мнѣ. «Но почему-же узналъ ты, Семенъ Иванычъ, что я уже всталъ ?»

— Я признаться, батюшка, видя, что вы очень обезпокоены, спалъ у васъ подлѣ дверей.

Digitized by Google

Вчера, этотъ новый управитель такъ грубо поступилъ съ вами — я боялся...

« Садись, Семенъ Иванычъ, » сказалъ я, почти до слезъ тронутый добротою старика — « полно говорить объ этомъ. Мы должны разстаться, мой любезный Семенъ Иванычъ !» продолжалъ я, протягивая къ нему руку.

Я хотѣлъ только пожать его руку; онъ бросился цѣловать мою. Поспѣшно отдернулъ я руку, и вскочилъ съ мѣста. «Нѣтъ, нѣтъ! это невозможно !» вскричалъ я.

— Батюшка, Аркадій Ивановичъ! — сказалъ мнѣ старикъ — простите моей дерзости! Вы мнѣ не приказываете говорить объ этомъ, изволите прощаться со мною.

« Что̀ дѣлать, мой любезный Семенъ Иванычъ! Общее несчастіе наше...

— Оно, конечно, велико; я все еще не могу удержаться отъ слезъ; да и въ цѣлый вѣкъ объ этомъ не наплачешься; но отчаяніе грѣхъ предъ Богомъ, тяжкій грѣхъ! Вамъ особливо, когда васъ Богъ одарилъ всѣми благами, умомъ и красотой (старикъ и теперь увѣренъ, что я величайшій красавецъ), вамъ будетъ еще жить хорошо; а мнѣ—остается жить немного; слѣдовательно — тоже хорошо!

Что̀ могъ я сказать на это? Открыть ему,

Digitized by Google

этому простодушному старику, состояніе души моей вполнѣ? Или, для увертки, сказать, что у меня ѣсть нечего, и отъ того такъ грустно смотрю я на будущее? Напротивъ, его простыя слова: *отчаяніе есть грѣхъ предъ Богомъ*!... Что̀ могъ я возразить на сіи слова? Развѣ не *отчаяніемъ*, не *грѣхомъ* должно было назвать безотчетное, тревожное состояніе души моей, самое себя терзающей? Сказать-же, что меня сокрушаетъ неимѣнье денегъ, голодная смерть въ будущемъ, когда у меня были двѣ здоровыя руки — стыдъ!

— Батюшка, Аркадій Иванычъ—началъ старикъ, помолчавъ немного — не отриньте вы моей просьбы: я весь пустъ; у меня нѣтъ ни роду, ни племени. Баринъ давно уже далъ намъ всѣмъ отпускныя, когда еще здравствовалъ: я свободный человѣкъ; да куда я пойду? Позвольте мнѣ жить у васъ; я еще могу служить вамъ не хуже молодаго. Вспомните, что вы на рукахъ моихъ выросли: вы не захотите и теперь разстаться со мною? Не правда-ли? —

«Любезный Семенъ Иванычъ! на что тебѣ подвергаться на старости лѣтъ нуду и безпокойству!»

— Какое-же безпокойство? Простите моей дерзости: вѣдь я всегда почиталъ васъ своимъ сыномъ; думаю, что и теперь могу еще

Digitized by Google

быть для васъ полезнымъ. Вы совсѣмъ не знаете хозяйства; я хотѣлъ замѣнить васъ собою, чтобы вы могли между тѣмъ, по обычаю вашему, на свободѣ думать, и писать ваши прекрасныя каршины, какъ было при старомъ баринѣ.

«Я самъ еще не знаю, гдѣ я буду жить,» сказалъ я — «и *гдѣмъ жить*!» едва не вырвалось у меня.

— Не знаете? А я такъ почти знаю — отвѣчалъ старикъ, усмѣхаясь. — Въ изумленіи взглянулъ я на него: онъ оробѣлъ, смѣшался. —Я думалъ, что вы позволите мнѣ жить съ вами, и приготовилъ было для васъ и для себя квартирку, по вашему вкусу, прекрасную, веселую.... простите меня! — Старикъ сложилъ руки, съ умоляющимъ взоромъ. — Я зналъ, что у васъ теперь нѣтъ денегъ. У меня, во время моей службы у барина, скопилось до 2000 рублей. Они лежали въ Ломбардѣ. Вчера я взялъ ихъ оттуда; нанялъ квартиру; вотъ остальныя деньги на разживу *намъ*.... О! у васъ подъ руками золото будетъ родиться; а теперь.... Батюшка, Аркадій Ивановичъ! не откажи: утѣшь меня старика! Вспомни, что душа моя сжилась съ тобою; что я столько лѣтъ ходилъ за тобою, какъ за роднымъ.... Онъ хотѣлъ стать на колѣни.

Digitized by Google

Я бросился къ моему старому другу, и обнялъ его, этого слугу — онъ былъ выше въ это время, гораздо выше многаго, что называютъ люди высокимъ! Я обнялъ-бы его передъ цѣлымъ міромъ, и горделиво сказалъ-бы: обнимаю *человѣка*. Отказаться отъ такого предложенія я не могъ; болѣе—оно согрѣло душу мою; міръ умѣлъ подкрасться ко мнѣ въ видѣ этого старика, подъ личиною добродѣтели.

Съ тѣхъ поръ мы уже не разлучались. Немедленно пошелъ я съ нимъ осматривать мою новую квартиру. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ нѣсколько веселенькихъ комнатъ. Семенъ Иванычъ въ тотъ-же день перевезъ мои вещи, устроилъ маленькое хозяйство. Началась новая жизнь моя. Горесть моя успокоивалась мало по малу, и превращалась въ грусть и унылую память о быломъ. Опять все возраждалось теперь въ душѣ моей. Около года жилъ я въ глубокомъ уединеніи. Чего не передумалъ, не перечувствовалъ я въ это время!

Я узналъ теперь прежде всего, какъ мало было надобно человѣку для вещественной его жизни, о которой столь много заботятся люди. Семенъ Иванычъ доставилъ мнѣ нѣкоторыя работы, и этого доставало мнѣ прожить годъ. Двумъ, тремъ богатымъ купцамъ надобны были портреты ихъ самихъ, женъ ихъ, дѣтей; какимъ-то поэтамъ

Digitized by Google

надобны были картинки къ ихъ поэмамъ. Механически сдѣлалъ я все это, и ни куда, ни къ кому не ходилъ. Все еще не было мною рѣшено, что̀ мнѣ дѣлать съ самимъ собою? Въ этотъ годъ, снова переучилъ я все, что зналъ, перемыслилъ, о чемъ думывалъ прежде. Множество эскизовъ, рисунковъ, этюдовъ сдѣлано было мною. Темная мечта: ѣхать въ Германію и Италію, спановилась однакожъ постоянною моею мыслію. Я хорошо зналъ *нашъ* художественный міръ, и не хотѣлъ вступать въ него. Но все это — мысли, мечты, предположенія, ученье мое — все было такъ не полно, мертво! Художникъ безъ живыхъ страстей и ощущеній, художникъ-мизантропъ, какое-то недовольное созданіе, критически изучающее свое Искусство, художникъ, который насильно старается разочаровать міръ и Природу, и носится въ неопредѣленныхъ безднахъ между небомъ и землею — что̀ это такое? Все что угодно, но не истинный художникъ. Фридрихъ пишетъ пустыни безлюдныя, дикія, необитаемыя — часто изображаетъ онъ просто одно безконечное море; но, посмотрите: тутъ есть однакожъ клочекъ земнаго *берега;* тутъ *нѣтъ людей,* но есть *земля* ихъ; и на ней видны остатки разбитой лодки; и чайка носится тутъ надъ какимъ нибудь полуразрушеннымъ крестомъ; а подъ этимъ крестомъ могила; и въ ней,

Digitized by Google

Подъ мягкимъ дерномъ гробовымъ,
Спитъ сердце, нѣкогда земнымъ,
Смятеннымъ пламенемъ согрѣто!

Правда, и у меня была въ мірѣ могила, единственное мѣсто, куда ходилъ я гулять, могила незабвеннаго; но она молчала, онъ молчалъ! А душа моя требовала живаго отвѣта, звала къ себѣ живую душу! Гдѣ-же была эта живая душа, другъ моей, *моя*? Я вопрошалъ и могилу друга моего, и міръ: могила его не отзывалась мнѣ; а міръ шумѣлъ вокругъ меня, и не думалъ замѣчать моихъ скорбныхъ воплей.

Однажды, вечеръ былъ прелестный: одинъ изъ тѣхъ вечеровъ Петербургскихъ, по которымъ лѣта Петербургскаго не промѣняю я на лѣто Одесское, или Таганрогское, теплое, но богатое жаромъ, пылью и мухами. Проведя цѣлый день въ уединенной работѣ, я отправился на кладбище; дорогою встрѣчалось мнѣ такъ мало народа; на кладбищѣ совсѣмъ никого не было: помнится, тогда весь Петербургъ гулялъ на островахъ, гдѣ показывали ему разныя диковинки—фейерверки, и еще что-то такое; о кладбищѣ-ли думать въ это время Петербургскому жителю, который за фейерверкомъ готовъ скакать 20-ть верстъ, и только одного не промѣняетъ на гулянье:

Digitized by Google

свиданія, назначеннаго знатнымъ человѣкомъ, въ его передней! Меня радовало, что рѣшительно никто не встрѣчался со мною на *нивѣ Божіей*: мнѣ было такъ свободно на ней, одному допрашиваться отвѣтовъ у самого себя, бесѣдовать съ могилою моего благодѣтеля. Шумный городъ оставался за мною, въ городскомъ туманѣ. Уже долго сидѣлъ я и мечталъ на гостепріимной могилѣ моей. Ее не тяготилъ еще тогда великолѣпный памятникъ, какой поставили на ней послѣ. Меня не отчуждала еще отъ нея золотая надпись, гдѣ исчислены ордена и чины покойника, а не сказано, какое сердце скрываетъ эта драгоцѣнная могила, какого человѣка прахъ тлѣетъ въ ней! Я забылъ самого себя въ усладительной тишинѣ этой Природы, въ тихомъ спокойствіи этой могилы. Природа, меня окружавшая, на этотъ разъ — казалось мнѣ — не была мертва: она дышала такъ понятно, весело, такъ тепло вѣяла она вокругъ меня! Мнѣ казалось, что я чувствую даже біеніе пульса ея; что онъ отзывается мнѣ даже и въ этой хладной могилѣ; что каждая травка, смятая моею ногою, говоритъ мнѣ: «Не презирай, не уничтожай меня — вѣдь я жива!»

Тутъ легкій шелестъ шаговъ послышался вблизи. Оборачиваю голову: дѣвушка, въ чер-

Digitized by Google

номъ платьѣ, идетъ поспѣшно, не видя меня; лицо ея закрыто вуалемъ....

Знаете-ли, что я никогда не любилъ, и теперь не люблю женщинъ? Я не люблю *женщинъ*, эту касту, эту *секту* (какъ называетъ женщинъ нашъ милый поэтъ, воспѣвавшій ихъ, будто ангеловъ, ненавидѣвшій, будто демоновъ). *Женщина!* Кто изъ нихъ самихъ не разсердится за такое названіе? Сами онѣ не любятъ его: имъ хочется въ ангелы, въ человѣки, въ машери. Тогда только жалобно говорятъ онѣ: *я женщина*, когда раздраженная ими страшная воля мужчины разрываетъ цѣпи, какими онѣ оковываютъ ее, онѣ, Пигмеи, Мирмидоны, нарумяненныя Омфалы, заставляющія своихъ Геркулесовъ прясть нитки и цѣловать башмачки, и трепещущія ихъ львиной кожи! О, тогда онѣ говорятъ тихо, жалобно: *я женщина!* Переведите на настоящій смыслъ эти два слова: вы узнаете въ нихъ печаль души человѣческой, понимающей свое жалкое, бѣдное полу-бытіе, принужденной слабостью своею защищаться отъ грома, отъ молніи, горящихъ, гремящихъ въ полной душѣ мужчины. Во всю жизнь мою, до того времени, почиталъ я женщинъ загадкою, которая не стоитъ разгадки; шарадою, у которой два слова имѣютъ смыслъ, являютъ два смысла, если ихъ читать отдѣльно,

Digitized by Google

и—никакого, если сложить ихъ вмѣстѣ. Это клавиши, на которыхъ играютъ страсти мужчинъ. Самыя непріятныя воспоминанія о женщинахъ остались у меня отъ моего дѣтства; я совершенно разочаровался, видѣвъ потомъ женщинъ въ большомъ свѣтѣ. Опытъ Аркадскихъ Идиллій меня брала зѣвота. Не хорошъ нашъ Желѣзный вѣкъ, но, Боже мой! что-же былъ Золотой! Только *одна женщина* существовала въ мірѣ, показала міру и унесла съ собою изъ міра идеалъ, постигнутый потомъ въ вещественныхъ его формахъ Рафаэлемъ. Венера Медицейская мнѣ всегда нравилась, какъ кусокъ мрамора, обдѣланный для Анатомическаго образчика женскаго тѣла; всегда смотрѣлъ я на эту статую, какъ философъ смотритъ на восковое изображеніе трупа, изучая въ немъ физическаго человѣка.

Но, теперь, въ это мгновеніе—мѣсто, уединеніе, тишина, черное платье, закрытое лицо — это не была женщина: это была какая-то идея, прилетѣвшая ко мнѣ, на призывъ души моей. Незнакомка останавливается; не видитъ меня, закрытаго кустами, которые насадилъ я вокругъ могилы моего друга. Да она и не смотритъ никуда—она стоитъ подлѣ какой-то, своей могилы; она становится подлѣ нея на колѣна—она тихо плачетъ, приклоняетъ

Digitized by Google

къ этой могилѣ свою голову... Съ изумленіемъ, не смѣя дышать, смотрѣлъ я на это созданіе, на его легкія, прелестныя формы... Она что-то шепчетъ, говоритъ; напрягаю слухъ, и слышу только одно слово: « *Маменька!* » Но какъ произнесено было это слово! — Милое, милое созданіе! пусть на одрѣ смерти моей, въ послѣдній часъ моихъ смертныхъ терзаній, скажутъ мнѣ его, это слово, произнесутъ его мнѣ этими звуками—они вдругъ украсятъ всю прошедшую жизнь мою, они усладятъ мою смерть... *Мать моя!* скажу я тогда въ свой чередъ Природѣ, и засну, какъ засыпаетъ дитя на лонѣ своей матери— и эти звуки будутъ мнѣ предвѣстникомъ того, что услышу я въ небѣ!..

« Вѣринька! гдѣ ты? » произнесъ мужской голосъ.

— *Здѣсь!* — отвѣчала тихо незнакомка.

Сколько идей, мыслей, выраженій соединилось для меня въ одномъ этомъ словѣ? *Здѣсь она*—при гробѣ матери! Гдѣ-же ей быть? Она не-земная — міръ въ это время смѣется, веселится, глядя на паяцовъ. Тамъ собрались и *женщины*. Но что̀ ей до нихъ? *Ее* ищите здѣсь, здѣсь, гдѣ лежитъ все, что привязывало ее къ міру — берегитесь, не испугайте ея: у нея есть крылья... И она *Вѣра*, она пришла сюда, когда и я пришелъ сюда! И рядомъ по-

Digitized by Google

кояшся здѣсь два драгоцѣнныя ей и мнѣ существа! Мы *свои* съ нею; вотъ они, *наши* — эти двѣ могилы, доказательство, что мы съ нею родныя. Откуда пришла она? Кто она? Зачѣмъ вдругъ исчезъ весь міръ, раздѣлявшій насъ доселѣ? Зачѣмъ онъ вдругъ сполкнулъ насъ, и говоритъ намъ: «Плачьте вмѣстѣ!» Неужели слезы наши, смѣшавшись вмѣстѣ, будутъ небесною росою, отъ которой долженъ снова ожить и разцвѣсть увядшій цвѣтокъ нашей жизни? О! мы обманемъ міръ — онъ свелъ насъ на грусть и печаль, а мы найдемъ надежду и радость!

Къ незнакомкѣ подошелъ немолодой мужчина. Онъ казался мнѣ такимъ добрымъ. Пристально глядя на него, я ничего особеннаго не находилъ въ его лицѣ; но что-то необыкновенно доброе и просіодушное оказывалось во всѣхъ его движеніяхъ. Это была Поэзія своего рода — народная пѣсня, пропѣтая добрымъ весельчакомъ.

— Я зналъ, что найду тебя здѣсь — сказалъ онъ.—Дурочка! всегда бѣжитъ сюда опрометью! Ну, что все плакать? — Онъ отвернулся, и отеръ тихонько слезу, которая покатилась по его смуглой щекѣ. — Пойдемъ! Посмотри-ка, что за славная эпитафія! — продолжалъ онъ, и началъ читать забавную над-

Digitized by Google

пись на ближней гробницѣ; но—онъ притворялся: голосъ его дрожалъ.

—Пойдемъ!—повторилъ онъ, но опираясь на свою палку, не двигался, и осматривался кругомъ.—Много—сказалъ онъ—много васъ, дружки! собралось здѣсь! И много тутъ хорошаго схоронено!—Онъ задумался, и произнесъ нѣсколько стиховъ—вы знаете, чьи эти стихи?

Какъ быть! а Всѣмъ одно! всѣхъ на пути
Застигнетъ сонъ... Что жь нужды? Всѣ мы будемъ
На милой родинѣ! Кто на кладбищѣ
Нашелъ постель—въ часъ добрый! Вѣдь могила
Послѣдній на землѣ ночлегъ; когда-же
Проглянетъ день, и мы, проснувшись, выдемъ
На новый свѣтъ, тогда пути и часу
Не будетъ намъ съ ночлега до отчизны....

Никогда эти добродушные, простые стихи не являли мнѣ столько прелести, какъ теперь! Мнѣ казалось, что я вижу самого Сторожа ночнаго, самого Гебеля, который не сочиняетъ свои стихи, а такъ, остановясь на кладбищѣ, думаетъ ихъ въ слухъ.

—Вотъ и этотъ былъ, куда славный человѣкъ! — продолжалъ незнакомецъ, указывая на могилу моего благодѣтеля.—И памятника никто не поставитъ, и поплакать никто не придетъ.... продолжалъ онъ задумчиво.

Digitized by Google

«Папенька! я всегда молюсь за него, когда бываю у маменьки!» сказала незнакомка, подходя къ отцу. «Я знаю, что онъ былъ вашъ благодѣтель.»

Тѣнь твоя радовалась тогда, второй отецъ мой! Здѣсь вдругъ билось три сердца, которыя *не забыли* тебя! И онъ былъ благодѣтель отца ея, благодѣтель ея! Она молится за него! Великій Боже! Если ты, тѣнь священная! привела меня сюда, благотворя мнѣ еще и по смерти, привела для того только, чтобы я узналъ *ее*....

Я тихо поднялся съ могилы. Нечаянное появленіе мое, казалось, изумило незнакомца. Дочь его робко прижалась къ его рукѣ. Онъ смотрѣлъ на меня пристально, но спокойно.

—Если не ошибаюсь—сказалъ онъ — вы Аркадій Ивановичъ, жившій у покойнаго Генерала, вотъ у этого добраго, почтеннаго человѣка? — Онъ указалъ на могилу. Лицо незнакомца выражало особенное любопытство.

«Вы не ошиблись. Извините, что я испугалъ васъ, помѣшалъ вамъ, можетъ быть; но вы говорили о человѣкѣ для меня драгоцѣнномъ.»

— Ему былъ я въ свое время обязанъ многимъ.

«Я никогда не видалъ васъ у него?»

Digitized by Google

— А я васъ знаю.... Мы видались. —

«Не помню, извините.»...

— Въ Училищѣ Живописи, у Г-на N. N. —

Тутъ вспомнилъ я, что точно мы видались; но я пропускалъ это лицо безъ замѣчанія. И что̀ мнѣ было замѣтить въ немъ? Оно всегда сидѣло за вистомъ, когда случайно я прихаживалъ вечерами, раза два-три къ N. N., одному изъ главныхъ учителей въ Училищѣ Живописи.

Мы пожали другъ другу руки, какъ старые знакомые. Старикъ былъ ошмѣнно словоохотливъ; онъ началъ со мною разговоръ. Дочь его молчала. Онъ успѣлъ разсказать мнѣ, что нѣкогда былъ опредѣленъ въ Училище Живописи пособіемъ моего благодѣтеля. Но попо̀мъ оставилъ онъ свое занятіе, и потому, когда возвратился благодѣтель его въ Петербургъ, онъ уже не являлся къ нему. Теперь, онъ былъ чиновникомъ, рисовальщикомъ, переводчикомъ при одномъ изъ Министерствъ. «Но я все таки, сударь, немножко охотникъ, амашёръ въ Живописи. Все Училище до сихъ поръ мнѣ знакомо. Главные Учители мои старые однокорытники.» Старикъ засмѣялся. Его откровенность, добродушіе, воспоминаніе о благодѣтелѣ моемъ, можетъ быть, всегда сблизили-бы насъ. Теперь

Digitized by Google

могъ-ли онъ мнѣ не понравиться? Онъ былъ *отецъ ея* — а мнѣ казалось, что душа ея уже давно мнѣ знакома, и все родное ей, было роднымъ и мнѣ. Мнѣ все нравилось теперь въ старикѣ, нравился даже этотъ грубый лоскъ образованности, какой воспитаніе художника, самаго дѣльнаго, придаетъ ему. Такъ грамотный образованнѣе неграмотнаго, хотя-бы только по складамъ читалъ онъ. Понравилось мнѣ и то, что незнакомецъ не мучилъ меня вопросами: что̀ *я* такое? гдѣ я? Впрочемъ, повторяю: что̀ не понравилось-бы мнѣ, близкое къ ней? Странное свойство человѣка: глупость отвратительна, невѣжество глупо; но если на нихъ брошено покрывало отношеній — глупость кажется добродушіемъ, невѣжество первобытною, доброю простотою человѣка. Человѣкъ неумолимъ; и онъ-же такъ способенъ извинять, такъ снисходителенъ; и эти двѣ противоположности могутъ быть въ одну минуту, отъ одного слова; и никакой умъ не защититъ въ этомъ случаѣ отъ заблужденія! Нечувствительно пошли мы всѣ вмѣстѣ, перешли кладбище, вошли въ городъ; разговоръ нашъ не прерывался. Незнакомецъ былъ шутливъ, ласковъ и словоохотенъ—я влекся за нимъ.... Чего желалъ я? Зачѣмъ шелъ? Не знаю, не знаю! *Она* шла съ нами вмѣстѣ; но что̀-же была мнѣ она? Я еще не видалъ даже ея лица, не говорилъ еще

Digitized by Google

съ нею ни одного слова; но я и не хотѣлъ видѣть лица ея. Она могла быть безобразна, уродъ! Какое мнѣ дѣло? Я уже зналъ ее: душа ея сказалась мнѣ на могилѣ матери ея, на могилѣ моего благодѣтеля.

Вдругъ остановились мы подлѣ хорошенькаго, опрятнаго домика. Я изумился, оглядѣлся кругомъ. «Зайдите, сударь, ко мнѣ, Аркадій Ивановичъ,» сказалъ старикъ, пожимая мнѣ руку. «Мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться покороче.»

Вообще, я небрегъ тогда о моемъ нарядѣ. Еще менѣе думалъ я о немъ, идя на кладбище. Я бормоталъ извиненія.

«Ничего, сударь, ничего,» сказалъ старикъ, удерживая меня за руку. Мнѣ хотѣлось-бы спросить у нея. Она какъ будто поняла меня. «Папенька,» сказала она, «кажется, пора пить чай!» и проворно пошла впередъ. Я пошелъ за отцомъ ея.

Рѣдко можно встрѣтить жилище, небольшое, но столь хорошо, мило, удобно расположенное. Коврики, диваны, столики, свѣтлыя стекла въ дубовыхъ окончинахъ, цвѣты на окнахъ—и эта женская заботливость, видимая повсюду, въ шитьѣ по канвѣ, синелью, бисеромъ, гарусомъ, въ разныхъ мелочахъ, доказывающихъ искусство, вкусъ, заняшіе хозяйки. И при томъ чистота,

Digitized by Google

опрятность, нѣсколько литографій за стеклами, прекрасное фортепіано. Мы сѣли въ диванной, подлѣ небольшой гостиной. Вѣринька явилась тотчасъ; она скинула свою шляпку; я увидѣлъ ее вполнѣ.

Много разъ послѣ того старался я отдать самому себѣ отчетъ: что такое плѣняло, очаровывало меня въ ней? Нѣтъ! она не была уродъ, безобразна! Милое, привлекательное личико, свѣжее, какъ роза, съ большими глазами, то принимающими веселое, живое выраженіе, то вдругъ унылыми, задумчивыми, но всего болѣе ничего не выражающими, ибо выраженіе даютъ страсти; эѳирный станъ; маленькая ножка—но у какой-же, хоть немного сносной, 16-ти, 17-ти лѣтней дѣвчонки всего этого нѣтъ? Что-же особенно плѣняло, очаровывало меня въ ней? Что безвозвратно рѣшило судьбу мою? Что? Не знаю: я тщательно изучалъ лицо Вѣриньки; я могу изобразить его вамъ ощупью, если вы закроете мнѣ глаза, и—никогда не напишу я ничего похожаго на Вѣриньку—не напишу ни ея взора, ни ея голоса, ни ея движеній, ни ея души. Но все это, отдѣльно взятое, такъ просто, такъ обыкновенно... Боже! какъ хороша ты, моя Вѣринька; но, скажи мнѣ: что въ тебѣ хорошаго?

Въ первый разъ послѣ кончины моего благодѣтеля, мнѣ хотѣлось участія другихъ. Думаю,

Digitized by Google

что я говорилъ тогда хорошо: мы говорили о благодѣтелѣ моемъ; сердце мое невольно высказывало себя. Мы были, какъ будто давно знакомые. Вѣринька сидѣла за столомъ, молчала; не замѣчала того, что локонъ ея, развившись, падалъ въ безпорядкѣ; что легкая косыночка скатилась съ одного плеча ея... Она двигала серебряную ложечку по подносу, задумчивая, иногда съ участіемъ подымая на меня глаза свои. Когда я говорилъ о послѣднемъ вечерѣ, проведенномъ съ моимъ благодѣтелемъ, на глазахъ ея навернулись слезы—она поспѣшно ушла изъ комнаты. Я проспился съ старикомъ, и побрелъ къ себѣ. . . .

Сказать-ли вамъ глупѣйшее изъ всѣхъ словъ, какія только находятся въ языкѣ человѣческомъ? Это глупѣйшее слово: *влюбиться*! Этимъ словомъ унизилъ человѣкъ святое имя, которымъ называлъ себя самъ Богъ. Такъ человѣкъ унизилъ великое слово: *могу*, замѣнивъ его словомъ: *долженъ*. Съ первымъ исчезло въ Любви все небесное; съ вторымъ высокая воля человѣка замѣнилась невольною обязанностью, и пропало безкорыстное вдохновеніе Добра! Человѣкъ былъ созданъ изъ Добра и Любви; съ ними все соединялось у него въ первобытной его жизни. Кто былъ добръ, тотъ любилъ; кто любилъ тотъ былъ добръ. И любовь роднила

Digitized by Google

душу Человѣка съ мертвою Природою. Философія не разогрѣетъ Вѣры, и не Логикою убѣждаются въ ея свяпыхъ истинахъ, но сердцемъ. Тамъ, въ сердцѣ человѣческомъ, воздвигнутъ алтарь святой Вѣры; рядомъ съ нимъ поставленъ алтарь Любви; и на обоихъ горитъ одинакая жертва вѣчной Истинѣ—пламень Надежды! Безъ этого пламени, солнце наше давно погаслобы, кровь въ человѣкѣ давно застыла-бы, и кометы праздновали-бы только погребальную тризну на скелетѣ земли, съ ужасомъ спѣша изъ мрачной пустоты, гдѣ тлѣетъ трупъ ея, спѣша — туда, выше, далѣе, гдѣ свѣтъ чище, ярче, болѣе вѣченъ.... Вы дивитесь чудесамъ въ великомъ; но зачѣмъ не наблюдаете вы ихъ въ маломъ? Наша земная любовь не есть-ли отблескъ любви вѣчной, огня небеснаго—украденнаго—говорили Греки—Прометеемъ какимъ-то. Нѣтъ! онъ не былъ украденъ, этотъ огонь: онъ мы — дитя не крадетъ молока своей матери: оно всасываетъ его съ жизнью!

Я не умѣлъ *влюбляться: я любилъ*, едва только узналъ любовь, какъ началъ жить, едва только узналъ жизнь. Жизнь разлилась во мнѣ съ первымъ моимъ дыханіемъ, разлилась въ мозгу, въ крови, въ костяхъ моихъ. Такъ было теперь съ любовью. Я жилъ съ тѣхъ поръ потому, что любилъ, и любилъ потому, что жилъ. Тутъ

Digitized by Google

для меня не было ни идеаловъ, ни отдѣльнаго чувства — было все! Вскорѣ не было и меня, отдѣльно существующаго — была только моя любовь. Вы хотите узнать, что происходило со мною послѣ того? Я *любилъ*. Хотите знать, какимъ образомъ Аркадій, о которомъ разсказывалъ я вамъ до сихъ поръ, сдѣлался тѣмъ, что вы видите въ немъ теперь; какъ мирились и снова ссорились въ немъ всѣ возможныя противоположности; почему всегда хотѣлъ ѣхать и не поѣхалъ я въ Италію? Отъ чего видѣли вы во мнѣ какого-то упадшаго, но счастливаго своимъ паденіемъ человѣка; отъ чего видите теперь почти сумасшедшаго? Я *любилъ*, и — только; болѣе ничего я не знаю.—Ни силъ, ни памяти моей не достанетъ разсказать вамъ все то, что заключено въ одномъ словѣ: *любить*. Вотъ нѣсколько лоскутковъ бумаги, на которые бросалъ я иногда свои замѣтки—одну изъ тысячъ!

Аркадій вынялъ изъ бюро своего множество лоскутковъ бумаги. «*Прошедшее!*» сказалъ онъ, усмѣхаясь. «Я буду смотрѣть въ этомъ на самого себя, какъ на что-то любопытное постороннее. Простите безпорядку, нескладицѣ — иногда я самъ ничего не понималъ; мнѣ иногда самому казалось, что я на одинъ шагъ отъ сумасшествія.... О Вѣринька! что ты со мной сдѣлала!

Digitized by Google

«Міръ въ сущности своей лучше, нежели намъ кажется; мы сами лучше, нежели мы думаемъ. Небо и земля, по видимому, отдѣльны; но они слиты вмѣстѣ. Станьте на высокую гору, выше *низкой* земной поверхности — на землѣ однакожь — и вы увидите, что земля кругомъ васъ сливается съ небомъ. Но *на землѣ* станьте для этого, а не въ облакахъ; иначе земля обовьется для глазъ вашихъ густымъ туманомъ земной атмосферы, и вы потеряетесь въ безднѣ этого пустаго тумана. Ногу на землю, взоръ въ небо—вотъ истинное твое положеніе, Человѣкъ? — Но ты устаешь смотрѣть въ небо? Хорошо; мы не можемъ глядѣть на солнце—меньше-ли его очарователенъ мѣсяцъ? Заоблачное небо закрыто отъ насъ солнцемъ; и на эту закрышку смотрѣть также не льзя — ослѣпнешь! Однакожь, иногда на солнце глядѣть можно. Надобно только тем[illegible]е стекло. Такъ на счастье можно смотрѣть сквозь *темноту* жизни человѣческой, сквозь несчастія. Тогда блескъ его не ослѣпляетъ. А кому свѣтъ счастья нестерпимъ, тотъ смотри на мѣсяцъ; вмѣсто золотыхъ лучей солнца, онъ ушѣшитъ васъ своими серебряными лучами....

«*Святое* должно быть прекрасно; все *прекрасное* должно быть свято для человѣка. Если вы безъ вѣры входите въ храмъ, будетъ-ли онъ

Digitized by Google

для васъ храмомъ? И зачѣмъ вы пришли въ него? Не такъ-ли все прекрасно потому, что вы чистою душею убѣждены въ этомъ? Послѣ сего, если что нибудь на землѣ не-прекрасное? Для того родится оживотворенная вѣра въ него— *художникъ*. Отъ его волшебнаго прикосновенія, то что на землѣ *казалось не-прекраснымъ*, получаетъ красоту, дѣлается *изящнымъ*.

«Если ты любишь прекрасное только въ камнѣ, только въ краскахъ на холстинѣ, будетъ-ли полна душа твоя? Никогда: ты любишь мертвыя формы; ты не знаешь *души* прекраснаго, заключенной въ живой жизни его.

«Чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше убѣждаюсь, что только невинность, младенчество души достигнетъ мира, послѣ котораго начнется новое, обѣтованное царство Искуства и Знанія. Человѣкъ ищетъ истины, роясь въ гніющемъ трупѣ ума, вооруженный анатомическимъ ножемъ. Ему надобно искать его въ полнотѣ жизни, искать не наукою, но вѣрою. Мы уже слишкомъ много *знаемъ*.—Чувствую, какъ душа моя начинаетъ отдыхать теперь, и какъ много началъ я *дѣлать*, съ тѣхъ поръ, когда пересталъ *испытывать*. Какой-то святой огонь радости и тишины грѣетъ душу мою. А если я

Digitized by Google

ошибаюсь, и если это утомленіе души?—Нѣтъ! это не утомленіе! Чувствую, что теперь на плечахъ моихъ подниму я горы. Вотъ разница: прежде я *отчаявался;* теперь *надѣюсь.* Надежда сестра Вѣры... Какое слово, какое *имя!* Чье это имя? Подруги Любви?

«Однакожь, какъ грубы формы жизни ихъ, формы ихъ мысленія! Этотъ старикъ, художникъ по диплому, рисовальщикъ машинъ, какъ мало онъ знаетъ, какъ грубо онъ чувствуетъ! Мнѣ смѣшно, когда онъ начинаетъ говорить объ Искусствахъ. А *она* молчитъ — и заставляетъ меня краснѣть, при мысли: не дура-ли она? Но ребенокъ развѣ глупъ? Въ немъ небесныя формы; онъ только не знаетъ нашихъ выученныхъ фразъ. Богъ съ ними! Не эти-ли фразы губили меня до сихъ поръ! Богочеловѣкъ призывалъ дѣтей прямо въ царство свое; а намъ, съ какими тяжкими условіями жизни, съ какимъ крестомъ дозволено думать объ этомъ царствѣ! *Погуби разумъ свой, разумный!* будь дитя.... Однакожь, это грустно, когда нѣтъ отвѣта душѣ моей, когда я долженъ возить тѣлежку дѣтскую, или стучать въ дѣтскій бубенчикъ, чтобы уравняться съ *нею*....

Digitized by Google

«Какъ я ошибся, какъ глупъ былъ я! Какъ устыдила она мою гордость; какое величіе души! Я изумленъ! Такъ глубоко чувствовать сердцемъ; такъ безотчетно понимать сердцемъ всѣ великія тайны ума и Искуства; такъ задумываться надъ великимъ, и потомъ такъ добродушно отвѣчать: «Понимаю; но не знаю состоянія души, въ которомъ это можетъ услаждать ее!» Она не знаетъ еще наслажденій страданія! Три часа говорили мы. Она скрываетъ себя отъ другихъ. Нѣтъ! это не глупое незнаніе, не холодное равнодушіе. Рафаилъ долго жилъ въ семействѣ Товіи, и никто не замѣчалъ крылъ его. Такъ въ ней все великое и прекрасное живетъ съ нами. Сколько мыслей возбудила она во мнѣ; сколь многое разрѣшила мнѣ однимъ взглядомъ! А этотъ вопрошающій взоръ, устремленный на меня, когда она не понимаетъ чего нибудь? А эта радость, когда она начинаетъ понимать, эта дѣтская радость....

« Онъ совсѣмъ не такъ глупъ, и люди, его окружающіе, не такъ глупы. Что лучше: большой-ли свѣтъ, гдѣ всѣ на ходуляхъ и въ маскахъ, или этотъ малый, гдѣ люди ходятъ въ первобытныхъ одеждахъ, и не закрываютъ масками простыхъ лицъ своихъ? — Однакожь, на

Digitized by Google

вечера ихъ я не пойду болѣе. Мнѣ скучно. Зачѣмъ-же сидѣлъ я шамъ до пяти часовъ утра? Аркадій! ты можешь привыкнушь, а это дурно.

«Зачѣмъ шеперь не думаешь шы о своей Ишаліи? Но какъ я поѣду шуда? Пѣшкомъ идши надобно шебѣ. — Хорошо, только зачѣмъ-же? Не самъ-ли я всегда опровергалъ нелѣпость: изучашь Искуство въ образцахъ? Это ша-же шеорія. — Развѣ вдохновеніе, развѣ Изящное есшь какой нибудь колдунъ, или Кикимора, кошорые скрываюшся въ развалинахъ Колизея, или пугаюшъ изъ грязи Понтинской?—Но, Аркадій, шы хошѣлъ шуда ѣхашь, бѣжашь? Ты хошѣлъ бѣжашь шуда ошъ людей, ошъ самого себя. Но шеперь шебѣ не совсѣмъ дурно. Ошъ чего швое довольсшво собою? Ошъ чего. . . .

«Я не спалъ всю ночь. Громъ и молнія, дождь, вѣшеръ мѣшали мнѣ спашь. Голова моя болишъ.

«Чша за сшранносшь! Семенъ Иванычъ увѣряешъ, чшо ночь была шиха и прекрасна.—Можноли шакъ ясно видѣшь сны? Но спалъ-ли я? Кажешся, нѣшъ! — Сомнѣніе есшь признакъ мудросши. — Какъ глупа эша сомнѣвающаяся мудросшь! И какъ будшо мудросшь можешъ сомнѣвашься!

Digitized by Google

«Безсонница моя продолжается. Вчера я видѣлъ сонъ, и съ ужасомъ вскочилъ съ постели— а онъ былъ такъ прелестенъ! Чего испугался я? Противоположности съ дѣйствительнымъ?...

«Неужели обманъ и мечта это счастіе! Ради Бога, увѣрьте меня, и жизнь моя передъ вами— возьмите ее: я все еще дешево куплю небо на землѣ! Какъ она спрашивала меня: почему не былъ я цѣлую недѣлю? Какъ слезы навертывались на глазахъ ея, когда она говорила мнѣ о блѣдности лица моего! Если это просто *участіе*, что-же *любовь* ея?... Чувствую, какъ голова моя кружится; или я сдѣлался солнцемъ, вокругъ котораго вертится все.... Вѣринька, милый другъ! «Вѣринька, ты забыла гостей своихъ,» говорилъ ей отецъ. Она *заговорилась* со мною. Я хотѣлъ уйдти; но она *такъ* взглянула на меня, что я бросилъ шляпу, сѣлъ въ уголъ, и молчалъ. Какъ мило щадила она меня, не стараясь вовлекать въ разговоръ, и какъ украдкою оглядывалась она на меня! А это движеніе, когда она прикладываетъ руку къ груди, какъ будто у нея грудь болитъ.... болитъ... Неужели отъ этого чувства больно груди? Или грудь человѣческая не привыкла къ этому святому чувству?—О Вѣринька! что ты такое?

Digitized by Google

«Зачѣмъ пошелъ я къ нимъ сегодня! День грусти и тоски нестерпимой! Она такъ обрадовалась, когда увидѣла меня, сдѣлалась такъ весела, такъ ласкова ко всѣмъ; она прыгала какъ дитя. Зачѣмъ она не бросилась ко мнѣ, и не прижалась къ груди моей? Чего она боялась другихъ? Что тутъ худаго? Я обнялъ-бы ее, какъ ангелы обнимаютъ ангеловъ; душа моя такъ чиста была въ то время.... Но послѣ этой радости, не совѣстно-ли ей было уравнять меня съ другими? Хуже: я казался ей болѣе чужимъ, нежели всѣ другіе? Она убѣгала моего взора, ничего не говорила со мною... А эти два дурака, которые окружали ее—они меня взбѣсили. Зачѣмъ она позволяетъ себѣ быть съ ними всегда веселою, ласковою, а со мной такъ часто задумывается, молчитъ. «Вы меня пугаете!» сказала она, и затрепетала. Развѣ взоръ мой сдѣлался страшенъ въ это время? Мнѣ ужасно какъ хотѣлось выкинуть ихъ въ окошко. «Что вамъ за радость говорить съ этими дураками?» сказалъ я.—Какое-же право имѣете вы почитать ихъ дураками, и запрещать мнѣ говорить? — отвѣчала она. «Право, *Вѣринька*?» — въ первый разъ я назвалъ ее такъ. Она, казалось, собрала всѣ свои силы, и сказала съ негодованіемъ: «Я всѣхъ въ мірѣ люблю!»— Всѣхъ?—спросилъ я злобно, чувствуя, что готовъ былъ позабыться: «Неужели и тѣ, кого

Digitized by Google

мы любимъ, должны терзать насъ?» сказала она, со слезами на глазахъ, умоляющимъ голосомъ, и ушла изъ комнаты. Я убѣжалъ домой. Это невыносимо.... Богъ съ тобой, Вѣринька! Люби всѣхъ. Я могу любить *одну*, и хочу, чтобы она одного меня любила. Сердце человѣческое не должно быть постоялымъ дворомъ, гдѣ всякаго принимаютъ съ равною ласкою: это храмъ, гдѣ воздвигается жертвенникъ одному. И для кого безславишь ты святое имя Любви? Ихъ любить? Любовь тратишь по мѣлочи?... Какъ ты жалка, бѣдная Вѣринька; какъ ты бѣдна, жалкая дѣвочка!—Ты смѣшна мнѣ. Я думалъ что-то найдти въ тебѣ—кланяюсь тебѣ, хорошенькое личико—люби всѣхъ, люби.... Кровь моя бросилась въ голову... Презрѣніе незаконный братъ любви, но родной ей по матери.

«Старикъ заходилъ ко мнѣ, и пенялъ мнѣ, зачѣмъ я позабылъ ихъ. Я немедленно пошелъ къ нимъ, завернувшись въ Гораціевскую епанчу философа. Ровно три недѣли я не былъ у нихъ. Ея не было дома. Это меня обрадовало. Я думалъ отдѣлаться визитомъ моимъ. Да и что ей во мнѣ? Она не считаетъ минутъ моего отсутствія, она не ждетъ меня—ей все равно! Отецъ говоритъ, что она очень здорова. Горько улыбался я, слыша, что еще вчера, вчера

Digitized by Google

они гдѣ-то провели всю ночь, всѣ прыгали, плясали.—Зачѣмъ не вошла она въ эту минуту, веселая, насмѣшливая? Я никогда-бы не явился къ нимъ болѣе. Она вошла поспѣшно, задыхаясь отъ усталости, но унылая, печальная. «Что съ тобой сдѣлалось?» спросилъ отецъ.—Я бѣжала опрометью — отвѣчала она вдругъ — мнѣ сказали, что Аркадій Ивановичъ пришелъ... я думала, что васъ, папенька, нѣтъ дома—прибавила она, краснѣя. «Какая привѣтливость!» подумалъ я, и съ досадою взялся за шляпу. «Вы не будете пить чай у насъ?» спросила она въ замѣшательствѣ.—Нѣтъ!—отвѣчалъ я грубо. Отецъ вышелъ въ это время. Глаза ея обратились ко мнѣ; они, казалось, спрашивали: что значитъ все это? «Вы у насъ такъ давно не были.»—Развѣ вы замѣтили мое отсутствіе?—Она молчала — несносная! молчала! Хоть изъ учтивости-бы сказать: *да!*—Вы весело проводите время — продолжалъ я, едва скрывая бѣшенство. «Ахъ! очень весело!» сказала она, какъ будто боясь, чтобы разговоръ не обратился на что нибудь другое. Но я и не думалъ обращать его ни на что, былъ хладнокровенъ, спокоенъ. Тутъ, видно, ее разсердило мое равнодушіе, и она—женщина!—нашла средство терзать меня! Скрывая досаду свою, съ улыбкою, она начала разсказывать мнѣ о вечерѣ,

Digitized by Google

гдѣ они были. Ничтожная дѣвчонка, стрекоза, бездушное созданіе! Я выдержалъ характеръ: захохоталъ, отвернулся отъ нея, и ушелъ въ кабинетъ къ отцу ея. Тамъ сидѣли какіе-то старики. Я не видалъ ея болѣе, потому что черезъ полчаса ушелъ. Но — стыдись, Аркадій! ты видѣлъ ее! Да, я остановился на улицѣ, противъ окна; она сидѣла на диванѣ, задумчивая, печальная.... Такъ-то я видѣлъ ее въ первый разъ. Но, клянусь Богомъ! что я смотрѣлъ на нее теперь, какъ на картинку. За то дождь промочилъ меня до нитки. Онъ заступился за женщину, которая не могла побѣдить твердости мужчины. Желая доказать свое упрямое равнодушіе, я стоялъ и смотрѣлъ цѣлый часъ.

«Она любитъ меня! Нѣтъ сомнѣнія! Ея поступки не кокетство. Но въ ней вовсе нѣтъ сердца, или она глупая кукла. И ты, Аркадій, передашь себя ей, этой дѣвчонкѣ? Ты помиришься на этой любви, на этомъ ребяческомъ чувствѣ? Развѣ ты не видишь: она женщина просто. Не мнѣ она, не мнѣ — пусть явится избранный, мишурное созданіе; вывальсируетъ съ нею изъ круга людей; объяснится съ нею, гдѣ нибудь на балѣ, на прогулкѣ; пусть благо-

Digitized by Google

разумно скажетъ онъ ей, что обожаетъ ее. Она потупитъ глаза — каррикатура, каррикатура! Хохочу, когда подумаю! У нея есть то-же свои дрянные идеалишки, своя кукольная комедія дружбы пансіонской—вѣроятно, и любви—ей пора смѣнить однѣхъ куколъ другими куклами.— «Объяснитесь съ папенькою; я отъ себя не завишу.» — « Но позволите-ли мнѣ надѣяться, что мое желаніе не возбудитъ негодованія вашего.»....Нѣтъ! глупѣе надобно: « Но смѣю-ли думать, что не оскорблю васъ.»..—И въ заключеніе всего: « Какъ я счастливъ! » ....

« Семенъ Иванычъ услышалъ мой хохотъ, и вошелъ ко мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какія глупости пришли мнѣ въ голову...

« Чудная Вѣринька! скажи, кто ты: демонъ или ангелъ? Нѣтъ! ты *не-зѣмная* — это я знаю лучше самой тебя. Великаго не стыдитъ униженіе добровольное. И я понимаю, что ты скрываешься отъ людей; ты снисходишь къ нимъ, ты равняешься съ ними; ты не хочешь оскорбить ихъ, открывъ имъ свое небесное происхожденіе! Тебя оскорбило-бы признаніе мое: ты думаешь, что словами не выражаютъ

Digitized by Google

чувствъ; ты чувствуешь, что надобно жить, дышать этимъ чувствомъ, этою любовью — но не говорить о ней! Сегодняшняя прогулка, гдѣ такъ нечаянно мы встрѣтились, гдѣ въ толпѣ людей мы были одни, гдѣ мы говорили такъ мало, гдѣ я могъ вести тебя подъ руку, слышать сильное трепетаніе твоего сердца, гдѣ ты забывала земной языкъ, гдѣ прижималась ты къ моей рукѣ, и я казался твоимъ защитникомъ.... «Полно говорить объ этомъ — ради Бога, перестаньте!» сказала ты мнѣ, когда я началъ разсказывать тебѣ объ ужасномъ состояніи души моей: я не смѣлъ говорить о *любви* моей. «Полно Аркадій, mon bon ami! Вы не повѣрите, какъ тяжело слышать, что вы несчастливы! При вашемъ сердцѣ, при вашей душѣ... Вы не должны быть несчастливы!»—Что-же составитъ мое счастье, Вѣринька, что составитъ его? Не люди, нѣтъ, не люди! Дайте мнѣ одну *душу* любящую, понимающую меня...— Она вся запрепетала. — Вы мнѣ и жаловаться на это не позволяете? — «Могу-ли я быть вашимъ руководителемъ, Аркадій!»—Будьте имъ, будьте моимъ ангеломъ хранителемъ.— «Мы не понимаемъ другъ друга.» — Нѣтъ! вы меня понимаете. — «Боюсь понимать, можетъ быть»...— Меня-ли можете вы бояться?—сказалъ я съ жаромъ.—Испытайте меня, заставьте ме-

Digitized by Google

ня дѣлать, говорить, думать, что вамъ угодно! Передайте только мнѣ миръ души вашей!— Какъ начала она послѣ того говорить; какъ чудно изъясняла мнѣ свой дѣтскій, невинный, ангельскій взглядъ на миръ, на людей! Только гордость моя не позволяетъ мнѣ согласиться, что она права... Теперь я вижу всю ея душу! Я готовъ былъ преклонить колѣна передъ нею, не думая казаться страннымъ; въ лицѣ ея обожалъ я великую идею Любви... И вся толпа, окружающая насъ, также преклонилась-бы передъ нею, если-бы только я сказалъ ей нѣсколько словъ, этой толпѣ. Никакое сердце, ни чья душа не лишены своего участка неба. —

«Нѣтъ! Вѣринька—такъ дешево не отдамъ я тебѣ себя! Твоей дѣтской любви мнѣ мало. Хочешь-ли быть *моею?* Отрекись отъ себя; не думай быть со мною счастлива; воображай, что страшное, неизъяснимое бѣдствіе ожидаетъ тебя со мною; что только горькія слезы будутъ тебѣ отрадою...Тогда-то, тогда мы будемъ счастливы, но счастливы не по земному: тогда жизнь моя, душа моя, моя вѣчность принадлежатъ тебѣ! Ты еще не знаешь счастія *умереть вмѣстѣ*, послѣ жизни ужасной, бѣд-

Digitized by Google

ственной, отъ которой содрогнулось-бы все, кромѣ Любви. Любовь не боится ничего, всего менѣе смерти. Это чудовище, столь гибельное, страшное всему другому — есть Ангелъ-благодѣтель Любви! Отдайте Вѣриньку кому угодно, забросьте ее за моря, за непроходимые лѣса и горы, позвольте мнѣ ползши на колѣнкахъ по всему свѣту, искать ее; разбейте лодку, на которой поплыву я, и бросьте меня, исперзаннаго объ острыя скалы приморскія, только бросьте къ ногамъ ея, такъ, чтобы мой послѣдній взоръ устремился на нее, встрѣтился съ ея взоромъ, выражающимъ любовь... — Вотъ счастье, вотъ что я знаю въ любви...

«Она способна, она можетъ такъ любить — она готова будетъ скитаться со мною вѣчно, по землѣ непріязненной, съ нищенскою сумою, съ посохомъ, которымъ мы будемъ стучаться подъ окномъ поселянина, выпрашивая ночлега любви нашей... Аркадій! ты сумасшедшій!

«Какъ странно говорилъ со мною сегодня отецъ ея! Чего онъ хотѣлъ? Не думаетъ-ли,

Digitized by Google

что я *женихъ* его дочери; что я также хожу къ нему, какъ другіе, *играть въ свадьбу?* И неужели она смотритъ на меня, какъ на толпу другихъ молодыхъ людей, изъ которой болѣе нѣжному, болѣе скромному, болѣе прилежному въ исканіи, представляющему болѣе удобствъ въ жизни, она отдастъ свою руку? Вѣринька! неужели я *женщину*, *невѣсту*, обожаю въ тебѣ? Неужели ты думаешь, что я не посмѣлъ-бы любить тебя, если-бы ты была Царица? Побоялся-бы любить тебя, если-бы ты была нищая бродяга, а я сильный Царь? Ты прекрасна, Вѣринька: въ глазахъ твоихъ небо; станъ твой зефиренъ; но, подурнѣй, милый другъ! сгорбись, сдѣлайся безобразна! Тогда только увидишь ты, люблю-ли я тебя! Принадлежи другому—что-же мнѣ? Я люблю душу твою—она всегда будетъ моею.

Нѣтъ, нѣтъ, о Боже мой! Ей принадлежать другому? Нѣтъ! все — *только не это!* Я не переживу этого—больше нежели не переживу. Что̀ смерть? To die, to sleep! Мнѣ не льзя будетъ тогда *даже и умереть:* ты останешься въ мірѣ...

Напрасно хотѣть воротиться теперь — это уже невозможно, бѣднякъ! Если она

Digitized by Google

и не то, если она ничтожна, если ты долженъ играть жалкую, презрѣнную ролю ничтожнаго любовника, какъ этотъ долговязый молодой человѣкъ, который вчера навязывался къ тебѣ въ друзья — все кончено! Ты думалъ властвовать ею; ты думалъ, что она боится, трепещетъ твоей исполинской силы, а она опутывала тебя паутинными нитками, и опутала! Видишь-ли, кто теперь повелѣваетъ: она или ты? Что за лицо представляешь ты у нихъ въ домѣ? Что ты — привидѣніе-ли, которое приходитъ пугать другихъ? Или шутъ, надъ которымъ всѣ забавляются? Куда какъ глупъ ты съ твоими мечтами, съ твоими высокими мечтами! Вчера ты хотѣлъ остаться въ своемъ кабинетѣ, и что-же? Цѣлый вечеръ у нихъ; и цѣлый вечеръ ты сидѣлъ на ряду съ другими, игралъ въ дурачки, рисовалъ каррикатуры! Тебѣ дали альбомъ, и ты вписывалъ въ него глупости — цвѣточки, хижинки, и былъ веселъ—веселъ—вотъ что мнѣ всего досаднѣе! Ты потерялъ всю власть надъ нею: она уже не тревожится твоими взорами, уже не боится тебя. Огонь безумныхъ, сильныхъ страстей погасъ! Она такъ спокойна, весела, такъ увѣрена, что ты всегда придешь къ нимъ. Ты не смѣешь уже изъявить ей никакого противорѣчія. Вчера, помню, при первомъ словѣ она тихо пожала мнѣ ру-

Digitized by Google

ку, и сказала: «Опять пугать меня, Аркадій?» и я замолчалъ. Ей весело играть въ эту ничтожную любовь, въ этотъ звонокъ жизни, по которому веселая радость и крошечное удовольствіе являются, когда ихъ позовутъ! Она дитя, она забылась сномъ, а ты не смѣешь пошевелиться, не смѣешь говорить громко— боишься перервать сонъ твоего дитяти! Но какъ очарованъ этотъ сонъ! Вѣринька! вѣдь ты моя?

Неужели я до того измѣнился? Какъ: они, эти люди, которые меня пугались, стращились, они уже начинаютъ любить меня; они находятъ меня милымъ, любезнымъ, забавнымъ, веселымъ? Стыдись! По крайней мѣрѣ, этотъ долговязый вчера былъ разсерженъ. Какую глупую рожу дѣлалъ онъ, какъ былъ жалокъ! Она торжествовала. Она говорила, казалось, всѣмъ: «Видите-ли, какъ мой Аркадій уменъ, какъ онъ милъ?»—Вы всегда будете такимъ милымъ, Аркадій, какъ сегодня были? — сказала она, прощаясь. Мнѣ стало совѣстно за нее— нѣтъ! за себя.

И это ты перенесъ, Аркадій! Какъ: отецъ ея говорилъ тебѣ, что почиталъ тебя бога-

Digitized by Google

тымъ; что онъ почиталъ тебя незаконнымъ сыномъ твоего благодѣтеля; думалъ, что благодѣтель твой оставилъ тебѣ большое состояніе? Какое сострадательное лицо сдѣлалъ онъ, когда ты сказалъ ему, что ты бѣднякъ, надѣющійся только на свои руки; что у тебя ничего нѣтъ—ни денегъ, ни покровительства! Съ какою утѣшающею улыбкою говорилъ онъ потомъ: «Но я никогда не разлюблю тебя, мой любезный Аркадій Ивановичъ, будь ты милльонщикъ, будь ты нищій! Я, братъ, самъ начиналъ съ копѣйки!» — Потомъ, онъ сталъ мнѣ давать совѣты, какъ жить, какъ надобно думать о будущемъ—о будущемъ, не за гробомъ, а *здѣсь!* Какъ надобно беречь копѣйку на черный день... *Ея*, правда, не было тутъ... Я не могъ-же оскорблять отца ея? Но вѣдь это гадко: думать, и даже говорить такъ, какъ онъ думаетъ и говоритъ? — Я не пойду къ нимъ болѣе—но надобно наконецъ узнать отъ нея... Гдѣ мое прежнее бѣшенство?

Три дня сижу я, запершись у себя. Но какъ мнѣ грустно, какъ мнѣ скучно!

Сегодня я подходилъ къ воротамъ дома ея—но не пошелъ къ ней. У меня еще есть сила души...

Digitized by Google

Я былъ къ нему несправедливъ. Онъ обезоружилъ меня простодушною добротою. Могъли я этого ожидать? Онъ пришелъ ко мнѣ. Встревоженный принялъ я его. Старикъ спрашивалъ меня: зачѣмъ я не приходилъ къ нимъ три дня, и не пришелъ *вчера?*—Вчера? Но что̀ было *вчера?* — Забылъ? Вотъ какъ ты любишь насъ; а мы простудили свой обѣдъ; мы такъ привыкли видѣть тебя при каждомъ семейномъ праздникѣ нашемъ, при каждой радости нашей!— «Но какой праздникъ вчера былъ? Чему они тамъ радовались?» — Ты и позабылъ, видно? Вотъ я скажу Вѣринькѣ, что ты забылъ *17-е Сентября!* А она цѣлый день ждала тебя, хотѣла даже послать нарочнаго.»

Старикъ сѣлъ, и началъ говорить: «Прости меня, братъ Аркадій: я человѣкъ простой, не воспитанный; говорю, что думаю. Не осердился-ли ты на насъ за что нибудь? Это вчера приходило мнѣ въ голову; но я ничего не припоминаю. А что я люблю тебя, какъ друга, какъ добраго, славнаго, горячаго немного, но умнаго малаго—право, люблю какъ сына... Мой покойный Гаврило былъ-бы въ твои годы... Ты на него немного и походишь... Голова только у тебя горяча, прокляпая!»..

И такъ, онъ не хотѣлъ оскорблять меня? Онъ не за то любилъ меня, что я казался ему

Digitized by Google

сыномъ Генерала, человѣкомъ съ деньгами, *выгодною партіею* его дочери? Онъ видѣлъ во мнѣ что-то похожее на милое, незабвенное дитя его?

Но зачѣмъ-же онъ не говоритъ, что я могу быть его сыномъ? Неужели, когда дочь его видитъ въ любви моей какую-то игрушку, онъ вовсе не понимаетъ отношеній моихъ къ себѣ?

Но такъ выходитъ. Онъ говоритъ столь добродушно, столь откровенно. Что-же? Если въ его окошко смотрѣть, и не видѣть, не знать вовсе, горящаго солнца любви—могу-ли я тогда быть его сыномъ, и Вѣринька можетъ-ли быть моею? Нѣтъ! Но онъ любитъ меня, онъ пришелъ узнать обо мнѣ, навѣстить меня... Къ ней! къ ней!.. Она рѣшитъ все!...

«Безсовѣстный!» Одно слово, которое успѣла она сказать мнѣ, когда мы на минуту остались одни, когда я взялъ ея руку, и прижалъ ее къ горящимъ устамъ своимъ. И какой взоръ сопровождалъ это слово... Только *одно* слово, но тутъ было все: упрекъ, прощеніе, радость свиданія, грусть разлуки... Дайте мнѣ

Digitized by Google

сто лѣтъ жизни, сто рукъ — я изъясню вамъ это слово; но цѣлой жизни міра мало будетъ вамъ изучить то, что я напишу вамъ.

Ни одной еще картиной не былъ я такъ доволенъ, какъ той, которую сегодня началъ.

Если я былъ когда нибудь счастливъ, такъ не въ дѣтствѣ-ли моемъ это было? Или не тогда-ли это было, когда еще безотчетно увлекался я Искусствомъ? Были-ли это минуты душевной пытки, мучительныхъ изслѣдованій, неудовлетворяемыхъ идеаловъ? Нѣтъ!

Развѣ несчастье это, когда вы чувствуете, что сердце ваше бьется тихо, кровь тепла, голова свѣжа, люди *кажутся*— пусть хоть *кажутся* — добры; земное солнце грѣетъ васъ; вся природа дышитъ сномъ радости?

Завтра рѣшительно сожгу я свой большой картонъ съ рисунками, и возьмусь писать портретъ этого откупщика.

Почему до сихъ поръ я никогда не воображалъ себя счастливымъ семьяниномъ; подлѣ ме-

Digitized by Google

ня Вѣриньку, какъ подругу жизни, и мою буйную душу, согрѣваемую тихимъ дыханіемъ любви изъ устъ ея; и ангела, съ улыбкою спящаго на ея колѣнахъ? Аркадій! недостижимо то, чего искалъ ты донынѣ. Не гордость-ли твоя виною, что ты не сознаешь причины недостижимости въ собственной своей слабости? Берегись, Аркадій! гордость погубила Сатану! — Если грудь женщины не создана для поприща сумасшедшихъ страстей, а для того только создана, чтобы голова, измученная ихъ безуміемъ, успокоивалась на этой груди? — Вспомни, что Наполеонъ не терпѣлъ Г-жи Сталь, страстно любившей его! Важная тайна человѣческаго сердца! Неужели ты влюбился-бы въ Г-жу Сталь, въ ея Коринну? Никогда! Поди онѣ въ адъ! Актриса не женщина—это пасквиль на женщинъ; пѣвицу надобно слушать, а не любить! Какъ уменъ былъ Англичанинъ, который торговалъ горло у Кастрати — только горло....

— Читать-ли вамъ еще что нибудь, мой почтенный другъ?—сказалъ Аркадій, ощупывая рукою свои замѣтки.— Избавьте меня! Мнѣ тяжко — я задохнусь.... Вы понимаете теперь,

Digitized by Google

хоть немного, какъ эта непостижимая дѣвушка умѣла пересилить мою бѣшеную душу; какъ она умѣла связать волю мою; какъ я никогда не смѣлъ сказать ей ни одного слова о любви моей—видѣлъ, что она любитъ меня, страстно любитъ, и не позволялъ себѣ даже ни одного взгляда, который вырвалъ-бы у нея признаніе, послѣ котораго я прижалъ-бы ее къ груди своей, задушилъ ее въ своихъ объятіяхъ. Безпечная невинность, дѣтская простота; и среди этого одинъ взглядъ, одно слово, которые показывали мнѣ все богатство души ея; и послѣ этого слова, этого взгляда, какая-то электрическая, согрѣвающая, дѣтская веселость, отъ которой радость такъ сладостно дышала на меня отъ людей, и отъ Природы... Вы застали меня въ этомъ состояніи — меня, забывшаго всѣ свои идеалы, всѣ свои мечты, и—для чего? Для счастья земнаго? — Но я и по земному не былъ счастливъ: я только уничтожился.... прежній Аркадій исчезъ тогда во мнѣ. Я успѣлъ наконецъ помириться съ самимъ собою, съ моимъ внутреннимъ, вѣчнымъ врагомъ; но условія были тяжки: я былъ уже просто *живописецъ*, не *художникъ*. Довольно-ли, что меня полюбили даже въ Главномъ Училищѣ Живописи; что мнѣ хотѣли даже дать денегъ, и отправить меня въ Италію, на счетъ этого

Digitized by Google

Училища. Все это перенесъ я, потому, что Вѣринька сказала мнѣ: «*Аркадій! вы это сдѣлаете!*» Я подписалъ-бы кабалу на вѣчное мое рабство, если-бы только она сказала: «*Аркадій! вы это сдѣлаете!*» Проклятыя слова! — Я успѣлъ тихонько разстроить посылку меня въ Италію, и какъ ребенокъ трепеталъ, чтобы Вѣринька этого не узнала; я успѣлъ сдѣлать, что меня выключили изъ Главнаго Училища Живописи. Ей было все это досадно; я притворялся, что и самъ очень жалѣю. Для чего-же сдѣлалъ я все это? — Я не въ силахъ былъ подумать о разлукѣ съ нею... И что-же за все это Вѣринька?... Три дня тому—страшный свѣтъ освѣтилъ мнѣ судьбу мою! Это ужасно....

Аркадій быстро прошелъ по комнатѣ три или четыре раза. Онъ сѣлъ потомъ. Ни одно движеніе наружное не показывало внутренней бури его. Онъ говорилъ мнѣ хладнокровно, по видимому; только лицо его было блѣдно, глаза мутились, губы посинѣли....

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Digitized by Google

КРИТИКА.

Отвѣтъ Г-ну Полевому на Критику, помѣщенную въ Московскомъ Телеграфѣ 1833-го года, Апрѣль, N° 8-й, стр. 562 — 572.

Всякое твореніе Искусства должно само за себя отвѣчать: вотъ мое правило. Въ споры за свои стихи я никогда не входилъ и не войду.

Посвященіе трагедіи: Андромаха, П. П. Скуратову.

Сіи слова, написанныя мною въ 1827-мъ году, повторяю здѣсь для того, чтобы вы увѣрились съ самаго начала, что цѣль отвѣта моего не жалоба на вашъ, конечно непріятный и даже прискорбный мнѣ отзывъ о моихъ сочиненіяхъ. Много на свѣтѣ плохихъ стихотворцевъ, еще болѣе несправедливыхъ и не основательныхъ судей; вы-ли, я-ли, попадемъ въ тотъ либо другой разрядъ на страшномъ судѣ потомства, дѣло покуда темное, и важное только для насъ двоихъ. Но по случаю книги

Digitized by Google

моей распространились вы въ разсказѣ событій, въ изложеніи теорій, важныхъ для всякаго, кто любитъ Русскую Словесность; а въ наше время начинаютъ къ ней быть не равнодушными, и сіе похвальное начало обѣщаетъ большаго впредь: о сихъ разсказахъ и теоріяхъ хочу вамъ нѣчто сказать.

Первую страницу, гдѣ еще нѣтъ общихъ разсужденій, я-бы совсѣмъ пропустилъ, если-бъ она не была тѣмъ любопытна, что вы прежде всего заговорили о себѣ. Изъ словъ вашихъ видно, что давно принимаете живое участіе въ мнѣніяхъ и спорахъ, коимъ прошивъ воли бывалъ я причиною и предметомъ; какого рода участіе, окажется изъ тѣхъ-же вашихъ словъ.

Появляются на меня критики, приправленныя такъ называемою сочинителемъ ихъ *аттическою солью;* вы читаете ихъ, любуясь *остроуміемъ* и *хохочете;* не одни, » а цѣлымъ обществомъ пріятельскимъ. » Памятъ сихъ веселыхъ часовъ вамъ понынѣ дорога, и вы съ чувствомъ говорите о нихъ: «Никогда не забуду. »

Но нѣтъ веселія безъ примѣси: на *Ольгу* ратуешь уже совсѣмъ другой сподвижникъ, человѣкъ умный и въ иномъ чемъ свѣдущій, но на бѣду свою равно чуждый и языку и Поэзіи Нѣмецкой. Безо всякаго внутренняго убѣжденія превозносишь онъ *Людмилу* Г. Жуковскаго не только выше *Ольги*, выше самой *Леноры* Бюргера, и ошибаешся во всѣхъ своихъ разсчетахъ, Г. Грибоѣдовъ почти шу-

Digitized by Google

тя побѣждаетъ сего атлета, блуждающаго на незнакомомъ поприщѣ; Г. Жуковскій, увидя свою ошибку, не словомъ, а дѣломъ признается въ ней, и вторично переводитъ ту-же Балладу. Вамъ, любителю Нѣмецкихъ авторовъ, и споръ сей и послѣдствія онаго должны-бы, кажется, быть пріятными; напротивъ, вы *сокрушаетесь*, вѣроятно потому, что слово и дѣло меня вполнѣ оправдали.

Я назвалъ участіе ваше живымъ: выраженіе слабо; оно страстное, коли дошло до сокрушенія, и я удивляюсь, какъ вы не посовѣстились почти вслѣдъ за тѣмъ написать: «Мы собственно не принадлежимъ ни къ одной изъ партій,» воевавшихъ за стихи и мнѣнія Катенина.

Духомъ партій объясняете вы потомъ на четырехъ страницахъ весь шумъ, который на меня подняли, и разсказываете по своему объ нихъ понятію: въ чемъ онъ начала XIX-го столѣтія до нынѣ партіи сіи между собою не соглашались; жаль, что не прибавили къ сему хотъ краткой повѣсти о дѣйствіяхъ той и другой, отъ чего многое осталось темнымъ, и какъ будто нарочно недосказаннымъ. При всемъ томъ, я обязанъ благодарить васъ за открытіе изъ-подъ спуда хотъ слабаго луча истины: скажи я, или пріятель мой, что не критическій разумъ, а только страсти раздраженныя возставали на мои добросовѣстные въ Поэзіи труды, посторонніе могли-бы усомниться, подозрѣвать ослѣпленіе самолюбія, либо дружбы; но свидѣтельство противника несомнѣнно, и разрѣшаетъ вопросъ. Какой благомыслящій человѣкъ послѣ сего

Digitized by Google

не пожалѣешъ о томъ, что партіи господствуютъ, и обрекаютъ въ жертву каждаго, кто не хочетъ или стыдится угождать ихъ вредному духу?

Положимъ, я пишу, какъ вы сказали: *дурно*, и обо мнѣ собственно нечего жалѣть; но если-бъ вмѣсто меня явился другой человѣкъ, съ истиннымъ, чистымъ и большимъ дарованіемъ, сходный со мною въ томъ только, чему и во мнѣ, какъ выше сказали, «не льзя не отдать справедливости»: человѣкъ, «прилежно изучившій иностранные языки, «и убѣжденный, что прежде всего надобно быть «чистымъ сыномъ своего отечества, заимствовать «силу и краски у своего народа,» человѣкъ, «основательно учившійся,» то есть знакомый съ изящными произведеніями разныхъ народовъ, и ревностный почитатель Древнихъ, и «глубоко понимающій романтизмъ;» сверхъ того, «писатель мыслящій и желающій добра Литтературѣ;» предположимъ въ немъ «усилія благородныя: ввести въ нашу Словесность новые виды, новые роды, и обогатить ее заимствованіями изъ Русскаго быта и Русской старины;» какая судьба ожидаетъ сего человѣка при вступленіи на поприще Поэзіи? Вникните, прошу васъ, въ собственное ваше описаніе партій, и вы сознаетесь, что ему грозитъ тоже, что претерпѣлъ я.

Были, говорите вы, двѣ школы: Карамзинисты и Славянофилы; одни *ахали*, и готовы были «мутнымъ потокомъ затопить богатыя нивы Русскаго «слова»; другіе хотѣли «для прошедшаго мертваго оставить настоящее живое»; время уни-

Digitized by Google

чтóжило тѣхъ и другихъ. Мѣсто ихъ заняли: съ одной стороны «поклонники Карамзина», къ коимъ позвольте прибавить на случай войны: всѣхъ называющихъ себя романтиками, и всѣхъ Журналистовъ; кто-же съ другой стороны? Нѣтъ никого; ибо вы шутите, называя партіею трехъ человѣкъ и меня четвертаго. Но гдѣ и тѣ? Гдѣ Грибоѣдовъ? гдѣ Авторъ *Ижорскаго?* Г. Жандръ всегда писалъ мало, и давно совсѣмъ замолкъ: остаюсь я одинъ.

Меня въ сторону; пошолкуемъ о томъ геніяльномъ поэтѣ, коего существованіе мы предположили. Скажите по совѣсти: могъ-ли-бы онъ пристать къ партіи поклонниковъ одного человѣка? къ людямъ, полагающимъ что «не льзя идти далѣе его»? На что похоже, спрашиваю васъ, такое мѣлкое понятіе объ умѣ человѣческомъ, о возможныхъ предѣлахъ Поэзіи и Искусствъ? Какъ-бы то ни было, отъ него потребуютъ поклоненія; кому? чему? Исторіографу-ли и его *Исторіи?* Нашъ поэтъ, безъ сомнѣнія, отдастъ полную справедливость трудамъ многолѣтнымъ, творенію нужному, мало что полезному; при многихъ, можетъ быть, недостаткахъ, у насъ донынѣ въ своемъ родѣ первому, и едва-ли не единственному. Но Исторія не Поэзія: гдѣ бывало, чтобъ строи стихотворцевъ воевали за честь Историка? Въ Италіи нѣкогда сильная партія унижала Тасса, во Франціи Расина; на нихъ нападали во имя Аріоста и Корнеля; Гвичіардинія ни Боссюэта въ поминѣ не было, потому что до поэмъ и трагедій имъ никакого дѣла нѣтъ. И у насъ

Digitized by Google

не за Историка Карамзина, а за прежняго ополчаются поклонники его, и поклонники его поклонниковъ: горе дерзкому Мардохею, не кланяющемуся съ ними и имъ.

Признаюсь, мнѣ мудрено вообразить, чтобъ истинный поэтъ могъ восхищаться поэзіею прозы юнаго Карамзина, или прозою его стиховъ; еще мудренѣе, чтобы благородная его душа согласилась изъ разсчетовъ льстить и лгать. Тщетно будетъ онъ осторожнымъ, тщетно воздержится отъ сужденій громкихъ о поклоняемомъ писателѣ; его молчаніе поймутъ, самую умѣренность его возненавидятъ; нападая дружно и постоянно, такъ оглушатъ свистомъ, бранью, смѣхомъ и пр., что оставленный всѣми и самъ невольно смущенный, онъ, можетъ быть, въ цѣлую жизнь свою, вмѣсто славы и похвалъ, не добудетъ ничего кромѣ горестей и оскорбленій.

Скажете-ли вы, что за него вступится публика, общій голосъ, цѣлаго народа сужденіе? Но у насъ почти нѣтъ публики: такъ она малолюдна; верхній классъ общества любитъ иностранную грамоту, а нижній не знаетъ никакой. Съ нѣкотораго времени число читающихъ умножилось, и книгопродавцы пустились въ обороты значительные; но что раскупаютъ у нихъ и читаютъ? *Выжигина* съ семьею. Эта публика и понятія не имѣетъ объ Изящномъ, и не любопытствуетъ узнать о немъ, и въ преніяхъ поэтическихъ не участвуетъ; а если вздумаетъ изрѣдка: стиховъ почитать, то справится въ Журналахъ: чьи стихи хороши.

Много-ли Журналовъ? Не вст-ли одной масти съ

Digitized by Google

ошшѣнками? Въ которомъ чужому мнѣнію свобода и просторъ? Вы написали про меня сшашью враждебную, а я принужденъ, изъ дурнаго выбирая лучшее, къ вамъ-же послашь ошвѣшъ; захошише, напечашаеше, не захошише, нѣшъ; чѣмъ я васъ принужу? Сколько бывало сшашей, Журналисшами спряшанныхъ! Сколько изданныхъ до половины и почему-шо осшановленныхъ! Сколько подсшрочными примѣчаніями обезображенныхъ! Какимъ оружіемъ оборонишся нашъ поэшъ? Геній не защишаошъ козней, крылья орла не пробьютъ веревочной сѣши.

Осшавляю его, и обращаюсь къ вамъ. Если-бъ я увлекался позволишельнымъ, можешъ бышь, желаніемъ: непріязненнаго крипика самому задѣшь за живое, мнѣ-бы не шрудно было удовлешворишь его на счешъ вашей сшашьи. Не грубя, не называя васъ *пигмеемъ* ни *оригиналомъ*, съ предписанною общежишіемъ учшивосшью, могъ-бы я высшавишь на показъ: ваши пусшыя сужденія о шомъ, чшо вы мало знаеше, напримѣръ: о Французскихъ шрагикахъ; ваши ушомишельные, безцѣльные loci communes, напримѣръ: объ оригинальносши; ваши безъ числа проширорѣчія, которымъ пошому только не привожу примѣра, чшо они на мой счешъ; но я оспшупаюсь ошо всѣхъ выгодъ, какими-бы другой безгрѣшно воспользовался, пошому чшо не пишу ни апологіи за себя, ни филиппики прошивъ васъ, и въ виду имѣю однѣ общія исшины, одни полезныя Лишшерашурѣ правила и разсужденія.

На сшраницѣ 567-й предлагаеше вы, всѣмъ ведущимъ споръ о моихъ сочиненіяхъ, полюбовную сдѣл-

Digitized by Google

ку, на условіи: «отличить наружную отдѣлку отъ сущности», и вы это выдаете за *рѣшеніе*, и даже за *справедливое*. Стало, по вашему, стоитъ только найдши хорошаго мастера писать стихи, отдать ему *сущность* моихъ на *отдѣлку*, и тогда все выйдетъ прекрасно. За себя мнѣ тутъ нечего вступаться: я обойдусь безъ вашей мировой; но вообще желаю знать: отколѣ заимствовали вы такую сбитую, ложную теорію? Неужели вы думаете, что слогъ или наружная форма независимы отъ внутренняго духа? что можно мыслить здраво и дѣльно, воображать смѣло и красно, чувствовать живо и глубоко, и съ тѣмъ вмѣстѣ говорить глупо, вяло, пошло, et vice versâ? Въ какомъ вѣкѣ и народѣ откроете вы поэта, который-бы подходилъ подъ ваше, съ природою человѣка несходное правило?

Болѣе скажу: я увѣренъ, что вы сами не такъ вещи понимаете, но въ затрудненіи, по нуждѣ схватились за что попало; инымъ признаніемъ не рѣшились вы вдругъ измѣнить годами возлелѣянному предубѣжденію, наскоро не нашли вѣрнѣйшаго разрѣшенія задачи: почему писатель, котораго вы привыкли называть дурнымъ, всегда преслѣдуемый цѣлыми отрядами враговъ, и тревожимый на пути къ цѣли гиканьемъ со сторонъ выскакивающихъ наѣздниковъ, самъ никогда не схватываясь съ ними въ непристойную рукопашь, имѣлъ однако, и еще имѣетъ, можетъ быть, защитниковъ, «убѣжденныхъ въ его правотѣ», немногихъ, но избранныхъ?

Если основательность и ясность правилъ, испо-

Digitized by Google

вѣдуемыхъ сими, какъ вы ихъ назвали, *почетными лицами*, вопреки малому ихъ числу, и не смотря на то, что они очень рѣдко выдавали въ печать свои голоса, достаточны, чтобы въ глазахъ вашихъ составить изъ нихъ родъ не презрѣнной оппозиціи въ многошумной палатѣ Русскаго слова, никто не имѣетъ права болѣе меня радоваться такому отзыву, и, можетъ быть, хвалиться признаваемымъ вами достоинствомъ и вѣсомъ ихъ сужденій.

Но врядъ-ли смогутъ усилія ихъ охранить цѣлость бѣдствующаго слова Русскаго отъ ножа скопителей и спекулаторовъ, называющихся пользователями и врачами. Вы сами, хотя не радѣете въ поклонники, хотя разсуждая о двухъ партіяхъ, явно оказываете болѣе уваженія къ той, которая слѣдуетъ своему убѣжденію, на размышленіи и чувствѣ основанному правилу, почтенному, если-бъ даже оно было ошибочное, нежели къ другой, вѣрующей безусловно въ своего *Аристотеля*, вы сами, повторяю, обнаруживаете странную вражду къ нѣкоторымъ словамъ, укоряете пишущихъ: *возвративый*, *рамо*, *ланита*, ревнуете объ убавленіи въ языкѣ запасовъ и средствъ къ выраженію. *Возвративый*, вмѣсто *возвратившій*, можетъ вспрѣшиться только въ чемъ нибудь библейскомъ и тамъ прилично; *рамо*-же и *ланита* употребляются сплошь стихотворцами всѣхъ школъ, иными не у мѣста, тамъ гдѣ простыя разговорныя названія лучше-бы кстати пришлись; но въ слогѣ высокомъ сіи старинныя, коли угодно, Славянскія, придаютъ рѣчи красоту незамѣнимую. Нѣмцы, любимые образцы

Digitized by Google

ваши, пишутъ въ стихахъ благородныхъ: Haupt а не Kopf, Roß а не Pferd, даже именно Wange, *ланита*, а не Backe, *щека*; но какой критикъ станетъ въ томъ укорять Гёте, утверждая, что онъ пишетъ не по-Нѣмецки, а по-*Германски*?

Здѣсь мѣсто пояснить нѣсколько ошибочное сказаніе ваше о теоріи тѣхъ людей, къ числу коихъ справедливо причисляете меня. Они не почитаютъ «языкъ Церковно-Славянскій древнимъ Русскимъ»; знаютъ не хуже другихъ, что Библія переведена людьми не Русскими; но увѣрены, что съ тѣхъ поръ какъ приняла ее Россія, ею дополнился и обогатился языкъ Русскій, скудное дотолѣ нарѣчіе народа полудикаго; они видятъ въ ней свѣтильникъ неугасный, озарившій умъ и слово Россіянъ въ ночь владычества Татарскаго, въ бурю набѣговъ Литовскихъ и Польскихъ; они признаютъ ее краеугольнымъ камнемъ новаго зданія, которое воздвигнулъ Ломоносовъ, достроивали Петровъ, Державинъ, Костровъ, Дмитріевъ, Озеровъ, К. Шихматовъ, Гнѣдичъ, и другіе, писавшіе съ дарованіемъ въ родѣ высокомъ. Но мысль ихъ далека отъ того, чтобы языкъ и Словесность должны были ограничиваться однимъ родомъ, каковъ-бы онъ ни былъ; они любятъ весь языкъ, хотятъ имѣть полную Литтерашуру, и не довольствуясь даже рѣзкимъ раздѣломъ слога на трагическій и комическій, или важный и шутливый, допускаютъ, принимаютъ, вводятъ всѣ возможныя постепенности и оттѣнки въ языкѣ, всѣ роды, формы и краски въ Поэзіи и стихосложеніи; ихъ теорія эклектическая, многообъемная и безпристрастная. Основа

Digitized by Google

ея: Истина; и потому рано либо поздно одолѣетъ она своихъ противниковъ. Партіи изводитъ время, а правда открывается и утверждается имъ; оно-же опредѣлитъ и цѣну людей, вводившихъ ученіе полезное и стоявшихъ за правду.

Сіе несогласіе въ общихъ началахъ, важнѣйшее изъ возникшихъ между нами, было главнымъ побужденіемъ моимъ къ отвѣту, и болѣе всего заставляетъ меня желать и просить, чтобъ вы оный напечатали, если останетесь упорно *при своемъ*; буде-же, чего однако не смѣю надѣяться, вы убѣдитесь моими доводами, тогда въ вашей волѣ принять къ свѣдѣнью про себя все мною сказанное, и не выпускать на свѣтъ моей статьи: молчаніе вашего Журнала почту я тогда знакомъ лестнаго согласія.

Павелъ Катенинъ.

P. S. Мнѣ должно оправдать типографію, гдѣ печатались мои *Сочиненія и Переводы*. Ея ошибокъ не много, но глаза ваши оскорбились, можетъ быть, незнакомымъ вамъ правописаніемъ, котораго держусь я по своимъ на этотъ счетъ, коли угодно, *ересямъ*. Здѣсь не мѣсто толковать о нихъ; только я не хочу чтобъ за меня осуждали невиноватыхъ.

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Панъ Подстолiй*. Романъ уѣздный. Соч. Ѳомы Масальскаго. 5 частей. СПб. 1832. г. Въ т. К. Крайя, in-12, XII, 139, 281, 188, 270 и 181 стр. (*).

Вотъ книга, которая не можетъ имѣть блестящаго успѣха. Сказавъ это, прибавимъ, что немного знаемъ мы книгъ, столь полезныхъ въ настоящемъ положеніи Россіи, и писанныхъ съ такимъ чистымъ желаніемъ добра, какъ *Панъ Подстолiй*. Если о какой нибудь книгѣ можно сказать: C'est un livre de bonne foi, lecteur, то, конечно, о *Панѣ Подстолiѣ*.

Нѣтъ-ли противорѣчія въ нашихъ словахъ? Нимало нѣтъ.

Вообразите себѣ не молодую, и не красивую, хотя благородной, пріятной наружности дѣвушку. Она не обладаетъ никакими блестящими дарова-

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 15 р. ассиг. за экз.

Digitized by Google

ніями; сидишъ на балѣ въ углу, не умѣешъ пѣть, танцовать, быть любезною, милою въ обществѣ. Узнайте ее въ домашнемъ кругѣ, и вы узнаете, что она добра, умна, обладаетъ обширными, основательными, хотя не блестящими свѣдѣніями, говоришъ занимательно, прекрасно. Женитесь на ней: она будетъ доброю хозяйкою, доброю матерью; осчастливишъ свое семейство; воспитаешъ дѣтей прекрасно. Но, скажете-ли вы, что свѣтъ оцѣнитъ это доброе, умное созданіе, что эта дѣвушка можетъ имѣть успѣхъ въ свѣтѣ? Будемъ откровенны—скажите по чистой совѣсти: влюбитесь-ли вы въ нее, даже замѣтите-ли ее, если какой нибудь случай не сблизитъ васъ съ нею? Нѣтъ? — Такъ въ Литературномъ мірѣ, и въ мірѣ читающемъ, должно быть съ *Паномъ Подстоличемъ*.

Авторъ изображаетъ въ этомъ романѣ нынѣшнее положеніе и бытъ Бѣлорусскихъ и Литовскихъ областей. Злоупотребленія, пороки, глупости выставлены имъ въ полной наготѣ. Притомъ показываетъ онъ и образцы добродѣтелей, ума, благодѣтельности; говоришъ о средствахъ исправить существующее зло; и все это сказано умно, честно, дѣльно. Но, всему этому придана форма романа. Согласимся съ Авторомъ (стр. XI), что онъ поступилъ такъ для того, чтобы заставить прочитать многихъ книгу свою, за которую, подъ другою формою, принялись-бы весьма немногіе. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что выходитъ книга: *Изслѣдованія о нынѣшнемъ состояніи городскихъ и сельскихъ обывателей Бѣлорус-*

Digitized by Google

скихъ и Литовскихъ губерній, и о средствахъ исправить ихъ невыгодное положеніе. Не правда-ли, что гораздо менѣе будетъ число людей, готовыхъ купить и читать эту книгу, нежели, когда ту-же самую книгу, издадутъ подъ формою романа, и подъ названіемъ: *Панъ Подстолкъ?* Соглашаемся съ этимъ; только спрашиваемъ: что-же выигрываетъ Авторъ? Если положить, будто подъ видомъ шутки можно сказать многое, чего не льзя было-бы сказать *не шутя*, то — мы готовы поклониться Автору въ поясъ, даже еще ниже; и готовы согласишься съ нимъ, что это совершенная истина. Но кромѣ сего условія, не соглашаемся мы съ мнѣніемъ Автора ни сколько.

Что ему за надобность, если его книгу прочтетъ нѣсколько лишнихъ праздныхъ чтецовъ? Это шмели, отъ которыхъ не дождутся меду, ни самъ благонамѣренный Авторъ, ни добрая цѣль его. Говоря о чтецахъ *только пріятнаго*, мы готовы биться объ закладъ, что у девяти десятыхъ долей чтецовъ обыкновенныхъ, терпѣніе умретъ на 2-й часши *Пана Подстолича.*

Слѣдовательно, *Панъ Подстолкъ* не занимателенъ и скученъ? — *Какъ романъ*, да: скученъ нестерпимо, многословенъ, старъ по изложенію, несносенъ подробностями. Все это, *какъ романъ*, повторяемъ.

Прибавимъ, что въ немъ даже ничего и нѣтъ романическаго, то есть *поэтическаго*, хотимъ мы сказать, ибо *безъ поэзіи*, романъ не будетъ рома-

Digitized by Google

номъ, хотъ въ заглавіи его подпишете вы: *романъ Историческій, романъ нравственно-описательный, романъ сатирическій*, и т. д. — Топъ еще не воинъ, у кого на лѣвомъ боку шпаженка болтается.

Авторъ методически раздѣляетъ весь мнимый романъ свой на *четыре* части (четвертая состоитъ изъ двухъ отдѣленій, отъ чего и вышло *пять* книжекъ). Часть первая. *Крестьянинъ*. Сцена бѣднаго, раззореннаго Бѣлорусскаго мужика съ Жидомъ-арендаторомъ, который вконецъ спаиваетъ и раззоряетъ его. Пріѣзжаетъ незнакомецъ, человѣкъ немолодой, и останавливается ночевать у бѣднаго мужика. Тутъ еще прежде его остановился уже ночевать какой-то молодой дворянинъ. Пріѣзжіе знакомятся: старшій изъ нихъ *Панъ Подстоличъ*, идеалъ ума, добродѣтели, знаній; младшій, *Владиславъ*, сынъ его стараго знакомаго, готовый учиться всему хорошему. Это *Ментеръ* и *Телемакъ*. Они гонятъ Жида вонъ. Подстоличъ обласкалъ, утѣшилъ мужика и семью его; посадилъ съ собою ужинать. Мужикъ и жена его разсказываютъ ему при томъ всѣ подробности своего несчастнаго быта, и наконецъ всѣ спокойно засыпаютъ. Часть II. *Помѣщикъ*. Панъ Хорунжій, злой, раззорившійся, глупый помѣщикъ, господинъ мужика, у котораго остановился Подстоличъ, узналъ о пріѣздѣ Подстолича, и зоветъ его къ себѣ обѣдать. Подстоличъ и Владиславъ идутъ къ Пану Хорунжему. Подробно изображается отвратительный бытъ худаго помѣщика, его глупое семейство, его нелѣпые гости, изъ коихъ одинъ Судья, другой

Digitized by Google

Предводитель Дворянства. Всѣ они ѣдутъ послѣ обѣда въ ближній уѣздный городъ, на ярмарку. Часть III. *Городъ*. Подстоличъ и Владиславъ въ городѣ. Они останавливаются у пьяницы обывателя. Изображеніе нелѣпой смѣси роскоши и бѣдности, невѣжества и гордости дворянъ, злодѣйства Жидовъ, безчинія чиновниковъ, жалкаго состоянія городскихъ жителей. Часть IV. *Идеалы*. Подстоличъ везетъ Владислава въ свое помѣстье. Тутъ изображается новая Утопія: у Подстолича всѣ добры, довольны, богаты, счастливы; злые у него исправляются, бѣдные богатѣютъ. — Описаніе домашняго быта, и всѣхъ учрежденій Подстолича, занимаетъ двѣ книжки. Только въ заключеніе послѣдней узнаете, что злой помѣщикъ, Панъ Хорунжій, гдѣ Подстоличъ гостилъ съ Владиславомъ, совсѣмъ разорился. Надобно еще знать, что у этого негодяя есть выродокъ — дочь, добродѣтельная, умная, прелестная дѣвушка. Владиславъ влюбленъ въ нее и любимъ ею. Но любовь ихъ годится въ нравоучительныя книжки почтеннаго Бульи. Подстоличъ спѣшитъ спасти негодяя и семью его, и женить любовниковъ. Панъ Хорунжій видитъ бѣду свою, раскаявается; любовники соединены, и все кончится благополучно.

Вообразите, что всѣ глупости выставлены въ подробныхъ, многословныхъ разговорахъ; что добрые *резонируютъ* у Автора на двухъ, трехъ печатныхъ листахъ; что онъ помѣщаетъ цѣлыя диссертаціи о Сельской Экономіи и Политической Экономіи (даже съ цитатами на Теэра, Сея, Маль-

Digitized by Google

туса, и проч.); что любовь у него рѣшительно несносна; что добрые его—просимъ извиненія—скучны, какъ длинное поученіе Католическаго Аббата; что за то злые его говорливы до нельзя. Согласитесь, что послѣ этого *Панъ Подстолій* выпадетъ изъ рукъ у самаго отважнаго чтеца романовъ; что для добыванія золота, скрытаго въ этой грудѣ руды, надобны силы необыкновенныя, и, слѣдственно: цѣль, для которой Авторъ придалъ *Пану Подстолію* форму романа, рѣшительно потеряна.

Что-же мы называемъ золотомъ въ *Панѣ Подстолію?* Такъ называемъ мы это святое, высокое чувство добра, которое выказывается на каждой страницѣ у Автора; его негодованіе къ пороку, его благоговѣніе ко всему доброму и прекрасному. Во многихъ мѣстахъ видѣнъ взглядъ человѣка ученаго, умѣющаго приложить теорію къ практикѣ. Многія мѣста его книги могутъ быть выписаны отдѣльно, и сдѣланы настольною книгою каждаго, желающаго добра своему отечеству. Изображенія пороковъ и недостатковъ, не смотря на утомительность ихъ, во многомъ превосходны; вообще видѣнъ добросовѣстный, зоркій наблюдатель. Эти помѣщики, эти Жиды, эти горожане, съ своимъ грязнымъ, нечистымъ городишкомъ, эти чиновники, развратъ, невѣжество крестьянъ, глупая надутость и жалкое ничтожество дворянъ, весь этотъ блескъ снаружи, гніеніе и пустота внутри—все это долженъ узнать и понять каждый благо-

Digitized by Google

мыслящій человѣкъ, просшой гражданинъ и дѣйствователь государственный.

Послѣ сего исчезаютъ въ глазахъ нашихъ недостатки сочиненія Г-на Масальскаго, и мы готовы сказать, что его книга превосходна. Скажемъ для сравненія, что и Г-нъ Булгаринъ сапирически описывалъ Бѣлоруссію и Литву. Но сравните Выжигина и Подстолича. Тотчасъ увидите, что Выжигинъ есть жизнеописаніе негодяя, писанное для забавы, а Подстоличъ—созданіе умное и благородное, изобрѣтенное съ цѣлью истинно полезною.

Для Русскихъ читателей многое можетъ быть любопытно въ Подстоличѣ по новости предмета. Литовскіе нравы знакомы столь немногимъ изъ насъ. Въ этомъ отношеніи, Панъ Подстоличъ можетъ замѣнить собою для читателей живописно-статистическое путешествіе по Литвѣ. Надобно знать, что Г-нъ Ѳ. Масальскій есть литтерашоръ, хорошо обладающій Русскимъ языкомъ, хотя онъ природный Полякъ. Панъ Подстоличъ былъ писанъ и напечатанъ на Польскомъ языкѣ. Потомъ самъ Авторъ перевелъ его на Русскій, и — для человѣка, которому нашъ языкъ не есть природный, весьма недурно.

— *Разсказы Прадѣда.* Картины нравовъ, обычаевъ и домашняго быта Малороссовъ. Книжка I.— СПб. 1833 г. Въ т. Акад. Наукъ, in-12, II и 216 стр.

Неужели Сочинитель въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ въ

Digitized by Google

своихъ разсказахъ изображашь *нравы, обычаи, домашній бытъ Малороссіянъ* (почему: *Малороссовъ?* Рускіе только въ торжественныхъ Одахъ прошлаго вѣка получили названіе *Россовъ*, и никогда такъ не назывались)? Если хотѣлъ, то для чего-же онъ ихъ не описывалъ? Кромѣ нѣсколькихъ Малороссійскихъ словъ, какъ-то: *гайдамакъ, панночка, горѣлка*, и т. п., въ *Разсказахъ Прадѣда* нѣтъ ничего Малороссійскаго. О Прадѣдѣ также нѣтъ въ нихъ ни одного слова. Неизвѣстный Авторъ предлагаетъ намъ двѣ повѣсти: *Иванъ Подкова* и *Семейство Кулябки*. Не думайте въ первой найдти Историческое что нибудь о славномъ самозванцѣ *Подковѣ*, для котораго Гетманъ Шахъ, въ XVI-мъ столѣтіи, хотѣлъ завоевать Молдавію, а въ другой что нибудь объ умномъ Архипастырѣ Малороссійскомъ Кулябкѣ. Просто: это двѣ сказки, о двухъ дѣвушкахъ, которыя, какъ водится, влюблялись, и послѣ похожденій, довольно невѣроятныхъ, и довольно негладко разсказанныхъ, выходили за-мужъ за своихъ любовниковъ. Избраніе паробка Подковы въ Гетманы, и таинственная роща въ другой повѣсти—вовсе не вяжутся къ дѣлу; а на нихъ держится вся завязка! — Неужели Сочинитель думаетъ быть народнымъ, представляя притомъ своимъ читателямъ разныя грубыя, комическія описанія, напримѣръ: какъ отецъ билъ прекрасную Оксану *плетью;* какъ этого негодяя били послѣ того въ кабакѣ; какъ «щенокъ вскарабкался въ окно, уронилъ яндову съ пирогами, выпачкался въ смет*анy*, и оплешалъ, разбойникъ, пироги, *безъ зазрѣнія*

Digitized by Google

совѣсти» (но когда-же у щенковъ бывала совѣсть? Ея и у людей не всегда найдеше!); какъ Ѳедоръ Мандрыка залѣзъ въ трубу, и одинъ Татаринъ *пырнулъ его пикою въ самую мякоть окорока*; какъ Мандрыка побѣжалъ послѣ того въ погребъ, гдѣ жена его спряталась въ квасной гущѣ, и проч. и прочее? Кажется, грѣхъ на душѣ *Рудаго Панька:* онъ соблазнилъ Сочинителя *Разсказовъ Прадѣда* своими *Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки.* По крайней мѣрѣ, такъ намъ кажется, и потому мы не винимъ Сочинителя *Разсказовъ Прадѣда*, совѣтуя однакожь, если ему угодно писать еще что нибудь, писать не такъ, и—мимоходомъ—ближе познакомиться съ Русскою Граммашикою.

— *Двѣ Повѣсти Н. Коншина* (изъ его Записокъ о Финляндіи). СПб. 1833 г. Въ т. вдовы Плюшаръ съ сыномъ, in-12, 144 и 87 стр.

Сочинителю хотѣлось изобразить въ первой своей Повѣсти бѣшенство пылкой любви, вспыхнувшей въ душѣ молодаго, вѣтренаго, знатнаго негодяя—если мы не ошибаемся въ цѣли Сочинителя. Полковникъ Вершъ, котораго предсшавляешъ онъ страшнымъ побѣдителемъ женщинъ, погубивъ Донну Марію, прекрасную, молодую дѣвушку, увлекаешся мгновенною страстью къ Зораидѣ, Баронессѣ Шпедингъ. Онъ скачешъ за нею въ Финляндію, и, видя неуспѣшность своихъ предпріятій, похищаешъ ее; но онъ бережешъ невинность Зоранды, и везешъ Зораиду, кругомъ Ботническаго залива, въ

Digitized by Google

свой замокъ въ Швецію, дорогою влюбившись въ похищенную, настоящимъ образомъ, смертельно. Служанка Донны Маріи (сколокъ съ В. Скоттовой Мегъ Меррильи) преслѣдуетъ Верна, но онъ повсюду ускользаетъ и отбивается отъ нея. Надобно было наконецъ призвать на помощь Коммандора Крону, моряка, въ родѣ нашего славнаго моряка Лукина. Крона, безъ дальнихъ зашѣй, силою отбиваетъ Зораиду на дорогѣ, и увозитъ къ себѣ въ замокъ, гдѣ Зораида дѣлается ужасно больна отъ дорожнаго безпокойства. Вертъ, черезъ дядю своего, Министра, большаго бездѣльника, преслѣдуетъ честнаго Крону; но другіе люди успѣли вывесши все дѣло наружу, и Вертъ могло-бъ быть худо, если-бы онъ не былъ *послѣдній въ своемъ родѣ*. Король щадитъ его, а между тѣмъ Вертъ, видя неудачу, сходитъ съ ума. Что-же сдѣлалось? Зораида — кто узнаетъ всѣ прихоти дѣвушекъ! — прежде ненавидѣвшая Верна, за его негодныя дѣла—*влюбляется* въ него до безумія! Конецъ повѣсти благополучный, т. е. свадьба. Признаемся: все это кажется намъ сосшавлено изъ чужихъ впечашлѣній, не выдержано, обременено излишними вставками, и не естественно. Другая повѣсть: *Тайна*, проще и лучше. Благородный молодой человѣкъ принимаетъ на себя важную шалость, или преступленіе, сдѣланное Принцомъ, искреннимъ другомъ его. Какое-же преступленіе? Это *тайна*, по которой и повѣсть получила названіе. Но шалость Принца, вѣроятно, была не маленькая, ибо мнимаго преступника велѣно было навѣки посадить въ крѣпость. Невин-

Digitized by Google

ный страдалецъ былъ между нѣмъ влюбленъ и любимъ, но трепеталъ своего счастія, и не смѣлъ быть счастливымъ, пока мнимое преступленіе его не открывалось: онъ безпрерывно боялся, что оно откроется. Когда-же сдѣлалось это открытіе, его бросили въ крѣпость, и забыли. Но дѣвушка, имъ любимая, была вѣрна ему, жила въ уединеніи, и оплакивала его потерю. Наконецъ Принцъ раскаялся, самъ пошелъ къ Королю, и все разсказалъ ему. Разумѣется: Принцу сдѣлали строгій выговоръ, мнимаго преступника немедленно освободили, осыпали милостями, и—онъ женится на своей милой, вѣрной подругѣ. Будь эта повѣсть лучше развита, лучше обставлена, она была-бы хороша.

Слова два объ *эпиграфахъ*. Намъ кажется, что эпиграфъ долженъ быть: или *темою*, на которой содержаніе того, къ чему приставленъ эпиграфъ, должно быть разыграно; или *прелюдіею*, въ тонѣ того, что разыгрывается послѣ эпиграфа. Но мы видимъ, у многихъ нашихъ романистовъ, иные эпиграфовъ, которые, кажется, сами дивятся: зачѣмъ поставилъ ихъ въ томъ или другомъ мѣстѣ Сочинитель? Иное дѣло эпиграфъ для шутки въ заглавіи поставленный. Но Г-нъ Коншинъ, скажемъ мимоходомъ, вставляя въ раздѣленіяхъ повѣстей своихъ эпиграфы (если только онъ не шутилъ), что̀ хотѣлъ выразить эпиграфами, подобными слѣдующему:

Впередъ, впередъ моя исторья—?

Или, когда для эпиграфа, въ отдѣлѣ страшной по-

Digitized by Google

вѣсти, дѣйствіе коей происходитъ въ Финляндіи, выбраны стихи Пушкина о шаншпирахъ Русскихъ, или стихи Баратынскаго: «*Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца*,» и проч.? Развѣ то побуждало Автора ставить такіе, ни изъ чего неслѣдующіе, и ни къ чему неведущіе эпиграфы, что другіе ставятъ ихъ точно такимъ образомъ? Но человѣку съ дарованіемъ (что доказываютъ Повѣсти Г-на Коншина, при всѣхъ ихъ недостаткахъ) не позволено ничего дѣлать безъ отчета.

— *Реэстръ старопечатныхъ Славянскихъ книгъ*, находящихся въ Библіотекѣ А. С. Ширяева. М. 1833 г. Въ т. Университета, in-12, 162 и 34 стр. съ двумя снимками.

Мы говорили въ Телеграфѣ, что А. С. Ширяевъ, составивъ для себя небольшое, но прекрасное собраніе рѣдкихъ *старо-печатныхъ* Славянскихъ книгъ, хотѣлъ подѣлиться наслажденіемъ съ любителями библіографическихъ рѣдкостей, и рѣшился напечатать каталогъ своего собранія. Этотъ каталогъ теперь напечатанъ, и самъ по себѣ составляетъ библіографическую рѣдкость, ибо онъ напечатанъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, для любителей, и въ продажу вовсе не поступаетъ. По скромности своей, Г-нъ Ширяевъ не хотѣлъ издать его великолѣпно, съ ученою пылью, не имѣя на все это ни охоты, ни времени. Въ каталогѣ его означены только краткое названіе каждой книги, годъ печатанія, формать. При нѣкоторыхъ, немногихъ, находятся краткія любопытныя за-

Digitized by Google

мѣчанія; при другихъ сдѣланы ссылки на Каталогъ Графа Ѳ. А. Толстова, *Библ. листы* П. И. Кеппена, Библіографію Сопикова. Но скромность Издателя не уменьшаетъ ни внутренняго достоинства каталога, ни важности библіографическаго собранія Г-на Ширяева.

Собраніе это состоитъ всего изъ 256-ти книгъ: 160-ти изданныхъ до XVIII-го столѣтія, и 96-ти, церковной печати, XVIII-го вѣка.—Въ первомъ отдѣленіи, кромѣ драгоцѣнныхъ: *Библіи* Скорины (1518 г.), Венеціянскаго *Служебника* (1519 г.), *первой* Московской печатной книги, *Апостола* (1563 г.), Заблудовскаго *Евангелія* (1568 г.), Львовскаго *Апостола* (1573 г.), Острожской *Библіи* (1581 г.), Гарабурдова *Октоиха* (1582 г.), и множества другихъ, уже извѣстныхъ замѣчательностей, *двадцать* книгъ были вовсе неизвѣстны библіографамъ до отысканія ихъ Г-мъ Ширяевымъ. Воображаемъ себѣ изумленіе и восторгъ библіофиловъ и библіографомановъ! Вотъ сіи драгоцѣнныя книги—слушайте, Г-да Библіографы, и позавидуйте хозяину ихъ: *Трипѣснецъ* Св. Четыредесятницы, изд. А. Т. Невѣжи, 1588 г. въ Москвѣ; *Часословецъ*, въ т. Мамоничей, 1601 г. въ Вильнѣ; *Минея служебная*, при Владиславѣ Сигизмундовичѣ, печ. 7119 г. въ Москвѣ; *Часословецъ*, печ. у Леона Мамонича 1617 г. въ Вильнѣ; *Трипѣснецъ* цвѣтоносный, печ. Кондратомъ Ивановымъ, 1620 г. въ Москвѣ; *Псалтирь*, 1622 г. въ Львовѣ; *Часовникъ*, 1628 г. въ Москвѣ; *Минея общая*, въ т. Спиридона Соболя, 1628 г. въ Кіевѣ;

Digitized by Google

Азбука Бурцова, 1634 г. въ Москвѣ; *Минея* служебная, изд. В. Ѳ. Бурцовымъ, 1636 г. въ Москвѣ; *Часословъ*, 1637 г. въ Вильнѣ; *Псалтирь* Угро-Влахійская, 1637 года; *Уставъ Бож. Литургіи*, 1638 г. въ Эвю, близъ Вильны; *Тестаментъ Василія Царя Греческаго*, въ т. Спир. Соболя, 1638 г. въ Кіевѣ; *Апостолъ*, изд. В. Ѳ. Бурцовымъ, 1639 г. въ Москвѣ; *Часовникъ* 1640 г. въ Москвѣ; *Евангеліе* напрестольное, 1644 г. въ Эвю; *Полуставъ великій* (часы на праздники, тропари, кондаки), 1646 г. въ Вильнѣ; *Слова поуч. Ефрема Сирина*, 1647 г. въ Москвѣ.

О главнѣйшихъ изъ сихъ рѣдкостей, мы уже говорили въ Телеграфѣ прежде. Замѣтимъ теперь еще, кромѣ вышеисчисленнаго, слѣдующія драгоцѣнности: *Евангеліе напрестольное*, безъ выходнаго листа. Подобное ему извѣстно только *одно*, находящееся въ Библіотекѣ Моск. Синодальн. Типографіи. Полагаютъ, что это Евангеліе должно быть одна изъ *первоначальныхъ* книгъ, вышедшихъ изъ Славянскихъ типографій. Думаютъ даже, судя по безобразію шрифта, что она печатана *деревянными* буквами. — Другая рѣдкость, донынѣ бывшая неизвѣстною библіографамъ, любопытна сверхъ того, какъ литературный памятникъ. Это: *Евхаристиріонъ, албо вдячность* — собраніе привѣтствій въ стихахъ, поднесенное въ 1632 г. (ровно за 200 лѣтъ до нашего времени) Кіевскому Митрополиту Петру Могилѣ, въ день Свѣтлаго Воскресенія. Тушъ, *Геликонъ*, или разные ученики Кіевской Гимназіи, учрежденной Могилою, излагаютъ чувства свои стихами, отъ лица *Грамматы-*

Digitized by Google

ки, *Риторики*, *Діалектики*, *Ариѳметики*, *Музыки*, *Геометріи*, *Астрономіи* и *Ѳеологіи*. Обращеніе къ Богу заключаетъ сію первую часть. Слѣдуетъ вторая, *Парнассъ*, стихи отъ лица каждой изъ девяти Музъ, отъ самого Аполлона, похвала Богоматери, и Посланіе къ Зоилу, которому говорятъ, что Петръ Могила и ученики его не боятся *шарпанія зубатыхъ Зоиловъ*.

Книги XVIII-го столѣтія вообще почитаются менѣе важными; но Г-нъ Ширяевъ былъ тщателенъ въ выборѣ ихъ. Тутъ съ любопытствомъ видимъ: *Минск-Четію*, печ. въ Могилевѣ, 1702 г.; *Ариѳметику* Магницкаго, М. 1703 г.; *Символы и эмблемматы*, 1705 г., печ. въ Амстердамѣ, стихотворенія Іоанна Максимовича, сочиненія Св. Димитрія Ростовскаго, Варлаама Галенковскаго, Ѳеофана Прокоповича, Гавріила Бужинскаго, Стефана Яворскаго, схоластическую *Ивйку* Кіевскую 1712 г., Лѣтописи Баронія, изд. въ М. 1719 г., *Календарь* Квасовскаго, изд. въ *Кенигсбергѣ*, 1730 г. *Книгу Іоанна Арндта*, напеч. въ Галлѣ, 1735 г.; Молдавскій *Часословъ*, нап. въ Бухарестѣ, 1749 г.; *Богословіе*, нап. въ Почаевѣ 1779 г., и проч.

Вниманіе наше обратилъ на себя еще важный матеріалъ для Исторіи Духовнаго Русскаго Краснорѣчія. Это собраніе 28-ми *Рѣчей* и *Словъ*, говоренныхъ въ присутствіи Императрицы Елисаветы, въ Петербургѣ и Москвѣ, въ теченіе 1742-го года. Исчисляемъ здѣсь имена Авторовъ: Іеромонахъ *Порфирій Крайскій*, Архим. *Сильвестръ Кулябка*, Іером. *Іоасафъ Хотунцовскій* Арх. Аѳанасій Тапольскій (два Слова), Арх. *Платонъ Мали-*

Digitized by Google

новскій, Епископъ Карельскій и Ладожскій *Маркеллъ*, Іером. *Іоаннъ Кословичъ*, Митр. Росс. *Арсеній* (два Слова), Арх. *Димитрій Сѣченовъ*, Императ. Проповѣдникъ *Стефанъ Савицкій*, Свящ. ц. Успенія въ Кожевникахъ *Евстафій Могилянскій*, Лейбъ-Кампаніи Свящ. *Іоаннъ Комаровскій*, Лейбъ-Гвардіи конн. полка Свящ. *Михаилъ Красильниковъ*, Арх. *Платонъ Петрункевичъ* (два Слова), Свящ. *Стефанъ Левицкій* (два Слова), Свящ. *Антипъ Мартиніановъ*, Свящ. *Іоаннъ Змиевскій*, Іером. *Гедеонъ Антонскій*, Арх. *Іоанникій Скабовскій*, Епископъ Псковскій и Нарвскій *Стефанъ*, Игуменъ *Іоасафъ Горленка*. Всѣ сіи Слова говорены были въ придворныхъ церквахъ. Кромѣ того тушъ-же находятся, говоренныя въ присутствіи Елисаветы, тоже 1742 года: Слово Іером. *Іоасафа Хотунцовскаго*, гов. въ Коломенской церкви; Слово Митр. *Арсенія*, гов. въ церкви Петра и Павла въ Новой Басманной; Слово Арх. *Кирилла Флоринскаго*, гов. при освященіи церкви при Моск. (Медико-Хирургической?) Академіи; Слово Іером. *Антонія Нарожницкаго*, гов. въ Троицкой Лаврѣ; Слово *Порфирія Крайскаго*, гов. во Владим. церкви, въ Москвѣ; Слово Митр. *Арсенія*, гов. при освященіи церкви въ Куракинской больницѣ; Слово Архіеп. Новг. и Великолуцкаго *Амвросія*, гов. въ присутствіи Императрицы и *В. К. Петра Ѳеодоровича*, въ Моск. Арханг. Соборѣ.—Какъ любопытно перечитать и сообразить всѣ сіи памятники, ибо здѣсь видимъ мы все, что славилось и считалось знаменитымъ изъ Духовныхъ вещій въ одно и тоже время, въ царствованіе Елисаветы. Сія Им-

Digitized by Google

пераприца, любя проповѣдь слова Божія въ церквахъ, нарочно даже искала и призывала къ себѣ проповѣдниковъ, едва только кто нибудь сказывалъ ей о замѣчательномъ какомъ нибудь дарованіи. Прибавимъ, что нѣкоторыя изъ упомянутыхъ здѣсь проповѣдниковъ не помѣщены въ *Словарѣ писателей Дух. чина*, изд. Преосв. Евгеніемъ Митр. Кіевскимъ; вѣроятно, потому, что сочиненія ихъ не были извѣстны сему просвѣщенному и любознательному Архипастырю.

При реэстрѣ Г-на Ширяева приложены прекрасные снимки заглавнаго листа *Апокризиса*, и страницы Венеціянскаго *Служебника*. Они уже извѣстны нашимъ читателямъ, ибо, по доброму расположенію своему къ Издателю Телеграфа, Г-нъ Ширяевъ, дѣйствуя, какъ истинный любитель просвѣщенія, согласился сдѣлать оба снимка болѣе извѣстными знакомъ и библіографамъ; по сей причинѣ читатели наши видѣли ихъ приложенными къ Телеграфу.

— *Сказанія Князя Курбскаго.* Часть II. СПб. 1833 г. въ ш. Эксп. заготовл. Гос. бумагъ, in-8, 378 стр.—Съ приложеніемъ рисунка герба Князя Курбскаго, плана осады Казанской, и снимка съ Кирилловскаго Синодика (*).

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 15 рубл. ассигн. за обѣ части; съ пересылкою 18 рубл. ассигн.

Digitized by Google

Мы говорили объ этомъ трудѣ Г-на Устрялова, уже оцѣненномъ теперь знатоками и простыми любителями книгъ полезныхъ, трудѣ, достойномъ всякаго уваженія соотечественниковъ. Прибавимъ здѣсь одно: и второй томъ *Сказаній Курбскаго* изданъ такъ-же хорошо, тщательно и красиво, какъ первый. Во 2-мъ томѣ помѣщена драгоцѣнная *переписка Царя Іоанна съ Курбскимъ*. Къ этому присовокуплена переписка Курбскаго съ разными особами, и всѣ другіе литературные труды его (кромѣ перевода Бесѣдъ Іоанна Златоуста). Въ концѣ находятся любопытные Синодики, или помянники, данные Царемъ Іоанномъ Кирилловскому Бѣлозерскому монастырю (*снимокъ* четырехъ страницъ одного изъ Синодиковъ приложенъ при книгѣ). Намъ остается, въ заключеніе, указать на труды Г-на Устрялова, какъ на примѣръ, достойный соревнованія другихъ Литтераторовъ Русскихъ, и пожелать дальнѣйшаго продолженія занятій сего почтеннаго, глубоко уважаемаго нами Литтератора.

Digitized by Google

ПИСЬМО

къ Издателю Сѣверной Пчелы (*).

М. Г.

Съ нѣкотораго времени явился въ Газетѣ вашей нѣкто, Мануфактурный Литтераторъ, *Г-нъ Вл—ръ Б—шевъ*. Не споримъ, что его намѣреніе похвально и достойно уваженія: онъ старается знакомить публику съ Русскими производителями и Русскою промышленностью. Но мы позволимъ себѣ замѣтить, что исполненіе намѣренія Г-на Б—шева, вовсе недостойно важнаго предмета, какой предположилъ онъ себѣ цѣлію. Почти каждая статья Г-на Б—шева доказываетъ, что онъ не запасает-

(*) Сія статья была прислана къ намъ давно. Мы почли за лучшее препроводить ее въ Редакцію *Сѣверной Пчелы*, и не знаемъ, почему Издатели сей Газеты не напечатали *Письма* Г-на А. Ж.? *Справедливость* требуетъ напечатать оное въ Телеграфѣ, ибо какъ-же иначе публика узнаетъ истину? *Изд. Тел.*

Digitized by Google

ся предварительно потребными свѣдѣніями. Далѣе, странный юмористическій тонъ, какой старается онъ придать всѣмъ своимъ статьямъ, отвращаетъ отъ чтенія ихъ. Если Г-нъ Б—шевъ думаетъ этимъ тономъ понравиться Русскимъ мужичкамъ, и поощрить ихъ читать Сѣверную Пчелу, то онъ забываетъ, что читающіе мужички всегда составятъ самое малое число читателей Сѣверной Пчелы; а каково-же остальнымъ ея читателямъ? Притомъ, и мужички гораздо охотнѣе прочтутъ статью, писанную дѣльно, безъ шутокъ и прибаутокъ, которыя только портятъ дѣло. Наконецъ, Г-нъ Б—шевъ безпрестанно хвалится, и въ статьяхъ своихъ восклицаетъ: *Рускій, Рускій! Русская борода!* А къ этому у него всегда прибавлены бываютъ укоризны иностранцамъ и насмѣшки на счетъ ихъ. Мы осмѣливаемся думать, что не уступимъ въ патріотизмѣ Г-ну Б—шеву; но, право, не полагаемъ большой важности въ томъ, чтобы производитель былъ съ бородою, а не бритый, и ходилъ въ зипунѣ, а не во фракѣ. Притомъ, какъ не дѣлать различія, между Иностранцами-шарлатанами, пріѣзжающими въ Русь на *аффферы*, и почтенными фабрикантами, заводчиками, ремесленниками, которые привозятъ къ намъ въ Русь свои дарованія, знанія, нерѣдко и капиталы, дѣлаются нашими трудолюбивыми согражданами, обогащаютъ Россію своимъ трудолюбіемъ, и коихъ дѣти почти всегда различаются отъ коренныхъ Рускихъ только *иностраннымъ именемъ!* Неужели мы не отдадимъ справедливости именамъ какихъ нибудь Г-дъ

Digitized by Google

Бердовъ, Веберовъ, Бессовъ, Каннегизеровъ, потому только, что они *иностранцы*, и не называются *Лаптевыми*, *Курицыными*, *Лапоткиными*, *Булкиными*? Это и неблагоразумно, и неучтиво.

Послѣ сихъ предваритѣльныхъ, общихъ объясненій, позвольте, М. Г., сообщить вамъ нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній на статью Г-на Б—шева, напечатанную въ N° 134 и 135 Сѣверной Пчелы. Рѣчь идетъ въ ней о нѣкоемъ сургучномъ фабрикантѣ, *Прокофіи Димитріевичѣ Плигинѣ*. Мы не споримъ, что Г-нъ Плигинъ человѣкъ полезный; но тѣмъ не менѣе статья Г-на Б—шева отличена всѣми странностями, о коихъ мы говорили, и которыя находятся и въ другихъ его статьяхъ.

Г-нъ Б—шевъ повергаетъ во прахъ передъ Г-мъ Плигинымъ всѣхъ остальныхъ сургучниковъ. Г. Плигинъ у него *крестьянинъ-химикъ*, геній, великій человѣкъ! Киноварь, производимая Г-мъ Плигинымъ, *превышаетъ Австрійскую и Голландскую, и почти не уступаетъ Китайской*; сургучъ Пещерки отдаетъ Плигинскому *пальму первенства*.... Не говоря ничего о такихъ несообразныхъ, преувеличенныхъ похвалахъ, замѣтимъ одно, что онѣ только разрушаютъ довѣріе публики къ статьямъ Г-на Б—шева. Слогъ юмористическій, и въ статьѣ о Г-нѣ Плигинѣ блистаетъ забавнымъ добродушіемъ. Надобно-ли сказать, напримѣръ, что Г-нъ Плигинъ имѣетъ небольшую фабрику куришельнаго табаку? Г-нъ Б—шевъ говоритъ, въ Москвѣ была небольшая

Digitized by Google

табачная *фабричка*, куда онъ (Плигинъ) хаживалъ иногда покупать себѣ *запасецъ* для куритьльной трубки, потомъ сдѣлалъ себѣ «*покупочку* Американскаго листа», и проч.—Скажите, М. Г., для чего расточается этотъ юморъ, и чѣмъ помогаетъ онъ дѣлу?

Но мы обращаемся къ главному предмету нашего письма: хотимъ защитить одного *почтеннаго иностранца, фабриканта Московскаго*, котораго въ патріотическомъ восторгѣ вздумалось Г-ну Б—шеву, Богъ знаетъ съ чего, не только уничтожить передъ Г-мъ Плигинымъ, но и обременить насмѣшками, коихъ онъ вовсе не заслуживалъ. Мы говоримъ о *макаронномъ фабрикантѣ*, Г-нѣ *Куртти*. Смѣемъ увѣрить, что во всемъ томъ, что сказалъ Г-нъ Б—шевъ о макаронной фабрикѣ Г-на Плигина и о Г-нѣ Курши — *нѣтъ ни одного слова правды!* Вотъ слова Г-на Б—шева: «Кромѣ сихъ заняшій (выдѣлки сургуча, лучше Пешеркинскаго, и *фабрички табачку*) должно замѣтить еще, что Прокофій Димитріевичъ (т. е. Г-нъ Плигинъ) сдѣлался въ *Москвѣ знаменитъ* еще и *другимъ мастерствомъ*, за которое мы *ежегодно довольно переплачивали денегъ иностранцамъ*, и въ особенности Итальянцамъ: это макароны. *Спросите въ Москвѣ любаго гастронома*: знаетъ-ли онъ *Плигинскіе* макароны? И онъ, конечно, отзовется *объ нихъ съ удовольствіемъ*, тѣмъ болѣе, если гастрономъ сей прихотничаетъ не имѣя большаго достатка, потому, что Плигинъ дѣлаетъ ихъ прекрасно, и притомъ *продаетъ по несравненно сходнѣйшей цѣнѣ*, въ срав-

Digitized by Google

неніи съ иностранцами, которые *покупаютъ ихъ у него-же*, и *продаютъ*, comme de raison, *за собственное издѣлье*. Знаменитый *мусье Курти*, макаронщикъ въ Москвѣ, *очень завидовалъ успѣхамъ Русской бороды*, но шѣмъ не менѣе, *какъ слышалъ я отъ нѣкоторыхъ Москвичей*, почти *лишился извѣстности и практики*, и лишь пользуется поддержкою *нѣкоторыхъ баричей*, которые за стыдъ посчитавляютъ еще предпочесть Русскаго производителя *профессору макароннаго дѣла*, который *подливаетъ ихъ издѣліемъ Плигина-же, но пересыпаннымъ солью Итальянскихъ прибалточекъ, увитыхъ дыкатымъ покровомъ хорошаго тона*; а и впрямъ ошъ эшого все должно казашься вкуснѣе. »

Послѣ сего, М. Г., не должно-ли подумашь, чшо Г-нъ Плигинъ имѣешъ въ Москвѣ значишельное макаронное издѣліе? Но Г-нъ Б—шевъ прибавляешъ: « Впрочемъ, эшими двумя дѣлами, шабачнымъ и макароннымъ, Плигинъ занимаешся *такъ, шутя*, между рабошою и бездѣльемъ, и имѣя одну опредѣленную цѣль, не бѣжишъ *за нѣсколькими успѣхами* (?), шѣмъ болѣе, чшо досшиженіе совершенсшва въ сихъ двухъ заняшіяхъ, *при незначителномъ производствѣ*, незашруднишельно. »

Не покажушся-ли сшранными шакія слова, когда рѣчь идешъ о *табакѣ*, производсшво коего обращаешъ ежегодно милліоны рублей? О макаронахъ самъ Г-нъ Б—шевъ сказалъ, чшо до появленія макароновъ Г-на Плигина, мы *ежегодно платили*

Digitized by Google

довольно денегъ иностранцамъ. Слѣдовашельно, геній Г-на Плигина, *тпкъ, шутя, между работою и бездѣльемъ,* поворотилъ намъ *довольно денегъ,* сдѣлался довольно *знаменитъ въ Москвѣ макаронами,* увлекъ гастрономовъ, *дѣлаетъ макароны прекрасно,* продаетъ ихъ иностранцамъ, которые перепродаютъ ихъ за свои, лишилъ стараго фабриканта, Г-на Курши, практики и извѣстности, и заставилъ его поддерживаться только пристрастіемъ нѣкоторыхъ баричей — и все это, *такъ, шутя, между работою и бездѣльемъ?* Не чудное-ли дѣло?

Но еще *чудное* (какъ писывалъ Сумароковъ) будешъ оно, когда мы скажемъ вамъ, М. Г., что Г-нъ Плигинъ вовсе *никакой макаронной фабрики въ Москвѣ не имѣетъ; никогда макароновъ не дѣлалъ и не дѣлаетъ;* и слѣдовательно: *все, что онъ написалъ объ его макаронахъ Г-къ Б—шевъ, есть совершенный вымыселъ!* Какимъ-же образомъ могъ Прокофій Димитріевичъ сдѣлаться *знаменитъ въ Москвѣ макаронами?* Съ чего взяли свои разсказы о зависти иностранцевъ, и перепродажѣ его макароновъ иностранцами, *нѣкоторые Москвичи?* У какихъ гастрономовъ спрашивалъ Г-нъ Б—шевъ о *Плигинскихъ* макаронахъ? Наконецъ, позволяется-ли *кому-бы то ни было* печатать въ публичныхъ вѣдомостяхъ подобныя *макаронническія* сплетни о Русской промышленности, и на какую поэтическую вилку поддѣнетъ Г-нъ Б—шевъ *макароны*, которымъ угодно было ему поподчивать читателей Сѣверной Пчелы, и вообще Русскую публику? — Мы

Digitized by Google

просимъ его подшвердить доказашельсшвами все, чшо благоволилъ онъ сказашь намъ, Москвичамъ, о Плигинской макаронной фабрикѣ: извѣсшишь, гдѣ она находишся, сколько выработываешъ макароновъ, куда сбываешъ свой товаръ, и — кажется наше шребованіе, comme de raison, справедливо.

Позвольше, въ заключеніе, обрашишься къ Г-ну Курши. Извѣщая о *небывалой фабрикѣ* Г-на Плигина, съ чего вздумалъ Г-нъ Б—шевъ *осыпать солью своихъ прибаушочекъ* этого извѣсшнаго фабриканша? Если-бы и въ самомъ дѣлѣ Г-нъ Плигинъ былъ знаменишъ своими макаронами, за что-же смѣяшься надъ Г-мъ Курши, увѣряшь, что онъ *потерялъ свою извѣстность и практику, завидуя Русской бородѣ;* говоришь, что шолько *бариши* поддерживаютъ его; называшь его *знаменитымъ мусье*, и, что всего прискорбнѣе для каждаго честнаго производишеля, безъ всякаго основанія ушверждашь, что онъ *обманываетъ публику, продавая чужой товаръ за свой?* Мы увѣрены, что Г-нъ Б—шевъ былъ введенъ въ заблужденіе разсказами какого нибудь *бородатаго* краснобая, и самъ пожалѣешъ, что безъ всякой причины оскорбилъ человѣка, не подавшаго къ шому ни малѣйшаго повода. Пусшь это послужишъ ему урокомъ, бышь впередъ осшорожнѣе; а мы извѣсшимъ его, что *Иванъ Францовичъ Куртн*, имѣющій въ Москвѣ лучшую и первую макаронную фабрику, совсѣмъ не какой нибудь шарлашанъ-иносшранецъ, но полезный гражданинъ, заслужившій уваженіе своими трудами и чест-

Digitized by Google

ностію. Онъ *Россійскій подданный, записанъ въ Московское Купечество, болѣе тридцати лѣтъ тому началъ и постоянно продолжаетъ свое производство макароновъ.* Болѣе 20-ши лѣтъ живетъ онъ въ одномъ домѣ, въ Городѣ, на Николаской, имѣя тутъ свою обширную фабрику макароновъ, и при ней магазинъ. Многолѣтнею практикою пріобрѣлъ онъ всеобщую довѣренность, и товара его ежегодно развозится по всей Россіи на много тысячь рублей. Не только практика и извѣстность его не уменьшились въ послѣдніе годы, но и особенно увеличились, ибо многія покушенія къ соперничеству съ нимъ оказались неудачны. Опровергая послѣднее утвержденіе Г-на Б—шева, о шутовствѣ Г-на Курти, *увитомъ дымчатымъ покровомъ хорошаго тона*, мы ссылаемся на всѣхъ знающихъ сего почтеннаго человѣка: таковъ-ли скромный, благородный образъ обращенія его со всѣми, кто только имѣлъ съ нимъ дѣло, или знакомъ ему лично? Мы не скроемъ отъ Г-на Б—шева, что статья его чувствительно огорчила сего скромнаго гражданина и добраго отца семейства, который, усердно и и честно занимаясь своею фабрикою, никогда не думалъ, что имя его предадутъ насмѣшкѣ публики въ листкахъ Сѣверной Пчелы. И для чего-же? Чтобы увеличить славу фабриканта, у котораго *вовсе не было и нѣтъ макаронной фабрики*, и котораго называютъ за нее геніемъ, великимъ человѣкомъ!

Надѣемся, М. Г., что вы не откажетесь напечатать наши замѣчанія въ Сѣверной Пчелѣ; надѣем-

Digitized by Google

ся, что и Г-нъ Б—шевъ будетъ впередъ осторожнѣе въ сужденіяхъ своихъ. Предоставляя ему полную волю хвалишь все, что угодно, напомнимъ однакожь, что снисходительность не всегда бываетъ свойствомъ людей, и что потерявъ довѣріе публики, онъ причинитъ усердіемъ своимъ Русской промышленности болѣе вреда, нежели добра. Этому не пособятъ ни юморъ, ни патріотическая война противъ иностранцевъ. Безъ всякой «гримасы мишурнаго mépris souverain,» то и другое возбуждаетъ жалость къ предмету, котораго безъ сего поддержать не льзя. Но не такова Русская промышленность. Слѣдственно, все упадаетъ на защитника ея, который *ревнуетъ не по разуму*.

Честь имѣю быть, и проч.

А. Ж.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.* — Многіе писатели, между прочимъ Гор. Вальполь и Барри, поставляютъ Англійскаго живописца Бонбори почти на ряду съ Гогартомъ, хотя въ наше время имя его забыто, а имя Гогарта извѣстно всякому. Причиной этого можетъ быть и то, что каршины Бонбори довольно рѣдки, а эстамповъ съ нихъ почти нѣтъ. Въ немъ однакожъ было необыкновенное дарованіе. Сколько намъ извѣстно, онъ писалъ все въ комическомъ родѣ, и картины его, не изъятыя отъ нѣкоторой изысканности, прекрасны. Представляемъ въ очеркѣ одну изъ нихъ.

Въ срединѣ этого страннаго произведенія, видимъ двухъ парикмахеровъ: они истощаютъ все свое искусство надъ несчастною головою, которой статуйная неподвижность рѣзко противорѣчитъ страннымъ гримасамъ лица. На правой сторонѣ человѣкъ, котораго *только порѣзали* во время бритья, отираетъ свою щеку, съ самымъ равнодушнымъ видомъ. Подлѣ него *пацієнтъ* подъ ужасною рукою *оператора.* Налѣво, двое простонародныхъ модниковъ, уже окончивши свою прическу, повязываютъ галстухи, глядясь въ зеркало. Сколько смѣш-

Digitized by Google

наго выражено въ ихъ забошливости о нарядѣ! На переднемъ планѣ, какой-то посѣтитель ожидаетъ своего парика, и старается прогнать скуку чтеніемъ газеты. Между тѣмъ, никто не замѣчаетъ, что двѣ собаки терзаютъ одинъ парикъ (здѣсь въ Англійскомъ описаніи выходитъ непереводимая игра словъ: The dogs disputing for a *wig* (whig) etc. Wig парикъ, и Whig, человѣкъ извѣстной политической партіи. Слѣдовательно: собаки терзаютъ *Вига*).

Картина сія принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Бонбори. Она извѣстна подъ названіемъ *Лавки цирюльника* (A Barber's shop).

— *Историческій документъ.* — Одинъ изъ почтенныхъ участниковъ знаменитой войны 1812 года, сообщилъ намъ любопытный документъ, относящійся къ оной, и кажется извѣстный весьма немногимъ. Это воззваніе къ войскамъ, изданное Главнокомандовавшимъ 1-ю Западною Арміею, Генераломъ Барклаемъ де Толли. Многое любопытно и важно въ этомъ документѣ. 1-е, онъ доказываетъ, что несправедливо мнѣніе тѣхъ, которые называютъ войну 1812 года *нашествіемъ* Наполеона на Россію. День изданія представляемаго нами приказа свидѣтельствуетъ, что за долго до вступленія Французскихъ войскъ въ Россію, все было готово къ войнѣ, и что Правительство наше не только знало о ней, но и распространяло духъ мужества между своими войсками. Война еще не была объявлена, но всѣ ждали только перваго

Digitized by Google

сигнала къ оной — 2-е, любопытенъ духъ, въ какомъ написано это воззваніе, и самый слогъ его, очень не краснорѣчивый и совершенно неправильный. Это сочиненіе одного изъ бывшихъ тогда Адъютантовъ при Барклаѣ де Толли. 3-е, важное обстоятельство, что Главнокомандующій находился уже 4 Апрѣля при войскахъ, въ Вильнѣ, и что слѣдовательно армія была сосредоточена въ предназначенномъ ей мѣстѣ. Это показываетъ, что Наполеонъ не врасплохъ засталъ-было нашу Главную Квартиру въ Вильнѣ: она оставалась тамъ вслѣдствіе плана, зрѣло обдуманнаго.

Почитаемъ необходимымъ замѣтить, что слѣдующій за симъ приказъ скопированъ нами съ совершенною точностью. Онъ былъ напечатанъ въ Военно-Походной Типографіи (какъ кажется), и всѣ ошибки и опечатки онаго передъ глазами читателя.

Копія.

Приказъ Войскамъ 1. Западной Арміи. Вильно Апреля 4. дня 1812. Года № 6.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ Всемилостивѣйшему ГОСУДАРЮ нашему Угодно препоручить мнѣ главное начальство надъ вами Храбрые и безподобные воины и вмѣстѣ съ тѣмъ возложилъ на меня обязанность быть вашимъ попечителемъ и вождемъ на пути чести и славы, обязанность трудная но лестная.— Вы меня найдете всегда готовымъ доставить вамъ по возможности изобиліе и раздѣлить съ вами

Digitized by Google

усердно всѣ труды и опасности. — Путь чести и славы вамъ извѣстенъ, и вы вѣрно на немъ достигните вышнюю степень оной — Всему свѣту извѣстно не поколебимая ваша преданность къ отечеству и ГОСУДАРЮ и отличная ваша храбрость; соедините къ симъ достоинствамъ еще духъ порядка и слѣпое повиновеніе къ своимъ начальникамъ — То ничто въ свѣтѣ противу васъ устоять не можетъ. — Мнѣ всегда пріятно будетъ отдавать достоинствамъ и заслугамъ отъ Генерала до самаго нижняго чина должную справедливость и награду. — — Съ другой же стороны Съ непоколебимою твердостію употреблю всю данную мнѣ власть къ поддержанію устройства и порядка. — Они поведутъ насъ непремѣнно къ побѣдамъ; а безъ нихъ подвергаемся неудачи и недостатку всякаго рода. — Збереженіе края въ которомъ находится будемъ, доставитъ намъ изобиліе, а разореніе онаго повлечетъ за собою голодъ.

Воины! ГОСУДАРЬ нашъ Всемилосердный, вашъ отецъ полагаетъ всю надежду свою на васъ а любезнѣйшее отечество наше возлагаетъ защиту свою на васъ. — Окажите себя достойными Сей довѣренности и преобретите себѣ вѣчную и потомственную благодарность своихъ согражданъ.

Подлинной подписалъ: Главно командующій 1. западною Армією Барклай де Толли.

Digitized by Google

КУРСКЪ.

Они предъ образомъ, конечно,
Зашеплятъ чистую свѣчу —
За чьё здоровье — умолчу.....

К. Батюшковъ.

(*Статья изъ Путевыхъ Записокъ.*)

Имя Курска оставило въ душѣ моей слѣды неизгладимыхъ впечатлѣній. . . . .

Въ лѣтописи сего города, носящія на себѣ печать любви къ отечеству, надлежитъ вписать и современные намъ подвиги благотворительности, едва-ли менѣе прежнихъ заслуживающіе воспоминаніе Исторіи. Такъ ! Исторія должна сохранять имена благотворителей, какъ свою собственность, какъ истинное свое достояніе, потому, что благотворители суть рѣдкое явленіе среди всеобъемлющаго человѣческаго эгоизма, и еще потому, что земное ихъ поприще, длинная нить добра, часто не оглашается благодарностію — отъ равнодушія современниковъ. Достойные похвалы и извѣстности, они — принадлежатъ ея святилищу. Если иностранцы, всегда признательные къ доблестямъ своихъ соотечественниковъ, превозносятъ оныя съ чувствомъ, съ жаромъ, то, слѣдуя всеувлекающему стремленію заманчивой подражательности, мы, Русскіе, не обязаны-ли съ тою-же патріотическою гордостію,

Digitized by Google

съ тѣмъ-же чувствомъ безкорыстнаго безпристрастія, говоритъ и пишетъ о нашихъ Шереметевыхъ, Голицыныхъ, Куракиныхъ, Румянцевыхъ, Демидовыхъ?

Если-бы, я руководствуясь строгою истиною, наименовалъ здѣсь знаменитаго гражданина, по видимому, желающаго уклониться отъ справедливой похвалы жителей города, то скромность его могла-бы обвинить меня въ столь гласной отчетливости. Раздражительное любопытство, можетъ быть подстрекаемое духомъ злоязычныхъ пересудовъ, да ушѣшится, узнавъ, что фамилія его принадлежитъ къ первоклассному Дому Русскихъ богачей, коего предки издревле были единственными виновниками счастія многихъ людей, благословляющихъ память ихъ и за предѣлами гроба.... Но хотите-ли вѣдать имя Курскаго благотворителя? Желаете-ли видѣть плоды его благотвореній, и вмѣстѣ неусыпную дѣятельность его распоряженій? Взгляните на обширныя предмѣстія сего города, гдѣ скрываешся недостатокъ и самая жалкая бѣдность; загляните въ хижины, спросите у перваго злополучнаго, у каждаго неимущаго жителя, и — вы услышите имя ихъ благодѣтеля. Пожертвованія его разнообразны! Любопытные могутъ сдѣлать объ оныхъ вѣрную справку въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, въ Гимназіи, въ Городской Думѣ..... Туда внесены имъ десятки тысячъ рублей, на предметы истиннаго человѣколюбія....

Прежде не совсѣмъ довѣрялъ я стоустой молвѣ, не рѣдко увеличивающей событія до границъ со-

Digitized by Google

мнѣнія, и предоставилъ времени дознать прямую истину. Теперь, убѣжденный въ правотѣ людской говорливости, я вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшую обязанность украсить пустые мои Записки именемъ знаменитаго Курскаго гражданина.

Въ годину общей скорби и бѣдствія, въ то время, когда губительная холера поражала тысячи жертвъ, назначенныхъ ей Провидѣніемъ, его благородное самоотверженіе было удивительною проблеммою для всего города. Знатная сумма денегъ, опредѣленная имъ на сей предметъ, была ничтожна всравненіи съ личною его заботливостью о каждомъ страждущемъ семействѣ, ибо онъ подвергалъ собственную жизнь очевидной опасности. Не достойно-ли сіе благородное самоотверженіе лѣтописей города? Осмѣливаемся думать, что таковые примѣры рѣдки.....

Но дѣла столь похвальныя, заслуживающія подражаніе и память признательныхъ жителей Курска, не истощили его щедрости. Сословія, не имѣющія нужды въ помощи ближняго, не менѣе благодарны ему за пожертвованія другаго рода. Рука сего доблестнаго гражданина, надѣляющая золотомъ благотворенія несчастныхъ, съ тѣмъ-же рвеніемъ расточаетъ богатство на украшеніе публичныхъ зданій и общественныхъ заведеній, служащихъ или для пользы общей, или для общаго удовольствія. Домъ Гражданскаго Губернатора, манежъ, городовой садъ — отдѣланы великолѣпно!.. Шоссе, которое дѣлается трудами бѣдныхъ жителей Курска, получающихъ за свою работу

Digitized by Google

хорошую плату изъ его собственныхъ денегъ, есть прекраснѣйшее украшеніе города, и вмѣстѣ прочный памятникъ его благотворительности.

Въ саду я былъ во время гулянья, и признаюсь: меня очаровала нанимаемая имъ роговая музыка, единственная въ Европѣ, принадлежащая, если не ошибаюсь, Оберъ-Гофмаршалу Д. Л. Нарышкину.

Окрестности многихъ нашихъ губернскихъ городовъ не представляютъ взорамъ плѣнительныхъ видовъ Германіи. Я поведу васъ, туда, гдѣ конецъ нашимъ желаніямъ, конецъ борьбѣ страстей, злобѣ, коварству, сребролюбію, словомъ: я поведу васъ къ жилищу смерти и гробовъ — на кладбище. . . .

Смотрите: вотъ памятникъ суетной кичливости живыхъ, съ длинною эпитафіею о мертвомъ, и — рядомъ съ нимъ могила, давно заросшая, вмѣстѣ съ камнемъ, высокою травою. Идеи, родящіяся при воззрѣніи на сіи гробницы, умерщвляютъ всѣ земныя помышленія. Высокія пирамиды Египетскія и великолѣпный мавзолей Гидеръ-Али-Хана въ Серингапатамѣ, безъ сомнѣнія, не доставятъ блаженства въ будущей жизни. . . . Впрочемъ, восточная гордость, навѣявшая на Европу это обыкновеніе, не заслуживаетъ, кажется, строгаго порицанія, ибо скромные памятники почти необходимы, потому что служатъ какъ-бы указателемъ на мѣсто, гдѣ покоится прахъ, намъ драгоцѣнный.

Съ душою, полною грустныхъ размышленій, переходилъ я отъ памятника къ памятнику, отъ могилы къ могилѣ. Читатель! если вы, въ жизни

Digitized by Google

вашей, не теряли на вѣки людей, близкихъ сердцу, людей, кои составляютъ всю прелесть бывшія вашего, то — вы вполнѣ счастливы!.. «Нѣтъ въ мірѣ больше скорби,» говоритъ Данте, «какъ воспоминаніе о прошедшемъ счастіи, убитому злополучіемъ.»

Прекраснѣйшій памятникъ, находящійся на Курскомъ Богословскомъ кладбищѣ, обращаетъ на себя вниманіе путника. Онъ сдѣланъ, въ видѣ пирамиды, изъ бѣлаго, а пьедесталъ къ нему изъ чернаго мрамора, и обнесенъ чугунною рѣшеткою. Благонамѣренное желаніе почтить заслуги Творца *Душеньки*, желаніе достойное и созидателя памятника и заслугъ Поэта, соорудило этотъ мавзолей. Верхняя часть онаго украшена изображеніемъ, изъ золоченой бронзы, означающимъ: Вѣру, Надежду и Вѣчность. Весь памятникъ стоилъ болѣе пяти тысячь рублей. На одной сторонѣ его читаете:

«Здѣсь погребенъ Коллежскій Совѣтникъ Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ, родившійся 23 Декабря 1743 года, скончавшійся 2 Генваря 1803 года.» —

На другой сторонѣ:

«Павелъ Демидовъ, при вступленіи въ управленіе Высочайше ввѣренной ему Курской Губерніи, памяти неподражаемаго пѣвца Душеньки.»

Писатели Русскіе! вы конечно будете признательны за такое пожертвованіе Павлу Николаевичу Демидову, коего имя да сольетъ время съ звуч-

Digitized by Google

ными именами Говардовъ, Шуваловыхъ, Дашковыхъ, Румянцевыхъ.... Мы надѣемся, что въ Исторіи Русской Литтературы, въ статьѣ о Богдановичѣ, упомянется и о семъ пожертвованіи, едва-ли не единственномъ въ лѣтописяхъ нашего отечественнаго патріотизма. Это служитъ убѣдительнымъ, яснымъ доказательствомъ, что истинное дарованіе писателя, доставляя наслажденіе современникамъ, не умираетъ и для просвѣщеннаго потомства.

1832 года.

Николай Андреевъ.

Тула.

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ № 12 Моск. Телегр. 1833 г.

Рис. Фюзели. Гр. Афанасьевъ

Digitized by Google

N° XII. ИЮНЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОБЪ УЧАСТІИ ЖЕНЩИНЪ

НАШЕГО ВРЕМЕНИ ВЪ ПРОСВѢЩЕНІИ.

(Окончаніе).

Слава, открыть требованія нашего времени, дабы примѣнить воспитаніе къ новому порядку дѣлъ, уважая безсмертные законы, принадлежащіе всѣмъ вѣкамъ, эта слава справедливо плѣнила многихъ женщинъ, отличныхъ дарованіями и соединяющихъ глубокомысліе съ могуществомъ убѣжденій самыхъ благородныхъ. Многія изъ нихъ, съ рѣдкою возвышенностью чувствованій и мыслей, означили мѣсто женщинъ, обязанности матерей, и пользы юношества въ этомъ особенномъ мірѣ, который вышелъ изъ среды нравовъ, мнѣній, правилъ, установленій нашего чуднаго времени. Гжа Неккеръ де Соссюръ нисходитъ даже до пеленокъ дитяти, и

Digitized by Google

шамъ разсыпаетъ богатство своей попечительности и своего разума. Она и туда умѣла перенести ту возвышенность чувствованій и взглядовъ, съ какою прежде разсказывала жизнь Гжи Сталь, будучи равно достойна принадлежать къ ея семейству и объяснять ее. Госпожа Ремюза указала средства соединить съ упоѣніями пылкихъ умовъ домашнія добродѣтели, нѣжный разумъ, невѣдомую преданность одного пола, и блестящіе подвиги другаго. Она показала, какимъ образомъ женщины, совсѣмъ не лишенныя своихъ правъ паденіемъ безпутнаго ихъ владычества въ прошломъ вѣкѣ, могли-бы вновь найдти, въ семействахъ, подъ тѣнію законовъ, власть болѣе благородную, болѣе дѣйствительную и прочную. Гжа Гизо внесла въ свои сочиненія, имѣющія рѣдкое достоинство быть драгоцѣнными дѣтямъ, столько-же какъ всѣмъ наставникамъ и мастерямъ, возвышенность своего ума, гибкость своего дарованія и строгость своей жизни. Женщина знаменитая, славная безъ клеветъ; великодушная, умѣвшая облагородить дарованіе несчастіемъ и несчастіе дарованіемъ.

Дѣвица Мёланъ, можетъ быть прежде всѣхъ другихъ, не побоялась успѣховъ на поприщѣ, тогда новомъ въ мірѣ, но сдѣлавшемся нынѣ ареною, гдѣ должны являться всѣ извѣстности, иногда какъ

Digitized by Google

аплепы, иногда какъ судьи состязанія. Говорю о полемикѣ. Полемика сдѣлалась во Франціи могуществомъ несокрушимымъ. Журналы, эта народная стража мнѣній, иногда, какъ Стрѣльцы, притѣсняющая тѣхъ, кого защищаетъ она (*), Журналы необходимы для мнѣній. И здѣсь множество изданій литературныхъ и политическихъ, составляемыхъ явно для половины публики самой нѣжной, самой страстной, самой покорной могуществу впечатлѣній и воспоминаній, доказываютъ какую власть эта половина Французскаго общества имѣетъ въ борьбахъ партій, гдѣ, слава Богу, на зло Сенъ-Симону, еще нѣтъ у нея роли оффиціяльной. Есть даже особенный Журналъ, составляемый однѣми женщинами. Достоинство его въ томъ, что онъ соединяетъ, какъ-бы разсѣянные лучи въ одинъ фокусъ, множество дарованій, изъ коихъ иныя, можетъ быть, не знали-бы сами себя, или остались-бы неизвѣстными для публики. Недавно еще, Журналъ краснорѣчивый и глубокомысленный, можетъ быть слишкомъ глубокомысленный, Revue française, часто обогащался блистательными статьями, которыя доказывали наслѣдственность рѣдкую, наслѣдственность пре-

(*) Это примѣненіе къ нашей Русской Исторіи замѣчательно во Французскомъ писателѣ. *Прим. Пер.*

Digitized by Google

восходнаго ума и дарованія. Нынѣ, Revue de Paris и Revue des deux mondes гордятся иногда подобными дарами. Не одно искуство писать, дитя нашихъ образованныхъ нравовъ, поражаетъ всего болѣе въ этихъ сочиненіяхъ. Тамъ замѣчательны также успѣхи Критики, дщери ума и ученія: они увеличиваются у нашихъ соперницъ безпрестанно. И въ этомъ мы теряемъ монополію.

Монополія Театра исторгнута у насъ. Муза Драматическая научилась раздѣлять свои пальмы. Маркиза д'Отремонъ дерзнула пожелать рукоплесканій въ Оперѣ, и умѣла заслужить ихъ. Госпожа Монтанбо потребовала того-же у Водевиля. Французская Комедія рукоплескала Гжѣ Бавръ, которой успѣхи подтверждаетъ и увеличиваетъ время. Другія дарованія прославились на многихъ иныхъ Театрахъ, особенно это дарованіе, свѣтское и столь отличное во многихъ родахъ, умѣющее владѣть эпиграммою, выставлять смѣшное, говорить отъ чувства, и показывать свою наблюдательность, дарованіе обильное, которое могло-бы, для славы своей, удовлетвориться прогательнымъ созданіемъ *Анатола*, или рѣзкими *Записками*, скрытыми подъ завѣсою несчастій счастливаго любовника. Со своимъ богатымъ литературнымъ запасомъ, гдѣ стихотворство и проза равно

Digitized by Google

плѣнительны, Госпожа Гей могла-бы почитать себя не имѣющею соперницъ, если-бъ она не была мущерью.

Прежде всѣхъ другихъ отраслей Литтературы, Поэзія должна была поддаться женщинамъ. Это естественно, ибо онѣ сами поэзія. Ихъ сердце можно уподобить той лирѣ, которой трепетныя струны, отъ одного прикосновенія вѣтра издаютъ нѣжную, таинственную, религіозную мелодію. Дхновеніе страстей извлекаетъ изъ нихъ аккорды, въ тысячу разъ болѣе трогательные, или болѣе ужасные, нежели все, что могло-бы изобрѣсти искуство. Что говоритъ Муза, то испытали всѣ женщины. Чего не говорятъ онѣ сами, что̀ пересказываютъ намъ поэты, то отъ нихъ узнали мы. Но два явленія особенно принадлежатъ нашему времени: новый характеръ Поэзіи, и неслыханное донынѣ состязаніе женщинъ, занимающихся Поэзіею. Онѣ сочиняютъ стихи, какъ прежде вдохновляли ихъ. Дѣйствительно, теперь у нашего Геликона вершина двойственная. Вмѣсто одной Дезульеръ, которою славился *великій вѣкъ*, Ламартини и Делавини встрѣчаютъ толпу соревнователницъ, и уже однострунная лютня, созданная для пастушескаго пѣнія, призывающаго любовь, или для плачущей Элегіи, эта лютня уже не единственный ихъ

Digitized by Google

инструментъ. Лира ихъ издаетъ всѣ звуки. Она возвышается до всѣхъ вдохновеній. Прежняя Исторія, требующая Пиндаровъ, настоящая, требующая Тиртеевъ, общественныя радости, народныя горести, война, коронованіе и таинственные его символы, завоеваніе Алжира, освобожденіе Греціи, смерть великихъ людей, ораторовъ или воиновъ, попеременно вызывали пѣсни тѣхъ, которымъ прежде такъ трудно было показать, что они удивляются браку Принцессы Королевской, или что пушка, убившая Тюренія, казалась имъ *заряженною отъ начала вѣковъ*. Госпожа Аглаэ де Кордей, прославляя бѣдствіе, находитъ аккорды столь нѣжные и трогательные, что прежніе поэты искали-бы подобныхъ воспѣвая благоденствіе и радости дворца. Дѣвица Элиза Меркёръ безпрерывно оправдываетъ предсказанія того краснорѣчиваго и преданнаго своей мысли человѣка, который среди власти отличилъ ее и протянулъ руку къ блестящимъ ея начинаніямъ — великодушный другъ, открытый Меценатъ, страстный къ славѣ, слишкомъ рано увѣнчанной, не умѣвшій жить одною собственною своею славою, безъ славы ближняго! Госпожа Жанвье есть другой цвѣтокъ въ піитическомъ вѣнкѣ Франціи. Берега Луары справедливо гордятся ею. Но какъ назначить степени тремъ Музамъ: одной, благородной и нѣжной, которая

Digitized by Google

съ равнымъ, доходящимъ до сердца волненіемъ, съ равнымъ очарованіемъ чувства и выраженія говоритъ о любви родительской и объ отечествѣ; другой, которая съ равно-вдохновеннымъ невѣдѣніемъ воспѣваетъ безобразіе и раскаяніе; или наконецъ третьей, у которой на арфѣ только древняя струна, но столь нѣжная, столь одушевленная при имени любви, что любовь становится у нея страстью новою: такъ много въ стихахъ ея истины и современной грусти! Госпожа Дебордъ Вальморъ, кажется, изобрѣла сѣтованіе или надежду, для того чтобы заставить насъ почувствовать ихъ. Госпожа Тастю, болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, заставляетъ насъ мечтать о прошекающихъ часахъ, и о судьбѣ, которую ангелъ-хранитель обѣщаетъ нашимъ дѣтямъ и намъ самимъ. Волшебство ея слога, всегда нѣжнаго, простаго, изящнаго, въ которомъ прелесть и мѣрность никогда не мѣшаютъ силѣ, это волшебство возноситъ душу, самымъ очаровательнымъ полетомъ, къ тѣмъ областямъ, гдѣ Авторъ вопрошаетъ Провидѣніе о судьбѣ человѣка, или Исторію о событіяхъ нашей Франціи. Знаменитая Дельфина (Гей) учитъ насъ задумываться на развалинахъ Помпеи; открываетъ намъ мстительнаго для слуха Сатаны генія, неизвѣстнаго Мильтону; приковываетъ насъ къ колесницѣ этой благородной

Digitized by Google

Иды, столь простой въ счастіи, столь возвышенной въ несчастіи, столь прекрасной всегда; она приковываетъ насъ волшебствомъ новымъ—своими стихами. Какой, довольно дерзкій судія, осмѣлился-бы избрать прекраснѣйшую изъ этихъ трехъ славъ? Только одна женщина могла-бы имѣть смѣлость произнести рѣшеніе въ подобномъ спорѣ. Это по праву могла-бы сдѣлать только одна Княгиня Сальмъ, съ живыми преданіями своего осмнадцатаго столѣтія, и съ чистымъ вкусомъ, коимъ запечатлѣны ея сочиненія. И кто можетъ оспоривать у нея права судіи, особенно съ тѣхъ поръ какъ уже нѣтъ Госпожи Дюфренуа?

Увеличивая на всѣ стороны свои владѣнія, женщины не забыли въ этихъ завоеваніяхъ и всегдашней своей области. Писать романы, значитъ опять составлять Записки, и потому романъ будетъ существовать въ мірѣ до тѣхъ поръ, пока будутъ въ немъ женщины; онѣ останутся вѣрны ему. Романъ для женщинъ, если можно такъ выразиться, есть исповѣдникъ языческій, которому сказываютъ онѣ то, чего другой не хотѣлъ-бы слышать, или что необходимо для нихъ высказать и послѣ того, какъ онъ слышалъ ихъ. Благодаря нѣкоторымъ не полнымъ именамъ, нѣкоторымъ расторженнымъ воспоминаніямъ, ухищреніе вымысла дѣлаетъ кни-

Digitized by Google

гопечатаніе нескромнымъ эхо. Публика становится наперсникомъ, который ушёшаетъ и не страшитъ. И для чего покровы, если хотятъ, случайно, ограничиться разсказомъ о *первыхъ двѣнадцати годахъ жизни*? Дѣтство не имѣетъ надобности въ одеждѣ. Простодушная прелесть, какъ легкое убранство, можетъ быть накинута на картину первыхъ ощущеній, первыхъ таинствъ сердца, не понимающаго себя, и души, которая готовится къ существованію. Это еще растеніе, но уже чувствующее, безъ собственнаго сознанія. Увлекательная невнимательность автора будетъ новымъ очарованіемъ въ этой живописи ощущеній, испытываемыхъ каждою дѣвушкою. Но сколько женщинъ, которыя, достигнувъ этого, могли-бы идти далѣе, не прибѣгая къ роману и не отказываясь отъ истины! Тогда для истины одно спасеніе: въ вымыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ: есть-ли хоть одна жизнь, въ которой не было-бы романа среди истины? Счастливы тѣ, у кого страданія не были искупленіемъ, у кого въ драмѣ не было развязки!

Этотъ обильный запасъ наставительныхъ развитій для души и мысли, не могъ, слѣдовательно, быть оставленъ у насъ. Каталоги книгопродавцевъ ужасаютъ безчисленною арміею героевъ, родившихся, въ продолженіе

Digitized by Google

придцати лѣтъ, подъ перомъ свѣтскихъ дамъ. Это звѣзды на небѣ или песчинки на берегу, и многочисленность не мѣшаетъ ихъ достоинству. Никогда не являлось вдругъ столько дарованій! Между тѣмъ какъ Германія гордится Госпожею Пихлеръ, Ирландія Леди Морганъ, Англія Госпожами Эджеворшъ и Опи, во Франціи мы затрудняемся только выборомъ изъ нашихъ богатствъ. Во Франціи находите вы Сталь, Жанлисъ, Госпожъ Гизо, Баврѣ, Софію Гей, Жирарденъ, Герцогиню Абрантесъ. Достопамятна эпоха, въ которую, кромѣ всѣхъ другихъ знаменитыхъ именъ, блистаютъ создательница Адели де Сенанжъ и пѣвецъ Малекъ-Аделя, среди толпы другихъ славныхъ соперницъ. Въ то время, когда Гжа Коттенъ продолжаетъ Риккобони, а Гжа Флао дивицу Лафайетъ, Гжи Монтольё, Марезъ, Монтолонъ, Войяръ переводятъ для Франціи и сочиняютъ для цѣлаго свѣта. Госпожа де Бради считаетъ число своихъ сочиненій числомъ своихъ успѣховъ. Кто не читалъ разнообразныхъ, блистательныхъ произведеній Госпожъ Шуазёль-Мёзъ, де Курваль, Гопу, Ренневиль? Госпожа Симонъ-Кандейль, дѣвица Ванговъ, Госпожа Лемерсье, поставили себя въ рядъ съ искуснѣйшими изъ нашихъ писателей. Въ какомъ литтераторѣ болѣе нежели въ творцѣ Ванины души и прелестей? Какое сокровище нѣжныхъ, жаркихъ чув-

Digitized by Google

ствованій обличаетъ въ созданіяхъ своихъ пламенное воображеніе Гжи Сванпонъ-Беллокъ, объясняющей Байрона, и, кажется, иногда одушевляющейся его геніемъ! Изящное перо, которое передало нашему языку Аллана Конингама, должно быть только менѣе скупо: тогда вновь прославитъ оно фамилію, уже столь много разъ знаменитую. Госпожа Лайя доказала, что есть имена, съ которыми какъ будто соединенъ даръ писать, подобно тому, какъ есть души, которыя хотятъ, чтобы каждое хорошее сочиненіе было прежде всего добрымъ дѣломъ. Сколько разительныхъ примѣровъ этой счастливой общности могъ-бы открыть я здѣсь! Сколько именъ я пропускаю, и читатели мои сами помѣстятъ ихъ въ первый разрядъ!

Женщины столь уже богаты, что ссужаютъ насъ: ихъ геній открываетсп даже въ произведеніяхъ, по видимому принадлежащихъ намъ. Я изъ числа тѣхъ, которые въ удивительной картинѣ *Индіаны* узнаютъ твореніе женщины, узнаютъ по естественности, по блеску, по прелести красокъ. Много недостатковъ въ этой книгѣ. Но кто кромѣ женщины начерталъ-бы эту блѣдную и вмѣстѣ ложную фигуру Реймона, этого Освальда въ эгоизмѣ и порокѣ? Только мщеніе оскорбленной души могло предпола-

Digitized by Google

гапь его способнымъ внушишь столько любви и быть достойнымъ такого презрѣнія! Кто, кромѣ женщины, могъ-бы открыть эту краснорѣчивую сатиру въ состояніи женщинъ, эти горькія насмѣшки, эти язвительныя страданія, эту слабость въ любви, это мужество противъ страданія, противъ свѣта, противъ его законовъ? Да, противъ его законовъ, потому что въ *Индіанѣ* одна цѣль: опровергнуть ихъ осмѣяніемъ, пояснить, какъ счастіе чуждо области приличій общественныхъ, и показать его издали, убѣжавшее отъ людей, и призывающее ихъ, запутавшихся, какъ увѣряютъ, на пути ложныхъ обязанностей! Обольщеніе печальное! Оно обѣщаетъ намъ, въ разсказѣ объ ошибкахъ и разочарованіяхъ, новую, краснорѣчивую исторію, и уже дало намъ драму, въ которой Руссо могъ-бы позавидовать не одной картинѣ страстей, а Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ не одной картинѣ природы.

Могу-ли забыть другое дарованіе, котораго созданія также были часто заклеймены, на уголкѣ, тайнымъ возстаніемъ противъ правилъ и основаній, на коихъ зиждется общество? Не хочу на этомъ останавливаться: это опытъ, который будетъ покинутъ; одно дарованіе останется. Оно имѣетъ много правъ на успѣхи законные, и можетъ стремиться къ

Digitized by Google

нимъ безъ пособія взглядовъ и мнѣній, не одобряемыхъ свѣтомъ потому только, что власть болѣе высокая осуждаетъ ихъ. Юная Гжа Г. де Т., при началѣ своего поприща издала краснорѣчивыя изслѣдованія о Гжѣ Сталь; она вспомнитъ, что Гжа Сталь любила нововведенія и была сама величайшимъ изъ нововведеній, однако старалась, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, означить границу между независимостью и безначаліемъ; пролагая новые пути, она ставила цѣль свою выше насъ. Таково призваніе, такова обязанность всѣхъ, получившихъ отъ неба даръ, которымъ они могутъ дѣйствовать на другихъ: они должны уподобляться кормчему, устремляющему глаза на сводъ небесный, и ищущему пути тамъ, а не вокругъ себя, не подъ ногами своими, не на океанѣ, гдѣ невѣрные глаза могутъ сбить его съ пути. Онъ плыветъ, онъ идетъ по вершинамъ волнъ; а свѣтильникъ, путеводствующій его, а твердая точка, къ которой направляется онъ— тамъ, въ небѣ.

Женщины будутъ руководствоваться, и уже руководствуются этими, созданными для нихъ правилами. Доказательства тому проявляются со всѣхъ сторонъ. Кому неизвѣстна и кого не удивляетъ эта Литтература назидательныхъ книгъ, размноженная по всей Франціи,

Digitized by Google

на пользу благочестивыхъ и человѣколюбивыхъ учрежденій, Литтература Христіанская, смиренная, не знающая славы, и предназначенная не выходить изъ госпиталей, богадѣленъ, училищъ? Множество молодыхъ женщинъ и дѣвицъ, которыхъ можно было-бы почесть занятыми свѣтомъ и его веселостями, въ молчаніи трудятся и передаютъ черезъ эту Литтературу свѣдѣнія дѣтямъ, утѣшенія несчастнымъ, надежды людямъ дряхлымъ, и воззываютъ къ жизни наказанное преступленіе уроками добродѣтели. Это успѣхъ въ дѣлѣ женскаго милосердія. Прежде не писали онѣ; теперь простираютъ руку на язвы, казалось не доступныя для нихъ; онѣ льютъ бальзамъ своего слова на раны всѣхъ своихъ братьевъ. У Евы много средствъ схватить, побѣдить, раздавить змѣя.

Почти одинакое воспитаніе, получаемое, въ высшихъ разрядахъ общества, обоими полами уже около полустолѣтія; разнообразные источники просвѣщенія, открытые тамъ съ самаго дѣтства обоимъ поламъ, и это постоянное стараніе объ изощреніи ума, украшающаго и наполняющаго домашнюю жизнь — все это сдѣлало переворотъ, болѣе великій нежели тотъ, котораго громъ поколебалъ міръ. Не восходя къ тѣмъ временамъ, когда Принцессы,

Digitized by Google

какъ Навзикая, мыли сами бѣлье въ фонтанахъ, можно сказать, что женщины долго были осуждены, даже на высотѣ феодальнаго величія, къ тому, что назвалъ-бы я бездѣльемъ ручныхъ работъ: къ веретену и къ иглѣ. Постепенно, при помощи движенія идей, родившихся отъ волненій Лиги и Реформаціи, имъ дозволили заниматься ученіемъ и искуствами. Теперь, кисть и перо сами собой сближаются въ ихъ рукахъ, и уже никакая сила не заставитъ соперницъ нашихъ снова *перейдти въ женское поколѣніе* (retomber en quenouille). Можно-ли удивляться этому, когда братъ и сестра, отъ одинакихъ игръ вмѣстѣ переходятъ къ Латинской Словесности, и если одинъ, впослѣдствіи ученія, прилѣпляется къ оной тѣснѣе, то другая, при освобожденіи отъ Классическихъ правилъ, можетъ по волѣ, въ быстромъ полетѣ своемъ, обозрѣвать Литтературы Германіи, Англіи, Италіи, не имѣющія для нея тайнъ на осмнадцатомъ году ея возраста. Но передъ мужчинами труды дѣятельной жизни, заботы на избранномъ поприщѣ и тяжелыя занятія политическія. Куда обратится созерцательная жизнь женщинъ, и гдѣ найдетъ она участіе и пособія?

Надобно сообразить, что монастыри, этотъ родъ наслѣдственныхъ, всепожирающихъ маіо-

Digitized by Google

раповъ для дѣвицъ достаточнаго класса, монастыри уничтожены (во Франціи), и навсегда. Свѣтъ, ограниченный нынѣшнимъ состояніемъ богатствъ и нравовъ, не можетъ наполнять всѣхъ досуговъ, часто остающихся за исполненіемъ домашнихъ обязанностей. Женщины, царицы семействъ, по неизмѣнимымъ законамъ своей природы обязанныя ограничивать тамъ свою власть, не могутъ посвящать всѣхъ часовъ своихъ этому домашнему управленію, такъ-же какъ владыки міра управленію царствъ, ввѣренныхъ имъ судьбою. И цари ѣздятъ на охоту, строятъ, пишутъ, забавляются, воюютъ. Естественно, что женщины сначала учатся, потомъ пишутъ. Вслѣдствіе этого, сколько различныхъ дарованій можно было-бы показать въ разрядахъ общественныхъ, если-бы позволялось измѣнять тайнамъ общества, и если-бы, въ наше время, скромность обычаевъ не смѣшивалась съ блескомъ положеній, и не заставляла часто искать безвѣстности даже пѣ состоянія, которыя прежде почитали ее невозможною.

И не въ однихъ, только одаренныхъ преимуществомъ богатства разрядахъ, являются эти новыя потребности. Всеобщее спокойствіе городовъ, возрастающее равенство богатствъ, и слѣдствіе онаго — равенство въ раздѣленіи

Digitized by Google

знаній, простираютъ на цѣлые народы благодѣянія этой общности воспитанія, сначала бывшаго удѣломъ одного класса въ обществѣ. Прекрасный обычай занимашься языками, и слѣдственно Литтерашурами иностранными, принадлежишъ ошнынѣ всѣмъ сословіямъ, гдѣ бываютъ досуги. При Дворѣ Людовика XIV-го худо знали Правописаніе. Герцогиня Эгильонъ, терзавшая Англійскій языкъ, была чудомъ при Дворѣ Людовика XV-го. А нынѣ, гдѣ тотъ провинціяльный, отдаленный городъ, въ которомъ это не были-бы знанія пошлыя? Обычаи наши, и потребности просвѣщенія, раждающіяся одни отъ другихъ, объясняютъ начертанную нами картину. Половина рода человѣческаго, для которой природа не оставила никакихъ трудовъ, кромѣ домашнихъ, и никакой славы, кромѣ славы дарованія, должна была обрашишься къ Искуствамъ, какъ къ той аренѣ, гдѣ находишся вся сила ея для завоеваній въ человѣчествѣ.

Нѣжная рука женщинъ можешъ обрабошывать всѣ знанія человѣческія, не шребующія силы, или шерпѣнія для продолжишельныхъ заняшій. Будемъ внимашельны! Общественная нравственность зависишъ отъ этого столько-же, какъ и домашнее счасшіе. Для многихъ изъ

Digitized by Google

женщинъ, тихій трудъ есть необходимое пособіе въ скорбяхъ, въ недугахъ, въ непріятностяхъ жизни. Уединеніе, страданіе, страсть— все это, по волѣ нынѣшнихъ нравовъ, принадлежитъ или безпорядочной жизни, или генію. Кто знаетъ, сколько силы душевной невѣдомо переходитъ, каждый день, въ сочиненія, гдѣ скрытыя прискорбія, глубокія раны сердца, уныніе, печаль, надежда являются на покорной бумагѣ, и потчасъ умираютъ, безвѣстно для мужчинъ? Подождемъ, покуда болѣе и болѣе привыкнутъ къ извѣстности. Уже велика перемѣна нравовъ въ этомъ отношеніи. Мужество славы становится во Франціи достояніемъ общимъ.

Трудно предвидѣть, до какой невѣдомой степени развитія достигнетъ Литтература, при увеличивающемся пособіи всего, что есть страстнаго въ сердцѣ, высокаго въ душѣ, пламеннаго въ воображеніи, и проницательнаго, нѣжнаго, изобрѣтательнаго въ умѣ. Можно сказать съ увѣренностью: это вліяніе дастъ Литтературѣ направленіе болѣе возвышенное и въ то-же время болѣе обширное. Умъ у женщинъ есть только отрасль сердца и души. Это эхо: голосъ далеко отъ него. Ихъ назначеніе: сдѣлать насъ лучшими во всемъ; онѣ,

Digitized by Google

если можно такъ сказать, внѣшняя совѣсть наша. Посмотрите какъ уважаемъ мы ихъ, какъ стараемся скрывать отъ нихъ слабости наши, и краснѣемъ передъ ними за наши недостатки! Какой мужчина осмѣлится открыть подругѣ своей малодушіе, или только повѣрить ей свои измѣны, себялюбіе, торговлю совѣстью и честью? Нѣтъ, нѣтъ! есть нѣчто выше смѣлости нашей: это презрѣніе женщины; легче перенести угрызенія совѣсти! Чего-же не сдѣлаетъ въ жизни народовъ эта новая сила? Ихъ дарованіе, болѣе нравственное, болѣе остроумное, болѣе внезапное, болѣе дѣвственное, болѣе безкорыстное, болѣе религіозное нежели наше, будетъ имѣть, подлѣ пламенника освѣщающаго, огонь очистительный. Предаваясь, по влеченію своей слабости, изысканію справедливости; по необходимости въ благотвореніи предаваясь жалости къ несчастію и милосердію къ преступленію; по вдохновенію своего великодушія предаваясь обожанію чести; наконецъ, по склонности своей независимой, гордой души, предаваясь любви ко всему благородному и великому, ихъ Муза должна быть вдохновенною совѣстью человѣчества.

Надобно ожидать, что если геній народовъ идетъ на всѣхъ поприщахъ впередъ, откры-

Digitized by Google

вая новые пути и прибавляя успѣхи къ успѣхамъ, то ихъ геній, какъ благоразумный и робкій совѣтникъ, будетъ страшиться перемѣнъ, извѣщать объ опасностяхъ, и утверждаться, противъ нескромныхъ нововведеній, на прошедшемъ, за которое всегда говоритъ воображеніе, а иногда и справедливость. Мы созданы для дѣятельности, для смѣлости, для приключеній; онѣ для осмотрительности, для скромности. Роля Ментора, ихъ роля; но сохраняя свою первобытную форму, Менторъ ни сколько не потеряетъ своей власти. Древніе олицетворяли въ черпахъ женщины соединеніе литтерапурнаго генія и мудрости.

Digitized by Google

БІОГРАФІЯ

Александра Александровича Волкова.

Древняя столица наша оплакиваетъ кончину преданнаго, вѣрнаго Государева слуги и добраго человѣка!—16-го числа Іюня мѣсяца скончался, послѣ весьма продолжительной и мучительной болѣзни, Генералъ-Лейтенантъ, Начальникъ 2-го Округа Корпуса Жандармовъ, и разныхъ орденовъ Кавалеръ, Александръ Александровичъ Волковъ. Онъ родился 17-го Апрѣля 1778-го года, и обучась въ Петербургѣ, въ пансіонѣ извѣстнаго Аббата Николя, вступилъ весьма молодъ въ службу, Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскій полкъ сержантомъ. При благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени блаженной памяти покойной Императрицы Маріи Ѳеодоровны Великимъ Княземъ (нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ) Николаемъ Павловичемъ, Волкову, едва пожалованному въ офицеры, дано было лестное препорученіе ѣхать въ Штутгартъ, возвѣстить радостное сіе событіе Курфирстскому Виртембергскому

Digitized by Google

Дому. Въ сіе время скончалась Императрица Екатерина Алексѣевна, и возвратясь въ Петербургъ, Волковъ нашелъ на Престолѣ новаго Государя. Императоръ Павелъ Петровичъ, равно какъ и Августѣйшая Его Супруга, имѣли всегда особенное о немъ попеченіе и оказывали ему постоянную и отличную милость. Сестры его, Марія и Прасковья, были взяты Фрейлинами къ Высочайшему Двору (*).

При восшествіи Императора Александра Павловича на Престолъ, Волковъ былъ уже Штабсъ-Капитаномъ. Государь сей, желая сдѣлать нѣкоторое переобразованіе въ артикулѣ войскъ Россійскихъ, началъ оное Лейбъ-Гвардіи Семеновскимъ полкомъ, коего Самъ былъ Шефомъ, и Его Императорскому Величеству угодно было возложить на Волкова первоначальные сіи опыты. Императоръ былъ столь доволенъ скорымъ и точнымъ исполненіемъ Высочайшихъ мыслей Своихъ, что пожаловать соизволилъ Волкову шпагу съ орденомъ Св. Анны, а роту его

(*) Фрейлины Волковы были въ замужствѣ: покойная Марья Александровна за Штаалмейстеромъ и Сенаторомъ П. И. Озеровымъ, а Прасковья Александровна осталась вдовою послѣ Генералъ-Маіора Т. И. Миллера.

Digitized by Google

поставилъ прочимъ гвардейскимъ полкамъ въ примѣръ.

Когда открылась война съ Франціею въ 1805 году, то Волковъ также выступилъ съ полкомъ своимъ въ походъ, и бывъ въ Аустерлицкомъ сраженіи раненъ въ ногу, выше колѣна насквозь картечью, упалъ безъ чувствъ на полѣ сраженія и былъ взятъ въ плѣнъ, въ коемъ находился пять недѣль, и потомъ, по волѣ Государя Императора, размѣненъ на Подполковника Жели. Человѣколюбивое и нѣжное о немъ попеченіе Маршала Ланна спасло ему не только ногу, но и самую жизнь. Страданія Волкова были весьма облегчены попеченіемъ молодой его прелестной жены, которая, не смотря на положеніе свое, требовавшее покоя, поѣхала къ нему на встрѣчу, и найдя его на самой границѣ, около Бреста-Литовскаго, возвратилась съ нимъ вмѣстѣ въ Россію.

Сколь ни велика была страсть Волкова къ военной службѣ, но онъ долженъ былъ, къ крайнему своему прискорбію, ее оставить. Ослабѣвшая его нога, изъ коей вынута была пуля, не позволяла ему скоро ходить и требовала частаго отдохновенія. По ходатайству тогдашняго Министра Внутреннихъ дѣлъ, Графа

Digitized by Google

В. П. Кочубея, Волковъ былъ опредѣленъ Полиціймейстеромъ въ Москву, и съ того времени, до самой своей кончины, т. е. въ теченіе 28-ми лѣтъ, не переставалъ онъ почти безотлучно служить въ древней столицѣ. Сію новую свою должность отправлялъ онъ съ неутомимымъ усердіемъ, съ похвальнымъ безкорыстіемъ и съ большою ловкостію. Московскіе Градоначальники давали ему часто особенныя, весьма трудныя препорученія, кои онъ выполнялъ всегда съ примѣрнымъ успѣхомъ.

Въ 1816-мъ году, разстроенное его отъ дѣятельной службы здоровье понудило его просить совершеннаго увольненія отъ оной, и онъ получилъ отставку съ мундиромъ, пансіономъ и чиномъ Генералъ-Маіора; но премудрый Александръ, умѣвшій оцѣнять истинныя достоинства, и согласившійся на отставку Волкова тогда въ видѣ временнаго отдохновенія, назначилъ его въ томъ-же году Комменданпомъ въ Москву, принявъ его паки въ службу, тѣмъ-же Генералъ-Маіорскимъ чиномъ. Новая сія должность сблизила его съ военною службою, къ которой пріучилъ онъ себя почти съ дѣтскихъ лѣтъ. Тутъ, яко начальникъ, могъ онъ быть еще полезнѣе Отечеству, и ближнему болѣе дѣлать добра; совсѣмъ тѣмъ онъ былъ взыскателенъ,

Digitized by Google

строгъ, но снисходителенъ, когда служба Государева и военная дисциплина тому не прошивились (*). Подъ его начальническимъ надзоромъ и попеченіемъ открыто было при Московскомъ Военно-Сиротскомъ Отдѣленіи обученіе по методѣ Ланкастера. Государь Императоръ два раза изъявлялъ Свое благоволеніе за доведеніе Военно-Сиротскаго Отдѣленія до всевозможнаго цвѣтущаго состоянія. Неусыпное попеченіе Московскаго Коменданта о бѣдныхъ солдатскихъ сиротахъ, не довольствуясь одними данными ему Правительствомъ средствами, заставляло его прибѣгать къ пособіямъ частныхъ бла-

---

(*) Замѣчательно, что въ Москвѣ, гдѣ бываетъ безпрестанно множество офицеровъ, проѣзжающихъ или живущихъ въ ней по отпускамъ, весьма рѣдко бываютъ примѣры нарушенія дисциплины, и сіе должно относить счастію древней столицы имѣть Комендантами Генераловъ отличныхъ, умѣющихъ по востребованію внушать въ молодыхъ офицерахъ страхъ строгостію своею, или заслуживать уваженіе и любовь ихъ ласковыми и отеческими выговорами. Таковы были почтенные Гг. Генералы Гессе, Волковъ, Веревкинъ и нынѣшній Комендантъ Генералъ Сшааль.

Digitized by Google

гошворительныхъ людей, и уваженіе Московскихъ жителей къ Волкову было столь велико, что пожертвованная ими на сіе общеполезное заведеніе сумма простиралась до 70,000 рублей. Въ пребываніе Свое въ Москвѣ въ 1816-мъ году, Государь Императоръ изволилъ наградить Волкова орденомъ Св. Анны 1-го класса, хотя и не было трехъ мѣсяцевъ, что онъ вступилъ въ новую свою должность. Не смотря на усердіе его къ службѣ, и лестныя поощренія, ему оказываемыя, онъ вынужденнымъ нашелся оставить службу въ 1821-мъ году. Видимое разстройство здоровья понудило его ѣхать въ Карлсбадъ къ водамъ, и провести нѣкоторое время въ умѣренныхъ климатахъ Франціи и Швейцаріи.

Когда послѣдовало учрежденіе Жандармскаго Корпуса въ 1826-мъ году, то Правительство, чувствуя необходимость предоставить управленіе Московскаго Округа Начальнику способному, дѣятельному и вмѣстѣ съ симъ и всѣми уважаемому, избрало на важное сіе мѣсто А. А. Волкова. Генералъ-Адъютантъ Графъ Бенкендорфъ, коему ввѣрено было Государемъ Императоромъ главное начальство надъ новымъ симъ Государственнымъ учрежденіемъ, и приведеніе онаго въ дѣйствіе, былъ воспитанъ

Digitized by Google

вмѣстѣ съ Волковымъ и сохранивъ съ того времени короткую съ нимъ связь, зналъ, сколь онъ былъ способенъ заступить мѣсто, ему предназначенное, и которое онъ, по свойственной ему скромности, долго отказывался принять. Нерѣшимость его была побѣждена ясными доводами Графа Бенкендорфа; онъ вступилъ въ новую свою должность и скоро постигъ благодѣтельную ея цѣль: предупреждать зло, сближать тяжущихся, входить въ посредничество тамъ, гдѣ часто не истинные раздоры, но токмо личности или недоумѣнія вооружали одного противъ другаго; совратившихся съ истиннаго пути, опять на оный обращать; отклонять людей отъ исполненія намѣреній пагубныхъ для общества, а часто и для себя собственно; всѣ сіи обязанности были совершенно сходны съ качествами души Волкова, всегда къ миру, любви и добру расположенной, и онъ достигалъ до оныхъ не угрозами, но ласкою, дружескими увѣщаніями и благоразумными убѣжденіями. Онъ до такой степени умѣлъ заслужить всеобщую довѣренность, что можно рѣшительно сказать, что ни одинъ Московскій житель, пользовавшійся знакомствомъ его, не предпринималъ дѣла нѣсколько важнаго, не попросивъ у него совѣта. Обладая умомъ здравымъ и прямымъ, имѣя великую опытность

Digitized by Google

въ дѣлахъ, зная корошко всѣ сношенія и связи обывателей, онъ лучше всякаго другаго могъ подать добрый совѣтъ. Часто имѣлъ онъ препорученія, не входившія въ составъ обязанностей его. Такъ было ему, напримѣръ, препоручено произведеніе слѣдствія по имѣніямъ вѣдомства Московской Удѣльной Конторы, конченное имъ съ совершеннымъ успѣхомъ, за что Всемилостивѣйше пожалована ему была табакерка съ вензловымъ Именемъ Государя Императора. Кромѣ сего лестнаго знака Государева благоволенія, удостоился онъ получить, въ награду отлично ревностной службы и дѣятельнаго исполненія возложенной на него должности, орденъ Св. Владиміра 2-й степени, и въ арендное на 12 лѣтъ владѣніе мызу Нейгофъ въ Курляндской губерніи; 6-го-же Декабря 1828-го года произведенъ въ Генералъ-Лейтенанты.

Чрезмѣрная дѣятельность Волкова, безпрестанное напряженіе ума при важныхъ должностяхъ, ему ввѣренныхъ, а особенно тяжелая полицейская служба, которую онъ столь отлично и усердно проходилъ въ теченіе 13-ти лѣтъ, всѣ сіи усилія души и тѣла должны были разстроить безвозвратно здоровье его. Онъ ѣздилъ три раза къ водамъ въ чужіе краи,

Digitized by Google

но находилъ тамъ токмо временное облегченіе въ недугахъ, съ лѣтами болѣе и болѣе умножавшихся. Скоро открылась у него на брови мучительная боль, извѣстная подъ названіемъ: *tic douloureux*, и помрачившая зрѣніе въ лѣвомъ глазѣ. Усилія Докторовъ успѣли боль сію, ежедневно его мучившую, отвести отъ головы; она поселилась въ горлѣ, но потомъ бросилась опять въ голову, отъ чего память его начала ослабѣвать. Хотя впалъ онъ въ великое изнеможеніе, однако-же умственныя его способности оставляли его токмо по временамъ; онъ исполнялъ всѣ обязанности Христіанскія, повиновался предписаніямъ Докторовъ, узналъ и ласкалъ навѣщавшихъ его друзей и родныхъ, прогуливался въ саду и занимался чтеніемъ. При послѣднемъ періодѣ болѣзни своей былъ онъ всегда смущенъ, задумчивъ; наконецъ впалъ въ тихую меланхолію и мало сталъ употреблять пищи. Причинившаяся ему сильная рвота родила внутреннее воспаленіе, отъ коего онъ скончался, принявъ въ тотъ-же день съ Христіанскою теплою вѣрою душевныя врачеванія Религіи.

Много мы читаемъ краснорѣчивыхъ біографій, посвящаемыхъ почтеннымъ мужамъ; но всѣ-ли онѣ основаны на истинѣ? Намъ кажется, что

Digitized by Google

когда не станетъ человѣка, смерть должна уносить съ собою всѣ его недостатки, омывать всѣ его слабости и ограждать память его отъ всякихъ нарѣканій; но ежели неумолимое потомство судитъ безпристрастно и строго владыкъ земныхъ, ежели Исторія имена самыхъ Царей предаетъ благословеніямъ или хулѣ грядущихъ поколѣній, то современники еще смѣлѣе должны обсуживать дѣянія частныхъ людей, міръ сей оставляющихъ! Сколь усладительна обязанность сія, когда можно хвалить безъ лести, судить безъ пристрастія, однимъ словомъ, когда разбирать должно житіе мужа столь достойнаго, каковъ былъ покойный Александръ Александровичъ Волковъ! Кто не благословитъ съ нами память его? Кто не воздастъ праху его должную честь? Кто не окропитъ могилу его слезою искренняго сожалѣнія о преждевременной его кончинѣ? Волковъ имѣлъ качества драгоцѣнныя. Дѣлать добро, или по крайней мѣрѣ угождать всякому по возможности, было во всю его жизнь безпрестаннымъ и любимымъ его упражненіемъ. Онъ любилъ нѣгу, удовольствіе, былъ, что иные называютъ Сибаритомъ, другіе Эпикурейцемъ, и со всѣмъ тѣмъ, сколько разъ случалось ближнимъ его быть свидѣтелями, какъ онъ бывало охотно и безропотно вставалъ изъ-за стола, или отъ-

Digitized by Google

казывалъ себѣ въ нужномъ для здоровья его отдохновеніи, чтобы идти выслушивать скучнаго просителя, чтобы ѣхать со двора хлопотать за человѣка, вовсе ему незнакомаго, только потому, что дѣло его было право, и что онъ напрасно претерпѣвалъ угнетенія. Съ какимъ искреннимъ участіемъ входилъ онъ во всѣ нужды, заботы не токмо родныхъ своихъ, друзей и знакомыхъ, но даже всякаго посторонняго лица! Иностранцы, въ Москвѣ поселившіеся, имѣли въ немъ весьма дѣятельнаго и какъбы *привиллегированнаго* покровителя (*). Можно сказать по всей справедливости о Волковѣ, что онъ былъ вѣрный подданный ЦАРЯ своего, почтительный сынъ, нѣжный супругъ, попечительный отецъ, искренній другъ своихъ друзей!

Преданность его къ Престолу, постоянная любовь къ трудамъ и занятіямъ, совершенное

(*) Живши въ чужихъ краяхъ, А. А. Волковъ имѣлъ безпрестанно случаи пожинать плоды за добро, сдѣланное имъ въ Россіи иностранцамъ. Къ нему являлись всюду (особенно-же въ Парижѣ) люди, имъ облагодѣтельствованные, обласканные, или родственники ихъ, для принесенія своей благодарности и для предложенія ему взаимно услугъ своихъ.

Digitized by Google

знаніе многихъ языковъ, необыкновенная дѣятельность, природный отличный умъ, всѣ сіи качества содѣлывали Волкова полезнымъ, драгоцѣннымъ для службы. Обществу служилъ онъ также истиннымъ украшеніемъ, ибо имѣлъ нравъ кроткій, сердце доброе, былъ почти всегда въ веселомъ расположеніи духа, любилъ музыку, танцы, театръ и всякаго рода увеселенія. Видѣть около себя людей довольныхъ, ликующихъ, было для него истинное наслажденіе. Волковъ славился въ Москвѣ своимъ хлѣбосольствомъ. При весьма посредственномъ состояніи, онъ жилъ всегда открытымъ домомъ, былъ во всякое время радъ гостямъ; даже въ молодости своей наблюдалъ онъ всегда отличный порядокъ въ дѣлахъ своихъ, и имѣлъ маленькое свое хозяйство, которое охотно раздѣлялъ съ товарищами своими по полку и съ знакомыми.

Волковъ имѣлъ въ обхожденіи своемъ какую-то особенную ласку, радушіе и ловкость, которыя тотчасъ сближали съ нимъ всякаго, такъ что при второмъ съ нимъ свиданіи, новый знакомый почиталъ себя какъ-бы давнишнимъ его пріятелемъ. Посему не должно удивляться, ежели живши столь долго въ Москвѣ безвыѣздно, онъ имѣлъ счастіе снискать все-

Digitized by Google

общее уваженіе и любовь. За оказываемыя имъ услуги не требовалъ онъ возмездія и не жаловался на неблагодарность другихъ; но за то самъ никогда не забывалъ сдѣланнаго ему добра (*). Конечно, послѣднія минуты жизни Волкова были сладки для него, ибо входя въ совѣсть свою, онъ былъ чуждъ упрековъ ея и могъ себѣ говорить: «Мнѣ ввѣрено было мно«го власти, но я не употребилъ ея во зло; я «дѣлалъ добро кому только могъ, и не мстилъ «за зло мнѣ сдѣланное!»

Въ несчастныя двѣ эпохи: нашествія Французовъ и свирѣпствованія холеры въ Москвѣ,

---

(*) Пользуясь минеральными водами въ Франценбруннѣ, онъ священнымъ для себя счелъ долгомъ поѣхать нарочно въ Монпелье, гдѣ скончался въ 1801 году извѣстный въ Россіи заслугами своими и познаніями, Вице-Адмиралъ Сергѣй Ивановичь Плещеевъ, любившій нѣжно Волкова съ самаго его дѣтства, и занимавшійся его образованіемъ. Въ семъ столь отдаленномъ отъ Отечества мѣстѣ, благодарность заплатила дань за нѣжныя, истинно отеческія попеченія. Волковъ воздвигнулъ надъ могилою благодѣтеля своего монументъ, на коемъ всякой Рускій прочтетъ съ удовольствіемъ, описаніе заслугъ и душевныхъ качествъ добродѣтельнаго С. И. Плещеева.

Digitized by Google

Волковъ являлся всюду истиннымъ утѣшителемъ несчастныхъ. Много былъ онъ тогда полезенъ страждущему человѣчеству; но по краткости сей біографіи мы не войдемъ въ подробности всѣхъ добрыхъ его дѣлъ. Похороны Волкова были гласною, не льстивою наградою за оныя. Стеченіе на семъ печальномъ обрядѣ было необычайное; продолжительно было прощанье съ бренными его останками, ибо всякой хотѣлъ поцѣловать въ послѣдній разъ руку благодѣтельнаго сего человѣка. Тѣло было отпѣваемо въ приходѣ Троицы въ Троицкой, что на Самотечномъ прудѣ, и поставлено на богатоубранную колесницу; гробъ отъ дома до церкви несли на плечахъ своихъ родные его и друзья, а оттуда до монастыря поддерживали оный жандармскіе офицеры. Два полка и пять пушекъ слѣдовали за покойникомъ; двѣ музыки играли поперемѣнно печальные марши. Погода была ясная, къ тому-же и день воскресный: число людей, сопровождавшихъ печальную церемонію, безпрестанно увеличивалось, по мѣрѣ какъ оная подвигалась впередъ, такъ что когда колесница прибыла къ Симонову монастырю, гдѣ тѣло было предано землѣ, то вѣрно было тутъ тысячи три народа. Тротуары и окны были усѣяны людьми, на лицахъ коихъ изображалась скорбь. Всякой, перекрес-

Digitized by Google

тясь, молилъ Бога о поданіи усопшему вѣчнаго покоя въ царствѣ небесномъ! Когда тѣло было опущено въ могилу, то стоявшими около монастыря войсками и артиллеріею произведена была ружейная и пушечная пальба.

А. А. Волковъ былъ женатъ на дочери покойнаго Дѣйств. Каммергера Александра Яковлевича Римскаго-Корсакова, Софьѣ Александровнѣ. Кто только хотъ одинъ разъ былъ въ Москвѣ, конечно наслышался о рѣдкихъ ея достоинствахъ; но чтобы столь свято выполнять всѣ обязанности жены и матери, надобно имѣть тѣ твердыя Христіанскія правила, то ангельское терпѣніе, ту необыкновенную твердость, коими одарена сія добродѣтельная женщина. Попеченія, оказанныя ею мужу во все время тяжкой и продолжительной его болѣзни, превыше всѣхъ похвалъ. Казалось, что нѣжность ея пола не въ силахъ перенести подобныхъ заботъ и трудовъ, но чего неспособна превозмочь истинная, горячая любовь! (*) Семей-

(*) Сочинитель біографіи сей увѣренъ, что при всей искренней дружбѣ къ нему Софіи Александровны, она будетъ весьма на него негодовать за все сказанное здѣсь о ней. Онъ знаетъ скромность ея и про-

Digitized by Google

ство Волкова многочисленно: онъ оставилъ четырехъ сыновей и пять дочерей; старшій сынъ Павелъ офицеромъ въ Семеновскомъ полку, а прочіе три получаютъ образованіе частію въ казенныхъ заведеніяхъ, а частію дома.

Россію часто упрекаютъ въ невѣжествѣ и даже варварствѣ. «Всѣ Государства слѣдуютъ быстрыми шагами направленію вѣка; всѣ народы подвигаются къ совершенству; Рускіе одни чуждаются просвѣщенія, оставаясь неподвижными на Азіятской своей границѣ»... Таковы риторическія фигуры, введенныя въ моду Европейскими либералами и безпрестанно ими повторяемыя, не токмо въ разговорахъ, но и въ сочиненіяхъ ихъ; но Рускіе столь-же равнодушны къ упрекамъ, какъ и къ совѣтамъ новыхъ мудрецовъ и преобразователей народовъ... Оставьте Рускихъ въ счастливомъ ихъ заблужденіи... Рускіе сохраняютъ теплую вѣру своихъ предковъ; Рускіе, храмы свои посвящаютъ Единому Богу, а не тлѣннымъ тварямъ, мо-

---

сятъ у нея извиненія, но утѣшаетъ себя мыслію, что онъ не былъ ослѣпленъ привязанностію своею ни къ ней, ни къ покойному ея мужу, и что говорилъ истинную правду, въ чемъ смѣетъ ссылаться на всѣхъ жителей Москвы.

Digitized by Google

гуществомъ Его сотвореннымъ... У Рускихъ нѣтъ Пантеоновъ, воздвигаемыхъ великимъ мужамъ благодарнымъ Отечествомъ; но за то похороны ихъ соотвѣтствуютъ священной цѣли, для которой установлены, и не служатъ поводомъ къ шуму, безпокойствамъ и кровопролитію. На похоронахъ Волкова были и жандармы и полиція, но не для того чтобы разгонять саблями бунтующій народъ, а чтобъ съ нимъ вмѣстѣ соединясь, оплакивать и съ благоговѣніемъ сопровождать прахъ достойнаго человѣка. И когда размыслимъ, что человѣку сему ввѣрены были должности важныя, что по обширной власти, коею онъ былъ облеченъ, онъ могъ обносить ближняго, судить пристрастно, рѣшать скоро и обвинять несправедливо, то тутъ невольно должны мы воздать должную и равную похвалу какъ кротости Начальника, такъ и признательности жителей большаго, столичнаго города.

А. Б.

Digitized by Google

ЖИВОПИСЕЦЪ.

(Окончаніе.)

Не знаю: испытывали-ль вы, когда вы любили— *любили-ль вы?* надобно спрашивать прежде всего въ наше время — если вы любили, узнали-ль вы ню тягостное, терзательное чувство, какое меня мучило и мучитъ въ моей несчастной участи? При совершенномъ уничтоженіи какомъ-то, при какомъ-то странномъ состояніи, въ которомъ я существую, живу, дышу, мыслю— только моею любовью— это чувство лишило меня всякой радости, всякихъ наслажденій во всемъ другомъ. Оно убило у меня все, потому, что я отвергаю, отталкиваю отъ себя все, все, что *не оно*, не это чувство, не любовь моя! О, какъ-бы все возвысилось, разцвѣло, ожило передо мною, когда-бы любовь моя была счастлива, увлажала глаза мои слезами радости; когда-бы она была хоть трескучимъ, дикимъ, но взаимнымъ пламенемъ, въ которомъ я сгаралъ-бы *самдругъ*...

Digitized by Google

Нѣтъ этого! Я горю, шлѣю одинокій, медленно, тяжко; и за всѣмъ тѣмъ, какъ святотатство, отвергаю я все, что *не она!* Тяжкимъ престуиленіемъ кажется мнѣ самая легкая мысль, хоть на минуту, хоть иногда, забыть любовь мою! Не думаете-ли вы, что въ то-же время порывы ко всему другому исчезаютъ въ душѣ моей? Бѣдствіе, гибель мою составляетъ то, что нѣтъ: они не исчезли! Я, какъ рабъ, лишенный воли, не смѣю только предаться имъ; и—теперь едва-ли уже не отвыкъ отъ увлеченія ими. Но эти порывы: мысль о славѣ, пытливость ума, мечты художника— все это гнѣздится въ душѣ моей, все это превратилось въ змѣй шипучихъ, которыя не даютъ мнѣ покоя, лишаютъ меня сна, дѣлаютъ мнѣ горькими каждую мысль, каждое дыханіе; я душу ихъ— они снова оживаютъ, и шипятъ еще сильнѣе, дѣлаются еще ядовитѣе! Я униженъ, и—*понимаю* свое уничиженіе—вотъ мука моя! Этого мало: *понимаю*, но не хочу, если-бы и могъ, *не хочу* вырваться изъ сѣтей бѣдственной моей страсти! Испытали-ль вы это состояніе? Согласитесь-ли вы, что сумасшествіе лучше, лучше, легче этого состоянія? Это адъ по доброй волѣ, изъ котораго страдалецъ не хочетъ выйдти, потому, что въ немъ оставитъ онъ грѣшника, которому судьба опредѣлила вѣкъ мучиться въ этомъ аду; но съ

Digitized by Google

этимъ грѣшникомъ онъ не разстанется за райскія наслажденія!

Три дня тому— предчувствовалъ-ли я, что это будетъ роковой день рѣшенія судьбы моей!— три дня тому, я пришелъ къ Вѣринькѣ. Ея не было дома. Дня съ два я не видалъ ея. Прощаясь съ нею въ послѣднее свиданіе, я замѣтилъ въ ней, въ первый еще разъ, какое-то усиленное ко мнѣ вниманіе, какое-то необыкновенное волненіе души. Она такъ уныло, внимательно смотрѣла на меня; рука ея, забытая, оставалась въ рукѣ моей; грудь ея трепетала; глаза наполнялись слезама. Казалось, что ее тяготитъ какая-то тайна; казалось, что она трепещетъ, какъ-бы тайна эта не открылась. Нѣсколько разъ она останавливала меня, когда я хотѣлъ идти. «Что съ вами, Вѣринька?» спрашивалъ я, изумленный, встревоженный. — Ничего! — отвѣчала она, и едва не плакала, и никогда глаза ея не выражали столь много! Все это дало мнѣ запасъ счастья на два дня, но ужасно безпокоило меня. Теперь, меня встрѣтилъ отецъ ея. Онъ былъ одинъ и задумчивъ. Разговоръ нашъ вертѣлся на пустякахъ, и перерывался безпрестанно. Невольный ужасъ овладѣлъ мною. «Всѣ-ли у васъ здоровы?» спросилъ я. — Всѣ — былъ холодный отвѣтъ его. «Но гдѣ-же»...

Digitized by Google

промолвилъ я, и не могъ докончить.—Не о Вѣринькѣ-ли ты спрашиваешь?—спросилъ старикъ. Я могъ только наклонить голову въ знакъ подтвержденія.— Ея нѣтъ! — отвѣчалъ онъ. «Что это значитъ?» воскликнулъ я.— Она уѣхала изъ Петербурга, въ деревню къ тетькѣ; и, признаюсь тебѣ, разлучась съ нею въ первый разъ въ жизни, я грущу и печалюсь, какъ будто сердце потерялъ!

Онъ *сердце* потерялъ! А *я* что-же потерялъ, я?— Никогда прежде мысль о *разлукѣ* не представлялась мнѣ. Иногда съ ужасомъ воображалъ я, что Вѣринька можетъ принадлежать другому; но— разстаться съ нею, и такъ нежданно, и не слыхавъ отъ нея ни одного слова, не слыхавъ даже милаго, унылаго: *до свиданья!*... Мнѣ казалось, что кости мои затрещали въ суставахъ... Но это было только начало пытки....

«Видя въ тебѣ добраго друга нашего дома,» продолжалъ старикъ, очень хладнокровно—онъ не выдержалъ болѣе своей тайны— «не стану скрывать отъ тебя, любезный другъ Аркадій, что меня занимаетъ теперь весьма важное семейное дѣло»...

—Если вонзать ножъ въ сердце, такъ вонзай его глубже, быстрѣе, и сильно поверни потомъ— думалъ я—иначе можешь ошибиться въ

Digitized by Google

ударѣ: только измучишь человѣка, а не зарѣжешь. За что-же мучишь? Лучше убей съ одного раза. — Я предчувствовалъ, что̀ хочешъ говорить старикъ! Откуда было это предчувствіе—не понимаю. Боясь, что упаду, крѣпче сѣлъ я на диванъ, и придвинулся къ самой спинкѣ его.

— Ты догадываешься, любезный Аркадій, что я хочу говорить тебѣ о судьбѣ Вѣриньки. Ей открывается *прекрасная партія*. Думаю только и не придумаю, какъ мнѣ быть? Конечно: человѣкъ хорошъ, молодъ, состояніе у него будетъ отличное; ну, и любовишка замѣшалась шутъ: Вѣринька ему очень нравится. Онъ такъ и говоритъ, что любитъ ее, и надѣется видѣть въ ней добрую жену и мать; даже не требуетъ за нею никакого приданаго. Я, признаться, ничего и не могу дать за дочерью, кромѣ этого домишка. Мнѣ-бы такъ хотѣлось однакожъ, чтобы зять мой поселился со мною. А онъ говоритъ, что этотъ домъ для него малъ. . . .

« Вы ужь успѣли съ нимъ переговорить обо всѣхъ этихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ? »

— Какъ-же, братецъ; надобно дѣлать дѣло порядкомъ. У меня главное затрудненіе въ томъ: какъ мнѣ разстаться съ дочерью, и какъ опять бросить этотъ домъ? Конечно, можно

Digitized by Google

отдашь въ наймы, а самому переселишься къ зятю; но жаль постояльцамъ отдашь домъ, который готовилъ я для себя, и такъ хорошо отдѣлалъ и устроилъ. Опять и то, что человѣкъ-то славный! Ты его знаешь: вы съ нимъ друзья; онъ мнѣ самъ сказывалъ.

«Кто онъ такой?» Старикъ назвалъ его: это былъ дуракъ, долговязый молодой человѣкъ, давно ходившій къ отцу Вѣриньки, и надъ которымъ я всегда безжалостно смѣялся.

«Онъ лжетъ, что мы съ нимъ друзья!» вскричалъ я съ негодованіемъ.

— Какъ-же такъ? А онъ еще хотѣлъ заказать тебѣ порогъ Вѣриньки, если дѣло у насъ сладится!

О позоръ! о униженіе! Я готовъ былъ рвать на себѣ волосы, и чувствовалъ что вся кровь моя клокочетъ и пѣнится. Но чрезъ минуту, мысль: долговязый мой счастливый соперникъ— показалась мнѣ столь смѣшною, что я думалъ, не шутитъ-ли старикъ?...

— Совсѣмъ не зналъ я, что онъ женихъ вашей дочери.... никогда этого и не думалъ....— сказалъ я, едва не засмѣявшись.

«И я не думалъ—отвѣчалъ съ важностью старикъ.—Онъ всегда казался мнѣ славнымъ малымъ, и я замѣчалъ, что онъ ластится къ Вѣринькѣ.

Digitized by Google

Но только съ недѣлю тому, онъ получилъ письмо, гдѣ увѣдомляютъ его, что старикъ дядя скончался у него: пять сотъ душъ въ Калугѣ. Состояніе, братецъ, прекрасное! И вообрази ты себѣ, что ужь моя дочь ему-бы и не пара, а первое дѣло его было, что онъ пришелъ ко мнѣ, и сдѣлалъ предложеніе. И только тутъто узналъ я, что онъ давно въ Вѣриньку влюбленъ!»

— Но мнѣ всегда казалось, что онъ очень глупъ.

«Нѣтъ! что ты! Преобразованный вѣдь онъ. Застѣнчивъ немного, но отъ этого исправится. Да я и не зналъ, что ты его не любишь?

Не постигаю, какъ я остался живъ, и какъ не наговорилъ чего нибудь безумнаго! Видно, что человѣкъ можетъ быть живущъ, и переносливъ притомъ, если захочетъ! «Право, братъ Аркадій, въ большомъ я затрудненіи!» продолжалъ старикъ, ходя по комнатѣ. «Какъ ты думаешь?»

Я думалъ: если это не глупая шутка, то не испытаніе-ли, не желаніе-ли шутливо сказать мнѣ, что онъ отдаетъ мнѣ Вѣриньку.... Но къ чему-же такая нелѣпая шутка?...Ахъ! это была ужасная истина!

— Гдѣ теперь вашъ будущій зять? — спросилъ я, самъ не зная для чего.

Digitized by Google

« Уѣхалъ, братецъ, вчера, для устройства дѣлъ, принятія наслѣдства, и прочаго, и ворошится уже зимою. »

— Черезъ полгода?

« Да. »

— И дочь ваша ворошится отъ тетушки черезъ полгода?

« Да; но что ты вдругъ поблѣднѣлъ? »

— Слѣдственно, ихъ останется тогда только обвѣнчать?

« Нѣтъ! еще дѣло такъ далеко не дошло! »

— Какъ-же! Вѣдь вы согласны?

« Охотно; но Вѣринька что-то....

— Ангелъ Вѣринька! Скажите, ради Бога: она отказала?

« Нѣтъ, не отказала.... Но что ты, опять покраснѣлъ, братъ Аркадій? И къ чему приплелъ ты имя ангела къ Вѣринькѣ? Э! э! любезный Аркадій, что̀ все это значитъ? Неужели.... »

— Вѣринька ваша еще свободна?

« Да, потому, что я не добился отъ нея отвѣта. Дѣвичій отвѣтъ, обыкновенно бываетъ—слезы! Но она не отказала—она просила только меня отсрочить; а потомъ умоляла отпустить ее къ тетькѣ. Такъ женихъ, безъ рѣ-

Digitized by Google

шенія, съ однимъ моимъ словомъ, что я согласенъ, но *принуждать* моей дочери не стану — уѣхалъ, и дѣло отложено.»

— И такъ она не согласна? А вы не станете ея принуждать, почтенный, добродѣтельный человѣкъ? — вскричалъ я, вскочивъ съ своего мѣста.

«Избави меня Богъ!»

— Вы отдадите дочь вашу человѣку, который ее любитъ, котораго она сама любитъ, съ которымъ она будетъ счастлива, блаженна?—продолжалъ я, крѣпко обнявъ старика.

Едва освободившись отъ моихъ объятій, старикъ принялъ угрюмый видъ. «Во-первыхъ, такъ по-чертовски не обнимаютъ добрыхъ людей; а во-вторыхъ, что̀ это такое значитъ, братъ Аркадій? Или и ты въ женихи себя ладишь Вѣринькѣ?

Я окаменѣлъ, и старался разгадать по выраженію голоса, что̀ такое хочетъ сказать старикъ?

«Любезный!» продолжалъ онъ. «Мы люди старые; этой любовной вашей дребедени не знаемъ. Что̀ ты наговорилъ мнѣ о счастьи, о любви, о чемъ еще.... Аркадій братъ! я этого не замѣчалъ прежде — это нехорошо, нехорошо!»

Digitized by Google

— И такъ всякому позволяется любить Вѣриньку вашу, только не мнѣ?

« Любить всякому?... Она ничего не знаетъ обо всемъ этомъ вздорѣ?

Я молчалъ. « Знаетъ? Это не хорошо!» сердито вскричалъ старикъ. « Помнишь-ли ты анекдотъ въ *Письмовникѣ*, что одинъ кавалеръ спрашивалъ у дѣвушки: какъ, сударыня, пройдти къ вашей спальнѣ? « Черезъ церковь,» отвѣчала она.

Негодованіе овладѣло мною. Я съ жаромъ началъ говорить о несправедливости низкаго подозрѣнія, о томъ, что любовь моя была чистое, святое чувство; но я не могъ сказать старику, будто Вѣринька не знала о моей любви.... Ахъ! она слишкомъ знала о ней!

« И ты ей признался, чай по-рыцарски, по-каршинному, на колѣняхъ? »

— Нѣтъ! я молчалъ!

« Какъ-же она могла знать всѣ эти пустяки, когда ты посылалъ къ ней посла нѣмаго съ грамотою неписаною? Вотъ я, напримѣръ: ты не говорилъ, и я совсѣмъ этого не замѣтилъ. Мало-ли васъ увивалось вокругъ Вѣриньки. Правда, вѣдь дѣвушки иногда объясняются безъ словъ, какъ-то глазами.... Неуже-

Digitized by Google

ли это было причиною ея слезъ, ея отказа, ея отъѣзда? Глупо! Для чего она мнѣ объ этомъ не говорила!»

— Что-же вы сдѣлали-бы, если-бъ она сказала?

«Я отвѣчалъ-бы ей».... Старикъ сердито ходилъ по комнатѣ. «Тогда-бы я подумалъ, что говорить; а теперь, какъ ничего не сказано, такъ мнѣ и говорить нечего.

— Но я вамъ говорю теперь это.

«Т. е. что Вѣринька тебя любитъ?

Боже! мысль, въ которой нѣсколько лѣтъ не смѣлъ я отдать самъ себѣ тайнаго отчета, онъ сжалъ эту мысль, объемлющую все мое бытіе, въ одинъ вопросъ, и сказалъ ее въ видѣ допроснаго пункта, тремя холодными словами....

«Да говорите-же, Аркадій Ивановичъ! Тутъ ужъ молчать не время.»

— Не знаю! — промолвилъ я, едва не задыхаясь отъ горести.

«Ну, такъ дѣло-то видно все пустяки: обыкновенное глазѣнье молодежи другъ на друга. Я такъ и надѣялся на тебя, любезный Аркадій, что ты честный человѣкъ, что ты истинный другъ мой. Женщины народъ слабый; мужчины должны беречь ихъ.

Digitized by Google

— Я посвящу всю жизнь мою на то, чтобы беречь ее!

«Да говори же толкомъ: чего ты отъ меня хочешь?»

— Отдайте мнѣ Вѣриньку! вскричалъ я, едва держась на ногахъ.

Старикъ, молча, сѣлъ на диванъ, и уперся ногтемъ въ зубы.

— Отецъ мой!

«Я, сударь, вамъ, во-первыхъ не отецъ, а во-вторыхъ—дайте мнѣ подумать.»

— Подумайте! — сказалъ я, и пошелъ вонъ, самъ не зная куда. Я не показалъ признаковъ сумасшествія передъ отцомъ Вѣриньки—но видите, каковъ я теперь! А этому уже прошло три дня! Не спрашивайте у меня ничего: ни о томъ, что было со мною въ эти три дня; ни о томъ, что я предпринимаю въ будущемъ!

Аркадій кончилъ свое повѣствованіе. Я ничего не совѣтовалъ ему; но притворился любопытствующимъ узнать разныя подробности о благодѣтелѣ его, объ Училищѣ Живописи, объ Иконописаніи; увлекъ его въ посторонній разговоръ; сталъ съ нимъ читать. Семенъ Иванычъ поглядывалъ въ дверь, съ радостною улыбкою, видя, что мы разговариваемъ спокойно. Я ушелъ, когда уже было утро. Съ несчаст-

Digitized by Google

ными надобно обходиться какъ съ больными, а Аркадій былъ истинно несчастливъ.—На другой день, едва проснулся Аркадій, я былъ уже у него, съ наемною коляскою, и предложилъ ему ѣхать верстъ за 30-ть отъ Петербурга. Это казалось ему непріятно; но онъ промолчалъ и согласился. Я не давалъ ему покоя; ничего не спрашивалъ у него; видѣлъ, о чемъ хотѣлось ему говорить, и удалялъ этотъ разговоръ. Мы проѣздили сутки двои; я уговорилъ его потомъ ѣхать со мною на Финляндскія каменоломни.

Грустно, больно было мнѣ смотрѣть на Аркадія во все это время, тѣмъ болѣе, что я не понималъ еще и самъ, какъ пособить ему. Но первый переломъ его душевной скорби прошелъ. Когда мы воротились въ Петербургъ, Аркадій самъ предложилъ мнѣ лекарство для больной души его.

Великъ запасъ жизни, дарованный Провидѣніемъ человѣку! На утлой доскѣ выплываетъ человѣкъ съ развалившагося, избитаго волнами корабля, къ безплодному утесу; недѣлю живетъ потомъ на этомъ утесѣ, голой скалѣ, которую едва не заливаютъ волны разъяреннаго моря, едва не сокрушаютъ удары буйныхъ валовъ, живетъ подъ свистомъ бурь, огнемъ молній, и — уцѣлѣваетъ! Небо прояснивается;

Digitized by Google

волны утихаютъ; голодъ и жажда томятъ, но не умерщвляютъ его, и надежда не перестаетъ гнѣздиться въ сердцѣ страдальца! И наконецъ, она спасаетъ его! Такъ и въ нравственномъ мірѣ.

«Почтенный другъ мой!» сказалъ мнѣ Аркадій, когда мы по пріѣздѣ нашемъ отдыхали вечеромъ, въ его мастерской. «Чѣмъ могу изъявить вамъ благодарность мою? Неужели вы думаете, я не вижу, не понимаю ничего, что вы для меня дѣлаете?

Я пожалъ ему руку.

«Я заплачу вамъ тѣмъ, что къ стараніямъ вашимъ спасти меня, самъ приложу всѣ старанія. Будь, что будетъ! Назначено-ли мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, проявить что нибудь въ будущемъ, или ничтожно погибнуть — будь, что будетъ! Всего болѣе страшитъ меня какое-то мрачное предчувствіе — и я вѣрю ему: ничтожество мой удѣлъ на землѣ! Гордыя мечты мои погаснутъ безплодно; великія думы мои убьетъ безжалостная судьба. Она зарѣжетъ меня перочиннымъ ножикомъ, а не убьетъ громомъ! Но я погибну тогда только, когда истощу всѣ силы въ борьбѣ съ нею. Вотъ вамъ моя рука и клятва!»

— Принимаю ее, Аркадій, и даю тебѣ мою клятву: все, что отъ меня зависитъ, упо-

Digitized by Google

требить для твоего спасенія! Ты не знаешь себѣ цѣны, душа сильная!

— Сильная! Мнѣ кажется, что я точно могъ-бы что нибудь сдѣлать.... Скорѣе опытъ силъ моихъ, и — почему знать? Можетъ быть этимъ опытомъ я возвращу себѣ все? Это и была первая мысль моя, когда я узналъ рѣшеніе моей судьбы! Мысль, внушенная моимъ Ангеломъ хранителемъ, подкрѣпи меня!... Только-бы продышать мнѣ какъ нибудь.... Въ будущемъ году назначена Выставка.... Мой *Прометей*, идея, которую такъ давно и тяжко носилъ я въ груди моей—да, эту идею изображу я имъ! И когда восторгъ зрителей, голосъ народный, собственное мое убѣжденіе, скажутъ имъ, что я *первый* между ними—не завидно первенство между пигмеями, но гдѣ-же земля исполиновъ?— тогда отецъ ея повѣритъ.... хоть тому повѣритъ, что я могу пропитать голову мою, и жену мою.... А она меня любитъ, у нея достанетъ силъ сказать: *онъ или никто!*

На другой день я засталъ Аркадія за работою. Вдругъ ожилъ онъ, и совершенно измѣнился! Опять казался онъ тихъ, спокоенъ, веселъ. Вмѣсто отдыха, онъ ходилъ въ Главное Училище Живописи. Тамъ не любили, но боялись его, и не смѣли отказать ему въ льстивой ласкѣ и притворномъ расположеніи. Воз-

Digitized by Google

врашившись домой, Аркадій рисовалъ каррикатуры на учителей Главнаго Училища. Многія были забавны. Не описываю ихъ. Иного стоило только нарисовать вѣрнѣе, то выходила каррикатура превосходная.

Въ это время, къ большой досадѣ моей, мнѣ надобно было ѣхать, для справокъ по моему дѣлу, въ Москву, въ Симбирскъ. Я отправился. Аркадій далъ мнѣ слово писать, и не написалъ ни одного письма. Отлучка моя продолжилась. Мысль объ участи Аркадія безпрестанно тревожила меня. Впрочемъ, одинъ общій нашъ знакомый увѣдомлялъ меня, что видается съ Аркадіемъ, и что онъ здоровъ. Почти первое дѣло мое было, по пріѣздѣ въ Петербургъ, послать къ Аркадію. Онъ прибѣжалъ, опрометью, вмѣстѣ съ моимъ посланнымъ, и, къ изумленію моему, веселый, радостный. Извиненія въ неписаньи писемъ, распросы о здоровьѣ, были непродолжительны. Какое непостижимое смѣшеніе противоположностей можетъ быть въ человѣкѣ!

— Не буду разсказывать вамъ, какъ провелъ я все это время — говорилъ Аркадій. — Я кончилъ моего Прометея, и *доволенъ* имъ: вотъ все! Завтра приходите ко мнѣ, почтенный другъ мой, въ 12-ть часовъ утра. Знаете-ли, кого вы увидите у меня? Вѣриньку и отца ея!

Digitized by Google

« Какъ-же это, Аркадій ? »

— О! не думайте слишкомъ многаго ! — Аркадій засмѣялся. — Я не былъ у старика болѣе полугода. Онъ самъ не заходилъ ко мнѣ, и — что̀ за странный человѣкъ! обрадовался увидѣвъ меня. Я ни слова не говорилъ ему о прошедшемъ. Казалось, онъ былъ радъ этому, и изъявлялъ мнѣ большую дружбу. Мы были, какъ будто старые пріятели, которые не говорятъ ничего о временной размолвкѣ. Недѣля тому, Вѣринька возвратилась. Она пріѣхала въ тотъ самый день, когда для моего Прометея принесли мнѣ золотую раму. Это счастливый знакъ; притомъ-же это случилось во Вторникъ, и 14-го числа—признаки хороши! Я только всего разъ и видѣлся съ Вѣринькою. Она похудѣла немного, но—чудный, настоящій ангелъ! Мы говорили мало, но — она меня любитъ ! Видно, что глупое сватовство не состоялось : нашъ *пятисотный* женихъ не ѣдетъ, ха, ха, ха !—Черезъ три дня открываютъ Выставку картинъ. Я просилъ старика придти ко мнѣ, посмотрѣть, что̀ я приготовилъ на Выставку.... Ахъ! почтенный другъ мой !.. — Аркадій въ восторгѣ обнималъ меня.

— Предупреждаю васъ, что я перемѣнилъ квартиру, и живу теперь на *** улицѣ.

« Какъ? На той-же самой улицѣ... »

Digitized by Google

— Гдѣ живетъ она. Могъ-ли-бы я пережить столько времени, если-бъ не глядѣлъ хоть на тотъ домъ, гдѣ нѣкогда видалъ ее!.. Впрочемъ, эта квартира гораздо удобнѣе прежней....

«Чего-же теперь хочешь ты, чего ждешь ты, Аркадій?»

— *Счастья.* Дайте, я запишу вамъ новый мой адресъ! — Онъ убѣжалъ. «*Счастья!*» прошепталъ я; сердце мое сжѣснилось...

Случалось-ли вамъ видать, какъ молодаго, неженатаго, но живущаго своимъ маленькимъ хозяйствомъ мужчину, посѣщаетъ семейство, въ которомъ есть *одна*, для которой приглашеніе его было сдѣлано? Это мило и любопытно видѣть! Сколько тутъ бываетъ мечтаній, приготовленій, робкаго любопытства! Хозяинъ показываетъ подробности своего хозяйства; старики думаютъ, что онъ для нихъ только заботится и дѣлается любезнымъ, услужливымъ; *она* понимаетъ истинную цѣль услугъ; тихо мечтаетъ о томъ: какъ можно-бъ было устроить здѣсь, поправить тамъ, быть счастливою въ этомъ тихомъ убѣжищѣ. А онъ, неловкій хозяинъ, попадаясь безпрерывно подъ дружескій выговоръ стариковъ, даетъ разумѣть, что у него *нѣкому* хозяйничать. Наконецъ, уговариваютъ *ее* приняться разливать

Digitized by Google

чай, управлять, распоряжать. Краснѣютъ, спрашиваютъ, хозяйничаютъ... Это прелесть! И сколько послѣ того бываетъ воспоминаній! *Здѣсь* она сидѣла; *тамъ* глядѣла; *тамъ* останавливалась; *тамъ* сказала то-то....

Новая квартира Аркадія была въ самомъ дѣлѣ лучше и обширнѣе прежней; новая мебель украшала комнаты. Семенъ Иванычъ ходилъ торжественно, одѣтый въ старой свой, праздничный фракъ; весело и значительно посмѣивался онъ, и кивалъ мнѣ головою. Едва пришелъ я, какъ жданые гости появились на улицѣ. Ихъ, разумѣется, ожидали нетерпѣливо, побѣжали къ нимъ на встрѣчу: вѣдь надобно было показать имъ дорогу. Шутливыя восклицанія старика отца слышны были изъ передней. Въ первый разъ увидѣлъ я тогда Вѣриньку и отца ея.

Объ немъ вамъ нечего говорить много: одно изъ тѣхъ созданій, которыхъ называютъ *добродушными весельчаками* — нѣчто не злое, не слишкомъ умное, кругловатое по наружности, веселое, отъ нечего дѣлать душѣ и сердцу, шутливое безъ остроумія, смѣющееся каждой своей шуткѣ, способное и плакать, когда бываетъ какое нибудь горе. Но *она?*

Разрушать-ли мнѣ очарованіе моихъ чита-

Digitized by Google

шельницъ, если онѣ уже создали себѣ идеалъ Вѣриньки? Или взяшь на совѣсшь грѣхъ, и увѣришь ихъ, чшо въ Вѣринькѣ были всѣ совершенсшва, чшо она была совершенная красавица? Ни шо, ни другое. Вы знаеше Русскую пословицу: «*Не по-хорошу милъ, а по-милу хорошъ*. Эша пословица—разрѣшеніе психологической задачи, о шомъ, чшо намъ *нравится* и *не нравится*, чшо мы *любимъ* и *ненавидимъ*. Кронебергъ, разрѣшая сшранную задачу любви, говоришъ, чшо въ жизни человѣческой бываюшъ мгновенія, когда душа вспыхиваешъ молніей прекраснаго, и проникаешъ сквозь свою шемную, вещесшвенную оболочку. Въ шо-же самое мгновеніе, когда одна душа шакимъ образомъ являешся въ міръ, подглядываешъ ее другая душа, и узнаешъ въ ней свое родное, небесное. Разъ освѣщенный эшою молніею души, вещесшвенный образъ человѣка, проявившаго свою душу, оспаешся на вѣки въ душѣ другаго, и уже ни чшо не разрушишъ его — ни время, ни самое безобразіе! Тамъ, гдѣ люди ничего не видяшъ, мы видимъ эшошъ свѣшлый образъ души, проглянувшій для насъ сквозь ничшожную оболочку, и осшавшійся въ нашей душѣ. Для двухъ душъ, свидѣвшихся шакимъ образомъ въ области земнаго изгнанія—чшо шакое *время*, чшо шакое *разсшояніе*? Онѣ знаюшъ шолько одно: *любишь другъ друга*, когда онѣ

Digitized by Google

вмѣстѣ—любить и *радоваться*; любить и *грустить*, когда они розно. Впрочемъ, Вѣринька для всякаго, и не подглядѣвшаго души ея, была милое, прелестное созданіе, цвѣтущее всѣмъ тѣмъ, что даетъ намъ молодость, обладающее многимъ, что остается и послѣ нея. Она не была-бы нигдѣ *замѣткою*; но взоръ вашъ, утомленный блескомъ красоты и изысканности, всегда могъ-бы успокоиться на ея миломъ лицѣ; могъ-бы полюбоваться ея стройными, изящными формами послѣ многихъ красавицъ, которыхъ не захотите любить, и о которыхъ говорите, отворачиваясь: «*Какъ хороша!*» Но идеалъ Аркадія *эта* дѣвушка, *она* идеалъ его, высокаго художника, великой души человѣка, понимающей все ясновидящими очами своими! Я смотрѣлъ на Вѣриньку, понималъ возможность того, что она нравится, но не постигалъ безумія, околдованія моего друга.

Аркадій усадилъ своихъ гостей, и отрекомендовалъ имъ меня. Отецъ крѣпко пожалъ мнѣ руку. Вѣринька взглянула на меня, и тихонько, съ улыбкою, сказала: «Онъ много говаривалъ мнѣ объ васъ!» Голосъ и улыбка были увлекательны; но — увлекательны — не болѣе! Между тѣмъ, старикъ отецъ ея повелъ шумный разговоръ. Надобно сказать, что съ нимъ пришелъ еще какой-то *амато́ръ*, старый

Digitized by Google

гравировальный мастеръ. Тотъ и другой занялись прежде всего водкой и закускою, поставленными на столѣ. Аркадій былъ, какъ будто на иголкахъ, мѣшался, робѣлъ, хотѣлъ скорѣе начать свое торжество.

—Пойдемъ-те смотрѣть поскорѣе мои каршины!—сказалъ онъ наконецъ Вѣринькѣ, шихо.

«Я сама нетерпѣливо хотѣла-бы видѣть ихъ»—отвѣчала она, взглянувъ на меня, и какъ будто говоря —«если, хоть для приличій, вы пойдете съ нами.»

Я всталъ съ своего мѣста. Аркадій схватилъ руку Вѣриньки. «Вы ужь и спѣшите, господа?» сказалъ отецъ Вѣриньки. «Да, нѣтъ, братъ Аркадій: я не разстанусь съ селедкою! Чудо, чудо! Гдѣ ты бралъ? Скажи, сдѣлай милость! Вотъ, сударь, объясню я вамъ о селедкахъ»... продолжалъ онъ, обратясь къ своему товарищу. Я не дослушалъ словъ его, ибо спѣшилъ за нетерпѣливымъ Аркадіемъ. Онъ увлекъ уже Вѣриньку—онъ былъ такъ счастливъ, такъ доволенъ; онъ съ жаромъ прижалъ руку ея къ губамъ своимъ. Легкій румянецъ пробѣжалъ по ея щекамъ; она украдкой взглянула на меня, потомъ на него; нѣжный укоръ изобразился въ ея взорахъ, какъ будто она хотѣла сказать: «Что ты дѣлаешь, безразсудный!» — Милый

Digitized by Google

другъ! дай мнѣ забыться хоть на минуту. Кто ручается даже за будущій часъ? — говорилъ Аркадій, не отпуская руки ея. Вѣринька еще разъ взглянула на меня, выразительно. «Что мнѣ дѣлать съ нимъ, съ этимъ прихотливымъ ребенкомъ — рѣшите сами!» вотъ, что выразилъ взоръ ея.—Онъ хорошо знаетъ меня; онъ мнѣ истинный другъ — говорилъ ей Аркадій. Мы вошли между тѣмъ въ мастерскую Аркадія, отлично прибранную, искусно отѣненную занавѣсами. Тутъ стояло полукругомъ нѣсколько картинъ его и портретовъ. Аркадій оставилъ руку Вѣриньки, и, горделиво сложа руки на груди, хотѣлъ насладиться ея восхищеніемъ.

Тутъ была картина Аркадія: *Іисусъ въ пустынѣ*—желаніе изобразить то, что такъ сильно поражало его въ дѣтствѣ. Но этой картиной Аркадій былъ недоволенъ. И не диво: онъ измѣрялъ ея достоинство по безотчетному идеалу своихъ младенческихъ лѣтъ. Вторая — *чтеніе въ семействѣ*, о которой я уже говорилъ; еще нѣсколько другихъ, и между прочимъ: *Прощанье рыцаря*. Закованный въ желѣзную броню, нѣжно, съ горестью смотритъ паладинъ на милую дѣвушку; печально лежитъ голова ея на груди рыцаря; рука его обхватила станъ ея. Знатокъ увидѣлъ-бы въ этой

Digitized by Google

картинѣ глубокое изученіе Германской Живописи, тщательность въ костюмахъ. Но душа художника не выражалась въ ней вполнѣ: онъ изображалъ чуждое ему — горесть *счастливой* любви; лучше могъ-бы онъ изобразить чувство болѣе странное: наслажденіе любви *несчастной*.—Независимое вдохновеніе можно было замѣтить въ *Клятвѣ Швейцарскихъ вождей*—предметѣ, взятомъ Аркадіемъ изъ Шиллерова *Вильгельма Теля*. Простота, съ какою изображены были тутъ Штауффахеръ, Фурстъ, Мельхталь; толпа разнообразныхъ лицъ; подняты къ небу руки пастуховъ; смѣсь страннаго оружія ихъ; Швейцарская природа окрестъ ихъ — все это было истинно и прекрасно. Художникъ понялъ Поэта. Но весь Аркадій, вся жизнь его, выразились въ его *Прометеѣ*. Идея, которую великій Эсхилъ заключилъ въ своей чудной трагедіи, которую потомъ такъ хорошо выразилъ Байронъ — горделивое презрѣніе воли тирана-Зевеса; величіе духа, превышающее самую Судьбу, и страшное терзаніе вещественное, соединенное съ скорбью объ участи человѣка, съ пророческимъ видѣніемъ, заставлявшимъ Промешея, среди мученій, прорицать гибель Зевеса — все это выражала картина Аркадія. Огромный, кровожадный орелъ, подъемлющійся къ небесамъ; сѣдой Океанъ, угрюмо погружающійся въ бездны моря; дикообразный Эфестъ,

Digitized by Google

держащій въ рукахъ орудіе казни, страшный молотъ свой, и безчувственно смотрящій на оживотворителя людей; природа, содрогающаяся отъ бѣдствій Прометея и гремящей грозы небесной! Это былъ Эсхилъ, переведенный рукою Гёте; міѳъ первобытной Эллады, проникнутый огнемъ всеобъемлющаго Романтизма, событіе Древней Исторіи, описанное въ трагедіи Шекспира... И Аркадій хотѣлъ, чтобы это произведеніе поняли его судьи, его зрители—чтобы это произведеніе поняла Вѣринька!... Бѣдный Аркадій! вѣчно несогласный съ собою, когда люди его понимали и вѣчно непонимаемый ими, если былъ согласенъ съ собою!...

Съ дѣтскимъ любопытствомъ, Вѣринька пробѣжала взоромъ своимъ по всему ряду каршинъ; обратила лорнетъ свой на Прометея и—содрогнулась. Только. Чего-же вы хотите? Она была женщина: ея-ли женской душѣ, жадной наслажденій счастіемъ и радостью, можно было оцѣнить этотъ міѳъ глубокій, этотъ міръ страстей, кипящій огненною лавою, сражающійся съ волнами моря, которыя влились въ разсѣлины горящаго волкана. Взоръ Вѣриньки еще разъ пробѣжалъ по всѣмъ каршинамъ, и она сказала радостно и весело: «*Безподобно! Прелестно, Аркадій!*»—Этимъ словомъ она запла-

Digitized by Google

шила дань своему роду, тому, что она была *женщина!* У нихъ есть слова, которыми выражаютъ онѣ свои безотчетныя чувства, свое ребяческое удивленіе. Таковы были разборы Гётевыхъ и Вернеровыхъ созданій, писанные Г-жею Сталь — это женское: *безподобно, прекрасно!* расшянутое на множество страницъ.

Взоръ Аркадія потемнѣлъ и помрачнѣлъ; руки его крѣпче сжались на его груди. Вѣринька взглянула на него и оробѣла, подошла къ нему, хотѣла взять его руку; онъ не далъ ей своей руки. Въ смущеніи, она отошла къ каршинамъ, и наклонялась къ нимъ, какъ будто разсматривая ихъ; но я видѣлъ, что она хотѣла скрыть свои слезы. Аркадій подошелъ къ Прометею своему, и горящимъ взоромъ, съ какимъ-то яростнымъ негодованіемъ, смотрѣлъ на него — онъ готовъ былъ уничтожить свое созданіе. И какой поэтъ не изорветъ своей поэмы, услыша вдругъ простое, дѣтское: *прелестно!* когда онъ съ восторгомъ читаетъ ее своей подругѣ! Это вода, влитая въ зажженное масло! Онъ въ облакахъ, и думаетъ, что онъ орелъ, а его тянутъ къ землѣ нитью: онъ бумажный змѣй, пущенный съ земли прихотью ребенка. Я не хотѣлъ скрывать своихъ чувствъ отъ Аркадія. «Аркадій!» сказалъ я, «поди, обними меня: ты великій,

Digitized by Google

истинный художникъ!» Эти слова были сказаны мною отъ искренняго восхищенія; они были животворною росою на страждущую душу художника. «Почтенный другъ мой!» воскликнулъ Аркадій, и бросился ко мнѣ. «*Она не понимаетъ!*» шепталъ онъ мнѣ. Тутъ, съ дѣтскою невинностію дитяти, съ жаромъ любящей души, Вѣринька подошла къ нему. Слезы капали изъ глазъ ея, и она не скрывала ихъ. Мгновенно опомнился Аркадій. Онъ схватилъ ея руки, и цѣловалъ ихъ. «Аркадій, mon bon ami!» говорила Вѣринька. — «Зачѣмъ вы требуете отъ меня невозможнаго? Могу-ли я судить и понимать ваши прекрасныя произведенія? Одно, что ихъ *создалъ Аркадій*, вотъ одно, что составляетъ для меня главную — всю ихъ прелесть»...

— Что ихъ создалъ *ты* — скажи мнѣ, Вѣринька—воскликнулъ Аркадій — и ты осчастливишь меня....

«Что ихъ создалъ *ты*,» сказала она, нѣжно улыбаясь сквозь слезы.

О женщины! кто далъ вамъ эту волшебную силу надъ сердцемъ мужчины, эту силу слабости—и какъ умѣете вы пользоваться ею! Аркадій готовъ былъ прижать теперь Вѣриньку, не умѣющую оцѣнять его произведеній, къ

Digitized by Google

груди своей, и забыть своего Прометея, свое искусство, всю вселенную у ногъ ея...

Разговоръ отца Вѣриньки и товарища его послышался въ ближней комнатѣ. Аркадій и Вѣринька опомнились. Онъ пошелъ на встрѣчу гостей; она отошла къ картинамъ, и внимательно смотрѣла на нихъ, хотя я видѣлъ, что она ничего не могла въ нихъ разглядѣть. Ея щеки пылали, грудь волновалась, глаза перебѣгали съ одной картины на другую, въ безпорядкѣ чувствъ и мыслей.

— Ну! управились мы, братъ, съ селедкою, выпили, закусили; давай теперь смотрѣть картины!—говорилъ отецъ Вѣриньки.—Да вѣдь мы по-художнически, по-ученому смотрѣть будемъ! Ставь сюда кресла — шакъ! Надобно выбрать настоящій point de vue! Хорошо! Эта картина невыгодно поставлена— а еще самъ художникъ ставилъ! Ближе ее къ окошку, чтобы лучше былъ свѣтъ. Отойди, Вѣринька! что ты знаешь!

«Отойдемъ-те, сударыня,» сказалъ смѣясь Аркадій. «Васъ исключаютъ изъ числа знатоковъ, а я теперь не имѣю права судить.» Онъ сталъ съ Вѣринькою въ сторонѣ, и шихо пожималъ ея руку.

— Начнемъ съ начала: съ рамъ. Что это у васъ нынче пошли въ моду эти готическія ра-

Digitized by Google

мы, плоскія, пестрыя? То-ли дѣло прежнія, съ бусами и сухариками, имѣвшія болѣе *эффекта!* Хорошо, хорошо! Только терпѣть я не могу этой темной Нѣмецкой Живописи! Тутъ облака надобно было мягче сдѣлать! Что это за костюмы ты написалъ, вотъ въ этой каршинѣ?

«Это древніе Германскіе.

— Все Нѣмцы, да Нѣмцы! Почему не національные наши? Пора намъ думать о своей родной Живописи, пора, братецъ, думать о Русскомъ! Тутъ clair-obscur не точно смѣшанъ. Ошибка, братецъ! Рыцарь не могъ прижать дѣвушки такъ крѣпко къ груди: вѣдь онъ былъ въ желѣзной бронѣ! Зачѣмъ такіе страшные носки у его сапоговъ?

«Такъ носили тогда.»

— Такъ носили! Да, вѣдь ты подражаешь природѣ не грубой, и долженъ украшать ее! За что-же ты и художникъ? Ты долженъ былъ украсить, сгладить костюмъ. А! Промешей! То-то художникомъ-то быть: тотчасъ угадаешь! Хорошо! Ну, вѣдь не посовѣтуешся, злодѣй, съ опытными людьми! Во-первыхъ, какъ онъ неловко положенъ....

«Да, ему, думаю, и въ самомъ дѣлѣ было не очень ловко лежать на Кавказѣ»— отвѣчалъ Аркадій.

Digitized by Google

Бѣдный Аркадій! Онъ думалъ торжествовать; думалъ, что Вѣринька пойметъ его Прометея; что сила его дарованія ослѣпитъ стараго *художника*, отца ея; думалъ, что она въ восторгѣ устремитъ на него безбоязненный взоръ любви, а отецъ ея воскликнетъ: «Аркадій! ты великій художникъ;» что въ эту минуту будутъ забыты глупыя приличія — онъ можетъ упасть къ ногамъ старика, сказать: «Отдайте-же Вѣриньку этому великому художнику!» Вѣринька упадетъ въ его объятія, съ словами: *я твоя!* Что-же теперь? Бездушный мазилка, послѣ рюмки водки, закусывалъ его картинами... А Вѣринька? Она какъ будто стыдилась мгновенной, милой откровенности своего сердца; она спрятала свою душу; она огородила себя холодностью, какъ будто нарочно заковала себя въ самыя тяжкія приличія свѣтской дѣвушки, и отошла отъ Аркадія, пока отецъ ея началъ со мною споръ объ Изящномъ: я не вытерпѣлъ, и горячо сталъ защищать Аркадія. Споръ продолжился; мы перешли вообще къ Искуствамъ. Аркадій былъ забытъ. Вѣринька спокойно глядѣла въ окно, и— женщина! ничего, ничего не льзя уже было прочитать на ея лицѣ! Наконецъ старикъ вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ, и сказалъ: «Какъ пріятно пролетѣло время—три часа! Пора домой! Сбирайся, Вѣринька! Хотя я увѣренъ, что

Digitized by Google

споры ничего не рѣшаютъ, и что каждый всегда остается при своемъ мнѣніи,» продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ — «но цѣмъ не менѣе всегда пріятно поспорить съ умнымъ человѣкомъ!» Онъ ласково отрекомендовался мнѣ, просилъ жаловать къ нему, благодарилъ Аркадія, и гости пошли. Проводивъ ихъ, Аркадій бросился къ окошку. Съ какимъ восторгомъ, съ какимъ унынiемъ смотрѣлъ онъ на Вѣриньку, идущую съ отцомъ. Еще разъ она сжалилась надъ нимъ — оглянулась на него раза два, улыбнулась... И тогда только, когда отецъ и она ушли изъ виду, и Семенъ Иванычъ началъ прибирать остатки закуски, Аркадій полупечально, полунасмѣшливо обратился ко мнѣ, прошедши нѣсколько разъ по комнатѣ. «*Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!* Неужели *такъ* будутъ судить всѣ?» сказалъ онъ.

— *Нѣтъ!*—отвѣчалъ я, скрѣпивъ сердце, хотя мнѣ хотѣлось броситься къ Аркадію, обнять его, и сказать ему: «*Да*, бѣдный Аркадій, *да!*»

Въ тотъ-же день Аркадій отвезъ свои картины на Выставку. *Швейцарскихъ вождей* его не приняли, говоря, что на Выставкѣ нѣтъ мѣста. Одно крыло было такимъ образомъ отбито у Аркадія... Но, еще надежда не покидала его. Онъ сносилъ все съ терпѣніемъ изумительнымъ.

Digitized by Google

Дѣло Аркадія перенесено было теперь на рѣшеніе толпы, публики, знатоковъ.... Что-же она сказала? Чѣмъ они рѣшили?

Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылой,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой—
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.
Постигнетъ-ли пѣвца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —
« Тѣмъ лучше, » говорятъ любители Искуствъ,
Тѣмъ лучше! Наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ.» Но счастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно. . . .

Такая толпа должна была рѣшить дѣло Аркадія.

Но каково было Аркадію, гордому, несчастливому Аркадію, когда съ рѣшеніемъ этой толпы соединялось все его будущее!

Digitized by Google

Мы пришли съ нимъ на трешій день послѣ открышія Выставки, когда избранные посѣшители впускались *по билетамъ*. Никогда не могъ я замѣтить: чѣмъ отличаются эши билетные *избранники* отъ *мужиковъ*, впускаемыхъ безъ билетовъ въ другіе дни! Та-же толкошня, тотъ-же шумъ; только менѣе слышно Русскаго языка. Прошедши по всѣмъ заламъ, посмѣявшись надъ Классическими уродами, которымъ придавали имена Геркулесовъ, Марсовъ; полюбовавшись на плохія копіи съ превосходныхъ Эрмитажныхъ каршинъ; пожалѣвши о бѣдныхъ ученикахъ, которые принуждены были писать по опредѣленной мѣркѣ, на жалкія задачи, мы остановились у Промешея. Въ эшой комнашѣ было поспавлено еще нѣсколько огромныхъ каршинъ, на которыя художники не пожалѣли яркихъ красокъ, и въ которыхъ *подражали они самымъ лучшимъ живописцамъ*. Тушъ толпилось множество народа; блистали звѣзды, стучали шпоры, гремѣли сабли, вѣялись перья дамъ. Мы стали въ сторонѣ.

Генералъ. Прелесть, сударь, прелесть! Какъ быстро идушъ у насъ Художества! C'est charmant!

Щеголь. Mais, mon général...

Генералъ. Безъ mais, mon cher! Посмотри: что̀ за прелесть!

Digitized by Google

Щеголь. Но видѣли-ль вы Луврскую галлерею?

Генералъ. Видѣлъ, mon cher, и въ полномъ блескѣ, въ 1814-мъ году! Прелесть! — Какъ хорошъ этотъ старикъ! А эта живая головка! *(тихо)* Кто эта дама? А! да! Прелесть!

Меценатъ. *(Идетъ мимо)* Bon jour!

Генералъ. Вы не любуетесь?

Мец. Эти двѣ я ужь купилъ. У меня не было *пандана* для большой залы. — *(Художнику)* Только смотрите, чтобы вышли въ мѣру!

Художникъ. А Прометея не прикажете?

Мец. Прометея? *(прищуриваетъ глаза)*. Предметъ не хорошъ.

Баринъ. *(Сосѣду своему)*. Слышите! Вотъ и Его Сіятельство тоже говоритъ!

Femme savante. Fi! quelle horreur! Что̀ это такое? Не пытаютъ-ли это кого? Какая гадость! Что̀ это?

Щеголь *(улыбаясь)*. Это Прометей.

F. S. Prométhée— А! изъ Миѳологіи. Давидъ ввелъ было въ моду изображенія Миѳологическія; но теперь мода эта давно забыта! Bon jour, ma cousine!

Digitized by Google

Толпа дамъ и дѣвушекъ *(слышны восклицанія Французскія и Русскія)*. Charmant—horreur—très-bien—мило—были-ли вы у N. N.—что ваша тетушка—были—будемъ—танцовали—quel beau temps!—C'est lui.... *(Прометей шатается отъ ихъ толковъ)*.

Надзиратель. Осторожнѣе, Ваше Превосходительство—вы изволите уронить Промешея.

Старикъ съ звѣздою. Онъ и безъ того лежитъ *(хохочутъ)*.

Щеголь. Какая тѣснота! Позвольте пройдти! Bon jour!

Сухощавый знатокъ. Въ этой каршинѣ вовсе не понята цѣль. Что хотѣли изобразить? Миѳологическій сюжетъ? Надобно было отдѣлать его барельефнымъ образомъ, *аллантикъ*.

Другой знатокъ. Что это за фигуры подлѣ главнаго лица? Они развлекаютъ вниманіе — это ошибка художника.

Первой. Тѣло слишкомъ темно.

Другой. Небо слишкомъ мрачно.

Старый художникъ. Это, сударь, новая школа, Дюреровская. Мы, Классики, ея не понимаемъ.

Мол. человѣкъ. *(Тихо товарищу)* Здѣсь вся

Digitized by Google

душа художника! *(слова ихъ заглушаются громкими сужденіями).*

Старикъ. Нога крива.

1-й Знатокъ. Отдадимъ сами себѣ отчетъ: какое чувство должно было одушевлять Прометея? Конечно: раскаяніе, благоговѣніе къ наказующей судьбѣ. Къ чему-же это презрѣніе на лицѣ его?

Надзиратель. Позвольте, Мм. Гг. — Дорогу Его Сіятельству *(Его Сіятельство лорнетируетъ картины. Всѣ отстораниваются).*

1-й Знатокъ *(тихо).* Какой это у него орденъ?

2-й Знатокъ. Кажется, Золотаго Руна.

N. N. *(тихо и униженно Его Сіятельству)* Какъ вы находите?

Его Сіятельство. *(съ гримасою презрѣнія)* Могло-бъ быть лучше.

Такъ судили о Прометеѣ. Вдругъ Аркадій, дотолѣ равнодушный, усмѣхавшійся, поблѣднѣлъ, схватилъ меня за руку, и указывалъ прямо на своего Прометея. Передъ этою картиною стоялъ высокій молодой человѣкъ, и, разинувъ ротъ, равнодушно глядѣлъ въ пополокъ, на картины, на зрителей.

Digitized by Google

— Это *онъ!*— шепталъ мнѣ Аркадій.

«Кто *онъ?*»

— Долговязый! Онъ воротился! Боже мой! у него золотое колечко на правой рукѣ!

Аркадію сдѣлалось дурно. Я поспѣшилъ вывести его на свѣжій воздухъ. Мы пошли на его квартиру. Аркадій молчалъ дорогою. Едва мы пришли, Семенъ Иванычъ извѣстилъ Аркадія, что Парѳенъ Игнатьевичъ, отецъ Вѣриньки, заходилъ къ нему, спрашивалъ его, отдохнулъ немного, и ушелъ.

— Не заказывалъ-ли онъ чего нибудь?—спросилъ Аркадій, задумчиво.

«Ничего-съ. Но онъ забошливо разбиралъ тутъ какія-то бумаги, и, видно въ торопяхъ, забылъ ихъ. Вотъ онѣ на столѣ. Онъ говорилъ, что у него теперь шма хлопотъ.»

— Бумаги? — Къ изумленію моему, Аркадій схватилъ бумаги, оставленныя старикомъ, и поспѣшно сталъ перебирать ихъ. Это были какіе-то счеты, записки. Одну изъ нихъ вдругъ развернулъ Аркадій, руки его задрожали — записка вывалилась у него изъ рукъ — онъ упалъ въ кресла.

Испуганный Семенъ Иванычъ бросился помогать Аркадію. Я поднялъ записку съ полу:

Digitized by Google

это былъ образчикъ билета, вѣроятно, писанный для отдачи въ типографію, и начинавшійся сими словами: «*Парѳентій Игнатьевичъ N.N. симъ честь имѣетъ извѣстить о помолвкѣ дочери своей Вѣры Парѳентьевны....*»

— Не бойся, любезный Семенъ Иванычъ — сказалъ Аркадій, бодро вставая и усмѣхаясь— не безпокойся! За бумагами вѣрно пришлетъ Парѳентій Игнатьевичъ. Ты отдашь ихъ присланному.—Онъ тщательно сложилъ бумаги, и передалъ ихъ старику. Сомнительно посмотрѣвъ на обоихъ насъ, взглянувъ потомъ на меня, будто умоляя меня быть хранителемъ Аркадія, Семенъ Иванычъ вышелъ. Да, въ эту минуту, я обѣщалъ самъ себѣ употребить все, что будетъ въ моихъ силахъ, для спасенія бѣднаго моего друга!

Аркадій ходилъ нѣсколько минутъ по комнатѣ, молча, спокойно по наружности; только безпрестанно отиралъ онъ лицо свое платкомъ. Потомъ, не говоря ни слова, взялся за шляпу.

— Аркадій! куда ты?—спросилъ я.

«Къ Вѣринькѣ,» отвѣчалъ онъ какимъ-то могильнымъ голосомъ, отирая щепкою шляпу свою, и поправляя передъ зеркаломъ безпоря-

Digitized by Google

докъ своей одежды. «Развѣ вы не видите, что ее губятъ? Я долженъ спасти ее!»

— Аркадій! позволь мнѣ идти съ тобою!

«Пойдемъ-те. Мнѣ все равно. Мнѣ хочется только сказать ей, или имъ, два, три слова. Какъ я желтъ и блѣденъ!» Онъ поправилъ свои волосы.

Аркадій шелъ поспѣшно, почти бѣжалъ. Едва успѣвалъ я за нимъ. Разстояніе было не велико. Намъ никто не встрѣтился въ передней комнатѣ. Мы вошли прямо въ гостиную. Вѣринька сидѣла тутъ на диванѣ, наклонясь головою на столъ, и закрывъ лицо платкомъ. Услышавъ шумъ, она вскочила, увидѣла Аркадія, ахнула, и принуждена была удержаться рукою за столъ. Глаза ея были красны; другую руку прижала она къ груди своей.

— Вѣринька! милый другъ! — сказалъ Аркадій трепещущимъ голосомъ.

«Аркадій! зачѣмъ вы пришли!» отвѣчала она, и въ безсиліи опять сѣла на диванъ, боясь совершенно лишиться чувствъ.

— Судьба твоя рѣшена?

«Оставьте меня, Аркадій, ради Бога, оставьте. Будьте счастливы! Вы достойны счастія!»

Digitized by Google

— Хотъ не смѣйся надо мной, безчеловѣчная! Вѣринька, милый другъ! я пришелъ спасти тебя!

«Поздно, Аркадій! Оставьте меня: я уже принадлежу другому. Мое слово дано!»

— *Другому!* — Аркадій отскочилъ отъ нея, какъ будто наступилъ на ядовитую змѣю. — Онъ прежде повергнетъ меня мертваго къ ногамъ твоимъ, и тогда возьметъ тебя!

«Аркадій! ради Бога....» Аркадій, въ отчаяніи, ничего не слыхалъ. Вдругъ лицо Вѣриньки измѣнилось. Она отерла слезы свои, встала, и твердымъ голосомъ сказала ему: «Я добровольно отдаю ему свою руку. Вы не имѣете права располагать моею волею!

Я ждалъ грома; но его не было: душа Аркадія уже потухла. Колѣна его смиренно подогнулись. Онъ сложилъ свои руки, и съ умоляющимъ видомъ поднялъ ихъ къ Вѣринькѣ. «Ты рѣшаешь смерть мою, Вѣринька! Если ты добровольно отдаешь ему свою руку, сердце твое принадлежитъ мнѣ—я знаю!»

«Нѣтъ!»

— Безчеловѣчная! такъ-ли мы должны хотъ разстаться съ тобою! Еще есть время, Вѣринька: скажи одно слово — убѣжимъ, милый

Digitized by Google

другъ, если тебя принуждаютъ! Ты ошибаешься, Вѣринька: ты *моя*, *моя!*... О чемъ ты плачешь?

«Кто велѣлъ вамъ подсматривать за моими слезами? Я не хочу васъ видѣть!»

Вѣринька закрыла глаза платкомъ. Аркадій не говорилъ болѣе ни слова; онъ всталъ, сложилъ руки; жаднымъ, горестнымъ взоромъ, взоромъ, въ которомъ жизнь и смерть, казалось, спорили о своей добычѣ, онъ посмотрѣлъ на Вѣриньку, и потомъ бросился изъ комнаты. Вѣринька опомнилась, какъ будто вышла изъ какого-то состоянія безчувствія; она не замѣчала меня, и кинулась къ дверямъ. — «Аркадій!» вскричала она. Аркадій бѣжалъ уже по улицѣ. «Аркадій!» громко произнесла она, и съ выраженіемъ нестерпимой горести протянула руки вслѣдъ за нимъ, къ окошку. «Аркадій!» Голосъ ея выражалъ отчаяніе. Тогда только замѣтила она меня, покраснѣла, слезы ея вдругъ исчезли. Это была обыкновенная, благоразумная Вѣринька.

— Сударыня — сказалъ я, приближаясь къ ней — вы знаете меня: я люблю Аркадія, какъ брата; я пришелъ съ нимъ, боясь, чтобы отчаяніе не довело его до какой нибудь безразсудности. Сядьте и выслушайте меня. — Вѣ-

Digitized by Google

ринька машинально сѣла на диванъ, и закрыла глаза плашкомъ, взмокнувшимъ отъ слезъ ея.

— Сударыня—сказалъ я—не скрывайтесь отъ меня; говорите со мною, какъ съ отцомъ своимъ. Мои лѣта даютъ мнѣ на это право. Вы любите Аркадія? Будьте откровенны.

«Болѣе жизни моей люблю его!» сказала Вѣринька, рыдая и прижимая руки къ груди своей.

— Что-же разлучаетъ васъ? Если согласіе вашего папеньки должно купить улучшеніемъ состоянія Аркадія, я готовъ подѣлиться съ нимъ. У меня большое имѣніе, я одинокъ. Скажите одно слово, и вы будете счастливы!

«Счастлива! никогда, никогда! Я давно уже отреклась отъ счастья! Одно осталось мнѣ: жертвовать собою для спокойствія моего отца. . . .»

— И выйдти за человѣка, нелюбимаго вами?

«Папенькѣ онъ нравится — я его не ненавижу — онъ меня любитъ.»

— А Аркадій только вами и живетъ!

«И только терзаетъ меня, и все, что его окружаетъ!

— Неужели вы не вѣрите любви его? Неужели вы не захотите даже пожертвовать ему

Digitized by Google

собою, если и знаете его пылкій, неукротимый характеръ!

Вѣринька перестала плакать, потупила глаза, и щипала кончикъ платка своего. «Буду съ вами откровенна, человѣкъ добродѣтельный!» сказала она. «У васъ нѣтъ дѣтей, но вы можете судить: не первая-ли обязанность моя успокоить, утѣшить отца, у котораго я одна, единственное его утѣшеніе, единственная его отрада? Этимъ-ли пожертвую я безразсудной страсти моей—безразсудной! Чувствую, какъ дорогъ мнѣ Аркадій, но ужасаюсь любви его, трепещу ея! Мы не понимаемъ другъ друга; и не знаю—можетъ-ли даже кто нибудь понять это сумасшествіе, это безуміе, съ какимъ любитъ Аркадій! Я не въ состояніи осчастливить его. Онъ видитъ теперь во мнѣ что-то не-земное. Измѣненія его характера ужасны. Увѣрена, что онъ также потомъ легко возненавидитъ меня, какъ теперь безумно обожаетъ! Не говорю о счастьи: такое неукротимое бѣшенство чуждо его! Но Аркадій будетъ со мною несчастливъ; и я должна отдать руку свою другому, чтобы спасти отъ горести моего добраго отца.... чтобы спасти его самого—ахъ! нѣтъ! спасти самое себя.... Его любовь могла-бы наконецъ и меня довести до безумія... И безъ того, сколько разъ я была отъ

Digitized by Google

нея на краю бездны....» Вѣринька опять начала плакать.

— Подумали-ль вы о томъ, какую участь приготовляете себѣ?...

«*Смерть*, можетъ быть... Что-же тутъ ужаснаго? Не я буду виноваша, если не переживу.»

— Нѣтъ! не смерть, но жизнь, въ объятіяхъ человѣка вами нелюбимаго, въ ужасающей стужѣ приличій и обязанностей, нарушеніе коихъ будетъ для васъ преступленіемъ. И какъ-же? Съ любовью, съ пламенемъ, который будетъ сожигать вашу грудь.

«Пощадите меня!»

— Будетъ-ли счастливъ этимъ вашъ отецъ?— Вы молчите? А если Аркадій не перенесетъ своего бѣдствія? Если могила его будетъ укорять васъ, что вы погубили въ немъ человѣка великаго, надежду отечества, сердце, какихъ немного на землѣ, душу высокую, пламенную, которая любила васъ — какъ не любятъ уже въ наше время....

Вѣринька плакала, и не отвѣчала ничего. — Говорите, сударыня!—повторялъ я.—Она молчала: глаза ея были неподвижно устремлены на золотое колечко, бывшее у нея на правой

Digitized by Google

рукѣ. «Зачѣмъ еще не вчера пришли вы...» прошептала она.— Неужели вы боитесь разорвать ваше обязательство? Неужели приличія страшатъ васъ?— «Это невозможно!» сказала она. Душа моя отворотилась отъ нея. — Такъ-то всегда любите вы, женщины! — думалъ я. И сердце мое облилось кровью. Я вспомнилъ свои страданія. Такъ-то нѣкогда растерзали меня... Мнѣ показалось, что я вижу въ Вѣринькѣ оживленный эгоизмъ женщинъ нашего времени.

Теперь, когда этому прошло много времени, размышляя обо всемъ, я уже не обвиняю ея. Кто не содрогнулся-бы, въ самомъ дѣлѣ, души и любви Аркадія, кто изъ васъ, женщины? Можетъ быть, въ минуту забывчивости, нѣкоторыя изъ васъ предались-бы такой любви — но только *забывшись!* Вы всѣ Вѣриньки! Должно-ли обвинять васъ? Сохрани Богъ! вы правы. Говорятъ, что дѣвушекъ должно пріучать къ хозяйству. Жаль, что пріучаясь къ нему, онѣ нерѣдко видятъ хазяйственныя распоряженія въ самыхъ высокихъ вдохновеніяхъ души...

Я засталъ Аркадія на его квартирѣ. Онъ былъ мраченъ, но спокоенъ, и встрѣтилъ меня слѣдующими словами: «Почтенный другъ мой! можете-ли вы оказать мнѣ послѣднюю услугу?»

Digitized by Google

— Послѣднюю, Аркадій?

«Рѣшено: я немедленно ѣду за границу! Вотъ, посмотрите: я разсматривалъ сей часъ карту Европы. Завтра-же оставлю я Петербургъ, и пока получу паспортъ, пока соберется мой Семенъ Иванычъ, я буду жить въ Ревелѣ. Туда пріѣдетъ онъ ко мнѣ, и тотчасъ отправимся мы въ Дрезденъ; оттуда въ Швейцарію; оттуда въ Италію... Прости отечество, прости все—я никогда уже не возвращусь сюда, никогда! Не возражайте, почтенный другъ! Не ручаюсь ни за жизнь, ни за что, если останусь еще однѣ сутки въ Петербургѣ... Ни за что не ручаюсь....» повторилъ Аркадій. Онъ страшно сжалъ кулаки и заскрежеталъ зубами. «И презирать ея не могу, и возненавидѣть ея не умѣю!» воскликнулъ онъ.

— Аркадій — сказалъ я, стараясь перебить его мысли — это прекрасно вздумано. Что-же тебѣ надобно?

«Гадости, безъ которой ничего не льзя сдѣлать на свѣтѣ — *денегъ!* У меня есть тысячи съ полторы. Примите на себя трудъ, почтенный другъ мой! продать мои картины. Можетъ быть, кто нибудь купитъ ихъ, хоть *для пандана*. Семенъ Иванычъ продастъ мебели и прочую дрянь. Ссудите меня деньгами, съ тѣмъ, чтобы получить уплату изъ продажи моихъ

Digitized by Google

картинъ и вещей, и — прости́те, прости́те, другъ незабвенный!»

Мы обнялись. Надобно-ли сказывать отвѣтъ мой на требованіе Аркадія? Почти всю ночь просидѣли мы вмѣстѣ и проговорили. О Вѣринькѣ не было ни слова. Иногда Аркадій вдругъ останавливался, думалъ, съ трудомъ соображая, о чемъ мы говоримъ. . . . На другой день, я проводилъ Аркадія по Нарвской дорогѣ. — Разумѣется, что картины его оставилъ я у себя, и что цѣна ихъ далеко превосходила небольшую сумму, которою я ссудилъ его. Остальную сумму, по его желанію, переслалъ я къ его отцу. Черезъ двѣ недѣли и Семенъ Иванычъ проспился со мною. Онъ зналъ, что уже ему не воротиться въ Россію; но не хотѣлъ оставить Аркадія. Долго, со слезами, молился старикъ въ Казанскомъ соборѣ, и говорилъ: «Матушка Казанская Богородица! благослови только и утѣшь моего барина. Ничего болѣе не молю!» — Увы! молитва добраго старика не была услышана!

Вы хотите знать окончаніе моей повѣсти объ Аркадіи? Память незабвеннаго друга мнѣ такъ драгоцѣнна, что я — доскажу вамъ объ немъ.

Digitized by Google

Я самъ думалъ, что время, путешествіе, страсть къ Искусству, слава, можетъ быть, разсѣютъ горесть и отчаяніе Аркадія. Но время ничто, если прошедшее убито у человѣка навсегда, а настоящее погубило всю его будущность. Путешествіе хорошо для души жадной впечатлѣній, юной, свѣжей, или уже отстрадавшей, утомленной, требующей просто отдыха. Ни то, ни другое не было удѣломъ Аркадія. Горячая кровь текла у него изъ сердца, разорваннаго, бѣшеною страстью. Ужасная одинокость въ настоящемъ, пустыня жизни впереди — и что тогда значитъ страсть къ Искусству? А слава? И въ наше время? Эполитъ мячикъ, перебрасываемый отъ одного къ другому безтолковою толпою.... Кто можетъ жить *только съ нею!* И что такое вообще слава? Опредѣлили-ль вы ее?

Разставшись съ Аркадіемъ, я вскорѣ уѣхалъ въ свой городъ, и жилъ тамъ по прежнему, какъ теперь живу. Но рѣчь не обо мнѣ. Съ Аркадіемъ вели мы постоянную переписку. Часто получалъ я письма Аркадія. Онъ описывалъ мнѣ свои впечатлѣнія, свои занятія. Такъ прошло три года. Письма его стали приходить рѣже, хотя такъ-же были дружественны, такъ-же обширны. Наконецъ прошелъ цѣлый годъ, и я вовсе не получалъ отъ него писемъ. Я зналъ, что Аркадій, объ-

Digitized by Google

ѣхавъ большую часть Италіи и Сицилію, наконецъ поселился въ Римѣ; что онъ посвятилъ себя совершенно Живописи. Имя его скоро стало извѣстно между знамошними художниками. Желалъ-бы я сообщить читателямъ нѣкоторыя изъ писемъ Аркадія. Какъ созрѣвалъ его умъ въ страданіяхъ! Какъ свѣтлѣла болѣе и болѣе душа его! — Но никогда, ни слова не писалъ онъ ни о любви своей, ни о прошедшемъ —ничего не упоминалъ и о состояніи своего здоровья. «Что сказать вамъ, добрый другъ, на вопросъ вашъ о моемъ здоровьи?» — писалъ однажды Аркадій. — «Тотъ здоровъ, кто счастливъ. Больной душѣ не навѣютъ здоровья лимонныя рощи Италіи, не согрѣетъ ея Итальянское солнце....» Письма къ отцу Аркадія шли черезъ меня. Аркадій былъ въ нихъ нѣжнымъ, почтительнымъ сыномъ, и радовалъ старика отъ времени до времени надеждою возвраща въ отчизну. Я пересказывалъ старику о славѣ, какую пріобрѣталъ сынъ его. Старикъ не понималъ этого, но радовался, какъ ребенокъ. Часто приходилъ онъ ко мнѣ—*поглядѣть на картинки своего Аркадія*: такъ онъ называлъ картины, доставшіяся мнѣ въ Петербургѣ. Часто изъявлялъ онъ желаніе имѣть себѣ особенную *картинку* его, и писалъ объ этомъ къ Аркадію. Аркадій обѣщалъ прислать.

Когда я начиналъ уже сильно безпокоиться о

Digitized by Google

томъ, почему такъ долго не получаю извѣстій о моемъ другѣ, писалъ уже къ нему неоднократно и не получалъ отвѣта, мнѣ сказали въ одно утро, что меня спрашиваетъ какой-то иностранецъ. Это былъ Итальянскій живописецъ, странствующій торгашъ картинами.

Полуфранцузскимъ языкомъ, онъ изъяснилъ мнѣ, что ѣдетъ изъ Одессы въ Москву и Петербургъ, и везетъ на продажу множество Египетскихъ древностей, Этрусскихъ вазъ, разныхъ картинъ и статуй. Потомъ онъ вручилъ мнѣ письмо Аркадія.

— Вы его знали въ Италіи? — спросилъ я нетерпѣливо.

«Зналъ-ли я его, Синьоръ? Онъ спасъ мнѣ жизнь въ Террачинскихъ горахъ, и я не имѣлъ-бы чести говорить съ вами нынѣ, если-бы не *Синьоръ Аркадіо* защитилъ меня.»

— Здоровъ-ли онъ? Гдѣ онъ?

«Какъ, Синьоръ? Неужели вы не знаете?»

— Что такое?

«Онъ умеръ, Синьоръ, умеръ этотъ необыкновенный молодой человѣкъ, di molto ingegno, di grandissimo ingegno!

Digitized by Google

— Но какъ-же у васъ письмо его?—спросилъ я, будто громомъ пораженный.

« Ахъ, Синьоръ! Я оставилъ его совсѣмъ больнаго. Надѣялись однакожъ, что онъ еще проживетъ лѣто; но въ Тріэстѣ я получилъ извѣстіе о смерти Аркадія. Впрочемъ, не льзя было безъ слезъ смотрѣть на него, когда онъ прощался со мною. Онъ былъ такъ худъ, такъ блѣденъ; и при всемъ этомъ онъ соблюдалъ удивительное присутствіе духа, и смѣялся, прощаясь со мною до свиданія за гробомъ! Онъ всегда былъ печаленъ, мраченъ; ничто не могло развеселить его, хотя никто не зналъ, что̀ такое его сокрушало. Vi sono certi punti che non sembrano mai abbastanza sviluppati e schiariti. »

Я развернулъ письмо Аркадія. Оно состояло изъ немногихъ строкъ, писанныхъ уже слабою рукою. Аркадій просилъ простить его, что онъ скрывалъ отъ меня бѣдственное состояніе своего здоровья. « Не жалѣйте обо мнѣ »— писалъ онъ — « вспомните обо мнѣ иногда, но не жалѣйте — жизнь моя давно не принадлежала уже здѣшнему міру. Никакого друга не встрѣтилъ-бы я такъ весело, какъ эту костлявую гостью, которая сильно стучится ко мнѣ въ двери. » Онъ рекомендовалъ мнѣ Итальянскаго живописца, своего пріятеля, какъ до-

Digitized by Google

браго, честнаго человѣка, и писалъ, что съ нимъ посылаетъ свою *послѣднюю* каршину. «Разсчитываю по времени, что онъ пріѣдетъ къ вамъ около именинъ моего отца. Если будетъ шакъ, то передайте моему старику эту каршину въ самый день его именинъ. Онъ давно просилъ меня прислать ему каршину. Онъ порадуется, и благословитъ меня заочно. Не говорите ему однакожъ ничего о моей болѣзни, и о смерти моей, если до того времени объ ней узнаете. Зачѣмъ отравлять немногіе дни, оставшіеся моему доброму отцу! Онъ любилъ меня. — Я перевелъ 20,000 франковъ на домъ Б*** и Компаніи въ Санктпетербургѣ. Это осталось у меня отъ издержекъ. Здѣсь осыпали-бы меня деньгами, если-бы я хотѣлъ. На что ихъ мнѣ? Отецъ старъ; братья проживутъ безъ меня. Себѣ оставилъ я сколько надобно на простыя похороны. Получите упомянутую сумму, и вручите ее отцу моему. Семену Иванычу (не забудьте его! Добрый старикъ лишается со мною послѣдней своей радости!) препоручу я, послѣ смерти моей, привезши въ Россію нѣсколько рисунковъ и вещей для васъ—на память обо мнѣ. Воспоминаніе о моемъ благодѣтелѣ и о васъ уношу съ собою во гробъ; и съ вами еще... но зачѣмъ вспоминать о томъ, что ошвергло меня такъ жестоко, растерзало меня такъ свирѣпо.... Гово-

Digitized by Google

ряшъ, что *она* счастлива. Боже! при гробѣ нѣтъ уже страстей—я желаю ей счастья—молюсь о ней. . . . и о *немъ*, если онъ осчастливилъ ее собою—молюсь, какъ ни тяжко мнѣ—а это *очень тяжко*, почтенный другъ мой!...»

Долго плакалъ я надъ этимъ письмомъ. Какъ нарочно будто, на другой день были именины отца Аркадіева.

— Гдѣ картина, присланная съ вами Аркадіемъ? — спросилъ я Итальянца.

«На моей квартирѣ, Синьоръ.»

— Выберите раму у меня — сказалъ я ему— вставьте въ нее картину, и пригоповьте къ утру завтрашняго дня.

Рама нашлась по мѣркѣ: мы ее сняли съ Промемея. . . . Синьоръ взялъ раму. На другой день, свято исполняя волю моего друга, я предварительно узналъ, когда старикъ Иванъ Перфильевичъ уйдетъ къ обѣднѣ, и явился къ нему въ это время. Братья Аркадія приняли меня весьма вѣжливо. Я сказалъ имъ о присылкѣ картины. Вскорѣ привезли и картину. Она была огромна, и въ маленькомъ домикѣ старика, въ своей золотой рамѣ, казалась чѣмъ-то необыкновенно великолѣпнымъ. Вся она была закрыта полотномъ. Мы поставили ее въ залѣ, гдѣ она заняла цѣлую половину стѣны. У меня

Digitized by Google

не доставало еще духа раскрыть ее. Слухъ о каршинѣ, присланной отъ *Аркадія Ивановича*, разнесся уже по сосѣдству. Множество народа сошлось смотрѣть.

Я сѣлъ у окна, ожидая старика, и грустно смотрѣлъ на все, меня окружавшее. Я былъ въ томъ домѣ, гдѣ родился, между тѣми людьми, съ которыми провелъ свое малолѣтство Аркадій. И домъ, и люди были тѣ-же, какими были они за 25-ть, за 30-ть лѣтъ — ничто не перемѣнилось въ нихъ: они только устарѣли физически — *они*, то есть: и *домъ*, и *люди* эти. Они были спокойны, веселы, самодовольны — эти братья Аркадія, сосѣди, родственники, пришедшіе поздравлять старика. А *онъ?* А этотъ Аркадій? Онъ уже прогорѣлъ метеоромъ по небосклону, яркимъ метеоромъ—онъ, единственный *человѣкъ* изъ этой толпы *народа*...

Обѣдня кончилась. Старикъ пришелъ домой. Всѣ встали, встрѣтили его, поздравляли. Онъ увидѣлъ меня, тотчасъ поплелся ко мнѣ, взялъ меня за руку, и съ радостью спросилъ: «Видно, письмецо отъ друга моего Аркадія? Сынъ ты мой милый! Можетъ быть, въ послѣдній уже разъ привелъ меня Господь праздновать на старости день моихъ именинъ, и ты радуешь мѣня въ этотъ день письмомъ своимъ!»

Digitized by Google

— Письма нѣтъ — отвѣчалъ я — но Аркадій прислалъ вамъ въ подарокъ картину своей работы, и просилъ меня вручить ее вамъ въ день именинъ вашихъ.

«Картина отъ моего Аркадія» — завопилъ старикъ — «прислана мнѣ! Гдѣ, гдѣ она? Дѣти! картина отъ моего Аркадія!»

— Она въ залѣ, дѣдушка!—закричали внучата, дѣти брата Аркадія, прыгая вокругъ своего дѣда.

Старикъ спѣшилъ туда. Мы раскрыли картину: она стояла теперь во всемъ великолѣпіи, освѣщенная утренними лучами солнца. Старикъ, съ толпою родни, сосѣдей, съ братьями Аркадія, вошелъ въ залу; домашніе всѣ уже сбѣжались туда. Множество головъ зрителей видно было даже въ окошкахъ.

Тутъ, на картинѣ, изображенъ былъ Спаситель, благословляющій дѣтей. Лицо его было божественно, исполнено любви и благости. Онъ изображенъ былъ сидящимъ; нѣсколько дѣтей, безпечно, смѣло, безбоязненно окружали его, смотрѣли на него; только одинъ изъ нихъ, устремивъ глаза свои на Спасителя, задумался, и облокотился локтемъ на его колѣно. Вознося благословляющую руку надъ головою сего дитяти, другую обращалъ Спаситель къ двумъ

Digitized by Google

ученикамъ своимъ, и, казалось, говорилъ имъ: «Не возбраняйте дѣтямъ приходить ко мнѣ; для такихъ предназначилъ я царство небесное; только будучи невиненъ душею, какъ младенецъ, будешь со мною во славѣ Отца моего на небесахъ!» Въ сторонѣ, отворотясь отъ дѣтей, стоялъ какой-то человѣкъ. Его блѣдное лицо, его всклоченные волосы, морщины, прорѣзанныя пылкими страстями на лицѣ его, показывали, что это былъ не простой пастырь Галилейскій, но страдалецъ, много испытавшій, проведшій бурную жизнь. Казалось, этотъ человѣкъ слышалъ въ словахъ Спасителя рѣшеніе загадки, мучившей его всю жизнь; казалось, онъ хотѣлъ-бы погрузиться въ прежнее невинное младенчество.... Онъ возводилъ къ небесамъ взоръ надежды и страха.

Старикъ упалъ на колѣни предъ этою картиною, восклицая: «О, мой милый Аркадій! осчастливилъ ты меня! Да благословитъ тебя Господь, какъ благословляетъ онъ этого младенца!»

Мы подняли старика. Онъ велѣлъ поставить себѣ стулъ противъ картины, рыдалъ; слезы радости текли по его щекамъ. Каждому, кто подходилъ, кто приходилъ вновь, онъ указывалъ на картину, и могъ проговорить только одно: «*Аркадій, Аркадій прислалъ!*» — Когда

Digitized by Google

я сказалъ, что Аркадій прислалъ еще ему около 20 т. рублей, которые успѣлъ онъ скопить во время пребыванія своего въ Италіи, это почти не произвело въ немъ перемѣны; но тогда другихъ надобно было видѣть. Братья Аркадія принялись хвалить его....

Разумѣется, никто изъ зрителей не могъ судить о высокомъ искуствѣ Аркадія, которое доказывала эта картина, но тѣмъ не менѣе всѣ были приведены въ восторгъ его работою. Превосходное было это произведеніе! Какое дарованіе! Сколько души! Что могло-бъ быть изъ этого человѣка!—Увы! эта *послѣдняя* картина Аркадія растерзала меня, когда я всмотрѣлся въ нее болѣе: въ лицѣ малюшки, благословляемаго Спасишелемъ, я узналъ черты Вѣриньки, возведенныя къ идеалу невинности первыхъ лѣтъ дѣтскаго возраста; а этотъ, измученный страстями пастухъ—это былъ самъ Аркадій! — И такъ мысль о тебѣ, женщина! преслѣдовала его и на краю гроба! И такой любви ты не поняла, не оцѣнила! Меня даже успокоивало теперь помышленіе, что Аркадій уже не существуетъ; что онъ уже пересталъ жить, т. е. пересталъ страдать. Но видѣть восторгъ, производимый его картиною, слышать благословенія отца, произносимыя ему, воображать, что можетъ быть многіе, смот-

Digitized by Google

ря на его каршину, думаютъ: Какъ счастливъ этотъ художникъ! Какъ услаждаетъ его слава!—Соображать и думать все это—было мнѣ тяжко, грустно, больно.... Вся жизнь Аркадія сливалась для меня въ этой каршинѣ.... Только слезы облегчили сердце мое.....

Нѣсколько дней сряду, къ старику приходили смотрѣть каршину. Самъ Губернаторъ пріѣзжалъ къ нему. За нее давали ему очень дорого. Но онъ не уступалъ ни за что, и говорилъ, что умирая, велитъ поставить ее противъ себя, и будетъ благословлять милаго сына своего, и желать ему *счастья* и *здоровья!*—Увы! въ цѣломъ городѣ только я одинъ зналъ, что Аркадія уже нѣтъ на свѣтѣ....

Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ Русскою могилой
Словъ нѣсколькихъ на языкѣ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
Сынъ Сѣвера, бродя въ краю чужомъ....

На другой годъ, мнѣ опять привелось ѣхать въ Петербургъ, по дѣламъ. На меня навязалась тяжба. Мнѣ надобно было выправиться о моемъ дѣлѣ по Министерству Юстиціи, и знакомые дали мнѣ письма къ одному значительному чиновнику. Имя его показалось мнѣ зна-

Digitized by Google

комо; только я никакъ не могъ вспомнить: гдѣ я зналъ его? Освѣдомившись, что могу застать этого чиновника по Четвергамъ, вечеромъ, являюсь къ нему и нахожу довольно много гостей. Хозяинъ былъ въ своемъ кабинетѣ съ кѣмъ-то. Меня просили войдти въ залу. Тутъ нашелъ я нѣсколько столовъ съ вистомъ и бостономъ. Дамы сидѣли на диванѣ. Хозяйка сидѣла тутъ-же, и весело разговаривала съ ними; ее окружали трое или четверо милыхъ, опрятно одѣтыхъ дѣтей. Она была еще молодая женщина, одѣтая по домашнему, щегольски, и ловко встала, чтобы принять меня. Тогда я узналъ ее: это была *Вѣринька!* Я остолбенѣлъ, и искалъ въ лицѣ ея, полномъ, здоровомъ, спокойномъ, искалъ въ этой чиновницѣ, дамѣ, съ чепчикомъ на головѣ, въ модномъ шлафрокѣ, окруженной дѣтьми и гостями, идеала моего друга Аркадія. «Боже мой! Г-нъ Мамаевъ, вы-ли это?» сказала мнѣ *Вѣра Парвентьевна.* «Садитесь, пожалуйте, садитесь. Давно-ли вы въ Петербургѣ?» Мы начали говорить—о погодѣ, о новостяхъ. Она *вспомнила* меня. И *ничего болѣе* не вспомнила?... Не знаю. Тутъ вошелъ самъ хозяинъ. Изъ долговязаго молодаго человѣка, одѣтаго въ щегольской фракъ, онъ сдѣлался теперь плотнымъ чиновникомъ, въ вицъ-мундирѣ, съ крестомъ на шеѣ, съ другимъ въ петлицѣ, и съ пряжкою за

Digitized by Google

15-ти-лѣтнюю, безпорочную службу. Онъ принялъ меня вѣжливо, обѣщалъ все сдѣлать. Жена его, очень равнодушно, сказала ему, что нѣкогда я былъ знакомъ съ ея отцомъ; что я старый *пріятель* ихъ дома. Мужъ просилъ меня послѣ этого посѣщать ихъ, предлагалъ мнѣ немедленно партію въ вистъ. Я отказался отъ виста, и не приходилъ къ нимъ болѣе. Въ Департаментѣ сказывали мнѣ, что мужъ Вѣриньки отличный чиновникъ, и со временемъ можетъ надѣяться многаго; что онъ притомъ весьма счастливъ въ семействѣ; что жена у него премилая женщина, добрая мать дѣтямъ, и большая хозяйка. Я видѣлъ послѣ того еще разъ Вѣриньку въ Театрѣ. Она сидѣла въ ложѣ, съ мужемъ и дѣтьми. Не одинъ лорнетъ былъ наводимъ изъ креселъ на эту ложу; не одинъ молодой человѣкъ говорилъ другому: «Прелестная женщина! и съ какимъ вкусомъ одѣта!»

Н. П.

10 Іюня, 1833 г.

Digitized by Google

КРИТИКА.

О направленіяхъ и партіяхъ въ Литтературѣ.

(Отвѣтъ Г-ну Катенину.)

Мы не ошиблись въ мнѣніи нашемъ о благородномъ характерѣ литтературныхъ трудовъ Г-на Катенина. Отзывъ напечатанный въ 11-й книжкѣ Московскаго Телеграфа (стр. 449–460-я), подтверждаетъ всегдашнюю увѣренность нашу, что польза общая и желаніе добра Русской Литтературѣ, Русскому слову и родной Поэзіи нашей, двигали всегда перомъ Г-на Катенина. И нынѣ заставили они почтеннаго противника нашего коснуться, въ отзывѣ своемъ, нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ литтературныхъ. Тоже самое желаніе: пояснить сіи вопросы, чисто литтературные, далекіе отъ всякой личности, побуждаетъ и насъ снова заняться ими, изслѣдовать нѣкоторыя темныя статьи Исторіи Русской Литтературы, и предложить ихъ сужденію самого Г-на Катенина, и всѣхъ, кому не чужды литтературныя изслѣдованія, кто любитъ не самую стихбку и борьбу мнѣній, а благотворныя слѣдствія, изъ нихъ проистекающія.

Digitized by Google

Эта предварительная исповѣдь можетъ показать, что въ статьѣ нашей не будетъ мѣста запальчивымъ выходкамъ, которыя милы и плѣнительны для многихъ, но которыя не рѣдко заставляютъ насъ однимъ молчаніемъ отвѣтствовать людямъ, только ихъ имѣющимъ въ виду.

Несогласія наши съ Г-нъ Катенинымъ касаются всего болѣе двухъ предметовъ: направленій и партій въ Литтературѣ. Защищая свои мнѣнія, противникъ нашъ оканчиваетъ выводомъ, что онъ и одномыслящіе съ нимъ люди правы, и что рано или поздно побѣда будетъ на ихъ сторонѣ. Разсмотримъ это подробнѣе.

Направленіемъ въ Литтературѣ называемъ мы то, часто невидимое для современниковъ, внутреннее стремленіе Литтературы, которое даетъ характеръ всѣмъ, или по крайней мѣрѣ весьма многимъ произведеніямъ ея въ извѣстное, данное время. Оно всегда есть и бываетъ почти всегда независимо отъ усилій частныхъ. Основаніемъ его, въ обширномъ смыслѣ, бываетъ идея современной эпохи или направленіе цѣлаго народа. Будучи выраженіемъ общества, Литтература и независима какъ общество. Слѣдственно, ея направленія бываютъ сообразны времени и мѣсту, и въ этомъ смыслѣ никакія партіи не могутъ поколебать ея. Покуда Литтература какая либо должна выражать предназначенную ей идею, до тѣхъ поръ тщетны усилія совратить ее съ пути. Напротивъ, послѣ, когда кончился періодъ одного направленія, когда

Digitized by Google

выражена предназначенная идея, тогда, часто случается, что первый могучій смѣльчакъ указываетъ Литературѣ направленіе новое. Разумѣется, люди прежняго поколѣнія, прежніе дѣйствователи, уже одряхлѣвшіе для новыхъ подвиговъ, упрямо остаются при своихъ мнѣніяхъ, или, убѣдившись въ несообразности прежняго порядка дѣлъ, хотятъ идти къ новому своимъ, особеннымъ путемъ. Вотъ начало и неизбѣжность партій!

Партіи защищаютъ или порицаютъ не столько направленіе въ Литературѣ, сколько личныя мнѣнія, слѣдственно не столько дѣло свое, сколько людей, исповѣдующихъ сіи мнѣнія, и всего чаще просто людей, стоящихъ во главѣ партіи. Онѣ обыкновенно имѣютъ одного какого нибудь предводителя, которому вѣрятъ безусловно, въ которомъ находятъ все прекраснымъ, и слѣдуютъ ему во всемъ, даже въ недостаткахъ и литературныхъ шалостяхъ его.

Примѣните къ этому теоретическому очерку историческія фигуры, являвшіяся во всѣхъ Литературахъ, и вы увѣритесь въ истинѣ онаго. Вспомните о партіяхъ, раздѣлявшихъ нашу Литературу.

Но могутъ-ли партіи существовать безъ какого нибудь основанія? Это все равно, что спросить: можетъ-ли быть дѣйствіе безъ причины? Какъ во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, такъ и въ Литературѣ, и въ партіяхъ, всегда раздѣляющихъ ее, есть для всего основныя причины. Не

Digitized by Google

хочу хвастливо отличаться мудростію подозрѣнія, которое заставляетъ слишкомъ во многомъ видѣть зло. Особенно въ Литературѣ, мнѣ кажется, всего менѣе должно искать объясненія многихъ странныхъ явленій, въ зломъ началѣ природы человѣческой. Такъ и въ отношеніи къ партіямъ, зачѣмъ всегда видѣть въ нихъ только личности? Зачѣмъ не проникнуть глубже, въ истинныя причины видимаго уваженія къ нѣкоторымъ лицамъ, къ нѣкоторымъ мнѣніямъ? Не дѣтское простодушіе заставляетъ такъ говорить меня, а опытность и дѣятельная жизнь среди столкновенія, борьбы и распрей всѣхъ партій, унизившихся въ наше время до самаго жалкаго наѣздничества. Это уже, собственно говоря, не партіи, а одинокіе, и не удалые, а отчаянные наѣздники, изъ которыхъ каждый хлопочетъ о себѣ. Къ партіямъ, напротивъ, можно имѣть уваженіе, можно и должно смотрѣть на нихъ какъ на усилія выразить какія нибудь идеи, столь обольстительныя, что ихъ защищаетъ большое число людей, ибо подъ именемъ партіи нельзя разумѣть единицъ. Даже личная приверженность многихъ къ какому нибудь человѣку, предполагаетъ въ немъ существенныя какія нибудь достоинства; тѣмъ болѣе когда это литераторъ, и когда не привѣтливыя фразы или хорошій столъ, а сочиненія и труды его заставляютъ далекихъ ему людей идти съ нимъ на жизнь и на смерть.

Такъ судя объяснялъ я партіи, существовавшія въ нашей Литературѣ при началѣ XIX-го столѣтія. Не сами Карамзинисты и Славянофилы были

Digitized by Google

значительны для меня, а основаніе ихъ мнѣній и усилія ихъ въ преобразованіи Литтературы. Въ Карамзинѣ видѣлъ я прекрасное усиліе обогатить нашу Словесность новыми образцами, усиліе, ознаменовавшееся счастливымъ успѣхомъ, но превращенное послѣдователями его (прошу замѣтить: послѣдователями) въ смѣшной неологизмъ, расплывшійся рѣкою слезливости. Благородное усиліе противниковъ его: остановить это несчастное наводненіе, также достойно уваженія: я отдалъ ему справедливость, и слѣдуя за основными мыслями той и другой партіи, нашелъ ихъ опять, хотя измѣненныя временемъ, одну въ поклонникахъ Карамзина, и другую въ той школѣ, къ которой принадлежитъ Г. Катенинъ. Но такъ какъ исключительная приверженность къ одной, частной мысли, вредна въ Литтературѣ, то я хотѣлъ именно *помирить* оба противныя мнѣнія, сказавъ, что въ обоихъ основаніе было хорошо, но исполненіе главной мысли не соотвѣтствовало оному, ибо каждая изъ противоположныхъ сторонъ хотѣла подвести цѣлую Литтературу подъ одну мысль, и не поддерживала требованій своихъ отличными дарованіями. Примѣромъ этого, думалъ я и думаю, могутъ служить сочиненія Г-на Катенина, который такъ-же не умѣлъ выразить въ изящныхъ формахъ главной мысли своей школы, какъ не умѣли выполнить главной мысли Карамзина многіе, даже съ дарованіемъ послѣдователи его.

Все это кажется мнѣ такъ ясно и вѣрно, что едва-ли можетъ быть помрачено оспариваніями.

Digitized by Google

Взглянемъ, для примѣра, на возраженія Г-на Катенина.

Изобразивъ идеалъ поэта, онъ говоритъ наконецъ: «Ему грозитъ тоже, что претерпѣлъ я,»— и далѣе, старается увѣрить своихъ читателей, а въ томъ числѣ и меня, что не литтературные противники, но личные непріятели вооружались противъ него. Все это клонится къ одному: оправдать свои сочиненія и дать выразумѣть, что сочиненія сіи хороши, и что лишь постороннія отношенія были причиной шума, который много разъ возбуждали они.

Признаюсь, я не могу согласиться съ этими выводами, потому что они противорѣчатъ моему убѣжденію. Поэтъ, не какъ человѣкъ общественный, а какъ поэтъ, не зависимъ отъ враговъ. Могутъ-ли ничтожные шмели и трутни заслонить полетъ орлу, или заглушить голосъ лебедя? Можетъ-ли и публика повиноваться, въ дѣлѣ Словесности, приговору нѣсколькихъ пристрастныхъ судей? Этого не бывало отъ начала міра; а послѣ такой, довольно долгой опытности, можно сказать: и не будетъ никогда. Могли-ли повредить личныя отношенія Тассу, Корнелю, Державину? Скажемъ болѣе: могли-ли повредить они вообще дарованію? Несчастна, ужасна была жизнь Макіавеля, Ленца, Шеридана; кто однакожь не отдавалъ справедливости высокимъ ихъ дарованіямъ? Да и на что человѣку, убѣжденному въ своемъ дарованіи, или даже только въ стремленіи къ истинѣ, на что ему хвалы и покровительство? Неуже-

Digitized by Google

ли оскорбленія враговъ и несправедливость людей въ самомъ дѣлѣ могутъ «смутить его, оглушить свистомъ, бранью, смѣхомъ и проч., такъ что онъ въ цѣлую жизнь будетъ испытывать одни оскорбленія и горести?» По крайней мѣрѣ тотъ высокій поэтъ, котораго идеалъ предполагаетъ Г. Кашенинъ, не будетъ имѣть подобной участи. Осмѣлюсь увѣрить всякаго, что и Г. Кашенинъ не всегда отъ враговъ видѣлъ осужденіе своихъ стихотвореній и журнальныхъ статей. Ему угодно причислять меня, *на случай войны, къ поклонникамъ Карамзина*: умываю руки отъ этого ошибочнаго заключенія. Но если не шутя причисляетъ онъ и всѣхъ романтиковъ къ тому-же разряду, то прежде всѣхъ попадетъ въ этотъ разрядъ онъ самъ, какъ одинъ изъ самыхъ старшихъ и ревностныхъ романтиковъ нашихъ.

Будемъ откровеннѣе въ сужденіяхъ нашихъ. По крайней мѣрѣ я старался объ этомъ, объясняя причины худаго успѣха стихотвореній Г-на Кашенина. Не приписывалъ и не приписываю неуспѣха его личностямъ, потому что никогда не мѣшаютъ онѣ побѣдному шествію дарованія. Повторяю, что причина всѣхъ тревогъ, сопровождавшихъ появленіе стихотвореній Г-на Кашенина, заключается въ нихъ самихъ.

Причисляя къ литтерашурнымъ противникамъ своимъ всѣхъ Журналистовъ и всѣхъ романтиковъ, Г. Кашенинъ утверждаетъ, что на его сторонѣ нѣтъ никого. «Гдѣ Грибоѣдовъ? Гдѣ Авторъ *Ижор-*

Digitized by Google

скаго ?» спрашиваетъ онъ. Правда, ихъ уже нѣтъ теперь; но они существовали, дѣйствовали, такъже какъ Г. Жандръ, котораго блистательная Муза смолкла давно, такъ-же какъ необыкновенный дарованіемъ поэтъ Князь Шихматовъ, и какъ множество другихъ, достойныхъ уваженія Славянофиловъ. Многіе изъ нихъ участвовали въ Журналѣ, который издавался подъ названіемъ: *Бесѣды Любителей Русскаго Слова;* вообще школа ихъ была довольно многочисленна. Послѣ этого, Г-нъ Катенинъ не можетъ сказать, что остается онъ одинъ. Я наименовалъ людей, достойныхъ памяти; но партіи или школы составляются не изъ такихъ только людей. Въ противоположной партіи Карамзинистовъ (называю тѣхъ и другихъ первоначальными ихъ именами, ибо не могу вдругъ пріискать болѣе выразительныхъ именъ), въ партіи Карамзинистовъ было гораздо менѣе писателей, отличенныхъ заслугами дарованія, однакожь Г. Катенинъ соглашается, что партія сія была многочисленна. И между Славянофилами были не все Грибоѣдовы и Шихматовы. Были многіе, очень многіе. Какъ не видитъ онъ, что даже въ книгѣ его встрѣчаемъ вдругъ трехъ одномыслящихъ: самого Автора, Издателя его Сочиненій, и Князя Голицына, котораго стихи приложены въ концѣ?

Кажется, все это, хотя не такъ подробно, однакожь ясно, выражено въ статьѣ моей, и я не понимаю, изъ чего вывелъ Г. Катенинъ, будто я соглашаюсь, что не «критическій разумъ, а только страсти раздраженныя возставали на его добро-

Digitized by Google

совѣстные въ Поэзіи труды. » Я не имѣю ни какого понятія о *раздраженныхъ страстяхъ*, *которыя возставали на труды его*, а если-бъ и зналъ о нихъ что нибудь, то не ими сталъ-бы объяснять разсматриваемое нами явленіе. Я видѣлъ въ этомъ событіе, достойное вниманія въ Исторіи нашей Литтературы, и объяснялъ его внутреннимъ смысломъ стихотвореній Г-на Катенина и стремленіемъ партій его времени. Могу прибавить, что теперь это время уже прошло, и обѣ упомянутыя партіи скоро совершенно присоединятся къ прошедшему; останутся только истинныя заслуги каждой: ихъ-то хотѣлъ я открыть въ стихотвореніяхъ Г-на Катенина. Надѣюсь даже и теперь, что мой благонамѣренный, безпристрастный разборъ долженъ быть оцѣненъ по достоинству умнымъ, любящимъ правду Авторомъ. И конечно, мы, люди новаго поколѣнія, можемъ сказать о себѣ, что не принадлежимъ ни къ одной изъ прежнихъ партій. Совсѣмъ другія выгоды, другое направленіе и другія партіи въ Литтературѣ занимаютъ насъ. Посему, напрасно Г. Катенинъ старается не понимать сокрушенія моего за споръ объ *Ольгѣ*, и объясняетъ его духомъ партій своего времени: просто, мнѣ было скорбно видѣть человѣка съ такимъ дарованіемъ Грибоѣдова, до того ослѣпленнаго ученіемъ своей партіи, что онъ не видалъ красотъ *Людмилы*, которая дѣйствительно выше *Леноры* Биргеровой. Я увѣренъ, что Жуковскій перевелъ сію послѣднюю не для того, чтобы сознаться въ ошибкѣ своей, какъ говоритъ Г. Катенинъ, а что-

Digitized by Google

бы показать, сколь отлично это произведеніе отъ *Людмилы*. Иначе, зачѣмъ сталъ-бы онъ помѣщать въ новомъ изданіи своихъ сочиненій и *Людмилу* и *Ленору?*

Наконецъ, желая поразить меня и рѣшительно доказать, что я ошибаюсь почитая Стихотворенія Г-на Катенина дурными по наружной отдѣлкѣ, Авторъ ихъ спрашиваетъ: « Неужели вы думаете, что слогъ или наружная форма независимы отъ внутренняго духа? что можно мыслить здраво и дѣльно, воображать смѣло и красно, чувствовать живо и глубоко, и съ тѣмъ вмѣстѣ говорить глупо, вяло, пошло, et vice versâ? Въ какомъ вѣкѣ и народѣ отроете вы поэта, который-бы подходилъ подъ ваше, съ природою человѣка несходное правило? »

Въ самомъ дѣлѣ, если-бы такъ думалъ я, это было-бы ни на что не похоже. Но такимъ мнѣніемъ ссужаетъ меня только Г. Катенинъ, не желая выразумѣть смысла моихъ словъ. Я давно знаю то, что хочетъ сказать онъ о нераздѣльности формы отъ сущности въ произведеніяхъ изящныхъ. Но я говорилъ о сущности его стихотвореній, всѣхъ стихотвореній, и оригинальныхъ и переводныхъ, а онъ спрашиваетъ меня объ органической, такъ сказать, природѣ изящныхъ произведеній вообще! Я говорилъ о направленіи трудовъ его, о теоріи его, а онъ хочетъ примѣнить это прямо къ своимъ стихотвореніямъ. Да, очень можно мыслить здраво и дѣльно, а поступать совсѣмъ иначе, во-

Digitized by Google

ображать смѣло, чувствовать живо и глубоко, но не умѣть ничего выразить. Слова Г-на Каченина показываютъ, въ какомъ состояніи находится у насъ теорія Искусствъ!... Творенія Словесности почитаютъ у насъ какимъ-то дѣломъ ума, размышленія, отчетливости, и не хотятъ видѣть, что это творенія Искусства, дѣло художника, одареннаго силой созданія! Художникомъ, творцомъ сдѣлаться не льзя: надобно родиться и воспитаться для этого съ особеннымъ предназначеніемъ. Это истина, давно признанная вѣками, а между тѣмъ у насъ почитаютъ Словесность Наукою, и думаютъ, что всякій умный, положимъ отлично-умный человѣкъ можетъ быть поэтомъ!... Вотъ происхожденіе безчисленнаго множества стихотворцевъ, и малаго числа поэтовъ. Вотъ и причина раздражительности, съ какою стихотворцы принимаютъ у насъ осужденіе ихъ произведеній! Они думаютъ, они увѣрены, что охуждая ихъ стихи, унижаютъ ихъ умъ; они не хотятъ разсудить, что можно быть геніяльнымъ человѣкомъ и плохимъ стихотворцемъ; не хотятъ видѣть разительныхъ примѣровъ, и вспомнить, какіе дурные стихи писали великіе геніи: Ришельё, Петръ Великій, Суворовъ! Неужели и послѣ этого не убѣдится Г. Каченинъ, что я не противорѣчилъ себѣ, называя хорошею *сущность* его стихотвореній, и находя *дурнымъ каждое его стихотвореніе* отдѣльно? Онъ посягалъ изящное умомъ, а не дарованіемъ, посягалъ критически, но не могъ выполнять своей Теоріи, ибо дарованіе и умъ со-

Digitized by Google

вершенно различны. Умъ независимъ отъ дарованія. Замѣчено даже, что великіе художники бываютъ рѣдко отличными людьми въ общественной жизни, гдѣ надобенъ только умъ. Возьмемъ въ примѣръ самое низшее изъ Искусствъ: Танцованіе; извѣстно каковы были всѣ отличные танцовщики. Взойдемъ выше, къ Музыкѣ: почти всѣ музыкальные геніи были очень посредственные люди и часто шалуны. Въ Живописи видимъ тоже явленіе. А въ Словесности? Развѣ Шекспиръ не былъ шалунъ въ молодости, дурной актеръ въ лѣта мужества, и вообще самый незамѣчательный гражданинъ? Байронъ развѣ не былъ смѣшонъ своимъ аристократствомъ, отвратителенъ шалостями, и не годился ни въ Парламентъ, ни въ преобразователи Греціи, ни въ общественную жизнь? А нашъ Державинъ? Вспомните написанную имъ теорію того самаго Искусства, въ которомъ онъ превосходствовалъ. Вспомните еще Піитику Лопеца де Вега. Хороша?

Все это служитъ доказательствомъ, что умъ, который можетъ быть геніяльнымъ въ Наукахъ, въ теоріи, въ дѣятельности общественной жизни, совершенно безсиленъ и не значитъ ничего въ Искусствѣ. На оборотъ, Искусство, поэтическій даръ, ни сколько не пособляютъ намъ, гдѣ надобна возвышенность или глубина ума. Природа какъ будто не хочетъ соединить того и другаго, или какъ будто утомляется образуя одну сторону духовныхъ способностей человѣка, и отъ того оставляетъ не докончанною другую. Вслѣдствіе этого,

Digitized by Google

теоретикъ, критикъ, можетъ быть превосходнымъ въ своей области, и не умѣть создать ничего для подтвержденія своей теоріи. Что хвалилъ я въ Г-нѣ Катенинѣ? Основную мысль его школы. И въ школѣ его, и въ немъ, отдавалъ я справедливость усиліямъ ввести въ нашу Словесность новые роды, обогатить ее заимствованіями изъ Русскаго быта, изъ Русской старины, желанію писать истинно-Русскія стихотворенія, благоразумному взгляду на Романтическую Поэзію и старанію переводить великихъ романтиковъ. Но къ этому прибавилъ я, что всякій писатель, принадлежа или нѣтъ къ какой-бы то ни было школѣ, имѣетъ и собственную свою физіогномію въ Литтературѣ. За этимъ слѣдовало сужденіе о стихахъ Г-на Катенина, гдѣ сказалъ я, что стихи его не хороши, и что форма ни сколько не повинуется внутренней мысли сего писателя. Надобно-ли еще доказательство, самое осязаемое? Г. Катенинъ переводилъ превосходныхъ поэтовъ: Данте, Аріосто, Корнеля, Расина; но, спрашиваю всякаго безпристрастнаго: похожи-ли переводы его на оригиналы? Сущность, внутренній смыслъ этихъ Авторовъ остались тѣ-же, но форма погубила ихъ. Еще доказательство: Г. Катенинъ предлагалъ ввести въ стихотворство наше октавы; мысль прекрасная и вѣрная; но обратилъ-ли на нее кто нибудь вниманіе, пока другіе не доказали, болѣе убѣдительными примѣрами, возможности Русской октавы? Г. Катенинъ хорошо понимаетъ сущность истинной Поэзіи, но не умѣетъ выражать ея въ

Digitized by Google

изящныхъ созданіяхъ. Вотъ мысль моя вполнѣ. Надобно согласиться или съ нею, или съ Г. Катенинымъ, по мнѣнію котораго хорошимъ поэтомъ можетъ быть всякій человѣкъ, имѣющій нѣсколько вѣрныхъ мыслей о Поэзіи, всякій мыслящій человѣкъ, и всего вѣрнѣе въ переводахъ поэтическихъ, гдѣ сущность уже готова, а при изящной сущности не можетъ быть дурной формы. Такъ думаетъ мой противникъ.

Нѣсколько словъ о нововведеніяхъ. Я совсѣмъ не ревную убавлять въ языкѣ запасовъ и средствъ къ выраженію, находя неумѣстными слова, подобныя приведеннымъ мною; думаю только, что *возвративый*, *рамо*, *ланита*, слова старыя, которыя лишь художникъ можетъ употреблять кстати; основывать-же на подобныхъ словахъ цѣлую систему улучшеній, не возможно. Позволительно, иногда, занять у покойника что нибудь, бывшее въ немъ хорошимъ; но лечь подобно ему въ гробъ, кажется, было-бы неудачное подражаніе. Хотѣть подражать умершей формѣ языка, въ словѣ: *возвративый*, значитъ осуждать языкъ на неподвижность, которая всего вреднѣе въ произведеніяхъ духа человѣческаго.

Да ушѣшится Г. Катенинъ въ сокрушеніяхъ своихъ о публикѣ нашей и бѣдствующемъ (будтобы) словѣ Русскомъ. Публика наша совсѣмъ не такъ безграмотна, какъ думаетъ онъ, а слово Русское отнюдь не бѣдствуетъ: первому доказательствомъ служитъ успѣхъ всякой хорошей книги, начиная

Digitized by Google

отъ поэтическихъ созданій Пушкина, до сухихъ, казалось-бы, книгъ, издаваемыхъ Г-мъ Устряловымъ; другому доказательство находится въ улучшенной версификаціи нашей, и въ такомъ богатствѣ, изяществѣ языка нѣкоторыхъ книгъ, какого не знали во времена Славянофиловъ. Кто изъ прежнихъ литтераторовъ, по языку можетъ быть поставленъ рядомъ съ Пушкинымъ и съ Авторомъ *Русскихъ Повѣстей и Разсказовъ?*

Всего страннѣе покажется Г-ну Кашенину заключеніе сей статьи, которое должно быть необходимымъ выводомъ всего, сказаннаго выше. Утверждаясь на полезномъ, благородномъ стремленіи своей партіи къ усовершенствованіямъ въ языкѣ и Словесности, онъ ждетъ побѣды и одолѣнія сопротивниковъ. Ожиданіе напрасное! Его одномыслящіе совершили свое дѣло и уже остаются только въ Исторіи Литтературы. Нынѣшнее направленіе Словесности гораздо обширнѣе и объемлющѣе прежнихъ. Русская Литтература пріобрѣла въ послѣднія десять лѣтъ столько понятій, и подвинулась такъ далеко впередъ, что въ ней необходимо должны были получить надлежащее мѣсто не только всѣ прежнія добрыя усилія, но и множество новыхъ. Такъ и усилія Славянофиловъ, обратить соотечественниковъ къ Русской старинѣ, уже награждены успѣхомъ, и хотя не имъ однимъ принадлежитъ заслуга въ этомъ случаѣ (ибо всего болѣе способствовалъ сему взглядъ новой Философіи), однакожь и они имѣютъ свою долю въ благодар-

Digitized by Google

ности преемниковъ — что доказываетъ, между прочимъ, эта самая статья наша. Слѣдственно Г. Катенинъ ожидаетъ того, что уже совершилось, и въ этомъ смыслѣ можно назвать ожиданіе его запоздалымъ. Не только умы лучшихъ литтераторовъ, но и вниманіе толпы обращены теперь на Русь, на ея народность, на ея историческій и поэтическій бытъ. Скоро, можетъ быть, это даже выйдетъ изъ границъ благоразумія, и тогда явится какое нибудь противодѣйствіе *Россійскимъ* сочиненіямъ, которыя возникаютъ подъ названіями *Димитріевъ Самозванцевъ, Наливаекъ, Мазепъ*, и прочихъ другихъ.

Такимъ образомъ направленіе Литтературы не зависитъ отъ партій Литтература стремится своимъ путемъ, и заимствуя добро отъ всѣхъ и отвсюду, не знаетъ ни пристрастій, ни личностей. Скажемъ яснѣе: партіи необходимы въ Литтературѣ для поясненія и обработанія отдѣльныхъ идей, и мы показали это въ примѣрѣ Карамзинистовъ и Славянофиловъ: показали, въ чемъ тѣ и другіе были полезны; но партіи совершенно ничтожны всравненіи съ общимъ направленіемъ, которое у народа образованнаго бываетъ всегда къ лучшему. Партіи обыкновенно защищаютъ или отстаиваютъ какое нибудь частное направленіе, а общее направленіе пользуется всѣми ими и бываетъ выше всѣхъ ихъ. Посему никакъ не должно сокрушаться о прошедшемъ и видѣть въ настоящемъ одно зло, ибо этого не допускаетъ эклектизмъ, о которомъ упоминаетъ Г. Каше-

Digitized by Google

нинъ: такое сокрушеніе есть вѣрный признакъ партіи устарѣвшей. Смѣшавъ частное съ общимъ, направленіе съ партіею, можно почитать себя правымъ; но эта правота убѣдительна не для всякаго.

Мы напечатали отвѣтъ Г-на Катенина, потому что онъ заключаетъ въ себѣ изложеніе мыслей уважаемаго нами писателя, и можетъ служить объясненіемъ дѣйствій многихъ, одномыслящихъ съ нимъ Литтераторовъ. Но мы также находились въ необходимости отвѣчать ему, дабы пояснить свои собственныя мысли, и доказать, что Г. Катенинъ напрасно почитаетъ себя и своихъ гонимыми, преслѣдуемыми въ Литтературѣ. Направленіе ихъ было слишкомъ частно, односторонне, и потому не могло возобладать всею Литтературою. Теперь еще менѣе остается имъ надежды къ побѣдѣ, когда строи этого отличнаго легіона постепенно рѣдѣютъ, а взглядъ ихъ на Искусство болѣе и болѣе оспоривается событіями.

Кстати скажемъ: у насъ издавна укоренилось повѣрье, что Журналъ есть складочное мѣсто, гдѣ всякій можетъ выставлять свое мнѣніе. Вслѣдствіе этого и Г. Катенинъ спрашиваетъ: Гдѣ въ Журналахъ у насъ чужому мнѣнію свобода и просторъ? Мы спросимъ напротивъ: Гдѣ въ Журналахъ у насъ собственныя мнѣнія Издателей? Не всѣ-ли Журналы, въ числѣ пяти или шести, суть складочныя мѣста? И не видѣли-ль мы еще недавно, какъ одна газета призналась, что нѣсколько лѣтъ помѣщала она, безъ всякихъ оттѣнковъ, чужія статьи вздорныя, ложныя, несогласныя съ ея мнѣ-

Digitized by Google

ніемъ, слѣдственно только вводила своихъ читателей въ заблужденіе? Вотъ до чего дошла у насъ безцвѣтность мнѣній!... Можно-ли послѣ этого удивляться, что публика наша не вѣритъ Журналамъ и не поддерживаетъ ихъ? Мы, напрошивъ, думаемъ, что Журналъ долженъ быть выраженіемъ одного извѣстнаго рода мнѣній въ Литтературѣ, и чужія мнѣнія должны быть допускаемы въ оный съ большою осмотрительностью, съ опроверженіемъ, если то нужно, или по крайней мѣрѣ съ оттѣнкою. Въ такомъ Журналѣ публика ищетъ знакомаго ей образа мыслей, и мнѣніями его облегчаетъ образованіе своихъ мнѣній, заставляя въ тоже время Издателей быть безпристрастными и вѣрными самимъ себѣ. Такъ дѣйствовали мы донынѣ, такъ будемъ дѣйствовать и впредь.

К. П.

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Кощей безсмертный*, Былина стараго времени. Сочиненіе Александра Вельтмана. 3 части. М. 1833. Въ т. А. Семена. 298, 252 и 262 стр. in-12. (*).

Я былъ въ какомъ-то, очарованіи. Какой-то чародѣй перенесъ меня въ міръ древней Руси, въ міръ плѣнительный, наполненный живыми, поэтическими образами. Старина, драгоцѣнная, милая сердцу нашему, Русская старина воскресла для меня, со своими обычаями и вѣрованіями, со всею своею жизнію. Тамъ видѣлъ я Русскихъ богатырей и вѣрныхъ подручниковъ ихъ, видѣлъ красавицъ Русскихъ, подъ нѣжнымъ, полупрозрачнымъ покрываломъ; чувствовалъ вмѣстѣ съ ними любовь и робость любви, тоску и радость ея; тамъ явились мнѣ и свирѣпые пришельцы Азійскіе, страшные губители предковъ нашихъ, Татары, со всею поэзіею своихъ завоеваній, нашествій и дикихъ пировъ на

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 15 р. асс. за экземпляръ.

Digitized by Google

дымящихся развалинахъ. Тамъ внималъ я мудрымъ изрѣченіямъ древнихъ старцевъ, слушалъ поученія и видѣлъ дѣйствія священнослужителей; напрягалъ слухъ къ говору птицъ и понялъ дивные разсказы ихъ. Слышалъ я и чудные, родные намъ, славные разсказы сказочниковъ древнихъ. Но всего больше полюбились мнѣ тамъ, сильный и могучій богатырь Ива Олельковичъ, да вѣрный и благоразумный оруженосецъ его Лазарь. Съ ними скакалъ я по лѣсамъ и долам, въ погоню за злохитрымъ, злоумнымъ Кощеемъ, дѣвичьимъ воромъ. Проскакали мы и видѣли не тридесять царствъ, а всю старую Русь насквозь: только уголки остались по сторонамъ. И чего не узнали, не перевидали мы въ этой славной издревле Руси, святой отчизнѣ нашей! Видѣли богатырей, ростомъ не выше княжескихъ палашъ, плечо отъ плеча далеко какъ утро отъ вечера; мечами рубятъ они горы на полы, лукъ у нихъ величиной съ дугу радугу, тулъ съ черную тучу, полную громовыхъ стрѣлъ, а палицѣ и мѣры нѣтъ; видѣли красныхъ дѣвъ Русскихъ, у которыхъ очи какъ двѣ свѣтлыя звѣзды, лицо какъ заря утренняя, а въ жилкахъ видно какъ кровь переливается.... Не вѣрите? Спросите у Лазаря-Сказочника, оруженосца Ивы Олельковича!... Да можно-ли пересказать все, что мы тамъ видѣли, и что при томъ чувствовали?

«Но гдѣ-же этотъ дивный, славный, чудесный міръ?» спросятъ у меня читатели. «Скажи намъ, гдѣ ты видѣлъ его и покажи, если можешь!» Исполню первое, и вѣрно заслужу тѣмъ Русское

Digitized by Google

спасибо; а посмотрѣшь его, полюбовашься и насладишься имъ, этимъ очарованнымъ міромъ, вы можете сами.

Загляните въ книгу: *Кощей безсмертный.* Въ самомъ дѣлѣ, объ этой книгѣ не льзя говорить, какъ о явленіи обыкновенномъ. Это явленіе рѣдкое, чудное, фантастическое и вмѣстѣ вѣрное истинѣ до такой степени, что, читая его, вы дѣйствительно присутствуете всему, о чемъ говорили мы, высказывая смѣшанныя впечатлѣнія наши. Это уже перестаетъ быть чтеніемъ для васъ, когда вы переселились въ очарованную область *Кощея:* это какое-то видѣніе, которому вѣрите вы, потому что видите его своими глазами. Авторъ имѣлъ право назвать его не романомъ, хотя сочиненіе его имѣетъ всю форму романа, не сказкой, хотя все очарованіе сказки находится въ немъ, и не былью, потому что не было того происшествія, о которомъ повѣствуетъ онъ, хотя и не могло-бы оно быть иначе, если-бъ случилось. Въ общности этого произведенія, условія Искусства выполнены превосходно, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно до такой степени оригинально, до того не походитъ ни на одинъ изъ всѣхъ явившихся донынѣ романовъ Русскихъ, что можетъ означать совсѣмъ особый родъ. Дѣйствительно, это нѣчто среднее между Аріостовскою поэмой и самымъ степеннымъ видомъ сочиненій того-же рода: В. Скоттовымъ романомъ. Русь, истинная древняя Русь, оживлена тутъ фантазіею Сказки Русской. Въ этой рамѣ вставлено безчисленное множество лицъ, которыя той-

Digitized by Google

мешъ и полюбишъ каждый Рускій, знакомый съ своею старпною. Среди этихъ лицъ, окруженныхъ самымъ вѣрнымъ, живымъ изображеніемъ обычаевъ, повѣрій и суевѣрій народныхъ, занимаетъ главное мѣсто рыцарь Ива Олельковичъ, столь-же благородный, добрый, безстрашный, и столь-же простодушный, странный, ослѣпленный своею цѣлью какъ Донъ-Кихотъ. Не думайте однакожь, чтобы въ *Кощеѣ* было хотя малѣйшее подражаніе Сервантесову роману. Сходство двухъ главныхъ лицъ: Ивы Олельковича и оруженосца его Лазаря, съ Донъ-Кихотомъ и Санхо-Пансою, болѣе аналогическое, нежели существенное. Основная мысль Автора, какъ мы понимаемъ ее, ни сколько не походитъ на основную мысль Сервантесову. Г. Вельтманъ хотѣлъ представить намъ Русь, въ поэтическихъ образахъ, и, кажется, успѣлъ въ этомъ совершенно. Непрерывная занимательность его романа, поддерживающаяся отъ первой страницы до послѣдней, не помѣшала ему входить въ подробныя изображенія Русскаго быта. Не смотря на то, что романъ его связанъ поэтическою цѣпью множества приключеній разныхъ лицъ, онъ представляетъ самое тщательное описаніе образа жизни, дѣлъ, отношеній, обычаевъ, умоначертанія въ древней Руси. Всемогущая поэзія проникаетъ мѣлчайшія части этого произведенія и придаетъ имъ особенную занимательность.

Предоставляемъ другимъ разсмотрѣть въ подробности и оцѣнить вполнѣ всѣ красоты *Кощея*. Строгій взоръ, вѣроятно, отыщетъ и нѣкоторые

Digitized by Google

недосмашки въ немъ. Но, смѣемъ увѣрить, это будутъ однѣ мѣлочи. Общность *Кощея* изумительна, и столько даетъ душѣ впечатлѣній пріятныхъ, что критическое перо невольно выпадаетъ изъ рукъ. Читатели наши, можетъ быть, повѣрятъ намъ, что мы довольно хорошо знаемъ древнюю Русь; просимъ ихъ вѣрить и тому, что еще никогда не была предствавлена поэтическая Русь такъ пламенно, вѣрно, живо, какъ въ *Кощеѣ*. Прочитавъ его, вы точно какъ будто побывали у предковъ своихъ, пожили съ ними и возвратились въ нынѣшнюю Русь съ новою любовью къ нимъ. Чувство сладостное, и кто умѣлъ возбудить его, тотъ достоинъ вѣнка поэтическаго.

Изъ числа многихъ эпизодовъ, просимъ обратить вниманіе на разсказъ стараго вòрона: это поэзія истинно Русская и высокая! Вообще, все повѣствованіе Іерея Симона принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ сочиненія Г-на Вельтмана. Еще надобно замѣтить, какъ счастливо умѣлъ Авторъ воспользоваться Русскимъ юморомъ, который до сихъ поръ оставался заповѣдною тайною для большей части нашихъ писателей: они сбивались въ немъ или въ грубое шутовство, или въ подражаніе чему нибудь чужому. Г. Вельтманъ понялъ сущность Русскаго юмора и выразилъ его въ изящныхъ формахъ, заимствованныхъ изъ нашего стараго быта.

Слогъ Автора совершенно соотвѣтствуетъ внутреннему достоинству его сочиненія. Правильный, вѣрный духу изображаемыхъ лицъ, измѣнчивый какъ они, онъ служитъ откликомъ то Новго-

Digitized by Google

рода, то пришлеца изъ-за горъ Кавказскихъ, то вишязя, то Татарина, то нѣжной красавицы, то громовыхъ изрѣченій какого нибудь чародѣя. И здѣсь видимъ Русь пятнадцатаго столѣтія во всемъ разгулѣ.

— *Эль Тровадоръ*, или месть за месть. Испанская быль 1826 года. *Сочиненіе Русскаго.* Ч. I. М. 1833 г. въ т. Лазаревыхъ Инст. Восточн. языковъ, in-12, XIII и 163 стр.

Издатель посвящаетъ эту книжку: Автору Юрія Милославскаго и Рославлева, Михайлѣ Николаевичу Загоскину, изъ уваженія къ его душевнымъ достоинствамъ и *литературнымъ заслугамъ.*

Надобно знать, что *Издатель* совсѣмъ особенное лицо отъ *Сочинителя* этой *Испанской были* 1826 *года.*

Издатель есть Г-нъ Тонкачеевъ, молодой литтераторъ, печатавшій нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній въ повременныхъ изданіяхъ, и отдѣльно. *Сочинитель* — нѣкто *Рускій.* Узнаемъ изъ *Предисловія* Издателя, что этотъ *Рускій* много лѣтъ путешествовалъ по Европѣ, Азіи и Америкѣ, и умеръ на пути въ Россію, прошлаго года, въ Инспрукѣ. Родные его отдали оставшіяся послѣ него бумаги Г-ну Тонкачееву. Онъ разобралъ ихъ, нашелъ отрывки *путевыхъ очерковъ*, и нѣсколько *повѣстей*, въ которыхъ Сочинитель изображаетъ нравы видѣнныхъ имъ земель. Одну изъ такихъ повѣстей рѣшился Г-нъ Тонкачеевъ, для опыта, напечатать. Если первая понравится, явятся другія.

Digitized by Google

Пробная эта повѣсть называется: *Эль Тровадоръ* — имя, которое даютъ въ Испаніи удальцамъ особеннаго рода. Она составляетъ нѣчто среднее между повѣстью и описаніемъ нравовъ. Мы совсѣмъ не думаемъ осуждать этого рода произведеній Словесности. Напротивъ, онъ можетъ быть изященъ и занимателенъ, какъ какъ и всѣ другіе роды. И въ наше-ли время, когда главное стараніе устремлено на то, чтобъ сбить, уничтожить старыя однообразныя формы, ошъ коихъ Словесность походила на чинный и скучный балъ, гдѣ толпа людей ходитъ по размѣру, подъ однотонные звуки музыки, въ наше-ли время спорить о формахъ, приводя тотъ или другой литтературный кодексъ? Да и на какой кодексъ прикажете сослаться? Буало не въ модѣ; Горацій подавно; объ Аристотелѣ и подумать страшно! И такъ, впредь до изданія новаго, полнаго и подробнаго, содержащаго законы на всѣ литтературные *казусы* Уложенія, о родѣ, въ какомъ писанъ *Эль Тровадоръ*, ни слова. Онъ можетъ быть хорошъ, если книга выражаетъ тотъ народъ, ту землю, то время, гдѣ и когда происходитъ дѣйствіе, если характеристика нравовъ и обычаевъ дополняетъ событія, служащія основою разсказа, а самыя событія ведутъ къ познанію характеристики мѣста, или времени.

Мы не думаемъ, чтобы *Эль Тровадоръ* выполнялъ всѣ такія *родовыя* условія. Онъ состоитъ изъ 14 небольшихъ отдѣленій, или отрывковъ, которые, большею частію, суть *путевые очерки*. Русскій

Digitized by Google

путешественникъ кидалъ ихъ на бумагу, по дорогѣ своей отъ Малаги до Мадрида и въ Мадритѣ. *Очерки* сіи состоятъ изъ маленькихъ описаній Испанскихъ городовъ, деревень, живописныхъ мѣстоположеній, дурныхъ гостинницъ, красивыхъ, пламенныхъ Испанокъ, странныхъ, гордыхъ, суевѣрныхъ, необразованныхъ Испанцевъ. Все это набросано слегка, поверхностно, нигдѣ не проникнуто ни одною глубокою, свѣтлою мыслью, и не представляетъ собою никакой гармонической общности. Это маскарадъ, гдѣ собралось и собрано множество людей и вещей въ Испанскихъ костюмахъ. Но Испанцы-ли это, Испанія-ли это? Съ природы-ли и мастерски-ли все это списано, т. е. схвачены-ли тутъ народная характеристика и природа Испаніи? Не думаемъ. Правда, тутъ пляшутъ *болеро*, *фанданго*, поютъ *сегедильи* и *кантилены;* свѣтитъ яркое солнце, спѣютъ померанцы, лимоны; синѣются каршинныя горы; но все это Испанія и Испанцы, наряженные въ маскарадъ, а не изображенные въ раздольной, многообразной природѣ своей.

Всего лучше можно понять это изъ характера главнаго дѣйствующаго лица, *Эль Тровадора*. Надобно знать, что изъ числа 14-ти отдѣленій книжки, не всѣ заняты характеристикою Испаніи. Нѣтъ! *Четыре* сряду посвящены совѣщаніямъ Короля и Королевскихъ Министровъ, объ Инквизиціи и другихъ государственныхъ дѣлахъ. Эти четыре отрывка вставлены такъ, что ни предыдущее, ни послѣдующее не связано съ

Digitized by Google

ними. Не знаемъ, оправдается-ли сія вставка въ слѣдующей, 2-й книжкѣ романа, а прочитавъ всю 1-ю, мы не понимаемъ: зачѣмъ они упали шутъ между другими отрывками, и прямо перенесли насъ изъ гостинницъ Испанскихъ въ кабинетъ Короля (замѣтимъ, невѣрно изображеннаго: Фердинандъ VII-й никогда не станетъ говорить того, что говоритъ онъ на стр. 131)? Такую-же *вставку* составляетъ самый *Эль Тровадоръ*. Авторъ ѣдетъ въ Ціудадъ-Реаль. Дорогою его останавливаетъ *Эль Тровадоръ*, славный атаманъ разбойниковъ Короне. Узнавъ, что путешественникъ Рускій, Короне, помня благодѣянія Русскаго Посла Ташищева, не грабитъ Рускаго, а предлагаетъ ему свое покровительство. Проводникъ автора бѣжалъ. Короне ѣдетъ самъ провожать его. Вдругъ — « Пу !... раздался выстрѣлъ — и Короне упалъ съ лошади. » Подарокъ Дона де лосъ-Гивероса ! » кричитъ выстрѣлившій. Но Короне не убитъ, а только раненъ. Авторъ принужденъ ѣхать съ Короне, и вдругъ шакъ сближается съ нимъ, что говоритъ ему: «Удостой меня твоею довѣренностію; извини *щекотливость вопроса!* Скажи, что принудило тебя *выйдти изъ среды людей?*» И Короне разсказываетъ кратко свою Исторію.

Исторія эта могла случиться въ Испаніи и вездѣ: Короне, незнатный *гидальго*, влюбился въ дочь знатнаго *гранда*. Она полюбила его. Отецъ, желая сбыть съ рукъ докучливаго любовника, взвелъ на Короне небылицу (*по Испански-ли это* ? А кинжалъ ? а ядъ ? а Инквизиція?). Нашлись

Digitized by Google

бездѣльники, подшвердили слова вельможи, и Короне былъ выгнанъ изъ службы. Онъ сдѣлался атаманомъ разбойниковъ. Воля Автора: Испанецъ никогда не станетъ разсказывать такъ, какъ онъ заставляетъ Короне разсказывать свои похожденія. Это разсказъ, въ родѣ монологовъ, которые въ юности своей вставлялъ Шиллеръ въ *Разбойниковъ*, *Фіэско*, *Коварство и любовь*. Тутъ громкія слова, восклицательные знаки, междометія, изысканныя выраженія, нашянутая страсть — все, что можетъ придумать какой нибудь восторженный буршъ Нѣмецкій, и что Шиллеръ рѣшительно бросилъ, когда вошелъ въ лѣта, когда узналъ, что страсть истинная никогда такъ не выражается. — *Эль Тровадоръ* и его исторія заняли *два* отрывка.

Вотъ, все это названо: *Эль Тровадоръ*, *Испанская быль* 1826 *года*. Если-бы мы осмѣлились дать мѣсто догадкѣ, то сказали-бы, что *Эль Тровадоръ* писанъ *не въ Испаніи*, *и не путешественникомъ*, *много лѣтъ ѣздившимъ по Европѣ*, *Азіи*, *Америкѣ*, слѣдственно, уже не молодымъ, опытнымъ. Мы сказали-бы, что это произведеніе юноши, доказывающее дарованія, которыя могутъ развиться со временемъ. Теперь, съ головою, наполненною идеалами, съ душею пылкою, но не перегорѣвшею въ страстяхъ, не отдающею отчета въ своихъ впечатлѣніяхъ, этотъ юноша начитался новыхъ Французскихъ романовъ, особливо Евгенія Сю, который лучше нравится ему нежели Жаненъ, такъ, какъ Die Räuber *Донъ* и *Карлосъ* лучше понравятся ему, нежели Вильгельмъ Тель, или *Гецъ-фонъ Берлихин-*

Digitized by Google

генъ. Его воображенію хочется на Югъ, туда, къ Андалузіи, къ Везувію! Но онъ хочетъ выкупить дѣло свое трудомъ; перечитываетъ путешествія, описанія Испаніи, составляетъ объ ней односторонніе понятіе, и пишетъ нѣчто среднее между романомъ и путешествіемъ, потому, что это легче и живѣе пишется. Онъ набрасываетъ при томъ все это отрывками; наблюденія замѣняетъ картинами, чувство словами, громкими словами, и — вотъ *Эль Тровадоръ*, и почти все, что пишутъ юноши! Замѣчаніями нашими не долженъ оскорбляться Г-нъ Тонкачеевъ, если онъ самъ былъ *составителемъ* и *издателемъ* Эль Тровадора. Мы выводимъ здѣсь общее заключеніе, сознавая при томъ частно его прекрасныя дарованія. Ему робѣть не должно. И В. Гюго въ юности своей написалъ *Гана Исландскаго;* и Жаненъ самъ сознается, что его *Мертвый оселъ* было произведеніе юности, de cet âge où l'on est misanthrope, ne pouvant être autre chose.

Мы отнюдь не намѣрены осуждать *Эль Тровадора*: напротивъ, онъ нравится намъ въ надеждѣ на *будущіе труды* Автора. Намъ нравится въ немъ даже мѣлочь описаній, доказывающая, что Авторъ *старался узнать Испанію*; нравится самая педантическая изысканность, съ какою старается онъ выразить Русскими буквами правописаніе Испанское.

Кстати *о правописаніи*. Безпрерывно видимъ мы у насъ покушенія: преобразовать собственное наше Русское правописаніе, и особенно правописаніе

Digitized by Google

иностранныхъ собственныхъ именъ. Неужели это происходитъ отъ лѣности или неумѣнья мыслить, заставляющаго болѣе хлопотать о словахъ? Говорить объ этомъ много не хочется, и при томъ мы уже неоднократно объ этомъ говорили въ Телеграфѣ. Намъ кажется, что можно позволить себѣ нѣкоторыя улучшенія, писать, напримѣръ: *Донъ Кихотъ*, вмѣсто *Донъ Кишотъ*, *Лиръ*, вмѣсто *Леаръ*; но переработать всю Историческую, Миѳологическую и Географическую номенклатуру нашу, невозможно. Не льзя заставить Французовъ писать: Moskwa, Rossia, Pétre weliki, а насъ *Скотлендъ*, вмѣсто Шотландія, *Свенскій* языкъ, вмѣсто Шведскій языкъ, или *Хаафыхзъ*, вмѣсто *Гафицъ*.

Авторъ Эль Тровадора упорно пишетъ: *Лисбоа*, *Эскоріаль*, *Аранхуезъ*, *Андалусія*, *Малага*, *Сіэрра-Морэна*, *Гадалавіара*, *Каталунья*. Почему не началъ онъ исправленія съ самаго главнаго слова: *Espana?* — Этого мало: Автору вздумалось перенесши въ Русскій языкъ Испанскіе оборотные знаки, употребляемые въ началѣ рѣченій: ¿ ¡ — Это маленькая прихоть, шалость, въ родѣ писанья безъ *еровъ*, безъ буквы *э*, или писанья собственныхъ именъ съ прописною буквою, и проч. — Странно, что мысль о знакахъ оборотныхъ, въ одно время пришла въ Петербургѣ Сочинителю *Пестрыхъ Сказокъ*, а въ Москвѣ Издателю *Эль Тровадора!*

Мы увѣрены, что Г-нъ Тонкачеевъ самъ оставитъ со временемъ всѣ подобныя литтературныя прихоти. Посовѣтуемъ ему оставить еще *излишнее* щегольство новыми словами и странными

Digitized by Google

оборотами Русскими. Мы готовы благодарить писателей за отыскание старыхъ словъ, за новое употребление извѣстныхъ, и не подумаемъ назвать незнаніемъ языка, если употребляютъ какое-либо слово безъ справки съ Граммашикою, Г. Греча. Не граммашисты, запутанные въ своихъ спряженіяхъ и склоненіяхъ, обогащаютъ языкъ, но обогащаютъ его народъ и писатели. Всему однакожь есть мѣра, и пришомъ, при нововведеніяхъ надобна большая опышность и осторожность. Въ *Эль Тровадорѣ* мы находили слѣдующее: « насъ *обняла далеко врѣзывающаяся въ море* гавань, *предложила* вѣрную пристань, окруженную широкою, великолѣпною набережною, и народъ *встрѣтилъ* гармоническимъ *языкомъ* своего отечества.... *Бросало* въ носъ острымъ зловоніемъ постнаго масла.... Видѣнное мною существо вскочило на *притропный* ушесъ.... Мчался на измученной лошади, совершенно *взмылившейся*.... На лѣво *исполинились* горы.... Зеленые *штаны оканчивались* обнаженными *колѣнками*... Я вышелъ прямо къ *толпищу*.... Поймалъ ея ручку, и *побивъ* объ свою сказалъ... Все *умерло для движенія*, и ш. д. — Все это кажется намъ несвойственно Русскому языку, и — должно-ли доказывать справедливость сего нашего мнѣнія? Пусть Авторъ, или *Издатель*, самъ прочитаетъ замѣченныя нами слова, и подумаетъ.

—*Общій составъ торговли*, или теоритическо-практическое руководство къ познанію Торговыхъ наукъ. Соч. Ивана Дешенгофа. Пер. съ Нѣм. Б. Ю. Корфъ.

Digitized by Google

СПб. 1833 г. Въ т. III-го Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, въ мал. 8. 345 стран.

Неоднократно случалось уже намъ въ Телеграфѣ отдавать справедливость благонамѣренному усердію Г-на Коммисіонера Харьковскаго и Гельзингфорсскаго Университетовъ, С. Петербургскаго книгопродавца Брифа. Производя торговлю Русскими и иностранными книгами, онъ не жалѣетъ издержекъ на переводы замѣчательныхъ сочиненій съ Русскаго языка на Французскій и Нѣмецкій, и обратно, переводы съ сихъ языковъ на Русскій языкъ. Русскимъ переводомъ полезной книги Г-на Дешенгофа, мы обязаны Г-ну Брифу.

Книга рѣшительно полезная, и весьма хорошо приноровленная къ предмету ея: первоначальному обученію молодыхъ купцовъ шехникѣ Торговли.

Эту *технику* Торговли надобно отдѣлять отъ *Коммерческой Географіи*, и прочаго, что входитъ въ кругъ познаній купеческихъ. Техника Торговли составляетъ собою отдѣльное, цѣлое знаніе. Свѣдѣнія о монетной системѣ, разныхъ установленіяхъ и обрядахъ купеческихъ, документахъ, актахъ, родахъ торговли, веденіи купеческихъ книгъ — вотъ множество предметовъ, кромѣ *Товаровѣдѣнія* (Waarenkunde) и *Коммерческой Географіи*, необходимыхъ для купца, и это-то называютъ собственно *наукою торговли*, или *теоріею торговли*.

Г-нъ Дешенгофъ уже 14-ть лѣтъ занимается преподаваніемъ Коммерческихъ знаній въ СПбургскомъ Коммерческомъ Училищѣ. Послѣ сего можно было надѣяться отъ него книги основательной. Онъ ис-

Digitized by Google

полнилъ свое дѣло весьма хорошо, воспользовавшись собственною опытностью и извѣстными иностранными сочиненіями по сему предмету. Изложеніе его слишкомъ кратко въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и отъ того иногда темно. Авторъ, вѣроятно, входитъ въ бо́льшія подробности при личномъ преподаваніи; но кто вздумаетъ самъ учиться по книгѣ его, тотъ ощутитъ сей недостатокъ, кажется, единственный въ трудѣ Г-на Дешенгофа. Мы думаемъ, напримѣръ, что *Бухгалтеріи* должно-бы и можно-бы посвятить *еще нѣсколько страничекъ*, и изъяснить при томъ сущность ея. Можно-бы еще упомянуть о конторской формографіи и коммерческой корреспонденціи. — Замѣтимъ, что Г-нъ Переводчикъ передалъ книгу Г-на Дешенгофа на Русскій языкъ весьма хорошо, умножилъ нѣкоторыми прибавленіями прошивъ подлинника, и сшатьями, которыя почелъ онъ полезными для Русскихъ купцовъ.

— *Баснописецъ переводчикъ*, или сшихотворнымъ слогомъ переводъ избранныхъ басенъ, сказокъ, повѣстей, совѣтовъ и полезныхъ анекдотовъ, съ иностранныхъ діалектовъ на Славяно-Русскій. Написалъ Але—й Н—р—ц—в. — М. 1833 г. Въ т. А. Семена, in-8, 245 стр.

Почтенному Автору, или *Переводчику*, хотѣлось обратить *Басню* къ строгому значенію Восточнаго *Аполога*, Греческаго *Миѳа*, Лашинской *Фабулы*. Опытный Классикъ по ученію своему, онъ хотѣлъ возвратить Баснѣ ея древнее поучительное, или *дидактическое* значеніе. Для сего избралъ онъ и

Digitized by Google

при изложеніи Басенъ *Славяно-Русскіе* стихи, болѣе забошился объ *истинѣ* и *пользѣ*, нежели объ *изящномъ выраженіи*. Книга Басенъ его состоитъ изъ четырехъ отдѣленій. Въ *первомъ* помѣщены Басни, приписываемыя Локману; во *второмъ* Басни Езопа, или Планудія; въ *третьемъ* Геллерта; въ *четвертомъ* разныя Восточныя сказанія, изъ книги: Pend-Nameh, изд. на Французскомъ языкѣ С. Де-Саси. Примѣчанія, гдѣ находимъ выписки на Греческомъ, Латинскомъ, Голландскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ, Французскомъ языкахъ, показываютъ обширную ученость почтеннаго Переводчика Басенъ.

Но вѣрна-ли *цѣль* почтеннаго Переводчика? Сомнѣваемся. Съ вѣкомъ нельзя спорить, и прошедшаго воротить невозможно. Басня навсегда потеряла свое *дидактическое* значеніе. Она не что иное теперь, какъ только особенная форма поэтическаго выраженія. Неужели вы думаете, что Лафонтенъ былъ славенъ потому, что писалъ именно нравоучительныя *Басни*, и Крыловъ потому, что хотѣлъ *поучать* насъ въ Басняхъ? Совсѣмъ нѣтъ! — Объ этомъ надѣемся мы поговорить со временемъ, предложивъ читателямъ Телеграфа взглядъ на лучшихъ Баснописцевъ Русскихъ: Хемницера, Дмитріева, Крылова. Но цѣль благонамѣренная, если она и неудачно поставлена, всегда должна заслуживать благодарность нашу. Посему, не соглашаясь въ основаніи и подробностяхъ труда съ почтеннымъ Г-мъ Н—р—ц—в, мы готовы согласиться въ добромъ намѣреніи, съ какимъ трудъ сей былъ имъ предпринятъ; готовы и благодарить его за то.

Digitized by Google

—*Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ*, изданн. Михаиломъ Максимовичемъ. М. 1833 г. Въ т. Университетской, in-12 VIII и 96 стр. съ рисункомъ (*).

Вощъ книга, изданная для чтенія *простолюдиновъ* или *мужиковъ*, говоря просто — предмета, совершенно забытаго донынѣ въ нашей Литтературѣ. Но онъ забытъ не даромъ: писать такъ, чтобы *грамотному мужику*, или *простолюдину*, было понятно, пріятно и поучительно читать насъ — это чрезвычайно тяжкій трудъ! Надобно передѣлать свои понятія, свой языкъ, отложить все щегославіе; словомъ: одѣться въ простой кафтанъ мужицкій, чтобы читатели ваши не узнали въ васъ *барина*, не подумали, что вы разсказываете имъ изъ хвастовства, или нѣчто такое, чего понять не льзя; надобно *сжиться* съ мужиками, осторожно истреблять ихъ предразсудки, осторожно открывать имъ истины. Все это такъ тяжело, что во всѣхъ Европейскихъ Литтературахъ не найдемъ десятка книгъ, совершенно соотвѣтствующихъ сей цѣли. Много-ли книжекъ поставите рядомъ съ Франклиновою *Наукою добраго Ричарда*, которую можно почесть образцовою?

Не смотря на всѣ трудности, Г-нъ Максимовичъ довольно удачно исполнилъ свое предпріятіе: сказать нашимъ мужичкамъ *главнѣйшія истины Астрономіи и Математической Географіи*, переодѣвшись для сего простолюдиномъ Наумомъ. Намъ кажется однакожь, что все таки многое будетъ имъ

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, по 1 р. 20 коп. за экземпляръ.

Digitized by Google

непоняшно въ *Книгѣ Наума*, и что ошъ многаго, слишкомъ ученаго, можно-бъ было ихъ уволить. Впрочемъ, Г-нъ Максимовичъ выбралъ и предметъ слишкомъ трудный. Можно надѣяться, что далѣе пойдешъ онъ съ большею удачею и вѣрнѣе. Онъ намѣренъ издашь: краткую *Физику*, *Ботанику*, *Географію*, *Исторію*, *Технологію*, для просвѣщенныхъ людей. Дѣло похвальное и начало удачно. Давай Богъ продолженія!

— Всеобщая Исторія. *Гимназическій курсъ*. Соч. Эрлангенскаго Профессора Бешшигера. Пер. съ Нѣмецкаго. М. 1832 г. Въ пп. Унив. in-8, 417 стр.

Мы не причисляемъ книги Г-на Бешшигера къ ничтожнымъ учебнымъ книжкамъ, которыя то и дѣло являются въ Русскихъ переводахъ. Признаемся однакожь: не понимаемъ и того, почему ее именно избралъ Г-нъ Профессоръ Исторіи М. П. Погодинъ, далъ перевести своимъ ученикамъ, издалъ, и говоришъ, что книгу Бешшигера *достаточно выучить каждому желающему вступить въ Московскій Университетъ!* Мы имѣемъ столь высокое понятіе о преподаваніи Исторіи въ Московскомъ Университетѣ, что книга Бешшигера кажется намъ для сего предмета весьма недостаточною. Она сбивчива, и ничѣмъ не лучше какой нибудь Исторіи Шрекка и Г-на Кайданова (о которой нѣкогда столь сильно и справедливо писалъ Г-нъ Погодинъ). Кромѣ того, что она писана *для Нѣмцевъ*, въ ней вовсе нѣтъ системы; смѣшанно, и до темноты кратко передаются событія, безъ всякаго философскаго опредѣленія каждой эпохи, каждаго вѣка. Притомъ

Digitized by Google

безпрерывно повторяются давно брошенныя повѣрья и сказки. Скажемъ еще, что книга эта *очень плохо переведена*, напечатана съ ошибками, лишена синхронистическихъ и хронологическихъ таблицъ. Нѣтъ при ней и предваритѣльнаго понятія о томъ, что такое Исторія. Не знаемъ еще, Переводчики или Издатель, вздумали *прибавлять* къ ней отъ себя, и этими прибавками они рѣшительно могутъ сбить съ толку. Скажемъ, для примѣра: въ текстѣ (стр. 181), *Венгры* названы народомъ Финскаго происхожденія; въ *примѣчаніи* приписано: «*Турецкаго*, что доказывается ихъ языкомъ.» Какъ? *Маджарскій* языкъ доказываетъ, что Маджары, или Венгры, суть *Турки?* Не постигаемъ!—Говоря объ успѣхахъ Театровъ въ новѣйшія времена, Русскій Передѣлыватель указываетъ (думаемъ, что Передѣлыватель, ибо Бешшигеръ не могъ написать этого) —указываетъ на *Щепкина* (стр. 398)! Соглашаемся что М. С. Щепкинъ актеръ весьма хорошій; но довольно странно имя его вносить въ *учебную Всеобщую Исторію*. Такъ среди 15-ти именъ, коими означена Русская Литтература съ половины XVII вѣка, находимъ — *Симеона Полоцкаго*, *Стефана Яворскаго*, *Ѳеофана Прокоповича*, *Крашенинникова* и *Лепехина!* Словомъ: мы удивляемся, что при изобиліи на Русскомъ языкѣ книгъ въ родѣ Бешшигеровой учебной книги, ее переводятъ на Русскій языкъ, переводятъ плохо, и называютъ *Гимназическимъ курсомъ* (см. заглавіе), достаточнымъ для того, чтобы *съ успѣхомъ* слушать Университетскія лекціи (см. предисловіе)!

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.* — Мильтонъ, въ IV-й Книгѣ своего *Потеряннаго Рая*, описываетъ страшное намѣреніе Сатаны: погубить родъ человѣческій. Врагъ людей принимаетъ для этого самые разнообразные виды, и стараясь обольстить и устрашить Адама и Евву, является къ нимъ огромною ящерицею. Но его узрѣлъ взоръ охранителя Рая, Ангела Ишуріила. «Ишуріилъ прикасается къ нему копьемъ своимъ, ибо никакая ложь, никакое ухищреніе не могутъ противиться всемогуществу сего небеснаго острія, и принимаютъ свою первобытную форму. Обнаруженный Сатана возстаетъ въ гнѣвѣ и неистовствѣ.»

Такова мысль, которую хотѣлъ выразить Фюзели въ картинѣ своей. Очеркъ ея приложенъ къ сей книжкѣ Телеграфа. Только въ фигурѣ Сатаны замѣтенъ недостатокъ, часто встрѣчаемый въ произведеніяхъ Фюзели: желаніе придать излишнюю выразительность представляемому лицу. Сама картина отличается тщательною отдѣлкою. Она принадлежитъ къ коллекціи 47-ми картинъ, для коихъ предметы извлекъ Фюзели изъ Мильтоновой Поэмы. Вмѣстѣ съ двумя

Digitized by Google

другими (*Встрѣча Адама и Еввы*, и *Предвѣдѣніе о Потопѣ*) она была куплена Анджерстиномъ. Когда коллекція сего любителя была пріобрѣтена Англійскимъ Правительствомъ для Народной Галлереи, сіи три каршины остались въ фамиліи Анджерстиновъ. Англичане, у которыхъ есшь велнколѣпныя изданія всѣхъ великихъ народныхъ поэшовъ, воспользовались и описываемою здѣсь каршиною для изданія Поэмы Мильшона: она была выгравирована, въ маломъ видѣ, Анкеромъ Смишомъ, и вмѣстѣ съ многими другими гравюрами, приложена къ Дюровереєву изданію *Потерянаго Рая*.

Нѣчто объ Авраміи Палицынѣ.

Когда по освобожденіи Москвы ошъ непріятелей въ 1812 году, къ Мишрополишу Плашону отправленъ былъ ошъ Генерала Иловайскаго съ извѣсшіемъ офицеръ, изъ фамиліи Палицыныхъ, шогда обрадованный Іерархъ спрашивалъ у него: Не знаешъли онъ, гдѣ погребенъ знаменишый предокъ его Аврамій Палицынъ? » Но пошомокъ его не могъ удовлешворишь желанію Архипасшыря, коюрый долго и шщешно искалъ въ Троицкой Лаврѣ священныхъ для всякаго Рускаго осшанковъ сошрудника Сухорукаго, Пожарскаго и Діонисія, въ великомъ дѣлѣ спасенія ошчизны.

Теперь ошкрываюшся слѣды къ ошысканію могилы Келаря Палицына, не въ Москвѣ, и не въ Троицкой Лаврѣ, но вдали ошъ мѣсша подвиговъ его.

Digitized by Google

Архимандритъ Соловецкаго монастыря Досиѳей, издающій въ Москвѣ *Лѣтописецъ* онаго, замѣчаетъ, что въ Архивную опись монастырскихъ дѣлъ 1733 г., внесена «грамата Царя Михаила Ѳеодоровича къ «Игумену Макарію, о погребеніи присланнаго стар- «ца Аврамія Палицына на его обѣщаніе въ мона- «стырь, 1627 г.» Въ собственной-же Псалтири Палицына, сохранившейся въ монастырской библіо- текѣ, написано слѣдующее: «Псалтирь старца «Авраамія Палицына, пожившаго здѣ въ обители «на Соловкахъ, на своемъ обѣщаніи, идѣ-же по- «стриженъ, по прудѣхъ на покоѣ лѣтъ седмь, «преставился о Господѣ лѣта 7135.» На рукопис- номъ *Житіи Преподобнаго Сергія* замѣчено: «Авра- «амій Палицынъ преставился 7135, Сентября 13, «въ Соловкахъ.»

Надѣемся, что сіи слѣды откроютъ и могилу великаго мужа, достойную памяти и благоговѣйнаго поклоненія. Изъ *Соловецкой книги вкладчиковъ* видно, что семь лѣтъ прожилъ онъ въ Соловецкомъ мона- стырѣ, съ нѣкоторыми старцами Троицкой Лавры, которые туда были присланы. На поминовеніе Па- лицына, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ прислалъ 50 р.: оно долго совершалось въ день его кончины. Судя потому, что и Архимандритъ Діонисій, его со- трудникъ, жестоко пострадалъ, и Князь Пожар- скій по мѣстничеству отданъ былъ головою Са- лтыкову, можемъ предполагать, что опала удалила Палицына на Соловецкій островъ, и невольно по- вторимъ съ Цицерономъ: «Спаситель отечества

Digitized by Google

« изгоняется, а измѣнники и предатели живутъ « спокойно. »

И. Вороновъ (*).

С. Петербургъ.

(*) Принося благодарность почтенному Г-ну Воронову за его драгоцѣнное извѣстіе, не можемъ скрыть радости нашей, что наконецъ, въ наше время, послѣ *сто-шесты лѣтняго* забвенія, открывается священный памятникъ Отечества — *могила Аврамія Палицына.* — Съ тѣмъ вмѣстѣ усердно просимъ, не только любителей Древностей, но и всякаго истинно-Рускаго, имѣющаго случай и удобство: произвести окончательныя изслѣдованія на мѣстѣ. Каждый изъ Рускихъ долженъ быть признателенъ О. Архимандриту Досиѳею за его открытіе. И какъ не подивиться тому, что все это было подъ руками, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ежегодно бываютъ тысячи посѣтителей, и донынѣ оставалось неизвѣстнымъ? Что̀, если такимъ-же легкимъ покровомъ забвенія скрыты отъ насъ другія драгоцѣнныя могилы — *Мстислава Удалаго, Князя Пожарскаго?* Какъ не поревновать никому къ усиленнымъ изысканіямъ!—*Изд. Тел.*

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Comme demi-toilette, nous ne pouvons assez appuyer sur l'élégance et l'excessive faveur des capotes de crêpe doublées, avec ou sans voile de blonde.

On peut rendre tout-à-fait ces capotes d'un *négligé recherché* en y plaçant un demi-voile de tulle blanc ou noir, bordé d'une blonde très-basse.

La mode des ruches autour des passes se soutient.

Nous avons remarqué un de ces derniers soirs une jolie toilette de spectacle dans laquelle se trouvait un chapeau ainsi disposé : en crêpe gris doublé, bordé autour d'une ruche de tulle noir, des brides de tulle noir en double ruche ; sur la forme était posée une coquille en blonde noire qui formait *le chou*. Tout cet ensemble était parfaitement doux, surtout seyant fort bien au visage blanc et blond qu'il accompagnait.

Des capotes en tulle doublé de crêpe ; le dessus en tulle noir est brodé en soie plate noire, la doublure intérieure de la passe est en crêpe rose pâle, et un bouquet de pois de senteur.

C'est aux robes d'étoffe d'automne que les blondes ou les dentelles noires sont jolies comme hautes garnitures.

(*) Въ Парижѣ до 5 Сентября (н. ст.) 1833 г.

Digitized by Google

Парижскія моды.

Le satin du Levant, dont nous avons parlé dans un de nos derniers numéros, a pris une vogue de célébrité. Les rubans de satin à fleurs vont admirablement avec cette étoffe d'une luxueuse élégance, et qui convient si bien au précédent des froids d'hiver.

Les femmes portent à cheval, à la campagne, des chapeaux de paille anglaise, bordés ou non d'un velours noir et serrés à la tête par un large velours qui noue sur le côté en rosette. Avec cela, un voile de gaze verte ou de dentelle noire.

Не льзя описать въ какомъ чрезвычайномъ употребленіи, и какъ красивы креповые шляпки-капоты, съ подкладкой и блондовымъ вуалемъ или безъ вуаля.

Эти капоты съ бѣлымъ или чернымъ вуалемъ, обшитымъ узенькою блондою, составляютъ изысканный полунарядъ.

Мода: обшивать поля шляпъ рюшемъ, все еще поддерживается.

Мы замѣтили на дняхъ (говоритъ Издатель Парижскаго Журнала), красивый нарядъ для спектакля. Особенно хороша была шляпа: изъ крепа сѣраго цвѣта, съ подкладкой, кругомъ обшитая рюшемъ изъ чернаго тюля; къ ней завязки черныя тюлевыя, съ двойнымъ рюшемъ; на тульѣ была сдѣлана раковина изъ черной блонды и замѣняла бантъ. Все это было чрезвычайно нѣжно, и осо-

Digitized by Google

бенно шло къ бѣлой лицомъ блондинкѣ, на которой замѣтили описанную здѣсь шляпу.

У капотовъ изъ тюля, подшитыхъ крепомъ, верхъ дѣлается изъ чернаго тюля, вышитаго чернымъ несученымъ шелкомъ; подкладка внутри шульи изъ крепа блѣдно-розоваго цвѣта; букетъ душистаго горошка.

Черная блонда, или черныя кружева, особенно красивы для уборки осеннихъ шелковыхъ плашьевъ.

Левантскій атласъ сдѣлался особенно славенъ въ модномъ свѣтѣ. Ашласныя ленты съ цвѣточками, удивительно какъ приличны къ этой роскошно-нарядной ткани, и къ осеннему времени.

Женщины носятъ, для верховой ѣзды въ деревнѣ, шляпы изъ Англійской соломы; края шляпъ иногда обшиваются чернымъ бархатомъ; вокругъ шульи обвиваютъ черную-же бархатную ленту, которую на боку завязываютъ розеткой. Къ этому надѣваютъ зеленый газовый вуаль или черный кружевный.

Digitized by Google

На приложенныхъ картинкахъ:

Дама. Плашья изъ органди, вышитыя Шотландскими шишками. Шарфъ изъ шелковой кисеи. Манишлья открытая, и въ складкахъ.

Мужчина. Панталоны Венеціянскіе съ нашивками.— Прическа à la Perrinet. — Палка тросшниковая. — Сюртукъ изъ сукна-казимиру, шалью.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Сентября 21 дня, 1833 года.

Цензоръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Профессоръ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

51-й ЧАСТИ.

Древнѣйшая Великокняжеская гробница въ Кремлѣ Московскомъ..... 3.
О промышленности въ Россіи. Соч. Барона А. К. Мейендорфа..... 181.
Объ участіи женщинъ нашего времени въ просвѣщеніи. Сочиненіе Сальванди..... 345 и 497.
Біографія А. А. Волкова..... 517.

Литтературныя признанія Ю. Жанена... 34 и 197.
Первое дѣйствіе изъ Шекспировой трагедіи: *Макбетъ*. Переводъ Г-на Вронченко..... 364.
Живописецъ. Быль..... 74, 239, 396 и 534.

Критика.

Жизнь Наполеона Бонапарте. Соч. В. Скотта. СПб. 1831 и 1832 гг. 14 тт..... 132.
Системa Россійской Словесности, составленная Профессоромъ Иваномъ Давыдовымъ. М. 1832. 294.
Отвѣтъ на Критику, помѣщенную въ Моск. Телеграфѣ 1833 г., въ № 8-мъ. Соч. П. А. Катенина..... 449.
О направленіяхъ и партіяхъ въ Литтературѣ. Отвѣтъ Г-ну Катенину..... 594.

Digitized by Google

II

Русская Литература..... 152, 317, 460 и 612.

Письмо къ Издателю Сѣверной Пчелы..... 478.

Смѣсь..... 170, 338, 487 и 631.
Парижскія моды.

При сей части Телеграфа находятся: четыре очерка картинъ Альбрехта Дюрера, Пуссена, Бонбори и Фюзели, снимокъ съ почерка Тушинскаго Самозванца, и шесть картинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ.

Digitized by Google